

**САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК**

Научные труды и публикации

Выпуск 5

Под редакцией проф. *В. Н. Данилова*

Саратов 2010

УДК 908 (470ю44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43
С20

Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации / Под ред. проф. В. Н. Данилова. – Саратов, 2010. Вып 5. – С.

В сборнике содержатся исследовательские статьи и сообщения по широкому спектру вопросов истории местного края. В нем также помещены документальные находки и интересные архивные документы.

Для научных работников, студентов, учителей школ, гимназий, и лицеев, всех интересующихся историей родного края

Рецензент

Доктор исторических наук, профессор

Редакционная коллегия

*М. В. Булычев, А. А. Гуменюк,
В. Н. Данилов (отв. редактор), В. Н. Малов*

УДК 908 (470ю44)(082)
ББК 26.89(235.54)я43

ISBN

© Саратовский государственный университет, 2010
© Саратовское областное отделение Российского общества историков-архивистов, 2010

В. В. Кузнецов

УЧАСТИЕ ВОЛЖКОГО УЕЗДНОГО КУПЕЧЕСТВА В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПРОЛОВИНЕ XIX В.

Общественная жизнь купечества сосредотачивалась вокруг городского и сословного самоуправления. Участие купцов в работе административных и хозяйственных учреждений являлось важной формой их социальной активности.

Законодательный фундамент самоуправления был определен такими государственными актами, как «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г. и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г.¹ Основную роль в созданных законодательством городских и шестигласных думах играли представители гильдейского купечества. Однако вся полнота власти оставалась у местных чиновников, назначаемых государством. Хозяйственная деятельность органов самоуправления была стеснена узкими рамками и крайне незначительными финансами², что и было одной из причин роста благотворительности в XIX в. В эпоху Николая I сколько-нибудь заметных изменений в законодательстве не произошло, и радикальные изменения последовали лишь в 60-х гг. XIX в. Часто общественная служба в органах городского самоуправления для относительно малочисленного и небогатого купечества волжских уездных городов была достаточно обременительной, что заставляло их привлекать на работы второго плана мещанство.

Е. Ф. Колоколов, анализируя купеческое законодательство, отмечал, что «в городах малонаселенных, где купечества недостаточно» можно «избирать на службу и купеческих детей и братьев, не моложе 25-ти лет от роду, если они не имеют при том недвижимую собственность ... И избирать во все городские

¹ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. М., 1987. С. 67–138, 167–170, 233–236.

² См.: *Дитятин И.* Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877. С. 115–121.

должности и мещан ...»³. Имущественный же ценз Городового положения 1785 г. позволял занимать высшие должностные посты лишь лицам с капиталом не менее пяти тысяч рублей ассигнациями, т.е. купцам не ниже второй гильдии. Но при отсутствии купеческой элиты и при точном соблюдении законодательства, местным купцам пришлось бы оставить свои торговые дела и постоянно заниматься исполнением «почетных обязанностей». Однако даже при таком положении дел, часть должностей оставалась бы незанятой. Именно поэтому купечество уездных городов было вынуждено обращаться в Министерство юстиции с просьбами «о дозволении избирать в городские службы не одних купцов, но и мещан капиталистских, занимающихся торговлей ... по малочисленности общества и по примеру других губерний»⁴. Прежде чем принять решение о разрешении занимать «городские должности», управляющий МВД, как правило, выяснял настоящее положение дел у губернатора. Согласно архивным документам, в октябре 1826 г., в ответ на прошение вольских купцов, «Сенат ... определил, мещан к занятию должностей ратманов городского магистрата и судей словесного суда и др., в которых они могут быть удостоены купечеством, исключая ... звание городского главы, допустить не моложе 25 лет»⁵. Например, в 1784 г. в Вольский городской магистрат, были избраны «ратманами Потап Осипов и Д. Т. Коромыслов – из мещан»⁶, в 1795 г. «Алексей Невитов и Григорий Шипилин – из мещан»⁷. Всего за период с 1784 г. по 1864 г. в должности ратмана г. Вольска побывало шесть человек из мещан⁸. Свое разрешение избирать «в городские службы ... мещан» управляющий МВД Василий Сергеевич Ланской объяснял тем, что «... отдельные мещане торгуют на сумму более 1000 рублей. Малое число купцов всегда обременяется выборами в городские службы, по коим избирается каждое трехлетие более 12 человек. От того ущерб казне, из-за уменьшения капиталов. Мещане, платящие в казну подушную подать (за торговые книги), платят ее в таком же размере, как и купцы 3 гильдии. Вольское общество состоит из 51 капитала всех трех гильдий, торгующих мещан – 31 человек, поэтому они могут занимать должности ратманов городского магистрата, судей словесного суда»⁹.

С другой стороны, городская служба не являлась обязанностью для дворян. Купечество же постепенно, вместе с избавлением от телесных наказаний¹⁰, «заражалось» и дворянскими амбициями. Кроме того, с 1807 г. дворянство приобщилось к двум первым купеческим гильдиям, что, тем самым, подняло уровень социальной значимости этих категорий населения. Поэтому, с 1824 г., со времени принятия нового постановления о гильдиях, используется правило, со-

³ Колоколов Е. Ф. Указатель законов Российской империи для купечества. М., 1847. С. 67.

⁴ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 335, л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ НА ВКМ. № 945. Книга документов первых лет города.

⁷ См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1416.

⁸ См.: Там же.

⁹ РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 335, л. 3.

¹⁰ См., например: Там же. Ф. 1342, оп. 39, д. 3001, л. 36.

гласно которому купцы первой и второй гильдий, «будучи избранными, в члены шестигласной думы, могут от этого звания отказаться без объяснения мотивов отказа, очевидно только в силу звания или достоинства»¹¹. Кроме того, для купцов, привыкших к реальному и конкретному делу, служба в городских органах управления являлась не совсем привлекательной. Поэтому несение общественной службы купцами нередко рассматривалось как обременительное и отрывающее от настоящего дела, занятие.

Однако следует отметить, что если и были случаи отказа от службы в городском магистрате, то это было скорее исключение, нежели правило, в частности, для волжских уездных городов Саратовской губернии. Верхний слой купечества занимал руководящее положение в управлении городской общиной, в городском магистрате. Все видные должности городских голов, бургомистров и, в меньшей степени, ратманов в купеческом самоуправлении принадлежали известным купцам¹². В их руках находился суд по гражданским делам посадского населения. Городские низы – мещане, ремесленники, купцы третьей статьи – находились в полной зависимости и подчинении от первостатейных¹³. Для молодых, неименитых купеческих семей, выходцев либо из мещан, либо из государственных крестьян, служба была еще одной возможностью упрочить свое новое социальное положение. В данной ситуации общественная служба, наряду с благотворительностью, являлась необходимым дополнением к купеческому капиталу. А это, в свою очередь, давало купцу возможность чувствовать себя более уверенно в городском обществе. Выборным лицам на время пребывания в должности, предоставлялся ряд льгот, а именно, кроме освобождения от телесных наказаний и постоянных повинностей, городской голова, бургомистр и ратманы, а также заседатели судов имели право носить мундиры тех ведомств, по линии которых они служили. Этими ведомствами являлись – Министерство внутренних дел и Министерство юстиции¹⁴. Занимавшие городские должности, приравнивались к государственным служащим VIII класса – городской голова и заседатели совестных судов и XII класса – гласные, бургомистры, ратманы¹⁵.

К сожалению, сохранность архивных материалов не позволяет восстановить занятость купечества в органах самоуправления всех малых городов. Более полно отложился документальный материал в Вольском филиале ГАСО, где сохранились списки избранных на должности, ряд других документов по выборам. В связи с образованием Вольска, в 1781 г. в городе состоялись первые вы-

¹¹ Дитятин И. И. Устройство и управление городов в России. Т. 2. Городовое самоуправление до 1870 г. Ярославль, 1877. С. 159.

¹² См., например: Саратовский сборник. Саратов, 1881. Вып. 1. С. 52; НА ВКМ. № 945. Книга документов первых лет города; ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1416; ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 2038.

¹³ Яковцевский В. Н. Купеческий капитал в феодально-крепостнической России. М., 1963. С. 127.

¹⁴ См.: Банникова Е. В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. Дис. к. и. н. Оренбург, 1999. С. 132.

¹⁵ См.: Кусова И. Г. Рязанское купечество: Очерки истории XVI – начала XX в. Рязань, 1996. С. 6.

боры в органы местного самоуправления. Первым городским головой был избран купец И. В. Расторгуев. В городской магистрат избраны: одним из бургомистров И. А. Злобин, одним из ратманов В. А. Злобин¹⁶. В 1784 г. состоялись вторые выборы в местные органы власти. На этот раз, городским головой был избран крупнейший уже тогда предприниматель города Василий Алексеевич Злобин¹⁷. В городской магистрат избраны: бургомистрами – брат городского головы – И. А. Злобин и Т. А. Расторгуев – из купцов, ратманами: С. И. Расторгуев и П. С. Сапожников – из купеческого сословия, П. Осипов и Д. Т. Коромыслов – из мещан¹⁸. Впоследствии, В. А. Злобин избирался и на второй срок. Вся исполнительная власть находилась в руках городского головы. В его распоряжении находилась, так называемая, «штатская команда», которая использовалась и для караульной службы¹⁹.

Вольская городская дума в конце XVIII – начале XIX в. функционировала в следующих составах. В 1799–1801 гг. городским головой являлся Петр Волковойнов, гласными – Александр Матросов, Матвей Мясников, Данила Коромыслов, Василий Иванов, Степан Сечин, Никифор Чабротников²⁰. В 1802–1804 гг. городскую думу возглавлял тот же городской голова, а гласными являлись купцы Семен Иванов Расторгуев (26 лет), Петр Матросов (66 лет), Андрей Новоженев, Степан Медников, мещане Степан Федоров, Григорий Суслин, Евдоким Павлов, Дмитрий Головин, Емельян Кашеваров. Старостами были купец Ларион Щипков, мещане Степан Федоров и Самойлов. В словесные судьи были избраны купец Федор Попов и мещанин Яков Коромыслов. Квартирмейстером стал Ларион Опренов, смотрителями дорог – Козьма Романов, Алексей Чихвостин²¹. В 1805–1807 гг. в состав городской думы вошли городской глава Иван Расторгуев, гласные Матвей Мясников, Петр Шапошников, Афанасий Разумов, Василий Иванов, Иван Грязин, Корней Улыбин²². В 1808–1810 гг. городским головой вновь стал Петр Волковойнов, а гласными были избраны Семен Расторгуев, Федор Попов, Константин Мигунов, Осип Абрамов, Дмитрий Шляхтин, Абрам Носов²³.

В Государственном архиве Саратовской области, в материалах, отложившихся в результате деятельности Саратовской ученой архивной комиссии, хранится список лиц, занимавших должности голов, бургомистров и ратманов Вольска с 1784 г. по 1864 г.²⁴. Сопоставив этот список с вышеприведенными

¹⁶ Саратовский сборник. Саратов, 1881. Вып. 1. С. 52.

¹⁷ См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1416.

¹⁸ См.: НА ВКМ. № 945. Книга документов первых лет города; ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1416.

¹⁹ См.: *Невская Л. Б.* Деятельность органов местного самоуправления Вольска в конце XVIII–XIX вв. // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 368.

²⁰ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 108, л. 10–11.

²¹ Там же. ЛЛ. 14, 17.

²² ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 104, л. 1, 2.

²³ Там же. Л. 26.

²⁴ См.: ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1416. (Подсчеты мои – В. К.)

данными, можно определить роль тех или иных купеческих родов в городском самоуправлении, их рейтинг на выборах.

Наиболее заметно представлена в органах вольского городского самоуправления купеческая фамилия Расторгуевых. С 1781 г. по 1855 г. эта фамилия встречается 23 раза, чаще, чем любая другая. Неоднократно представители этого рода избирались городскими головами. Как уже отмечалось, первым городским головой только что провозглашенного Вольска, стал Иван Васильевич Расторгуев. С 1803 г. по 1806 г. городское самоуправление возглавлял Иван Андреевич Расторгуев (избран в возрасте 60 лет). С 1809 г. по 1812 г. головой был Семен Иванович Расторгуев. В 1809 г. ему было 50 лет. По-видимому, это он в 1784 г. избирался ратманом (в возрасте 25 лет), а в 1790 г. – бургомистром (31 год). Одновременно с ним в органы самоуправления был избран еще один Семен Иванович Расторгуев, более молодой. В 1799 г. он, в возрасте 25 лет стал ратманом, а в 1806 г. – бургомистром (31 год). В 1818 г. должность городского головы занял Лев Иванович Расторгуев (45 лет), а в 1833 г. – Гавриил Семенович (44 лет). В 50-х гг. XIX в. Расторгуевы встречаются уже лишь среди ратманов. Возможно, постепенно влияние этого рода на фоне новых миллионеров меркнет.

На протяжении всего рассматриваемого периода заметно представительство Волковойиных. В 1787 г. Петр Волковойинов избран ратманом. Тогда ему было всего 25 лет. На следующее трехлетие (с 1790 г.) – он уже бургомистр. На очередных (1793 г.) выборах он избран головой. Из 87 голосов за молодого купца (33 года) было отдано 85. С большим перевесом в голосах (95 – «за» и только восемь – «против») он же побеждает на выборах 1799 г. Он еще дважды (с неизменно высоким рейтингом) будет избираться городским головой – в 1806 г. и 1815 г. Наконец, он будет баллотироваться в головы в 1821 г., в возрасте 61 года и проиграет Льву Расторгуеву. Избрание было шумное, беспорядочное, повлекшее за собой длительную переписку. Поскольку победивший на выборах крупный предприниматель находился за пределами города в длительной отлучке, то на должность головы был назначен П. Волковойинов, невзирая на то, что из 17 голосов за него на этот раз было подано лишь шесть.

Рекордсменом же по избранию на должность головы станет не Петр Михайлович Волковойинов, а Андрей Александрович Брюханов, который уже в зрелом возрасте, в 38 лет (1824 г.) стал ратманом, а в 50 лет (в 1837 г.) – городским головой. Возможно, это было связано с тем, что с этого времени и правительство и губернская администрация, вместе с епископатом повели наступление на староверов, и их позиции в городском самоуправлении, неизбежно, должны были пошатнуться. Брюханов же был одним из немногих вольских богачей, кто придерживался православия. Поэтому четыре срока подряд (до выборов 1848 г.) Андрей Александрович возглавлял думу. Затем еще дважды – в 1851 г. и 1855 г. он будет переизбран, причем, на последних выборах ему будет уже 65 лет. Рейтинг его среди избирателей, начиная со второго срока, всегда был высокий (в 1839 г. из 167 голосов, за него было отдано 158, а в 1851 г. из 155, «за» – 146). Но все же наивысший рейтинг оставался у В. А. Злобина, ко-

торый, как уже отмечалось, дважды возглавлял думу. Первый раз за него проголосовали единогласно, во второй – только один из 89, был против.

Дважды (в 1812 г. и 1824 г.), уже в пожилом возрасте (на вторых выборах ему было 63 года), головой избирался Петр Семенович Сапожников, родоначальник известной за пределами Поволжья купеческой династии. К этому времени и он, и его дети будут первогильдейскими астраханскими купцами. В 1824 г. он был избран с небольшим перевесом голосов («за» – 19, «против» – 15). Возможно, это было результатом того, что основные капиталы фирмы Сапожниковых уже с 1819 г. вращались в астраханском рыбном промысле, а позиции в Вольске ослабли. Дважды занимал должность головы известный купец Егор Федорович Курсаков (1827–1833 гг.). Случаи избрания уважаемого богатого купца несколько раз на должность городского головы были нередки и в других городах. Так, М. Ф. Белоярцев несколько раз подряд избирался царичинским головой²⁵.

Среди избравшихся в городское самоуправление были представители почти всех наиболее известных фамилий города. Помимо названных, это: Епифановы (В. Е. Епифанов – дважды был головой), Поповы, Калмычковы, Лошкарёвы, Молодцовы, Мельниковы, Лутохины и другие.

С 1795 г. на выборах стал указываться возраст кандидатов. Среди голов преобладал возраст от 40 до 60 лет (средний показатель – около 51 года). В последнее предреформенное трехлетие произошло «омоложение» голов. Михаилу Сергеевичу Мельникову в 1858 г. было 36 лет, а сменившему его в 1861 г. Льву Платоновичу Лутохину – 37. Но самым молодым головой, по-видимому, был П. М. Волковойнов, которому, по нашим подсчетам, на выборах 1793 г. было 33 года. Самым старым – А. А. Брюханов (68 лет на выборах 1858 г.) Средний возраст бургомистров колебался от 35 до 50 лет (средний показатель – 44 года). Большая часть ратманов находилась в возрасте от 35 до 40 лет (средний показатель – около 37 лет). Самым молодым среди всех, выбранных в городское самоуправление с 1795 г. по 1861 г., оказался ратман Григорий Семенович Шипилин (24 года в 1795 г.) Таким образом, наиболее предпочтительным возрастом для выборов на различные должности в городское самоуправление был возраст не моложе 35 лет, когда человек еще молод, полон сил и энергии, но уже достаточно опытен. Примерно такой же возрастной ценз наблюдался не только в пределах Саратовской губернии²⁶.

Характерной чертой духовного облика купечества была широкая благотворительность. Очевидно, благотворительность следует рассматривать, с одной стороны, как проявление особой системы моральных ценностей, основанной на христианской этике, с другой, – как особую форму служения обществу, которую представители торгово-промышленного мира добровольно принимали на себя. В то же время благотворительность представляла активной части сословия возможность реализовать потребности в общественной деятельности, в ус-

²⁵ Записки о Саратове К. И. Попова // Волга. № 5. Саратов, 1990. С. 70.

²⁶ См., например: Банникова Е. В. Купечество Южного Урала в первой половине XIX в. Дис. к. и. н. Оренбург, 1999. С. 138.

ловиях, когда большинство иных видов социальной активности были для купечества практически недоступны.

Одним из мерил достоинства человека в купеческой среде служило его религиозное поведение и благочестие. О признании набожности в качестве необходимого свойства купца свидетельствует уклад семейной и общественной жизни. Непременной принадлежностью и главным украшением комнат любого купеческого дома, несмотря на появившиеся западноевропейские новинки домашнего быта (картины, зеркала, часы), по-прежнему оставался «красный угол», уставленный многочисленными иконами, нередко составлявшими настоящий иконостас²⁷. С икон начинался перечень имущества, передаваемого по стговорной записи или духовному завещанию. Примером может служить духовное завещание почетного гражданина, вольского второй гильдии купца Дмитрия Александровича Матросова, завещавшего жене, Елене Лаврентьевне и малолетнему сыну Константину «все святые иконы, духовные книги и иное имущество»²⁸.

В общественной жизни поведение купцов, особенно состоятельных, характеризовалось, во-первых, стремлением быть выбранным в церковные старосты, а во-вторых, широкой благотворительностью «во имя Бога», щедрыми пожертвованиями на строительство храмов и их убранство.

Одним из наиболее традиционных, характерных проявлений купеческой благотворительности было храмосозидание. Н. В. Козлова обратила внимание на представление российских купцов об успехе предпринимательской деятельности как награде за «добрые дела» от бога. По мнению исследовательницы, кроме того, важной мотивацией являлось и наставление писания о возможности получения прощения душе того человека, чье богатство, пусть и несправедливо приобретенное, будет праведно употреблено²⁹. В конце XVIII – первой половине XIX в. среди купечества волжских уездных городов появляется небольшой, но очень активный слой купцов, обладателей крупных капиталов. Как правило, именно из этой среды выделялись жертвователи на храмовое строительство. Сохранившиеся документы позволяют лишь весьма условно (в основном по Вольску, что объясняется лучшей сохранностью документов и большим интересом современников к истории этого города и его богатого купечества), составить представление о жертвованиях на храмы.

Наиболее известен среди саратовского купечества своим деятельным участием в храмосозидании вольский именитый гражданин Василий Алексеевич Злобин. Как отмечал В. Г. Еланский, Злобин, «будучи по рождению старообрядцем, чужд был религиозного фанатизма. Для него все церкви хороши, где произносится имя Христово, поэтому он щедрою рукой давал средства на постройку, как православных, так и старообрядческих церквей»³⁰. Вольский ку-

²⁷ История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 1. С. 287.

²⁸ См.: НА ВКМ, ф. 1, д. 1776.

²⁹ Козлова Н. В. «Душу свою грешную строить и поминать ...»: Забота о душевном спасении и благотворительность по духовным купцов и разночинцев Москвы XVIII в. // Города Европейской России конца XV – первой половины XIX в. Тверь, 2002. Ч. 2. С. 349.

³⁰ См.: Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин В. А. Злобин. Вольск, 1914. С. 39.

пец, часто живший в Петербурге, вращавшийся в разных общественных кругах, был склонен, по мнению священника М. Воробьева к модному в начале XIX в. «универсальному» христианству, считая для себя приемлемой любую Церковь, где почиталось имя Христово³¹. Саратовский краевед А. Ф. Леопольдов сообщал о В. А. Злобине, что «сделавшись богачом, он много сделал доброго: в Волгске построил Собор Троицкий, заложил Предтеченскую церковь, после него уже оконченную ...»³². Кроме построек названных Леопольдовым, на средства купца была сооружена церковь во имя святого благоверного князя Федора Смоленского и чад его Давыда и Константина, где он и был похоронен после смерти. Он же дал деньги на строительство двух деревянных церквей в старообрядческом Нижне-Воскресенском иргизском монастыре. Когда богатое старообрядческое купечество захотело построить в городе новую обширную каменную церковь, то Злобин выделил десять тысяч рублей, в обход закона договорился с губернатором П. У. Беляковым, и в 1816 г. здание Христорождественской церкви было вчерне готово. Но после смерти влиятельного мецената строительство было прекращено и лишь после настоятельных прошений сторонников старой веры, подкрепляемых обильными подношениями, оно было продолжено и окончательно завершено в 1826 г. На строительство храма ушло до 100 тыс. руб.³³. Когда же храм стал единоверческим, на средства, перешедшего в единоверие А. П. Сапожникова, в 1847 г. к нему пристроили громадную колокольню с церковью под ней. Иконы и церковная утварь храма были очень дорогими. Старообрядцы гордились очень древней плащаницей, антимином, датированным 1528 г., богослужебными рукописными книгами, относившимися к эпохе патриарха Иова³⁴. Сын первого городского головы Вольска С. И. Расторгуев в обход закона построил еще один небольшой, каменный старообрядческий храм в 1809 г. во имя Честного и Животворящего Креста, известный более как Львовская часовня, названный так по имени его брата. В 1860 г., не признавший Белокриницкое согласие, купец-беглопоповец Ф. Н. Новиков строит на свои средства для единоверцев молельный дом.

В отличие от своего мужа В. А. Злобина, «жена его, Пелагея Михайловна, урожденная Волковойнова, была яркой, фанатичной старообрядкой, – сообщает В. Г. Еланский. – она также заявила себя ревностной благосотворительницей старообрядческих церквей. Только благодаря ее щедротам и покровительству ее мужа, Иргиз, с его двумя знаменитыми монастырями и богато украшенными в нем церквями, достиг при них своего цветущего состояния»³⁵. По мнению М. Воробьева она, от имени своего мужа передала монастырям «едва ли не сотни тысяч рублей»³⁶. В этой связи характерна деятельность именитого гражда-

³¹ Воробьев М. Старообрядческие храмы г. Вольска // Духовная культура России: история и современность. Саратов, 2006. С. 137.

³² Леопольдов А. Ф. Исторический очерк Саратовского края. Саратов, 1848. С. 146.

³³ См.: Воробьев М. Указ. соч. С. 140.

³⁴ Еланский В. Г. Древности Вольской единоверческой церкви // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 140.

³⁵ См.: Еланский В. Г. Вольский именитый гражданин В. А. Злобин. Вольск, 1914. С. 39.

³⁶ См.: Воробьев М. Указ. соч. С. 138.

нина Вольска, первостатейного астраханского купца и коммерции советника Алексея Петровича Сапожникова. Уроженец и житель Вольска, он, «искренне любил свой родной город и в ознаменование этой любви своей к нему достроил гражданам г. Вольска их величественный Новый собор, употребив для этого из своих собственных средств 78348 руб. 65 коп. Им же, Алексеем Петровичем, на свою же честь устроены не менее величественные по красоте и изяществу церкви – зимняя Успенская с колокольной над ней и Покровская церковь на единоверческом кладбище (старообрядческая во имя Воскресения Христова). Все эти церкви он богато украсил церковною утварью, ризницею и иконами в богатых серебряных ризах, между которыми есть немало икон кисти знаменитого в то время придворного иконописца В. М. Пешехонова»³⁷. Таким образом, значительная часть доходов купцов-старообрядцев шла на строительство старообрядческих храмов³⁸.

Заботились о храмах и православные купцы. Благодетель Дубовки М. Волновский, описывая состояние религиозности жителей посада, отмечал усердие и помощь Церкви со стороны головы М. П. Водолагина с детьми, бургомистра П. Е. Кулакова и, особенно, попечителя церкви купца Т. А. Бондаренкова, «который в поощрение прочих к кладке колокольни пожертвовал колокол в 200 пуд»³⁹.

Все купцы, жертвовавшие свои средства на храмы, пользовались большим авторитетом у горожан. В разное время, горожане выбирали их на те или иные должности, что было признаком не только хозяйственной состоятельности, но и определенного доверия к ним со стороны сограждан. Построенные ими храмы возвышали купцов между сограждан, имело место, определенное соперничество в славе. Но самым главным двигателем храмосозидания, по-видимому, являлся высокий уровень духовности, который заставлял преодолевать любые сложности, как это видно на примере строительства старообрядческих церквей.

В первой половине XIX в. появляются и чисто светские черты купеческой благотворительности. Купцы волжских уездных городов Саратовской губернии оказывали финансовую поддержку медицинским и образовательным учреждениям. В 1803 г. саратовское купечество пожертвовало три тысячи рублей для основания больницы для неимущих. В 1806 г. состоялось открытие больницы, названной в честь императора Александровской (ныне Вторая городская больница)⁴⁰. В 1808–1811 гг. К. В. Злобин передал 40 тыс. руб. и дом с садовым местом под «заведение» больниц для бурлаков в Саратове, Камышине, Царицыне, Хвалынске⁴¹. Впоследствии Саратовский приют для бурлаков вошел в состав Александровской больницы. Под вольскую городскую больницу был пожертвован П. Сапожниковым каменный дом, стоимостью более 15 тыс. руб. Его сын

³⁷ Еланский В. Г. Указ. соч. С. 40.

³⁸ См.: Бибилова М. Ю. Старообрядчество г. Вольска и Вольского уезда XVII–XX вв. // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. С. 188.

³⁹ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506а, л. 47 об.

⁴⁰ Хованский Н. Ф. К истории организации врачебного дела в Саратовской губернии // Труды СУАК. 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 89.

⁴¹ Там же. С. 10.

А. П. Сапожников, астраханский первостатейный купец, в 1830 г. взял на себя ремонт и постройку жилья для работавшего в этой больнице единственного врача. По смете губернского архитектора «издержки для сего потребные» составили более 16 тыс. руб.⁴². В 1844 г. «иждивением» купца А. Пичугина в Саратове на городском кладбище была построена Воскресенская церковь, при которой он также открыл и содержал на свои средства богадельню. Пичугинская богадельня послужила образцом для вольского первой гильдии купца и почетного гражданина Андрея Брюханова, который, как отмечалось в его представлении саратовским губернатором на звание коммерции советника от 7 июля 1850 г., адресованном Министру финансов «... желая положить основание банка и богадельни в г. Волгске, пожертвовал для сего десять тысяч рублей серебром безвозмездно на вечные времена с тою целью, чтобы производством ссуд доставить местным гражданам вспомоществление в торговых оборотах, а на полученные от того проценты содержать общественную богадельню. Купец Брюханов в пожертвованном для богадельни купцом Курсаковым доме устроил уже на свой счет больницу на 35 кроватей»⁴³. На деньги Курсакова дом был отремонтирован так, чтобы в нем «можно было поместить людей бедных, престарелых, не имеющих средств на пропитание»⁴⁴.

Примерно с 20-х гг. XIX в. в купеческой среде уездных волжских городов начинает проявляться интерес к народному образованию, в частности, начальному образованию. Последнее становилось насущной необходимостью в том числе и для купцов, среди которых был довольно высокий процент неграмотных. Так, из числа гласных Вольской городской думы седьмого трехлетия четверо были неграмотными: Афанасий Разумов, Никифор Яблошников, Василий Килаков, Степан Сечин. Или еще один факт. При подписании присяжного листа во время выборов в городскую администрацию было отмечено: «22 человека среди купцов, не умеющих грамоте и 15 грамотных, 3 мещан грамотных»⁴⁵.

До этого времени учебные заведения в уездных городах губернии были крайне редки и открывались исключительно по частной инициативе. Так, К. В. Злобиным в 1811 г. основан частный пансион в Вольске, где бесплатно обучалось 20 человек. В 1819 г. были открыты уездные училища в Камышине и Царицыне, в 1826 г. – в Вольске⁴⁶. О времени открытия Хвалынского училища сведения не обнаружены. Сначала училища были с двухлетним, а с 1828 г. с трехгодичным сроком образования. В отличие от саратовской гимназии, контингент учащихся уездных училищ был несколько иной. Здесь доминирующей группой учащихся были выходцы из городских сословий (купцов и мещан). Так, по сведениям 1841 г. в Вольском и Царицынском училищах их было 72%,

⁴² РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 663, л. 143.

⁴³ Там же. Ф. 18, оп. 4, д. 711, л. 1–3.

⁴⁴ Цит. по: Гусакова З. Е. Учреждения социальной помощи населению и благотворительность в Саратовской губернии в первой половине XIX в. // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И. В. Пороха. Саратов, 2004, С. 147.

⁴⁵ См.: ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 108.

⁴⁶ См.: ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 1167.

в Камышинском – 55%. В Хвалынском – 54,1%⁴⁷. К концу дореформенного периода появляются и первые робкие шаги в развитии женского образования. В 1860 г. в Вольске появляется училище для девочек.

Основные средства на приобретение или наем здания и для функционирования учебного процесса отпускались не казной, а городскими обществами и частными лицами. Так, училищный дом в Вольске был пожертвован купцом первой гильдии Д. А. Матросовым, а среди благотворителей были как представители элиты местного дворянства (граф В. В. Орлов-Денисов, князь А. Б. Голицын, уездный предводитель дворянства Д. Ф. Милашов), так и купечества (П. С. и А. П. Сапожниковы, Е. Ф. Курсаков и другие)⁴⁸.

Купцы помогали не только своим городским учебным заведениям. В 1807 г. В. А. Злобин пожертвовал тысячу рублей золотом на открывающееся в Оренбурге военное училище в память Н. И. Неплюева, основателя Оренбурга, а в 1811 г. для того же училища передал свой оренбургский деревянный двухэтажный дом⁴⁹. А. Брюханов, пожертвовал десять тысяч рублей ассигнациями на открытие училища в новом городе Цареве⁵⁰.

Купеческое сословие принимало участие и в благоустройстве городов, и в помощи горожанам. После катастрофического для Вольска наводнения 1802 г., принесшего громадные убытки горожанам, Вольская городская дума, заручившись поддержкой губернатора В. С. Ланского, обратилась к императору с прошением о выдаче ссуды из казны с рассрочкой платежа на 25 лет⁵¹. Но вскоре, в 1804 г. та же дума сообщила новому губернатору П. У. Белякову, что в ссуде городское общество уже не нуждается, «так как сие сопряжено будет с поручительством друг за друга, а в течение двадцати пяти лет много быть может перемен, по коим некоторые придут платежам не в состоянии, а посему подвергнутся другие платежу неповинному, а через сие и откроется всеобщая по городу между ими вражда, чего у них доселе искони привыкли жить в мире и добром согласии, не бывало ...»⁵². Но главной причиной, как видно из прошения, была помощь, оказанная все тем же В. А. Злобиным, «благоденствующего целому здешнему обществу». Поэтому горожане «состояние свое поправили»⁵³. Видимо, после этого наводнения, снесшего даже каменный мост, еще один вольский богач и именитый гражданин Лев Иванович Расторгуев, по словам чиновника Н. Безобразова, который делал «обозрение» общественного хозяйства Вольска, «в 1805 г. обязался устроить каменный мост с надлежащей ежегодной поддержкой»⁵⁴. В расходе городской думы за январь 1804 г. упомянуты сведения о Злобинском мосте, Сутягинском мосте⁵⁵. Помощь оказывалась и жителям гу-

⁴⁷ См.: ГАСО, ф. 13, оп. 1, д. 917. (Подсчет процентов – В. К.)

⁴⁸ Там же. Л. 44 об.– 49 об.

⁴⁹ См.: *Еланский В. Г.* Вольский именитый гражданин В. А. Злобин. Вольск, 1914. С. 39.

⁵⁰ РГИА, ф. 18, оп. 4, д. 711, л. 9.

⁵¹ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 126, л. 12–14.

⁵² Там же. Д. 126, л. 33.

⁵³ Там же.

⁵⁴ РГИА, ф. 1287, оп. 39, д. 686, л. 2.

⁵⁵ ВФ ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 154, л. 60, 62.

бернии, пострадавшим от неурожая. А. Брюханов, например, пожертвовал, в голодный год, 500 четвертей зернового хлеба на обсеивание полей, в 1842 г. передал в саратовский благотворительный комитет тысячу рублей ассигнациями в помощь голодающим⁵⁶.

Довольно часто стремление купцов выделиться за счет благотворительности и пожертвования, использовалось местными властями. Этим, например, умело пользовался саратовский губернатор Ф. Л. Переверзев, озадаченный проблемой содержания «хорошей труппы артистов» в местном театре. Зная, «что первые богачи в Саратовской губернии купцы, преимущественно закоренелые старообрядцы, щедры на пожертвования, в особенности, где принимает участие начальник губернии», он «рассылал им билеты на все ложи театра, прося их абонироваться на сезон представлений, объясняя, что если им или их семействам случится быть в Саратове, то они всегда могут быть в театре в своей ложе»⁵⁷. Купцы деньги, как правило, высылали, но театр никогда не посещали. Это давало возможность тем же самым ложи на каждый спектакль раздавать саратовским посетителям⁵⁸.

Подводя итог, следует отметить, что несомненное влияние на профессиональный и нравственный облик волжского уездного купечества, сформированный на основе учета реалий предпринимательской деятельности, оказала идеология абсолютизма, выдвигавшая безусловный приоритет «государственного интереса», служения «общественной пользе» и система православных ценностей. Христианство закрепляло приоритет духовно-нравственного начала над материальным. В российском менталитете богатство не было показателем добродетели. Характерным следствием свойственного российскому уездному купечеству взгляда на богатство, как полученного в пользование от бога, было значительное развитие в его среде благотворительности и храмосозидания. В этой деятельности проявлялась попытка совместить реальные жизненные дела со стремлением к спасению души, желание смягчить «греховный» характер торгово-промышленной деятельности. Была и другая, светская, причина этих интересов, в сословном государстве при приоритетном положении дворянства, благотворительность и храмосозидание часто являлись для купечества именно той сферой, где оно могло получить общественное признание.

Проявляя себя в политической, общественной и культурной жизни, участвуя в органах городского самоуправления, занимаясь, благотворительностью и храмосозиданием, уездное купечество малых волжских городов Саратовской губернии формировало определенные черты социальной психологии, которые проявляли себя как во внутрисемейных отношениях, так и в быту.

⁵⁶ РГИА, ф. 1287, оп. 39, д. 686, л. 2.

⁵⁷ Записки о Саратове К. И. Попова. С. 60.

⁵⁸ См.: Там же.

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СОСТАВ САРАТОВСКОЙ ГОРОДСКОЙ УПРАВЫ

Саратовская городская управа возникла в результате реформы 1870 г. в качестве одного из трех главных учреждений общественного управления Саратова (наряду с избирательными собраниями и городской думой). По утвержденному Александром II Городовому положению на управу возлагалось «непосредственное заведывание делами городского хозяйства и общественного управления ... согласно правилам и указаниям, преподаваемым городскою думою». Далее закон уточнял, что «управа ведет текущие дела по городскому хозяйству, изыскивает меры к его улучшению, исполняет определения думы, собирает нужные ей сведения, составляет проекты городских смет (росписей), взимает и расходует городские сборы на установленных думою основаниях, и представляет, в назначенные думою сроки, отчеты о своей деятельности и состоянии подведомственных ей частей»¹. Таким образом, управа представляла собой исполнительный орган городского самоуправления. Члены управы избирались городской думой из числа горожан, имевших право участия в муниципальных выборах. Количество членов определялось думой, но не могло быть менее двух. Председательствовал в управе и непосредственно руководил ее работой городской голова.

Как и управы в других городах России, Саратовская городская управа существовала до Февральской революции 1917 г., после которой началась реформа муниципальной системы. Летом 1917 г. составы городских дум по всей стране значительно обновились, в связи с проведением выборов по новым правилам, утвержденным Временным правительством. Соответствующие изменения претерпели и городские управы. Поэтому целесообразно рассмотреть организационные основы деятельности, а также персональный состав главного исполнительного органа саратовского муниципалитета от момента его формирования (1871 г.) до 1917 г. В этот период существование управы базировалось на одних и тех же принципах, претерпевших небольшую трансформацию только в связи с принятием Городового положения 1892 г.

В феврале 1871 г. Саратовская городская дума, впервые сформированная по Городовому положению 1870 г., приняла решение избрать в состав городской управы четырех членов. Помимо городского головы В. П. Гусева, исполнительную власть в городе должны были осуществлять купцы З. И. Лисенко, М. В. Фомин, Х. П. Образцов (имевший еще и сословный статус почетного гражданина), а также дворянин, действительный статский советник А. Д. Горбунов. Горбунов был избран заступающим место городского головы – должность, совмещаемая с постом члена управы².

Положением 1870 г. был установлен четырехлетний срок полномочий всех городских органов. При этом для управы было специально оговорено, что через

¹ ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. С. 830.

² ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 4150, л. 5 об., 9 об.

два года после ее первичного формирования половина членов выбывает по жребию и на их места проводятся новые выборы³. Очевидно, такой принцип, по мысли законодателей, должен был обеспечить дополнительные возможности ротации в управе, предоставить городской думе право чаще, чем раз в четыре года, принимать кадровые решения. С другой стороны Положение не препятствовало думе переизбирать одних и тех же лиц на городские должности без ограничения.

До середины 1890-х гг. количество членов Саратовской городской управы колебалось от четырех до пяти. Это было вызвано главным образом тем, что у городской думы не было твердой позиции по данному вопросу. В марте 1873 г., в связи с принципом ротации, были проведены выборы двух членов управы (по жребию выбывшими оказались Лисенко и Фомин). Фомин был переизбран на свою должность, а на место Лисенко пришел купец Д. Е. Поляков. Но уже буквально через неделю дума решила увеличить количество членов управы до пяти, а пятым избрала все того же Лисенко. Правда после смерти Полякова в июне 1874 г. на его место избирать никого не стали и управа вновь сократилась до четырех сотрудников. В дальнейшем городская управа состояла из пяти членов в 1879–1881 гг. и 1883–1893 гг.⁴

С апреля 1875 г. дума стала периодически избирать «в помощь управе» одного из гласных «заведывать земельным и лесным хозяйством». Это лицо, хотя и не являлось членом управы, фактически должно было выполнять схожие функции, и получало за свою работу жалование, так же как и другие должностные лица городского самоуправления. Без малого восемь лет заведующим земельным и лесным хозяйством работал гласный городской думы А. В. Песков. В феврале 1883 г. дума постановила упразднить эту должность, соответствующие функции передать непосредственно одному из членов управы, а ее численность вновь увеличить до пяти. Пятым членом управы был избран Песков, который фактически продолжил ту же самую работу в новом статусе⁵. В 1877–1879 гг. при управе существовала также должность уполномоченного по делам водопровода. Уполномоченный был обязан наблюдать за исправным содержанием городского водопровода (в те годы являвшегося собственностью частной компании) и подготовить «необходимые данные для установления способа контроля над водопроводной конторой и вычислениями ее о количестве подаваемой воды». После выполнения данной функции должность была упразднена⁶.

На протяжении срока действия Городового положения 1870 г. (с 1871 по 1892 г.) в составе городской управы Саратова последовательно побывали купцы З. И. Лисенко, М. В. Фомин, Д. Е. Поляков, А. И. Мешков, В. И. Богомолов, А. Н. Епифанов, И. Д. Шиловцев, В. А. Коробков, Ф. Р. Мейер и И. Н. Белоусов, купец и почетный гражданин Х. П. Образцов, купеческий сын А. С. Жегин, дворяне А. Д. Горбунов, Н. П. Щепкин, Ф. И. Абакумов,

³ ПСЗ–II. Т. 45. Отд. 1. СПб., 1874. С. 831–832.

⁴ ПСГД за 1876 год. Саратов, 1877. С. 705–706; ЖСГД за 1897 год. Апрель – декабрь. [Саратов, 1898]. С. 9–11.

⁵ ПСГД за 1883 год. [Саратов, 1884]. С. 46.

⁶ ИСГД. 1909. Апрель – июль. Отд. VI. С. 62–63.

Я. Г. Веймарн, А. В. Песков и Н. П. Фролов, чиновники И. Я. Славин и М. С. Васильев, а также мещанин С. И. Воронков. Обращает на себя внимание, что социальный состав членов управы имел несколько иные пропорции, нежели состав гласных городской думы. В указанный период купцы и социально близкая им категория почетных граждан вместе составляли 2/3 думы⁷. А из 21 члена управы только 11 относились к «торгово-промышленному классу». Дворянско-чиновничья группа, чья доля в думе в среднем не дотягивала и до 19%, в исполнительном органе муниципалитета имела гораздо большее представительство. Этот нюанс объясняется специфическим отношением купечества к общественным делам. Многие саратовские купцы предпочитали избираться в думу, которая принимала принципиальные решения по всем вопросам городского хозяйства, что сулило им получение определенных выгод, но совершенно не стремились попасть в управу и заниматься отнимающей довольно много времени муниципальной работой за мизерное (по купеческим меркам) жалование. Служилое дворянство и чиновники в большей степени были склонны заниматься общественной работой и их профессиональные качества оказывались востребованы в управе.

Новое Городовое положение, утвержденное Александром III в 1892 г., внесло несколько важных преобразований в процедуру формирования городских учреждений и в принципы их организации. В частности, теперь минимальное количество членов городских управ рассчитывалось исходя из статуса города и числа его жителей, а увеличение состава могло происходить только с разрешения министра внутренних дел. Еще одно существенное изменение заключалось в том, что голова, члены управы и городской секретарь теперь считались состоящими на государственной службе, что давало им дополнительные возможности и преимущества, но, с другой стороны, увеличивало и прямую зависимость муниципальных должностных лиц от коронной администрации⁸.

В связи с новыми принципами определения количества членов управ Саратовская городская управа в 1893 г. вновь сократилась до четырех человек. Поскольку это число уже очевидно не соответствовало объему городских дел, Саратовская дума добилась разрешения вновь довести его до пяти в начале 1895 г.⁹ Однако, и это количество уже не могло, по мнению городской администрации, обеспечить эффективную работу. Поэтому в декабре 1903 г. дума приняла решение ходатайствовать об увеличении управы до шести членов. Из-за разных обстоятельств (в первую очередь бюрократических проволочек) дело затянулось. Только летом 1909 г. ходатайство было, наконец, отправлено, а речь в нем шла уже об увеличении управы с пяти до семи человек. Обсуждение данного вопроса в городской думе происходило в тот период, когда управа переживала кадровый дефицит. Дело в том, что незадолго до этого член управы П. А. Леонтьев совершил растрату и был отстранен думой от исполнения слу-

⁷ См.: *Зайцев М. В.* Муниципальные выборы и состав Саратовской городской думы в 1871–1892 годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2007. Т. 7. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1.

⁸ ПСЗ–III. Т. 12. СПб., 1892. С. 446, 451.

⁹ ЖСГД за 1897 год. Апрель – декабрь. С. 11.

жебных обязанностей, а затем его дело было передано в суд. Формально дума не могла избрать другое лицо на место Леонтьева до вынесения приговора, поэтому фактически управа существовала в количестве четырех человек. Наконец в сентябре 1909 г. разрешение МВД на увеличение управы с пяти до семи членов было получено. Шестым и седьмым членами были избраны Д. В. Тихомиров и Б. Х. Медведев, однако губернатор С. С. Татищев эти кандидатуры не утвердил, очевидно в связи с их политической неблагонадежностью. 12 октября эти должности заняли А. А. Яковлев и Я. Т. Воробьев. На место окончательно выбывшего Леонтьева дума не стала производить выборы, видимо решив ограничиться шестью членами управы¹⁰.

1909–1915 гг. стали для Саратова периодом бурного социально-экономического развития, а для муниципалитета – временем реализации многих важнейших проектов. Достаточно сказать, что за эти годы была завершена организация трамвайного движения и электрического освещения центральных улиц, начала действовать городская канализация, выстроены семь «школ-дворцов», открыты университет, консерватория, Высшие сельскохозяйственные курсы и Учительский институт, началось строительство Крытого рынка, активно развивалось внешнее благоустройство города (заощение улиц, разбивка скверов и т. п.). На эти и другие, более «рутинные» мероприятия требовались значительные средства, которые городская дума привлекала из всех возможных источников, в том числе за счет займов. Кроме того, с июля 1914 г. город стал принимать активное и разностороннее участие в обеспечении военных потребностей (размещение войск, беженцев, раненых и пленных, создание оборонных предприятий и т. д.). Масштабы деятельности городского самоуправления Саратова за эти годы значительно выросли. Поэтому в конце 1915 г. дума признала необходимым увеличить состав управы до семи, тем более что разрешение, данное на это МВД еще четырьмя годами ранее, очевидно не утратило своего значения.

20 января 1916 г. седьмым членом управы был избран Н. Н. Сиротинин, который, правда, сразу после избрания высказал сомнение в перспективе своего утверждения¹¹. Сомнения Сиротинина были вполне обоснованы. Выше упоминалось, что в 1909 г. губернатор не утвердил в должности членов городской управы Д. В. Тихомирова и Б. Х. Медведева. В 1913 г. дума избирала городским головой В. И. Алмазова, а в 1914 г. членом управы – А. Е. Романова¹², которые также не были утверждены в этих должностях, соответственно, министром внутренних дел Н. А. Маклаковым и губернатором А. А. Ширинским-Шихматовым¹³. Причиной неутверждения всех этих лиц всегда являлась их по-

¹⁰ См.: ИСГД. 1909. Апрель – июль. Отд. V. С. 2–16, 119–124. Отд. VI. С. 62. Август – декабрь. Отд. V. С. 42, 158–159.

¹¹ ЖСГД. 1916 год. Саратов, 1917. С. 25–27.

¹² ИСГД. 1914. Январь – апрель. Отд. II. С. 12.

¹³ Свой официальный рапорт Маклакову об избрании Алмазова городским головой Ширинский-Шихматов закончил следующей фразой: «Признавая посему утверждение Алмазова в должности саратовского городского головы, как лица совершенно неблагонадежного поли-

литическая неблагонадежность, а конкретно – принадлежность к конституционно-демократической партии или близость к ней по политическим убеждениям. Основы этой политики были заложены циркуляром Совета министров от 14 сентября 1906 г., адресованным всем государственным ведомствам, в котором говорилось: «Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах, не только явно революционных, но и таких, которые, хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков (как, например, Выборгское воззвание) и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с правительством или призывают к таковой борьбе население ... Должностные лица и служащие в правительственных учреждениях по вольному найму, принимающие участие в организациях, враждебных правительству или в противогосударственной агитации, подлежат немедленному увольнению от службы, а относительно тех из упомянутых лиц, кои не могут быть уволены в административном порядке, должны быть приняты другие указанные в законе меры для удаления их с государственной службы»¹⁴. Выполняя данные предписания, министры внутренних дел и губернаторы не допускали кадетов на должности городских голов и членов городских управ, которые после реформы 1892 г. считались состоящими на государственной службе.

Н. Н. Сиротинин, также как В. И. Алмазов и А. Е. Романов, был активным деятелем саратовского отделения кадетской партии, замеченным в «противогосударственной агитации»¹⁵. Поэтому его кандидатуру, естественно, не мог утвердить губернатор С. Д. Тверской. Тщетно дума пыталась переубедить начальника губернии, отправив к нему депутацию гласных включая городского голову М. Ф. Волкова. Депутация напрасно доказывала пользу практической деятельности Сиротинина для городского самоуправления. Губернатор остался непреклонен и 30 марта 1916 г. седьмым членом управы был избран А. И. Арно¹⁶.

Социальный состав Саратовской городской управы в период действия Городового положения 1892 г. (1893–1917) был еще более пестрым, чем в предыдущую эпоху. Должность члена управы в это период занимали купцы И. Д. Шиловцев¹⁷, И. Н. Белоусов, И. Н. Кузнецов, И. А. Колесников, Ф. И. Малинин, Я. Т. Воробьев, Д. Е. Карноухов и купеческий сын А. С. Жегин; дворяне А. В. Песков, Н. П. Фролов и А. А. Яковлев; чиновники М. И. Кротков, А. В. Милашевский, А. И. Арно и Н. Н. Сиротинин; почетный гражданин Н. И. Никольский; мещане М. А. Новиков, П. А. Леонтьев, К. Ф. Болотников и

тически, безусловно нежелательным, представляю о сем на благоусмотрение вашего высокопревосходительства» (ГАСО, ф. 1, оп. 1, д. 9156, л. 21–21 об.).

¹⁴ Там же. Ф. 28, оп. 1, д. 8300, л. 38–38 об.

¹⁵ См.: Там же. Ф. 1, оп. 1, д. 9156, л. 18 об.; *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое // *Волга*. 1999. № 8. С. 139–140.

¹⁶ ЖСГД. 1916 год. Саратов, 1917. С. 60, 141.

¹⁷ Иван Дмитриевич Шиловцев проработал в Саратовской городской управе дольше, чем кто-либо – с 10 февраля 1883 г. по 1 октября 1908 г.

П. В. Воронин; врачи В. И. Алмазов и К. Е. Качурин, а также крестьянин В. Г. Савельев. Выходец из купеческой семьи В. А. Коробков, проработавший в управе с 1888 г. по 1906 г., в 1897 г. сменил свой социальный статус, получив низший классный чин коллежского регистратора¹⁸. Причем именно работа в управе позволила ему перейти в разряд чиновников, поскольку, как было отмечено выше, с 1892 г. члены управ считались состоящими на государственной службе. Таким образом, доля купцов в управе снизилась до приблизительно 1/3, тогда как представительство других категорий увеличилось и исполнительный орган саратовского муниципалитета стал довольно пестрым в социальном отношении.

Работа членов управы, в отличие от работы гласных думы, оплачивалась. С 1871 г. жалование городского головы Саратова составляло пять тысяч рублей в год, а членов управы – по две тысячи рублей. Как отмечалось выше, один из членов управы являлся также заступающим место городского головы и, следовательно, ему приходилось исполнять обязанности главы городского самоуправления в отсутствие последнего. Это значительно расширяло объем работы того из членов управы, который назначался думой на эту должность. И. Я. Славин, работавший в управе с 1879 г. по 1891 г., а в 1883–1891 гг. являвшийся еще и заместителем головы, вспоминал: «Избрание меня в заступающего место городского головы фактически поставило меня на очень ответственный центральный пост городского управления. С выбором меня А. И. Недошивин¹⁹ совершенно забросил городское дело, находясь целыми месяцами в отпусках и в отъезде из Саратова. При этом он, чтобы не лишиться жалованья, брал отпуск «по болезни», а я исполнял его обязанности, получая мизерное жалование члена управы (2000 р. в год). Работая за двоих, я безвозмездно таким образом нес обязанности городского головы. В общем А. И. Недошивин фактически работал в течение года не более 3–4 месяцев, находясь остальные 8–9 месяцев в разъездах по своим личным делам, задавшись целью составить акционерное общество для проведения железной дороги, кажется, в Новоузенском уезде Самарской губернии. В течение нового четырехлетия имели место важные, решающие моменты в ходе городского хозяйства и управления. И во все эти моменты А. И. Недошивин систематически отсутствовал, и пришлось их мне вынести на своих плечах без всякого жалованья и вознаграждения»²⁰.

Такая несправедливая ситуация существовала в течение двадцати лет. Лишь в марте 1891 г. перед выборами заступающего место городского головы на новый срок дума приняла решение увеличить его содержание до 2,5 тыс. руб.²¹

По мере развития городского хозяйства на городскую управу ложилось все больше и больше обязанностей. Саратов бурно развивался в социально-экономическом отношении: достаточно сказать, что население города с 1871 г.

¹⁸ См.: ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1050, л. 3–3 об., 106 об.–107.

¹⁹ Городской голова в 1875–1891 гг.

²⁰ *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое // Волга. 1998. № 7. С. 78. Стилистика, пунктуация и орфография текста сохранены.

²¹ ПСГД за 1891 год. [Саратов, 1892]. С. 134.

по 1897 г. возросло на 52 %, а с 1897 г. по 1913 г. – на 86,5%. Соответственно увеличивалась и, как говорили в ту эпоху, «дороговизна жизни». В связи с этим необходимость повышения оплаты труда городских служащих становилась с каждым годом все настоятельнее. При выборах нового городского головы в 1895 г. дума постановила, кроме основного жалования в пять тысяч рублей, выдавать ему еще и ежегодную надбавку «на расходы по представительству» в размере одной тысячи рублей. Подобные надбавки были закреплены и за членами управы, но только с 1897 г.: оплата труда заступающего место городского головы выросла на 500 руб., остальных членов – на 400 руб.²².

В этих размерах содержание главных должностных лиц городского самоуправления оставалось до 1909 г. Вопрос о его повышении неоднократно поднимался на заседаниях городской думы (поводом всегда становились выборы), но регулярно откладывался. Проблема заключалась отнюдь не в том, что гласные экономили на служащих. Бюджет Саратова к 1909 г. достиг 3 млн. руб. и небольшое увеличение расходов на содержание аппарата не стало бы фатальным. Основная трудность лежала в организационной плоскости. В связи с принципом ротации, а также потому, что члены управы иногда по разным причинам оставляли свои посты досрочно, практически дума никогда не избирала сразу полный состав управы (за исключением февраля 1871 г. и апреля 1893 г.). Почти всегда складывалась ситуация, когда избирался один или два члена управы из четырех – пяти. Поскольку изменить размер жалования можно было только для вакантной должности непосредственно перед выборами, дума оказывалась в ситуации, когда у членов городской управы могли возникнуть разные уровни оплаты труда. Это было бы несправедливо, в связи с чем вопрос и не решался оперативно.

В 1912 г. оклады городского головы, его заместителя и членов управы выражались в тех же цифрах, которые были установлены еще в прошлом столетии: пять тысяч, 2,5 тыс. и две тысячи рублей соответственно, плюс доплаты на представительство (тысяча, 500 и 400 руб.)²³. Наконец в сентябре 1913 г., после специального частного совещания гласных, где очевидно обсуждались кандидатуры на пост городского головы и размеры окладов, дума пошла на увеличение оплаты сразу всем членам исполнительного органа муниципалитета. Было решено «не делать никаких разделений и баллотировать аккордное жалование в тех размерах, какие были установлены на частном совещании, то есть для городского головы девять тысяч рублей, для заступающего место городского головы 4800 руб. для членов управы 3600 руб. в год», что и было утверждено думой²⁴. После того как в октябре 1913 – феврале 1914 г. должности головы, его заместителя и еще трех членов управы были заняты путем выборов, эти ставки вступили в силу. А для двух сотрудников, чей четырехлетний срок еще продолжался, дума приняла специальное решение о повышении расходов на пред-

²² ЖСГД за 1897 год. Апрель – декабрь. С. 12.

²³ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 137, л. 192 об.–193.

²⁴ Там же. Ф. 3, оп. 1, д. 4550, л. 52 об.

ставительство с 400 до 1600 руб.²⁵. В этих размерах оклады служащих управы оставались до 1917 г., правда в связи с инфляцией военного времени в последние годы «старого режима» устанавливались дополнительные надбавки «на дороговизну».

В связи с многочисленностью сфер и сложностью городского хозяйства Саратова, существовала настоятельная необходимость четкого распределения обязанностей между членами управы. При формировании ее первого состава, весной 1871 г., это распределение было закреплено в таком виде: «Александр Дмитриевич Горбунов принял на себя заведывание делопроизводством и счетоводством управы и городскою библиотекою; Хрисанф Петрович Образцов принял в свое ведение наблюдение за исправным состоянием городских сооружений, водопроводов, колодцев, чанов, городского уличного освещения и обязанности по приисканию, найму и приспособлению квартир для воинской потребности; Захар Ипатьевич Лисенко принял на себя заведывание в хозяйственном отношении пожарною командою, взыскание пошлин за привозимые и отвозимые водою товары, заведывание городской каменоломнею, мощением улиц, взвозов, площадей, наблюдение за чистотою площадей, раздачу городских мест под склад лесных и других товаров и сбор акциза за места раздаваемые под подвижные лавочки и столы и заведывание городскими лесами, водоналивными и платъемойными плотами; Михаил Владимирович Фомин должность казначея и наем лошадей для отправления подводной повинности. Общий же надзор по всем родам управления и хозяйства принадлежит городскому голове, который кроме сего принял в свое заведывание городской сад (бульвар) и городскую дачу (плантацию)»²⁶.

На первый взгляд служебная нагрузка Горбунова, Фомина и, тем более, городского головы Гусева по данному распределению гораздо ниже, чем у Образцова и Лисенко. Однако эта неравномерность кажущаяся. Необходимо учитывать специфику различных сфер городского хозяйства. «Делопроизводство» и «счетоводство», доставшиеся Горбунову, включали наблюдение за движением тысяч входящих и исходящих бумаг, составление и проверку финансовых смет (в первую очередь городского бюджета) и т. п. Прием, хранение и выдача городских денежных средств и ценных бумаг, возложенные на Фомина, также были регулярной и очень ответственной работой. Что касается городского головы, то он был еще более загружен. «Мэр» города должен был зачастую вникать в самые разнообразные вопросы муниципального хозяйства и принимать личное участие в их разрешении. Кроме того, значительная часть делопроизводственной переписки требовала не только подписи, но и как минимум просмотра самого головы. Стоит также упомянуть и председательствование на заседаниях управы и думы. К обязанностям и головы, и членов управы относилась работа в многочисленных думских комиссиях, участие в коллегиальных органах местного управления (Губернские присутствия по земским и по город-

²⁵ ИСГД. 1914. Январь – апрель. Отд. II. С. 11–12.

²⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1, л. 1–2.

ским делам²⁷, Городское по воинской повинности присутствие, Губернское по обществам присутствие, Городской училищный совет, Губернская санитарная комиссия и др.), участие в разнообразных официальных и торжественных мероприятиях как в Саратове, так и в столицах и т. д.

Конечно, приведенное выше распределение обязанностей не было неизменным весь рассматриваемый период. Оно довольно часто менялось в связи с различными обстоятельствами, главнейшими из которых были изменения в составе управы, рост и усложнение городского хозяйства. Например, распределение функций на 1905 г. выглядело следующим образом. Городской голова А. О. Немировский непосредственно заведовал бухгалтерией и секретарским отделением, а его заместитель В. А. Коробков – земельным, лесным и оценочным отделениями, водопроводом, а также городскими садами и бульварами. И. Д. Шиловцев руководил кассой, окладным отделением (прямые налоги), освещением города, состоянием берега Волги и затона, очисткой площадей и «общественных ретирад» (туалетов), свалками навоза и снега, заготовкой дров, делами по отчуждению городских дворовых мест и расходами на полицию. И. Н. Кузнецов отвечал за оброчное отделение (куда, в частности, входили сборы с торговцев в лавках и на базарах), открытие трактирных заведений и сборы с них, городские здания, замощение улиц и площадей, устройство и ремонт мостов и дамб, техническое отделение. И. А. Колесников заведовал скотобойнями, мясным и скотопригонным рынками, ассенизационным обозом, свалками нечистот, пожарным обозом и городским кирпичным заводом. Наконец Н. И. Никольский занимался вопросами народного образования и общественного призрения, медико-санитарным отделением, электростанцией при театре, воинским столом, воинским присутствием и квартиро-воинским отделением²⁸.

Со временем список дел, находящихся в ведении каждого члена управы, еще более увеличился. Распределение обязанностей с декабря 1915 г. было таким:

«Городской голова М. Ф. Волков. Заведывание контролем и канцелярией думы. Редакция думских Известий.

Член управы А. А. Яковлев (заступающий место городского головы) – военное отделение: расквартирование войск и ведение посемейных списков. Военно-конская повинность. Участие в Городском по воинской повинности присутствии. Проверка и засвидетельствование метрических книг евреев. Ведение метрических книг старообрядцев. Дела по выморочным имуществам. Отделы: электрический, канализационный и водопроводный. Ночной караул. Заведывание секретарским отделением, регистратурой, архивом и юридическим отделением. Дела по адресному столу.

Член управы П. В. Воронин – отделение техническое: утверждение проектов построек частных лиц, полицейско-технический надзор за постройками частных лиц. Оценка имуществ, закладываемых в городском общественном бан-

²⁷ В 1892 г. эти присутствия были объединены.

²⁸ Обзор деятельности саратовского городского общественного управления за 1905–1908 годы. Саратов, 1909. С. 70–71.

ке. Надзор за городскими землями в черте города, дела о захватах; выдача справок и удостоверений по делам о закреплении; сдача в аренду и продажа городских земель под постройки в черте города; сдача под прокладку труб и постановку телеграфных столбов в черте города. Ремонтно-строительный отдел: ремонт всех городских зданий, зданий, арендуемых с городским ремонтом и постройка новых зданий; ремонт и сооружение мостовых, постройка и ремонт мостов, каналов, плотин, дренажей и т. п. сооружений. Заведывание благотворительным отделением: богадельни, приюты, столовые. Пособия благотворительным учреждениям и обществам.

Член управы Н. И. Никольский – отделение народного образования: школы общеобразовательные и профессиональные, пособия учебным заведениям и просветительным обществам. Кафедральный собор. Радищевский музей. Городской театр и дела по театральному комитету. Земельно-лесное отделение; все дела по землям за чертой города. Монастырская и Солдатская слободки. Пастьба скота и случной пункт. Сады и бульвары в черте города и сдача в них павильонов. Все дела по Затону. Выдача казенного пайка семьям призванных на войну запасных и ратников ополчения. Покупка городом недвижимых имуществ.

Член управы К. Ф. Болотников – бухгалтерия, касса, инвентарный отдел. Заведывание денежными капиталами и процентными бумагами, принадлежащими городу или завещанными на определенные цели, или хранящимися в залоге. Дела по ломбарду и городскому общественному банку. Выдача торговых документов. Оценочно-налоговое отделение. Трактирный сбор. Содержание городской полиции. Заведывание пожарной командой. Выдача пособий семьям служащих городского управления призванных на войну.

Член управы К. Е. Качурин – отделение народного здоровья: все дела по санитарному надзору и врачебной помощи населению, больницы, амбулатории, дезинфекционная камера, механическая прачечная, санитарное бюро, пособия лечебным заведениям и обществам. Ветеринарно-санитарный надзор: бойня, скотопригонный и мясной рынки, ветеринарно-санитарная организация, кузницы, микроскопическая станция. Медицинское освидетельствование служащих городского управления. Дела по комитету Всероссийского союза. Госпитали и лазареты. Продовольственное отделение. Дела по комитету беженцев. Городской склад медикаментов, аптека и ночлежные дома.

Член управы Я. Т. Воробьев – отделение хозяйственное: заведывание городскими лавками и базарами; сдача в аренду мест на базарах, площадях и улицах под постановку торговых помещений; сдача павильонов, колонн, киосков и вывесок, городские весы, сдача береговых мест под пристани и склады; перевоз через Волгу; освещение города керосином; заготовка и отпуск дров для городских нужд. Заведывание городскими предприятиями: ассенизационный обоз и свалка нечистот, кирпичные заводы; очистка улиц и площадей, поливка улиц; постройка Крытого рынка и сдача в аренду лавок в нем. Справочные цены»²⁹.

²⁹ ИСГД. 1915. Октябрь – декабрь. Отд. II. С. 493–495.

Из приведенных выше разделений обязанностей членов Саратовской городской управы на различные периоды видно, что основой этого распределения были либо муниципальные учреждения и предприятия (городской общественный банк, водопровод, бойни, канализация, кирпичные заводы и т. п.), либо отделения (отделы). Понятие «отделение» включало в себя как совокупность дел и вопросов, относящихся к одной сфере, так и служащих, призванных обеспечивать решение данных вопросов. Количество отделений городской управы постоянно увеличивалось на протяжении всего ее существования.

Одно из наиболее важных – техническое отделение – появилось уже в мае 1871 г. В результате реформы городского самоуправления к составу муниципалитета был причислен городской архитектор, до этого входивший в систему губернской администрации. Саратовский городской архитектор А. М. Салько³⁰, назначенный на эту должность еще в 1870 г. коронной властью, 28 мая 1871 г. стал первым членом технического отделения управы. Кроме него в отделение вошли техник, землемер, два чертежника и писец. При образовании этого подразделения к его функциям были отнесены: «а) составление проектов и смет по всем городским работам и сооружениям и наблюдение за производством работ; б) составление чертежей на дворовые места, отводимые частным лицам и выкопировок из городского плана, затем, по утверждении за частными лицами мест, отвод оных и отбивка линий (т.е. границ дворового места – М. З.); в) рассмотрение представляемых на утверждение управы планов и фасадов частных зданий в городе, проверка правильности их на месте и затем наблюдение за производством построек согласно утвержденных планов; г) выдача разрешений на ремонтные исправления частных зданий; д) составление описей имениям, закладываемым в городском общественном банке; е) составление смет на возведение частных зданий в таких случаях, когда выдаются на это частным лицам ссуды из вспомогательного капитала ... ; ж) составление описей состоящим в городе зданиям для публичной продажи оных»³¹. Эти функции отделение сохраняло весь изучаемый период, тогда как его штат постоянно увеличивался: в 1910 г. в состав входило уже два городских архитектора (А. М. Салько и Д. Ф. Стерлигов), городской инженер (В. А. Люкшин) и пять техников, а к 1913 г. состав технического отделения вырос до 14 чел.³².

Гораздо больше времени потребовалось городскому самоуправлению, чтобы организовать медико-санитарное отделение. Получив (также в результате городской реформы 1870 г.) в свое ведение врачебно-санитарное дело, Саратовская городская дума до середины 1890-х гг. ограничивалась отдельными мероприятиями, связанными с улучшением медицинской помощи и санитарного состояния города. Только в ноябре 1894 г. было принято решение «все санитарное дело города сосредоточить в особое санитарное отделение городской управы», которым будет заведовать один из ее членов. Причем дума постановила в связи

³⁰ А. М. Салько оставался городским архитектором Саратова до 1914 г.

³¹ ГАСО, ф. 4, оп. 1, д. 28, л. 1–2.

³² См.: Саратов в кармане: путеводитель. Саратов, 1910. С. 128; ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 766, л. 7 об.–8.

с этим увеличить количество членов управы до пяти, о чем упоминалось выше³³.

К началу 1910-х гг. делопроизводство управы состояло из следующих подразделений: канцелярия городской думы и канцелярия управы, секретариат (с регистратурой, архивом и столом по справочным ценам), бухгалтерия (включая стол по выдаче торговых документов и кассу), отделения – медико-санитарное (с санитарным бюро), техническое, ремонтно-строительное, хозяйственное, водопроводное, канализационное, земельно-лесное, оброчное, оценочно-окладное, городских предприятий, народного образования, квартирно-воинское, контрольное (с инвентарным столом), столы – электрический, воинский (учет призывников), по ночному караулу и юридический. Общее число служащих в этих структурах превышало 140 чел.³⁴

Масштабы деятельности управы в определенном смысле характеризует также количество входящих и исходящих бумаг, хотя данные о нем удалось найти пока только за отдельные годы (табл.).

Таблица

Движение бумаг в Саратовской городской управе³⁵.

Годы	1883	1894	1903	1905	1906	1907	1908	1909	1910	1911	1912
Входящих бумаг	6354	9482	13115	11268	12639	13900	14439	15925	17677	22680	21142
Исходящих бумаг	9304	10410	11178	13245	12775	13214	15320	14642	15235	17130	16997

«Закат» прежних органов городского самоуправления начался после Февральской революции. 15 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило «Временные правила о производстве выборов гласных городских дум». При этом новая власть не планировала принципиально менять структуру муниципалитетов. Пост городского головы и городская управа сохранялись в качестве основных исполнительных органов. Действующие должностные лица продолжали осуществлять свои полномочия вплоть до выборов. Однако, в условиях двоевластия возникли острые противоречия между Временным правительством и Советами как в центре, так и на местах. «Демократические» силы оказывали давление на старые муниципалитеты, в связи с чем многим городским служащим приходилось досрочно покидать свои посты.

Последний дореволюционный городской голова Саратова М. Ф. Волков оставил свой пост 28 апреля 1917 г. и передал дела замещающему место городского головы, члену управы А. А. Яковлеву. В формулярном списке Яковлева отмечено, что он исполнял обязанности городского головы с 28 апреля по 4 ав-

³³ *Матвеев И. Н.* Г[ород] Саратов в санитарном отношении в 1906 г. Отчет санитарного врача. Саратов, 1908. С. 14.

³⁴ «Саратов в кармане»: путеводитель. С. 125–128; Краткий отчет о деятельности саратовского городского общественного управления за 1909–1912 гг. Саратов, 1913. С. 22.

³⁵ ИСГД. 1909. Апрель – июль. Отд. VI. С. 68. Обзор деятельности саратовского ... С. 78; Краткий отчет о деятельности ... С. 24.

густа 1917 г.³⁶. Именно до этого дня продолжались и полномочия членов Саратовской городской управы, избранных по Городовому положению 1892 г. Выборы гласных по правилам, введенным Временным правительством, состоялись 9 июля 1917 г. Дума нового состава постановила устранить членов старой управы от участия в голосовании и учредить новую управу в составе 10 членов. 4 августа на должность городского головы был избран Л. А. Мукосеев, выборы заместителя городского головы и членов управы происходили на заседаниях 4–25 августа³⁷. В истории саратовского городского самоуправления наступил новый этап.

³⁶ ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1083, л. 9 об.–10 об.

³⁷ См.: ГАСО, ф. 4, оп. 2, д. 1014, л. 24–59; д. 3864, л. 8–10.

ИЗ ИСТОРИИ ЭСЕРОВСКОГО ТЕРРОРА В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Толчком к массовому рабочему движению 1905 г. в Саратове явилось известие о «Кровавом воскресеньи» – массовом расстреле правительственными войсками мирного шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу. В стачки и забастовки вовлекались новые слои рабочих, росла их организованность. Стачечное движение быстро распространялось по губернии, активизируя крестьянство. Отдельные крестьянские выступления наблюдались уже в январе – марте 1905 г.

За период первой русской революции крестьянское движение в Саратовской губернии по своему размаху было шире, чем в среднем по стране. Основными формами крестьянской борьбы стали порубка лесов, поджоги помещичьих усадеб, увоз хлеба и т.д. Процент уничтоженных в Саратовской губернии барских усадеб более чем в шесть раз превзошел общероссийский уровень¹. Губернатор П. А. Столыпин регулярно объезжал уезды, созывал крестьянские сходы, на которых лично разговаривал с крестьянами. Подобные меры приносили лишь временный результат.

Осенью 1905 г. крестьянское движение достигло наивысшей точки своего подъема. Оно охватило все десять уездов губернии. С расширением масштабов волнений и нехваткой воинских подразделений губернатор отдал распоряжение уездным властям применять огнестрельное оружие. К нему на помощь был командирован генерал-адъютант Виктор Викторович Сахаров². Он умирлял крестьянские беспорядки также в соседних Пензенской и Тамбовской губерниях, но большую часть времени генерал проводил в уездах Саратовской губернии. Ему удалось овладеть ситуацией. Во время редких приездов Сахарова в губернский центр он располагался в доме губернатора на углу Вольской и Малой Сергиевской (ныне Мичурина) улиц (в настоящее время в этом здании находится Областной противотуберкулезный диспансер); здесь же он принимал посетителей.

22 ноября (по старому стилю) 1905 г. около часа дня к дому губернатора подъехал экипаж. Из него вышла элегантно одетая дама 30-ти с небольшим лет. Из-под круглой шапочки с меховой оторочкой и барашковым малиновым верхом виднелись русые волосы, собранные в аккуратный пучок. Большие голубые глаза ее смотрели спокойно и уверенно. Войдя в швейцарскую, она спросила дежурного полицейского чиновника: «Принимает ли его превосходительство?»

Женщина пришла на прием к генералу В. В. Сахарову. Получив утвердительный ответ, она неторопливо сняла верхнюю одежду, вошла в приемную и попросила губернаторского чиновника особых поручений доложить о ней гене-

¹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1999. Т. 2. Ч. 2. С. 205.

² Там же. С. 223–224.

ралу. В руке молодая особа держала сложенный вчетверо лист бумаги³. Это было прошение на имя генерала, в котором она, якобы помещица Пензенской губернии Софья Фокина, просит прислать солдат и казаков для защиты своего имения от крестьян. Ни лишенные какой-либо суеты и нервозности манеры, ни приятная наружность просительницы не вызвали никаких подозрений⁴.

Сахаров приказал просить. Принимал он в гостиной, где кроме него самого находился также его адъютант Судовкин. Дама вошла в кабинет, пожалала протянутую ей генералом руку, села в кресло и подала прошение. Генерал углубился в чтение. Неожиданно женщина выхватила из-под пояса браунинг и сделала четыре выстрела в упор. Пули попали генералу в руку, грудь и переносицу. На звуки стрельбы вбежали губернатор, кабинет которого находился рядом и чиновники. Они застали Сахарова уже без признаков жизни, лежащим на полу, а адъютант держал убийцу за руку. Пистолет с дымящимся дулом лежал здесь же, на полу. В нем оставалось еще два заряда. По словам адъютанта, бросая его, террористка проговорила: «Не беспокойтесь, больше стрелять не буду – генерал уже мертв»⁵.

Вечером того же дня тело покойного перенесли из губернаторского дома в Крестовую церковь (находилась в архиерейском доме; дом сохранился, сейчас это здание Духовной семинарии на ул. Волжской, 36), где епископом Гермогеном была совершена панихида. Около архиерейского дома собралась громадная толпа, разлившаяся вскоре на всю Никольскую (ныне улица им. А. Н. Радищева) улицу и Соборную площадь. Люди стояли даже на колокольне кафедрального собора. Вдоль Липок были выставлены войска.

На следующий день в одной из комнат приемных покоев епископа тело убитого было подвергнуто судебно-медицинской экспертизе и забальзамировано. Вскрытие установило, что две пули раздробили грудную кость и застряли во внутренних органах, одна засела в правой руке, мелко раздробив кость, а четвертая – поразила брюшную полость. У переносицы оказалось не пулевое ранение, а травма, полученная при падении генерала на пол. Пули остались в теле, вероятно, потому, что были разрывные, а может быть, из-за того, что выстрелы производились в упор.

В 13-30 состоялся вынос тела в кафедральный собор. Впереди печальной процессии несли крышку гроба, на которой лежала сабля покойного, затем – венки, далее шествовало духовенство. Гроб несли офицеры, и поддерживал губернатор. Под звуки траурной музыки гроб был внесен в собор. Соборная площадь не могла вместить всех желающих наблюдать за происходящим. Наиболее отчаянные зрители стояли на крышах музыкального училища (ныне здание консерватории) и дома купца И. Г. Кузнецова (место напротив консерватории на проспекте Кирова, где в настоящее время расположен фонтан). Вряд ли это были всего лишь толпы зевак, падких до зрелищ. Наверное, стремление людей

³ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 2–3; Саратовский листок. 1905 23 нояб.

⁴ ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 2–3.

⁵ Саратовский листок. 1905 23 нояб.

присутствовать при незаурядных событиях – это скрытая в каждом из нас потребность ощутить свою причастность к историческому процессу?

Церемония отпевания состоялась 24 ноября. Задолго до нее Соборная площадь, Немецкая, Александровская улицы, по которым затем должна была следовать похоронная процессия, наводнились публикой. Перед обрядом епископ сказал речь, в которой назвал генерала «искупительной жертвой государственного строительства» и выразил надежду на то, что она «в ряду других жертв была последней»⁶. Затем началось траурное шествие.

Оно представляло весьма торжественное зрелище: впереди гроба шли певчие с военным оркестром, играющим похоронный марш, трое офицеров несли ордена покойного на подушках; затем следовало духовенство во главе с епископом Гермогеном. За гробом скорбно шагали губернатор П. А. Столыпин, прокурор судебной палаты А. А. Макаров и представители местной администрации в парадной форме. Катафалк конвоировали казаки, войска со знаменами. Гроб утопал в венках – от губернатора, городской полиции, частных лиц. Похоронное Кудрявцевское бюро предоставило катафалк-новинку: он освещался десятками электрических лампочек. Людское море сопровождало процессию на всем пути ее следования от собора до железнодорожного вокзала. Так жители Саратова провожали в последний путь человека, для которого наш город стал роковым.

На вокзале деревянный гроб с телом был установлен в другой – металлический, герметично закупоренный, – и оба гроба помещены в специальный вагон⁷. Поезд с траурным вагоном отправился в Петербург после трех часов дня.

Женщину, так хладнокровно убившую генерала Сахарова сразу арестовали. Губернатору она сказала, что приехала в Саратов и казнила генерала по приговору «летучего отряда боевой организации социалистов-революционеров». Это убийство – акт возмездия за подавление аграрных беспорядков. Назвать свою фамилию и отвечать на какие-либо другие вопросы эсерка категорически отказалась.

Ее отправили в тюремный замок. В экипаже задержанная спрашивала у пристава названия улиц, по которым ехали, что не противоречило ее словам о том, что она – приезжая⁸. В тот же день было установлено, что убийца действительно прибыла в Саратов в ночь с 21-го на 22-е ноября и встречалась с активным членом местной боевой организации неким Н. Г. Мелентьевым⁹.

По свидетельству очевидцев, при конвоировании она, имея в виду Сахарова, якобы, кричала: «Теперь не будет мучить крестьян!». В тюрьме, куда заключили новую узницу, прошли беспорядки – арестанты требовали ее освобождения. Для их усмирения пришлось вызывать войска¹⁰.

Поскольку убийца генерала отказалась назвать свое имя, то жандармам предстояло самим ответить на этот вопрос. Саратовское охранное отделение,

⁶ Саратовский дневник. 1905 24 нояб.

⁷ Там же. 25 нояб.

⁸ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 2–3; Саратовский дневник. 1905 23 нояб.

⁹ ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 3 об.

¹⁰ Саратовский листок. 1905 2 дек.

проявляя изобретательность, напряженно работало в этом направлении. Версии относительно личности преступницы чередовались одна за другой. Согласно одной из них, арестованная – никто иная, как скрывавшаяся доселе в Сибири некая Анна Доброхотова, согласно другой, задержанная женщина – дочь одного из служащих в имении Нарышкиных Пады в Балашовском уезде Н. И. Попова. На смену этим предположениям приходили другие: убийца будто бы очень похожа то на жену бывшего заведующего мельницей П. И. Печугина, то – вылитая дочь священника села Старый Карабулак Саратовского уезда, то – точь-в-точь учительница одного из сел, жители которого якобы остались очень недовольны посещением их Сахарова¹¹.

Для раскрытия личности преступницы пошли в ход всевозможные сыскные приемы. В частности, жандармы пытались заставить «заговорить» вещи, в которые была одета неизвестная. Экспертизе подвергали даже ее белье (вернее, его качество), чтобы выяснить социальную принадлежность женщины¹². На подкладке ботинок, в которые она была обута, стоял номер. Удалось выяснить, что эти ботинки изготовлены в магазине обуви Скурятникова в Москве. В книге заказов магазина имелась запись, что ботинки под этим номером были изготовлены для проживавшей в Москве жены купца – торговца чаем Некрасова Анны Николаевны. Между тем на допросе Некрасова показала, что злополучные ботинки она пожертвовала в пользу бедных студентов. Таким образом, и эта версия зашла в тупик¹³.

3 марта 1906 г. в военном суде, который заседал в казармах Хвалынского батальона на Московской площади (в настоящее время застроена корпусами СГУ и зданием Военного института внутренних войск МВД), преступница, названная «неизвестной женщиной, убившей генерала Сахарова», была приговорена к смертной казни через повешение. Однако обстановка в губернии была настолько огнеопасной, что суд постановил возбудить от себя ходатайство перед командующим Казанским военным округом о смягчении участи и о замене смертной казни. Ходатайство было удовлетворено – казнь заменили бессрочной каторгой¹⁴.

Защищал подсудимую адвокат А. М. Масленников. Ходили глухие слухи, будто адвокат демонстративно возил в тюрьму подзащитной роскошные букеты цветов. Слух не подтвердился, но любопытен сам факт возникновения подобных разговоров. Он характеризует настроения, царившие в обществе¹⁵.

Против решения суда по городу прокатилась волна протестов. Так, прошла общегородская акция протеста учащихся всех учебных заведений, к которой 6 марта 1906 г. присоединились даже воспитанники пяти классов православной духовной семинарии¹⁶.

¹¹ ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 12–34.

¹² *Славин И. Я.* Минувшее-пережитое // Волга. 1999. № 8. С. 134.

¹³ ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 19–19 об.

¹⁴ Саратовский листок. 1906 4 марта.

¹⁵ См.: *Славин И. Я.* Указ. соч.

¹⁶ *Краснощеков К.* Из истории Саратовской православной духовной семинарии: сборник. Вып. 2. Саратов, 2008. С. 18.

Неизвестно, сколь долго продолжался бы процесс идентификации, если бы осужденная не заговорила сама. Наверное, ей надоело молчать. А, может, она не хотела отпрапляться «во глубину сибирских руд» безымянной? Телеграммой, отправленной 11 апреля 1906 г. директору Департамента полиции, Саратовская охранка рапортовала, что убийца генерала Сахарова назвалась Анастасией Алексеевной Биценко, выпущенной 16 марта 1905 г. из Петербургской тюрьмы¹⁷. В информации, попавшей в прессу, ее фамилия звучала также как Буценкова¹⁸. По происхождению она оказалась крестьянкой.

Дальнейшая судьба этой женщины заслуживает отдельного рассказа. Февральская революция освободила ее и открыла пути для продолжения своей революционной деятельности. В дни октябрьских боев она сражалась за власть Советов на улицах Москвы; баллотировалась в Учредительное собрание. Биценко находилась среди участников делегации на Брест-Литовских мирных переговорах. В 1918 г. по рекомендации Я. М. Свердлова она была принята в ряды коммунистической партии, затем работала в кооперации, на преподавательской, хозяйственной, советской и партийной работе. Пуля, когда-то пущенная ею по поручению летучего отряда эсеров, вернулась к ней бумерангом: в 1938 г. А. А. Биценко была арестована по обвинению в принадлежности к эсеровской террористической организации. 16 марта 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила ее к расстрелу¹⁹.

Кто же прав: дворянин Сахаров, усмирявший взбунтовавшихся крестьян или крестьянка Биценко, жестоко покаравшая его за это? Стоит ли искать ответ на этот вопрос, когда уже есть не нами писанные заповедные истины «не убий» и «не судите...»?

¹⁷ ГАСО, ф. 57, оп. 1, д. 43, л. 39.

¹⁸ Саратовский листок. 1906 14 апр.

¹⁹ Политические деятели России. 1917: Биографический словарь. Москва, 1993. С. 32.

Е. Г. Миронова

**САРАТОВКИЙ УЧЕБНО-ЗАРАБОТНЫЙ ДОМ ПРИ БРАТСТВЕ
СВЯТОГО КРЕСТА (1869–1918 ГГ.)**

Благотворительная деятельность православных братств конца XIX – начала XX вв. продолжала традиции благотворительности Русской Православной Церкви предшествующих столетий. В понятии «благотворительность» существует несколько аспектов. Это и проявление сострадания к ближнему, и нравственная обязанность имущего спешить на помощь неимущему, и негосударственная форма помощи нуждающимся категориям населения.

Изучение деятельности Саратовского учебно-заработного дома, также как и изучение деятельности самого Саратовского братства Святого Креста, проводилось достаточно поверхностно. Оно ограничивалось лишь краткими заметками в публицистике и упоминаниями в исследованиях саратовских краеведов¹, которые носят информативно-ознакомительный характер. В связи с этим основными источниками для написания данной статьи явились документы из фонда № 605 Государственного архива Саратовской области, отчеты Саратовского православного братства Святого Креста и Саратовские епархиальные ведомости за 1869–1918 гг.

В связи с тем, что на 1 февраля 1869 г. в кассе благотворительного союза на нужды нищенствующих детей было перечислено 1176 руб. 62 ³/₄ коп. от 25 человек, а также в связи с заинтересованностью жителей г. Саратова, союзный Совет братства Святого Креста счел возможным открыть на следующих основаниях в городе учебно-заработный детский дом: «1) ... с целью уменьшения числа нищенствующих в городе Саратове детей обоего пола, чрез доставление им возможности, оставаясь при своих родителях, не только бесплатно обучаться некоторым мастерствам и грамотности, но также иметь, во все времена обучения, дневную пищу и зарабатывать себе на платье и обувь; 2) ... принимать детей, начиная от 6-тилетняго и до 13-тилетняго возраста и оставлять в оном на неопределенное время, то есть пока достаточно научатся зарабатывать себе

¹ См.: Пудовочкина О. К. Братство Святого Креста (50 лет деятельности. 1866–1917 гг.) // Саратовские епархиальные ведомости. 1993; Воробьев Михаил, иерей. Православное краеведение. Исторические очерки. М., 2002.

пропитание, но во всяком случае не дольше, как до 16-ти лет; 3) детей обоего пола обучать вместе: а) Закону Божию, б) чтению, в) письму, г) счислению, преимущественно в уме и на счетах, д) пению и черчению, на сколько это последнее необходимо для преуспевания в ремеслах, е) сапожному и башмачному мастерствам, и, сверх того, девочек шитью и вязанью, 4) из выручки от продажи произведений заработного дома, за вычетом стоимости материалов, одну треть обращать в пользу заработавших, и прежде всего на снабжение их бельем, платьем и обувью; 5) заведывание учебно-заработным домом, состоящим под управлением совета Благотворительного союза, подчинить особому попечительству из 6-ти попечителей и 8-ми попечительниц, избираемых из членов союза, возложив на означенное попечительство, пред окончательным выпуском учащихся, озаботиться, по возможности, устройством судьбы их, приискивая им помещение у мастеров, фабрикантов, торговцев и т.п.»².

Получив 5 марта 1869 г. разрешение от Саратовского уездного училищного совета за № 43, 25 марта 1869 г. в присутствии попечителя братства Святого Креста и членов благотворительного союза Саратовский учебно-заработный детский дом был открыт. Первоначально количество детей, которое могло вместить это заведение, составляло 20 человек. Согласно его уставу, в учебно-заработный дом принимались дети «саратовских обывателей обоего пола, занимающиеся нищенством»³, сироты и бесприютные, прибегающие к прошению милостыни, дети, содержащиеся в тюрьмах при родителях-преступниках.

Учебно-заработный дом содержался на постоянные и единовременные пожертвования членов благотворительного союза и на деньги, жертвуемые жителями г. Саратова. Позже, в 1890 г., к ним присоединились и субсидии Саратовской городской думы и общества купцов и мещан⁴. Кроме денежных в приют поступало немало и других пожертвований: съестными припасами, канцелярскими принадлежностями, книгами, иконами, одеждой, мебелью и т.п.

Управление учебно-заработным домом было возложено на Совет благотворительного союза, который состоял из определенного числа членов, избираемых общим собранием на основании положения о благотворительном союзе.

На общем собрании членов союза 5 марта 1869 г., в состав попечительства учебно-заработного дома были избраны: княгиня Мария Афанасьевна Щербатова, Софья Петровна Давыдова, Юлия Петровна Щепкина, баронесса Ольга Илларионовна Остен-Сакен, Евдокия Феодотовна Шафранова, Ольга Яковлевна Сорокина, Любовь Фоминишна Нашканг, Елизавета Петровна Халкионова, Семен Николаевич Шафранов, Николай Денисович Давыдов, Михаил Александрович Попов, Николай Павлович Щепкин, Федор Степанович Никитин и Константин Федорович Егоров.

² Отчет Братства Святого Креста за 1879 г. // Приложение к Саратовским епархиальным ведомостям. Саратов, 1880. С. 426–427.

³ Устав Саратовского учебно-заработного детского дома при Благотворительном Союзе Братства Святого Креста // Приложение к Саратовским епархиальным ведомостям. Саратов, 1870. С. 1.

⁴ Саратовские епархиальные ведомости. 1891. № 19. С. 462.

Для особого надзора за заведением, Совет должен был избирать из своей среды четырех попечителей, в обязанности которых входило наблюдение за обучением и поведением воспитанников, закупка учебных пособий, ремесленных инструментов и материалов, приобретение мебели, посуды и других необходимых предметов, продовольственное обеспечение воспитанников, ведение денежных и материальных книг, установленных Советом, наблюдение за имуществом заведения, порядком и чистотой, а также за исполнением служащими своих обязанностей. Надзор за воспитанниками и все хозяйственные вопросы вверялись особой надзирательнице, нанимаемой Советом. Со дня основания учебно-заработного дома ею являлась Анна Любомирова.

В связи с тем, что в конце 1869 г. саратовский городской глава уведомил Совет о постановлении городского общества от 4 декабря о поручении общественному банку отпускать из его прибылей в течение трех лет, начиная с 1870 г. по 500 руб. в год на содержание заработного дома, Совет постановил удвоить с 1870 г. число воспитанников и принимать их на полное содержание. В результате в том же году в учебно-заработном доме обучалось уже 40 человек (18 мальчиков и 22 девочки), из которых 20 были переведены с 1869 г. Из оказавшихся в этом заведении в 1870 г. детей, одна девочка была доставлена из тюрьмы, где она находилась при матери-преступнице, а семь человек были взяты с улицы, как занимавшихся попрошайничеством. В целом, обучающиеся в учебно-заработном доме дети принадлежали к разным сословиям и слоям общества. Про прошествие двух десятилетий с момента открытия этого заведения, т.е. в 1889 г. в нем числилось более 48% детей мещан, более 21% детей солдат, столько же крестьянских детей, 5% детей дворян и чиновников, более 3% детей колонистов и ½% детей людей неизвестного звания⁵.

В процессе обучения учащиеся были разделены на две группы: старшую и младшую. Элементарным предметам и Закону Божьему в старшей группе обучались дети, принятые преимущественно в 1869 г., а в младшей – дети, принятые в 1870 г. К 1872 г. в заведении обучалось всего 47 человек. Тогда же из воспитанников учебно-заработного дома был составлен небольшой хор, который по воскресным и праздничным дням пел на клиросе в Крестовой церкви при архиерейском доме.

В первоначальную программу детских занятий в учебно-заработном доме входило обучение детей грамоте и ремеслам. Программа состояла из: 1) изучения общеупотребительных молитв, ознакомления с событиями священной истории Ветхого и Нового заветов, краткого объяснения богослужения и церковного пения, 2) первоначального обучения чтению, объяснительного чтения, разучивания наизусть басен и стихов, 3) ознакомления с нумерацией до тысячи, освоения четырех арифметических действий, именованных чисел, упражнений на счетах и 4) первоначального обучения письму и написания диктантов. Что касается практических работ, то «мальчики учились шить сапоги и башмаки, девочки и младшие мальчики занимались шитьем белья и платья, починкою, вязанием чулок, девочки исполняли разные работы по дому: мыли полы, участ-

⁵ Братская помощь // Приложение. 1889. № 20. С. 6.

вовали в приготовлении еды, стирали белье для себя. С 1914 г. при Приюте открыта переплетная мастерская»⁶.

В 1879 г. учебная программа заработного дома была значительно расширена. Закон Божий, грамматика и арифметика стали преподаваться во всех курсах начальных училищ. Окончившим с успехом курс обучения в уездных училищах Совета, выдавались свидетельства, дающие право мальчикам на льготу по воинской повинности четвертого разряда. С этого же времени была расширена также программа ремесленных работ. Для девочек во флигеле было устроено особое отделение, куда переводились старшие по возрасту для практических занятий. Постоянных жительниц этого отделения было 20 человек. Они обучались вязанию крючком и спицами (шапок, кружев, платков, салфеток и т.п.), вышиванию тамбуром и по канве, шитью белья и платья, стирке и приготовлению пищи.

К 1889 г. учебно-заработный дом окончило 591 человек. Из них 376 выпускников были возвращены на попечение родителям и родственникам. 23 человека продолжили обучение в Александровском ремесленном училище (22 мальчика) и Епархиальное женское училище (одна девочка), 84 учащихся получили направления в различные мастерские (модные, белошвейные, портняжные, сапожные, картузные, тулупные, парикмахерские, табачные, булочные, кондитерские, механические, резные, шорные, фотографии), четыре бывших воспитанника оказались в сфере торговли (торговые лавки, книжный и музыкальный магазины), столько же было направлено в различные приюты приют Галкина-Враскина, «Убежище Св. Хрисанфа», учебно-исправительный), на дальнейшее воспитание было отдано 17 воспитанников, в услужение – 59. Остальные 21 учащихся умерли⁷.

Из числа выбывших, курс обучения начального училища окончили 62 мальчика и семь девочек, т.е. около 12% общего числа выпущенных детей. Это объясняется тем, что полный курс обучения начальных училищ преподавался только с 1879 г., следовательно, с этого времени и были введены выпускные экзамены. К тому уже большая часть родителей и родственников забирали своих детей до окончания ими обучения. Совет не удерживал этих детей, зная, что открытия вакансий ожидают десятки нуждающихся⁸.

В 1874 г., благодаря пожертвованию члена Совета благотворительного союза братства Святого Креста Алексия Юментова, в размере 700 руб., состоялась покупка помещения для учебно-заработного дома, расположенного рядом с Киновией (ныне ул. Октябрьская, 45). Стараниями Юментова, который заведовал постройками и ремонтом дома, и членов благотворительного союза, здание было отремонтировано и приведено в рабочее состояние. В числе жертвователей на учебно-заработный дом также были: Саратовская городская дума, общество купцов и мещан, а также частные лица, помогающие как материально, так и вещественно: А. И. Недошивина, И. М. Шмуккер, А. Г. Норден, Е. Я. Горин и

⁶ Саратовские епархиальные ведомости. 1915. № 15. С. 676.

⁷ Братская помощь. С. 4–5.

⁸ Там же. С. 6.

др. В 1892 г. для пожертвований дому был образован неприкосновенный капитал «Сиротского учебно-заработного детского дома», который составлял на момент создания из 23500 рублей⁹.

Война с Турцией увеличила число нуждающихся за счет детей, родители которых были призваны на войну. Для оказания помощи семействам, ушедших на фронт воинов, созданное в 1878 г. городское попечительство постановило открыть при заработном доме дополнительных 30 вакансий для этих детей. Реализуя это решение, служащие этого заведения выкопали под домом подвал и оборудовали его под помещение для кухни, столовой и мастерской. Таким образом, если раньше дом мог вместить только 100 детей, то теперь еще на 20 человек больше¹⁰. 25 марта 1879 г. общее собрание благотворительного союза постановило открыть при заработном доме ремесленные женские классы для обучения девочек «приготовлению кушания, стирке белья и белошвейному делу»¹¹.

В 1889 г. учебно-заработный дом отметил свое двадцатилетие. По описаниям очевидцев, не смотря на то, что дом, где он располагался, и обстановка в нем были бедными, условия жизни его воспитанников были приближены к домашним условиям детей из простонародья¹².

Учебно-заработный дом располагался на Грянской площади г. Саратова (угол улиц Полицейской и Часовенной), «в каменном доме с флигелем»¹³. До 1893 г. мальчики и девочки находились в одном помещении, но с 14 февраля 1893 г. мальчики были переведены в пожертвованный Ефимом Яковлевичем Гориним двухэтажный дом (угол Покровской улицы и Нескучного переулка)¹⁴. Девочки же оставались жить в старом здании на Михаило-Архангельской площади в домах благотворительного союза. До отделения мальчиков от девочек в учебно-заработном доме хозяйством и административной частью заведовала старшая надзирательница А. Е. Любомирова. С 14 февраля 1893 г. отделением мальчиком заведовал Д. С. Яковлев¹⁵.

Для обучения своих воспитанников благотворительный союз привлекал лучшие учительские кадры. Так, в 1915 г. обучения детей в школу при учебно-заработном доме были приглашены законоучитель диакон В. С. Попов, «три учительницы: по отделению девочек Р. П. Лебедева и учитель пения В. И. Кондратьев. Для обучения переплетному, сапожному и белошвейному мастерствам имелось два мастера и мастерица»¹⁶. Наиболее способных учащихся благотворительный союз обучал в других учебных заведениях Саратова с более широкой программой. Так, например: три мальчика обучались в Саратов-

⁹ Саратовские епархиальные ведомости. 1893. № 18. С. 456.

¹⁰ Братская помощь. С. 3.

¹¹ Отчет Братства Святого Креста за 1879 г. С. 71.

¹² Братская помощь. С. 1.

¹³ Саратовские епархиальные ведомости. 1893. № 18. С. 455.

¹⁴ Там же. 1894. № 11. С. 164.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАСО, ф. 605, оп. 2, д. 38, л. 3.

ском коммерческом училище, десять – в Александровском ремесленном училище, четыре – в торговой школе и один – в школе садоводства¹⁷.

Учебно-заработный дом существовал вплоть до 1918 г. и выпустил не один десяток учащихся, получивших хорошие рабочие специальности и являлся одним из наиболее значимых действий благотворительного союза. Дети обучались там не только грамоте, но и ремеслам, которые в дальнейшем помогали им устроиться в жизни. Количество учащихся с каждым годом увеличивалось, что говорило об успешной деятельности этого образовательного учреждения.

¹⁷ ГАСО, ф. 605, оп. 2, д. 38, л. 3.

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМСКОЙ САНИТАРИИ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В истории России вторая половина XIX–начало XX вв. были временем масштабных преобразований в жизни государства и общества. После отмены крепостного права последовали реформы в социально-экономической, общественно-политической и культурной сферах. Земская реформа 1864 г. ввела органы местного самоуправления в 34-х губерниях России. Земство явилось принципиально новым для России учреждением. Это был представительный орган местного самоуправления на уровне уезда и губернии, обладавший определенными полномочиями. Земство на протяжении почти всей своей истории вынуждено было существовать в условиях российского абсолютизма, параллельно с бюрократической, централизованной государственной системой. Тем не менее, в этих условиях земству удалось сохранить свою специфику, независимость и авторитет.

Перед новым общественным институтом стояла весьма серьезная задача – создание развитой инфраструктуры российского села. Требовалось проведение целого ряда мероприятий по повышению образовательного и культурного уровня населения, улучшению его экономического благосостояния. Здравоохранение являлось одним из важнейших направлений практической деятельности земских учреждений. По «Положению 1864 г.» земства должны были осуществлять содержание больниц и богаделен, проводить санитарные мероприятия¹.

Становление земской санитарной организации в Саратовской губернии представляло собой сложный и противоречивый процесс. Важную роль в развитии земской медицины играли губернские съезды врачей. На этих съездах обсуждался самый широкий круг проблем, затрагивавших все стороны земской медицинской организации, но в центре внимания врачей были вопросы улучшения санитарно-гигиенических условий труда и быта сельского населения, профилактики заболеваний, разработки противоэпидемических мероприятий.

Врачебные съезды далеко не сразу стали неотъемлемой частью земской жизни. Впервые съезд земских врачей был созван Тверским губернским земством в 1871 г.² До 90-х гг. XIX в. съезды носили неустойчивый характер и работали с продолжительными перерывами. Это было связано с недоверием к «третьему элементу» со стороны земских деятелей. По инициативе врачей в работе съездов стали принимать участие представители уездных земств, что должно было способствовать выполнению постановлений съездов. Однако решения съездов носили не обязательный, а рекомендательный характер. Данное обстоятельство, безусловно, ограничивало их влияние на практическую деятельность врачей.

¹ ПСЗ II. СПб., 1867. Т. XXXIX. № 40457.

² *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. I. СПб., 1909. С. 300.

Первый съезд земских врачей Саратовской губернии состоялся в 1876 г. по инициативе губернской управы во главе с В. А. Федоровским. Протоколы съезда были разосланы гласным губернского и уездных земских собраний. Среди наиболее важных тем, затронутых на съезде, следует выделить вопрос об учреждении повивального института. Отсутствие квалифицированной акушерской помощи на селе поставило земство перед необходимостью создания в Саратове повивального института, «где бы практически обучались повивальному искусству и оспопрививанию повитухи уже практиковавшие, а также и вновь заявившие желание заниматься этим делом»³. Ввиду недостаточной разработанности последнего вопроса съезд передал его на обсуждение уездных земских собраний⁴.

Земские врачи встретили ожесточенное сопротивление губернского земского собрания, которое ставило под сомнение целесообразность проведения съезда, считая, что «съезд не может придумать ничего нового, практически осуществимого, что могло быть бы принято с пользой для земства»⁵. Следствием подобных убеждений стало то, что Второй съезд был созван только спустя десять лет в 1886 г. по инициативе председателя губернской земской управы М. С. Кропотова. На этом съезде обсуждались конкретные вопросы организации медицинской помощи населению и проведения медико-статистических исследований в губернии⁶. Последующие III–VII съезды проводились ежегодно⁷.

³ См.: Протоколы заседаний Саратовского съезда земских врачей 12–18 августа 1876 г. Саратов, 1876.

⁴ Повивальный институт по замыслу земских врачей открыт не был, однако в 1896 г. по инициативе Саратовского санитарного общества (см. ниже) была открыта женская фельдшерская (с 1903 г. повивально-фельдшерская) школа. Обучение в ней осуществлялось по программе, утвержденной медицинским департаментом министерства внутренних дел. Здание школы было построено на общественные средства, оснащено всем необходимым учебным оборудованием. Преподавательский состав отличался высоким уровнем профессионализма. Он был представлен практикующими врачами г. Саратова, которые вели занятия бесплатно, в свободное от основной деятельности время (См.: ПСЗ. СПб., 1913. Кн. 3. Т. XI. Ч. 1. С. 1662–1663; Труды Восьмого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1903. Т. II. Вып. 2. С. 26).

⁵ См.: Систематический сборник постановлений Саратовского губернского земства. Саратов, 1892. Ч. 1. С. 592; Журналы одиннадцатого очередного Саратовского губернского земского собрания. Саратов, 1876. С. 43.

⁶ См.: Протоколы заседаний Второго съезда земских врачей и уполномоченных уездных земств Саратовской губернии, созванного при Саратовской губернской земской управе с 1-го по 6-е декабря 1886 г. Саратов, 1887.

⁷ См.: Протоколы заседаний Третьего съезда земских врачей и уполномоченных уездных земств Саратовской губернии. Саратов, 1887; Протоколы заседаний Четвертого съезда земских врачей и уполномоченных уездных земств Саратовской губернии. Саратов, 1888; Пятый губернский съезд земских врачей и представителей земств Саратовской губернии в сентябре 1889 г. Саратов, 1889; Шестой губернский земских съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии в сентябре 1890 г. Саратов, 1890. Вып. 1–2. (Материалы Седьмого съезда по неизвестным причинам не сохранились).

В 1889 г. при Саратовском губернском земстве было образовано санитарное бюро. Пятый и Шестой очередные и три экстренных съезда врачей⁸ прошли при непосредственном участии заведующего санитарным бюро Ивана Ивановича Моллесона. Обладая колоссальной энергией и неиссякаемым трудолюбием, он сочетал в себе талант организатора и врача-практика, привлекая к созданию земской санитарной организации наиболее компетентных специалистов⁹.

Его заслуга состояла в том, что он придал работе губернских съездов врачей более системный характер, и установил порядок их проведения, сохранившееся вплоть до Десятого съезда врачей. На съездах, объединивших всех земских врачей губернии, ставились вопросы, связанные с совершенствованием системы здравоохранения в губернии: ликвидации разъездной системы и фельдшеризма и создания межуездных больниц.

На первом этапе существования земской санитарной организации главная задача санитарных врачей заключалась в проведении противоэпидемических мероприятий. В 1889–1896 гг. в Саратовской губернии были заложены основы и выработаны навыки практической деятельности в области земской санитарии, что позволило впоследствии решать вопросы санитарного обслуживания на качественно ином уровне. В 1896 г. произошел конфликт между Моллесоном и губернской земской управой. Итогом стало увольнение врача и закрытие санитарного бюро.

В период с 1896 г. по 1902 г. санитарная организация в Саратовской губернии отсутствовала. Единственным санитарно-профилактическим мероприятием было оспопрививание. Возникла довольно опасная ситуация: дезорганизация санитарного надзора могла привести к тяжелым последствиям в случае возникновения на территории Саратовской губернии эпидемии. Именно поэтому передовые земские гласные и врачи незамедлительно включились в борьбу за восстановление санитарной организации Саратовского губернского земства. О необходимости возрождения санитарного бюро говорилось на губернском съезде врачей, созванном по инициативе Саратовского санитарного общества в 1900 г.¹⁰, а также на протяжении трех очередных сессий губернского земского собрания 1900–1902 гг.¹¹.

⁸ См.: Экстренный съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии 2-4 июня 1892 г.: По вопросу о борьбе с сыпным тифом и цингой. Саратов, 1892; Экстренный съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии 25 июня 1892 г.: По вопросу о борьбе с холерой. Саратов, 1892; Экстренный съезд врачей и представителей земств Саратовской губернии 4–9 декабря 1892 г.: О мероприятиях на случай возобновления холеры в 1893 г. Саратов, 1892.

⁹ См.: *Кушев Н.* Иван Иванович Моллесон. Харьков, 1927; *Вулло И. И.* Страницка из жизни первого санитарного врача России И. И. Моллесона: (К 125-летию со дня рождения) // Гигиена и санитария. 1966. № 9. С. 50–53; *Назаров В. В.* Первый санитарный врач России (о саратовском периоде деятельности Ивана Ивановича Моллесона) // Саратовский краеведческий сборник: Научные труды и публикации. Саратов, 2002. Вып. 1. С. 167–171.

¹⁰ См.: ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 2100, л. 1–2.

¹¹ См.: Журналы 34-го очередного Саратовского губернского земского собрания. Саратов, 1900. С. 56–57; Журналы 35-го Саратовского очередного губернского земского собрания. Саратов, 1901. С. 116; Журналы 36-го очередного Саратовского губернского земского

Саратовское санитарное общество возникло 9 сентября 1877 г. по инициативе саратовских врачей С. В. Крушевского, Ю. И. Гальперн и А. М. Будкевич. Основной его задачей являлось содействие улучшению общественного здоровья и санитарных условий в Саратове и Саратовской губернии. Деятельность общества носила разносторонний характер: врачи изучали причины возникновения наиболее распространенных заболеваний и повышения смертности населения, проводили большую профилактическую работу. В просветительских целях оно организовывало народные чтения по медицине и гигиене. Члены общества затрагивали вопросы, связанные со школьной гигиеной, изучали факторы негативного воздействия на здоровье детей. Саратовское санитарное общество одним из первых в России поставило вопрос об отмене телесных наказаний, принимало участие в осуществлении программы Пироговского всероссийского съезда врачей по борьбе с холерой в 1905 г. Для решения текущих вопросов оно создавало специальные комиссии, состоящие из авторитетных специалистов, изыскивало необходимые средства¹².

Саратовское санитарное общество приняло активное участие в оказании помощи голодающим во время неурожая в 1891 г. На своих заседаниях оно разрабатывало эффективные меры борьбы с голодом¹³. Была создана специальная продовольственная комиссия, получившая от саратовского губернатора А. И. Косича право собирать пожертвования. Комиссия оказывала помощь наиболее пострадавшей части населения. Для этого были организованы сельские попечительства, в состав которых входили представители местной интеллигенции и духовенства. На них лежала ответственность за распределение помощи. В Саратове действовали две бесплатные столовые, справочные бюро, склад вещей для раздачи нуждающимся предметам первой необходимости.

В 1892 г. во время эпидемии сыпного тифа и холеры по инициативе общества были созданы временные больницы и два санатория для выздоравливающих, разрабатывались противоэпидемические мероприятия, проводилась профилактическая работа с населением¹⁴. Начиная с 1886 г. члены Саратовского санитарного общества являлись активными участниками губернских съездов врачей¹⁵. Многие земские врачи принимали участие в работе общества.

В 1902 г. после продолжительного перерыва возобновила свою деятельность губернская санитарная организация, переименованная в отделение народного здоровья, которую возглавил широко известный в России санитарный

собрания. 1–19 декабря 1901 г. с приложением протоколов комиссий. Саратов, 1902. С. 140–143.

¹² Подробнее см.: *Миропольский В. И.* Общий очерк деятельности Общества Саратовских санитарных врачей с мая 1886 г. по январь 1893 г. Саратов, 1893; *Николаев Е.* Саратовское санитарное общество // Саратовская земская неделя. 1905. № 6–7. С. 59–65.

¹³ Очерки истории Саратовского Поволжья (1855–1894). Саратов, 1995. Т. II. Ч. 1. С. 123–124.

¹⁴ Саратовский санитарный обзор. 1893. № 15–16. С. 639–648.

¹⁵ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 592, л. 1–2.

врач Николай Иванович Тезяков¹⁶. Решение о создании отделения народного здоровья при Саратовской губернской земской управе было принято в декабре 1901 г.¹⁷. Необходимость восстановления санитарной организации диктовалась особыми условиями Саратовской губернии: пересечением крупных транспортных артерий и опасностью распространения эпидемий.

Еще в начале 80-х гг. XIX в. в некоторых уездах были предприняты небезуспешные попытки создания санитарных попечительств и санитарных советов, на которые предполагалось возложить функции организации земской медицины. Такие органы были созданы в Аткарском, Царицынском, Хвалынском уездах и состояли из священника, волостного старшины и уездных гласных. Говоря о необходимости создания санитарного совета, медики Аткарского уезда отмечали, что «только врачи могут быть вполне компетентными лицами в делах, касающихся народного здоровья и их деятельности, им только известно, где, когда, какого рода и в каком размере должна быть направлена врачебная помощь ... врачебная деятельность соответствовала бы всегда действительным потребностям данного времени, была бы гораздо энергичнее и контролировалась бы самым строгим судом, судом людей компетентных»¹⁸. Отсутствие четко определенной компетенции и полномочий не позволяло им оказывать реальное воздействие на состояние земской санитарии в уездах. Наиболее рационально дело было поставлено в Саратовском уезде¹⁹. В 1887 г. под руководством уездного гласного С. А. Панчулидзева здесь был создан санитарный совет²⁰.

Дальнейшее развитие санитарные советы получили в связи с восстановлением санитарной организации Саратовского губернского земства. В их состав вошли земские гласные, врачи, ветеринары. На участии в уездных санитарных советах настаивали также представители фельдшерского персонала²¹. На заседания санитарных советов на правах членов с совещательным голосом приглашались представители различных ведомств и частные лица²². Санитарные сове-

¹⁶ См.: *Идельчик Х. И.* Н. И. Тезяков и его роль в развитии земской медицины и строительства советского здравоохранения. М., 1960.

¹⁷ Журналы 36-го очередного Саратовского губернского земского собрания. С. 143.

¹⁸ Журнал 2-го очередного Аткарского уездного земского собрания на третье трехлетие 3 сентября 1873 г. Саратов, 1873. С. 73–74.

¹⁹ ГАСО, ф. 5, оп. 1, д. 926, л. 10–10 об.

²⁰ Член Саратовской городской думы И. Я. Славин, лично знавший С. А. Панчулидзева, вспоминал: «Специально военный по образованию, воспитанный в узко сословных дворянских тенденциях, которые он не скрывал, Панчулидзев весь отдался земской работе. Он был председателем комиссии, которая ведала народное здравие в уезде. Больница, амбулатории, врачи, фельдшера и проч., – все это было в ведении Панчулидзева и от него зависело. Он и сам не был чужд медицине как любитель, самоучка и дилетант. Видимо ему нравилось это дело, и он занимался нередко лечением и врачеванием в своей деревне» (См.: *Славин И. Я.* Минувшее – пережитое. Воспоминания // Волга. 1998. № 7. С. 86).

²¹ ГАСО, ф. 770, оп. 1, д. 110, л. 18.

²² Там же. Ф. 5, оп. 1, д. 1012, л. 1–4 об.

ты стали важным звеном всей системы земской медицины в Саратовской губернии²³.

На губернском санитарном совете, в частности, обсуждался вопрос о создании в Саратове центрального бактериологического института и кафедры бактериологии в Саратовском университете. В ряду факторов, побудивших земских врачей затронуть данный вопрос, указывалось на наличие в Поволжье «больших эпидемий, потребность в центральном наукопоставленном учреждении при сложных работах санитарных врачей, необходимость систематических исследований в связи с улучшением водоснабжения, с биологической очисткой нечистот, широкое применение сывороток и вакцин»²⁴.

С восстановлением санитарной организации возобновилось также проведение губернских съездов врачей. В 1903 г., 1908 г. и 1913 г. прошли очередные Восьмой, Девятый и Десятый губернские съезды земских врачей²⁵. Руководство их деятельностью осуществлял заведующий отделением народного здоровья Н. И. Тезяков. Среди наиболее важных проблем, затрагиваемых на съездах, по-прежнему, оставались вопросы борьбы с эпидемиями, организации медицинской помощи в губернских и уездных медицинских учреждениях, призрения детей-сирот, развития медицинской статистики, организации школьно-санитарного надзора. Губернские съезды врачей прекратились только с началом первой мировой войны.

Важной заслугой земской медицины явилось расширение медико-топографических и санитарно-статистических исследований. По мере развития земской медицины становилось все очевиднее, что для организации планомерной медицинской деятельности, прежде всего, необходимы данные о заболеваемости населения. Эти сведения можно было получить путем систематических массовых наблюдений, т.е. с помощью методов санитарной статистики.

На основании подробного изучения медицинских карточек амбулаторных больных Тезяков обобщил данные о заболеваемости населения Саратовской губернии за 1903–1904 гг. Это был первый опыт подобного исследования в Саратовской губернии. Работы позволили выявить факторы негативного воздействия на состояние здоровья населения²⁶. Отдельные исследования Н. И. Тезяков и земский санитарный врач И. А. Добрейцер посвятили проблеме детской

²³ Калмановский М. С. Роль и значение медицинского совета при уездной земской управе // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1911. № 12. С. 1465–1467.

²⁴ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы 46-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Саратов, 1911. С. 65; Журналы заседаний губернского санитарного совета при Саратовской губернской земской управе 27-30 октября 1909 г. // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1909. № 11. С. 1098–1100.

²⁵ См.: Труды Восьмого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1903–1904. Т. I–II; Труды Девятого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1908; Т. I–II; Труды Десятого губернского съезда земских врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. Саратов, 1913. Т. I–III.

²⁶ См.: Тезяков Н. И. Заболеваемость населения Саратовской губернии в 1903 г. Саратов, 1906; *Его же*. Заболеваемость населения Саратовской губернии в 1904 г. Саратов, 1910.

смертности²⁷. Эти исследования имели большое значение для развития санитарной статистики в России. Они также не утратили своего значения в настоящее время, представляя богатый фактический материал для историков медицины, специалистов в области социальной истории и исторической демографии.

К числу особенностей демографической ситуации в дореволюционной России следует отнести высокую детскую смертность. Одной из причин данного явления было то, что основное число детей в России, в силу ряда сложившихся традиций, рождалось в июле и августе. Это был наиболее напряженный период полевых работ. Крестьянские женщины вынуждены были поручать заботу о новорожденных старшим детям и престарелым членам семьи, что повышало риск возникновения желудочно-кишечных и простудных заболеваний, во многих случаях заканчивавшихся смертью детей²⁸.

В этой связи к мероприятиям санитарно-профилактического характера, проводившихся в дореволюционной России земскими учреждениями, следует отнести организацию яслей-приютов в летнее время. Пребывание в яслях благоприятным образом сказывалось на состоянии здоровья детей, поскольку здесь они получали полноценное питание и квалифицированную медицинскую помощь.

В 1902 г. на совещании врачей при Саратовской губернской земской управе было принято решение об открытии летом 1903 г. десяти яслей-приютов. На их устройство земское собрание ассигновало три тысячи рублей. Вместо запланированных десяти земству удалось открыть 17 яслей²⁹. Руководство яслями осуществлялось земскими учителями, медицинский контроль производился фельдшерским персоналом. Располагались ясли-приюты в основном в зданиях земских школ³⁰.

В первые годы своего существования ясли встретили недоверчивое отношение со стороны местного населения. Их организаторам пришлось «бороться с самыми примитивными толкованиями (деятельности яслей-приютов. – В. Н.) на религиозной, экономической и политической почве»³¹. Немало противников яслей-приютов нашлось и среди земских врачей. Так, например, по мнению известного земского врача и общественного деятеля В. Д. Ченькаева, данная мера себя не оправдывала, так как основной контингент состоял из детей в возрасте от пяти до десяти лет, т.е. не нуждающихся в искусственном кормлении³².

²⁷ Тезяков Н. И. Материалы по изучению детской смертности в Саратовской губернии с 1899 по 1901 гг. Саратов, 1904; *Его же*. Материалы по изучению детской смертности в Саратовской губернии с 1902 по 1904 гг. Саратов, 1908; Добрейцер И. А. Материалы по изучению детской смертности в Саратовской губернии с 1905 по 1907 гг. Саратов, 1914.

²⁸ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи и правового государства. Т. I. СПб., 2000. С. 170.

²⁹ Труды Восьмого губернского съезда земских врачей. Т. II. Ч. 2. С. 394–397.

³⁰ Там же. С. 399–405.

³¹ Труды Девятого губернского съезда земских врачей. С. 284.

³² Ченькаев В. Д. Пятилетний опыт Воронежского губернского земства по устройству яслей-приютов // Саратовская земская неделя. 1903. № 9. С. 57.

В 1903 г. на Балашовском уездном съезде земских врачей говорилось, что «нельзя поддерживать меру, основанную на личных впечатлениях» и, что «связывая ясли с понижением детской смертности, мы (земские врачи. – В. Н.) рискуем очутиться в неловком положении перед земскими людьми, которые, веря нам, возлагают на ясли надежды, могущие не оправдаться»³³. Тем не менее, работа санитарных врачей в этом направлении продолжалась. Отрицательным образом на развитии яслей-приютов сказались события русско-японской войны 1904–1905 гг., поскольку многие заведующие яслями были мобилизованы в район боевых действий. В 1904 г. было открыто 25 яслей, а с 1906г. губернское земство отказалось от их финансирования.

Между тем, вследствие неурожая населению губернии угрожал голод. Инициатива по оказанию помощи голодающим перешла в руки благотворительных организаций. Существенная материальная помощь поступила от Императорского Вольного экономического общества, губернского Комитета благотворительной помощи и др.³⁴. В условиях голода ясли-приюты приобрели еще и значение детских столовых³⁵. К лету 1907 г. на территории Саратовской губернии их насчитывалось 133. Наибольшее распространение они получили в Саратовском, Царицынском и Вольском уездах. На этот раз их деятельность финансировалась земством³⁶.

После окончания продовольственной компании они прекратили свое существование. Исключение составил лишь Вольский уезд, где ясельное дело встретило поддержку уездной медицинской организации³⁷. Несмотря на недостатки в их организации, ясли-приюты имели большое воспитательное значение, повышая общий культурный уровень сельского населения, прививая ему основы рационального ухода за детьми, привлекая внимание общественности к проблемам сохранения здоровья детей.

Рост объемов промышленного производства и усложнение технологических процессов повлекли за собой увеличение числа профессиональных заболеваний в рабочей среде. Этому в немалой степени способствовали тяжелые условия труда и быта рабочих. Рабочий день длился по 13-14 часов в сутки. Широко использовался женский и детский труд. Владельцы предприятий зачастую нарушали самые элементарные санитарные нормы: отсутствовали освещение и вентиляция. Согласно действовавшему фабричному законодательству владельцы промышленных заведений были обязаны обеспечить рабочих необходимой ме-

³³ Ченькаев В. Д. Указ. соч. С. 68.

³⁴ См.: Труды Девятого губернского съезда земских врачей. С. 273–276; Отчет о помощи голодающим в Саратовской губернии за 1907 г. Саратов, 1907. С. 22.

³⁵ ГАСО, ф. 770, оп. 1, д. 41, л. 5.

³⁶ Лелль. Обзор деятельности яслей-приютов в Саратовском уезде за 1905 г. // Саратовская земская неделя. 1905. № 8. С. 22–28.

³⁷ Козлов П. М. Указ. соч. С. 1459.

дицинской помощью³⁸. Тем не менее, на практике это условие очень часто не соблюдалось³⁹.

Предметом исследования земских санитарных врачей в этой связи стали условия труда и быта рабочих промышленных предприятий Саратовской губернии. Помощник заведующего отделением народного здоровья земский санитарный врач Е. Г. Мунблит, обобщив данные статистики за 1903 г., провел детальное исследование состояния медицинской помощи на заводах и фабриках Саратовской губернии. Всего им было изучено 183 предприятия, на которых работало 15226 человек⁴⁰. Исследование показало, что медицинская помощь оказывалась только на 72 предприятиях. Во многих случаях она осуществлялась формально или избирательно. Например, больные, страдавшие инфекционными и хирургическими заболеваниями, получали направления в земские и городские больницы. Рабочие мелких и средних промышленных предприятий в основной своей массе были лишены полноценной медицинской помощи⁴¹.

Выход из создавшейся ситуации Мунблит видел в передаче фабрично-заводской медицины в ведение земского и городского самоуправления с условием, что владельцы промышленных предприятий ежегодно будут вносить необходимые средства на нужды общественной медицины⁴². Указанная мера дала бы возможность организовать в Саратовской губернии дополнительно 50-55 врачебных округов, «не обременяя для этого земские платежные силы новыми крупными налогами»⁴³. Подобный опыт уже имелся в Московской губернии. Однако, это предложение не нашло поддержки среди саратовских предпринимателей, не желавших нести дополнительные расходы.

К числу профилактических мероприятий земской медицины следует отнести распространение среди населения необходимых знаний о лечении и предупреждении болезней. В начале XX в. земские врачи Саратовской губернии широко развернули санитарное просвещение сельского населения. Издание листовок и брошюр, народные чтения и беседы со световыми картинками (типа диапозитивов), передвижные выставки – все это и многое другое входило в арсенал земских врачей, решавших одну из основных задач земской санитарии – повышение санитарной культуры населения. Впоследствии советское здравоохранение, широко развернувшее в 20–30 гг. XX в. санитарно-профилактическую работу, во многом использовало опыт земской санитарии, продолжало и развивало традиции земских санитарных врачей.

В целях улучшения санитарного надзора в сельской местности 38-м очередным Саратовским губернским земским собранием в 1904 г. было принято

³⁸ ПСЗ. 1913. Т. XI. С. 2461.

³⁹ Двенадцатый Пироговский съезд. Петербург. 29 мая – 5 июня 1913 г. СПб., 1913. Вып. II. С. 447.

⁴⁰ Мунблит Е. Г. К вопросу об обеспечении фабрично-заводских рабочих Саратовской губернии врачебной помощью // Саратовская земская неделя. 1903. № 12. С. 86.

⁴¹ Там же. С. 91.

⁴² Там же. С. 98.

⁴³ Там же. С. 84.

решение о введении должностей уездных санитарных врачей⁴⁴. Круг их деятельности был чрезвычайно широк: противоэпидемическая работа, распространение гигиенических знаний среди населения, санитарный надзор за школами, яслями, приютами и городским водоснабжением, проведение лабораторных и медико-статистических работ⁴⁵.

Уездные санитарные врачи непосредственно подчинялись отделению народного здоровья Саратовской губернской земской управы и являлись служащими губернского земства. Вместе с тем, они были тесным образом связаны с врачебными организациями уездных земств, принимая участие в работе уездных санитарных советов и оказывая консультативную помощь участковым земским врачам.

Первоначально в 1904 г. должности уездных санитарных врачей были введены лишь в Саратовском и Царицынском уездах, в 1905 г. – в Хвалынском, в 1906 г. – в Камышинском. Однако в 1906 г. очередное губернское земское собрание большинством голосов исключило из сметы расходы на санитарных врачей⁴⁶. В итоге в 1907–1908 гг. все уезды Саратовской губернии остались без санитарного надзора.

Однако угроза распространения эпидемий и неготовность уездных земско-медицинских организаций оказать им эффективное противодействие заставили 43-е очередное губернское земское собрание восстановить институт уездных санитарных врачей⁴⁷. В связи с этим заведующий отделением народного здоровья Н. И. Тезяков выступил со специальным докладом на Девятом губернском съезде земских врачей «О восстановлении института уездных земских санитарных врачей Саратовской губернии»⁴⁸.

К 1909 г. должности санитарных врачей были введены в Балашовском и Петровском уездах и восстановлены в Камышинском и Саратовском уездах⁴⁹. Дальнейшее количественное развитие санитарной организации характеризуется следующим образом: в 1910 г. уездные санитарные врачи работали в восьми уездах Саратовской губернии (санитарных врачей не было в Аткарском и Сердобском уездах), в 1911 г. – в девяти (санитарного врача не было в Аткарском уезде), а в 1912–1913 гг. санитарные врачи имелись уже во всех десяти уездах Саратовской губернии. Именно в эти годы земская санитарная организация Саратовской губернии получила завершённую форму⁵⁰.

⁴⁴ Журналы заседаний очередного 38-го Саратовского губернского земского собрания в январе 1904 г. Саратов, 1905. С. 72; Труды Восьмого губернского съезда земских врачей. Т. II. Вып. 1. С. 80–82.

⁴⁵ Труды Восьмого губернского съезда земских врачей. Т. II. Вып. 1. С. 80–82.

⁴⁶ Журналы 41-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1906 г. Саратов, 1907. С. 54.

⁴⁷ Журналы заседаний очередного 43-го Саратовского губернского земского собрания сессии 1908 г. Саратов, 1909. С. 17.

⁴⁸ Труды Девятого губернского съезда земских врачей. Т. II. С. 1–44.

⁴⁹ Доклады Саратовской губернской земской управы 44-му очередному Саратовскому губернному земскому собранию. Саратов, 1909. Вып. 1. С. 35–37.

⁵⁰ По данным на 1904–1914 гг. имелось по одному санитарному врачу в уездах: Аткарском – в 1912–1913 гг., Балашовском – в 1909–1913 гг., Вольском – в 1910–1914 гг., Камы-

Основное внимание уездных санитарных врачей было направлено на усиление контроля за распространением эпидемий и организацию борьбы с ними. Санитарные врачи регулярно выезжали в места распространения эпидемий, где совместно с участковыми врачами ими определялся «характер заболеваний, численность больных, выяснялись местные условия и по соображении всех этих данных устанавливались мероприятия по борьбе с эпидемиями»⁵¹.

Другим направлением деятельности уездных санитарных врачей являлось изучение санитарного состояния земских школ и разработка мер по установлению за ними постоянного санитарного надзора. Большинство школьных зданий не соответствовало санитарным нормам. Плохое освещение, отопление, вентиляция, теснота помещений способствовали распространению различных заболеваний. В силу большой занятости земские участковые врачи и фельдшера не успевали осуществлять санитарный надзор за всеми школами в губернии⁵².

Отделением народного здоровья в 1904 г. была предложена единая программа обследования школ, включающая в себя различные стороны школьной гигиены: санитарное состояние школьных помещений и местностей, где располагались школы, распределение учебной нагрузки⁵³. С этого времени уездные санитарные врачи четко следовали данной схеме. Именно благодаря их усилиям наметился сдвиг в сторону улучшения санитарно-гигиенических условий работы земских школ губернии⁵⁴. Следует отметить, что в данном отношении земства значительно опережали городское самоуправление. Так, например, в Сара-

шинском – в 1906, 1909–1914 гг., Кузнецком – в 1910–1913 гг., Петровском – в 1909–1914 гг., Саратовском – в 1904–1906, 1909–1913 гг., Сердобском – в 1911–1914 гг., Хвалынском – в 1905–1906, 1910–1913 гг., Царицынском – в 1904–1906, 1910–1913 гг. А всего по губернии в 1904 г. имелось два санитарных врача, в 1905 г. – три, в 1906 и 1909 гг. – по четыре, в 1910 г. – восемь, в 1911 г. – девять, в 1912 и 1913 гг. – по десять, в 1914 г. – четыре санитарных врача. Подсчеты выполнены по следующим источникам: Доклады Саратовской губернской земской управы 39-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Саратов, 1904. С. 59; Доклады Саратовской губернской земской управы 44-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 35–37; Доклады Саратовской губернской земской управы 45-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Саратов, 1911. С. 70–71; Доклады Саратовской губернской земской управы 46-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 16; Доклады Саратовской губернской земской управы 49-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Отчеты о деятельности уездных санитарных врачей. Саратов, 1914. С. 11; Труды Девятого губернского съезда земских врачей. Т. II. С. 9–11.

⁵¹ Программа деятельности уездных санитарных врачей Саратовского губернского земства (Учреждена губернским земским собранием в заседании 25 января 1904 г.) // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1904. № 2. С. 103–106.

⁵² Доклады Саратовской губернской земской управы 44-му очередному губернскому земскому собранию. С. 38.

⁵³ Доклады Саратовской губернской земской управы 39-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Саратов, 1904. С. 14–15.

⁵⁴ См.: Отчеты о деятельности уездных санитарных врачей Саратовского губернского земства в 1913–1914 гг. Саратов, 1915. С. 4, 12, 23, 45, 57, 87, 110, 122.

тове школьно-санитарный надзор стал осуществляться только с 1913 г., в остальных городах Саратовской губернии он отсутствовал⁵⁵.

Не менее важным направлением деятельности уездных санитарных врачей являлось обеспечение санитарного надзора за водоснабжением. Низкое качество питьевой воды в большинстве населенных пунктов Саратовской губернии способствовало распространению холеры, брюшного тифа и дизентерии. Санитарные врачи проводили гидрогеологические исследования в уездах, привлекали население к очистке колодцев, разъясняли необходимость кипячения воды⁵⁶.

Особое значение для развития медицинской географии Саратовской губернии имели медико-статистические работы по выяснению наиболее неблагоприятных местностей в отношении распространения эпидемических заболеваний, составлению специальных эпидемических карт. В большинстве уездов, за исключением Аткарского, Камышинского и Царицынского, к 1914 г. уездные санитарные врачи имели возможность проводить лабораторные исследования, что, безусловно, существенно повышало эффективность их деятельности⁵⁷.

Земские врачи считали предупреждение заболеваний, проведение профилактических мер по борьбе с наиболее распространенными болезнями одной из своих главных задач⁵⁸. Они разработали и внедряли в медицину санитарно-профилактическое направление, выступали за синтез лечебной и профилактической медицины.

Яркой страницей в истории земской медицины является деятельность земских медиков в период русско-японской войны 1904–1905 гг. По решению нескольких губернских земств стали создаваться специальные врачебно-санитарные отряды. На совместных совещаниях были разработаны основные методы и принципы работы, принятые затем исполнительной комиссией общества Российского Красного Креста. Земские врачебно-санитарные отряды строили свою работу на основе финансовой и административной самостоятельности. На автономных условиях они вошли в общеземскую организацию помощи больным и раненым на Дальнем Востоке⁵⁹.

Основной задачей земских врачебно-санитарных отрядов являлось оказание медицинской помощи российским воинам. По мере необходимости они разворачивали врачебно-питательные пункты, лазареты, стационарные госпитали. На Китайской Восточной железной дороге действовали четыре земских санитар-

⁵⁵ Мицкевич С. И. Записки врача-общественника (1888–1918). М.-Л., 1941. С. 193.

⁵⁶ См.: Отчеты о деятельности уездных санитарных врачей. С. 12, 29, 46, 60, 74, 88, 128.

⁵⁷ См.: Там же. С. 5, 15, 30, 46, 62, 90, 109, 133.

⁵⁸ Как подчеркнул М. Б. Мирский, в других странах медицинским обслуживанием населения в то время занимались частнопрактикующие врачи, которые в большинстве своем были далеки от проблем профилактики (См.: *Мирский М. Б.* Медицина России XVII–XIX вв. М., 1996. С. 333). Однако в развитых странах (например, в Западной Европе) заболеваемость и смертность населения были значительно ниже, чем в России, а условия труда и быта значительно лучше. Именно этим и было вызвано усиленное внимание врачей к вопросам санитарии и гигиены.

⁵⁹ [Львов Г. Е.] Общеземская организация помощи больным и раненым воинам на Дальнем Востоке (доклад кн. Г. Е. Львова) // Саратовская земская неделя. 1904. № 10. С. 85.

ных поезда⁶⁰. 14 губернских земств организовали 21 врачебно-санитарный отряд⁶¹.

Несмотря на успешную деятельность общеземской организации 27 апреля 1904 г. министерство внутренних дел запретило земствам дальнейшее присоединение к ней, взяв под свой контроль общеземский комитет. Несмотря на это, земские собрания принимали решения о присоединении к общеземской организации, которые затем опротестовывались губернскими властями и министром внутренних дел⁶².

Так, например, экстренное Саратовское губернское земское собрание на заседании 28 мая 1904 г. вынесло постановление о присоединении к общеземской организации. Однако саратовский губернатор П. А. Столыпин, следуя указаниям министра внутренних дел В. К. Плеве, приостановил исполнение распоряжения губернского земского собрания⁶³. Причина противодействия созданию Общеземской организации со стороны органов государственной власти крылась в стремлении ослабить влияние земского самоуправления на политическую ситуацию в России. Подобным образом правительство препятствовало любого рода попыткам сотрудничества представителей различных земств в общероссийском масштабе⁶⁴.

Между тем, по мнению члена губернской земской управы П. П. Подъяпольского, каждое земство было «представлено на театре военных действий своими ранеными и больными плательщиками», перед которыми оно несло «нравственный и формальный по закону долг ... Доля участия каждого земства очевидна и неотъемлема, как нравственный долг, как формальная обязанность для каждого земства России»⁶⁵.

Главнокомандующий российской армией на Дальнем Востоке генерал-адъютант А. Н. Куропаткин в специальной телеграмме на имя министра внутренних дел высказал пожелание об увеличении числа земских врачебно-санитарных отрядов. Благодаря телеграмме Куропаткина и личному участию императора было получено разрешение о присоединении Саратовского, Бессарабского и Полтавского земств к общеземской организации помощи больным и раненым на Дальнем Востоке.

Разрешение о присоединении к общеземской организации поступило в конце 1904 г., когда необходимость в нем уже отпала, поэтому Саратовское земство не успело создать самостоятельный санитарный отряд, а ограничилось перечислением в фонд организации 30 тыс. руб.⁶⁶. Тем не менее, попытки саратов-

⁶⁰ Полнер Т. И. Общеземская организация на Дальнем Востоке. М., 1910. Т. II. С. 209.

⁶¹ [Львов Г. Е.] Указ. соч. С. 85.

⁶² Полнер Т. И. Указ. соч. С. 210.

⁶³ Очерки истории Саратовского Поволжья. (1894–1917). Т. II. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 182.

⁶⁴ [Львов Г. Е.] Указ. соч. С. 91–92.

⁶⁵ [Подъяпольский П. П.] Доклад П. П. Подъяпольского по поводу постановления экстренного Саратовского собрания о присоединении к общеземской организации помощи больным и раненым // Саратовская земская неделя. 1904. № 5. С. 8.

⁶⁶ Полнер Т. И. Указ. соч. С. 212.

ских земцев принять участие в общеземской организации свидетельствует о высокой степени гражданственности и патриотизма.

В 1904 г. отделению народного здоровья пришлось выдержать целый ряд серьезных испытаний. С началом русско-японской войны были мобилизованы на фронт заведующий отделением Н. И. Тезяков и фельдшер П. А. Калинин, который исполнял обязанности бухгалтера и делопроизводителя. Губернская управа дважды обращалась с ходатайством к военному министру В. В. Сахарову об освобождении Тезякова от призыва в армию, но получала отказ. Его обязанности были возложены на земского санитарного врача Е. П. Николаева⁶⁷.

К трудностям военного времени добавились осложнения, вызванные холерной эпидемией 1904 г. Земские врачи всерьез опасались, что «беспримерная по своей тяжести и массе жертв несчастная война не ограничивается теми, которые гибнут на полях Манчжурии; она, быть может, повлечет за собою десятки и сотни тысяч жертв и здесь, внутри России, бессильной организовать борьбу с холерой». Е. П. Николаев и его помощник Н. Л. Гуревич провели огромную работу по организации противохолерных мероприятий. «Бывали дни и недели, – отмечалось в докладе губернской управы, – когда весь состав отделения, бросив обычную деятельность, был занят одной холерой и все-таки не успевал выполнять текущей работы»⁶⁸.

В отличие от эпидемии 1891–1892 гг. эпидемия 1904 г. не получила широкого распространения. Губернской управой было зарегистрировано 45 случаев заболевания, из них 23 (51%) со смертельным исходом. Отдельные очаги холеры наблюдались в Саратове, Саратовском, Царицынском, Камышинском и Вольском уездах. В общей сложности заболевание охватило 12 населенных пунктов⁶⁹. Слаженные действия земских врачей и опыт организации борьбы с предшествовавшей эпидемией позволили существенно снизить масштабы заболевания⁷⁰. Расходы губернского земства на ликвидацию эпидемии составили 151199 рублей⁷¹.

Вместе с тем, ликвидация эпидемии в Саратовской губернии не исключала возможности повторного заноса инфекции с территории соседних Самарской и Астраханской губерний⁷². Большое влияние на санитарную обстановку в регионе оказывало то обстоятельство, что территория Саратовской губернии находилась на пути массового передвижения сезонных рабочих⁷³. При отсутствии не-

⁶⁷ Доклады управы 39-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 1–2.

⁶⁸ Там же. С. 3.

⁶⁹ Там же. С. 3–6.

⁷⁰ Червоненкис М. Краткий обзор эпидемии холеры в Саратовской губернии в 1904 г. // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1905. № 3–4. С. 241–253.

⁷¹ Доклады управы 39-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 3.

⁷² См.: Так же. С. 6, 10.

⁷³ Ершов А. Очерк чернорабочего движения в Саратовском крае. Саратов, 1909. С. 25–26.

обходимых санитарных условий это отрицательным образом отражалось на состоянии здоровья рабочих и местного населения⁷⁴.

Положение о земских учреждениях 1890 г. предоставляло губернским земствам право издавать обязательные постановления в области санитарии,⁷⁵ но эта возможность, за редким исключением, не была использована, поскольку многие санитарные мероприятия затрагивали имущественные интересы гласных-землевладельцев. Особенно ярко это проявилось во время организации лечебно-продовольственных пунктов для сезонных сельскохозяйственных рабочих. Лечебно-продовольственные пункты предоставляли им дешевое питание и бесплатную медицинскую помощь. Наибольшее распространение они получили в южных губерниях России – Херсонской и Екатеринославской, поскольку в этих губерниях были развиты капиталистические отношения в аграрном секторе с широким применением наемной рабочей силы⁷⁶.

Саратовское губернское земство неоднократно затрагивало вопрос об улучшении санитарно-бытовых условий на отхожих промыслах посредством создания лечебно-продовольственных пунктов. Организация подобного рода учреждений, помимо улучшения санитарных условий на рынках найма, позволяла своевременно выявлять случаи возникновения инфекционных заболеваний и предотвращать их распространение.

Крупнейшим рынком найма сезонных рабочих в Саратовской губернии считалась слобода Елань Аткарского уезда. По сведениям за 1902 г., здесь собиралось до 25-30 тыс. рабочих из Тамбовской, Пензенской и Саратовской губерний. Поэтому здесь был организован лечебно-продовольственный пункт. По одному лечебно-продовольственному было создано также в Царицынском и Хвалынском уездах⁷⁷. В последующие годы их число было доведено до семи⁷⁸.

Несмотря на профилактическую деятельность лечебно-продовольственных пунктов, на территорию Саратовской губернии в 1910 г. в очередной раз была занесена эпидемия холеры, охватившая 437 населенных пунктов. Саратовской губернской земской управой было зарегистрировано 5056 случаев заболевания, из них 2213 (43,8%) со смертельным исходом⁷⁹. Как отмечалось в отчете управы, эпидемия «не застигла Саратовскую губернию врасплох». На помощь постоянной санитарной организации губернского земства был мобилизован временный эпидемический отряд в составе 231 человека (врачей, фельдшеров, санитаров, студентов-медиков и слушательниц высших женских курсов). Общие расходы по ликвидации эпидемии составили 47063 рубля⁸⁰.

⁷⁴ Труды Восьмого губернского съезда земских врачей. Т. II. Вып. 1. С. 171.

⁷⁵ ПСЗ-III. СПб., 1893. Т. X. № 6927.

⁷⁶ Герцеништейн Г. М. К вопросу об отхожих промыслах // Русская мысль. 1887. № 9. С. 147–165.

⁷⁷ См.: Доклады Саратовской губернской земской управы 45-му очередному губернскому собранию по отделению народного здравия. С. 27–28; ГАСО, ф. 832, оп. 1. д. 72, л. 4.

⁷⁸ Тезяков Н. И. [Воспоминания] // Очерки истории русской общественной медицины. (К 100-летию земской медицины). М., 1965. С. 241.

⁷⁹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 3288, л. 1.

⁸⁰ Там же. Л. 1 об.

Опыт ликвидации холерной эпидемии 1910 г. доказал необходимость уездных санитарных врачей, которые координировали деятельность временного медицинского персонала на местах и помогали ему в кратчайшие сроки освоиться в местных условиях. Знание специфики своего уезда давало возможность санитарным врачам наиболее рационально организовать противоэпидемические мероприятия⁸¹.

В 1911–1912 гг. 20 губерний России оказались охваченными неурожаем. Саратовская губерния вошла в число наиболее пострадавших⁸². Тяжелее всего пришлось жителям Хвалынского и Вольского уездов. Собранных хлебов не хватало на покрытие продовольственных нужд самого сельского населения. Хроническое недоедание провоцировало развитие цинги, сыпного и брюшного тифа⁸³.

Создавшаяся ситуация обратила на себя внимание государственных и общественных учреждений, которые незамедлительно приступили к организации помощи населению. Активное участие в ней приняли земские врачи. Они выясняли масштабы бедствия, разрабатывали планы санитарно-профилактических мероприятий. Борьба с голодом и его последствиями развернулась по двум основным направлениям: общественные работы⁸⁴ обеспечивали население продовольствием, а временные медицинские участки предоставляли медицинскую помощь. Значительное место в ряду общественных работ заняли гидротехнические работы по устройству прудов и водопроводов с целью улучшения санитарной обстановки в губернии⁸⁵.

Наряду с медицинской помощью заболевшие на почве недоедания люди получали необходимые продукты питания. В общей сложности расходы на оказание лечебно-продовольственной помощи населению составили 40825 руб., а для борьбы с возможными эпидемиями в Саратовскую губернию было командировано 72 человека, составивших временный эпидемический персонал⁸⁶.

⁸¹ ГАСО, ф. 25, оп. 1, д. 3288, л. 1 об.

⁸² Раевский А. Общественные работы, их понятие, современное положение и возможная роль в будущем // Антология социальной работы. Т. I. История социальной помощи в России. М., 1994. С. 48.

⁸³ См.: Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1912. № 2. С. 182–185; 196–201.

⁸⁴ Общественные работы являлись достаточно эффективной формой социальной помощи населению, обеспечивающей ему во время неурожаев средства к существованию. Впервые они проводились в период правления Б. Годунова во время неурожая 1601–1602 гг. Именно в это время в Кремле была построена колокольня «Иван Великий». Затем они носили эпизодический характер в царствование Петра I, Анны Иоановны, Екатерины II. Наибольшее развитие в дореформенный период общественные работы получили при Николае I. После реформ 1864 г. и 1870 г. они перешли в ведение местного самоуправления. Основными видами общественных работ являлись строительные и заготовительные работы (строительство плотин, дамб, мостов, дорог, зданий, заготовка топлива и стройматериалов и т.п.). (Подробнее см.: Неццетний П. И. Очерки по истории социальной работы в России. М., 1996. С. 24–27; Энгельгардт А. П. Черноземная Россия: Очерк экономического положения края. Саратов, 1902. С. 187–233).

⁸⁵ Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1912. № 2. С. 187.

⁸⁶ Там же. С. 188–189.

В 1911 г. Саратовское губернское земство приняло участие в Дрезденской международной гигиенической выставке. Тем самым его опыт по развитию общественного здравоохранения приобрел известность на международном уровне. Саратовский отдел выставки давал наглядное представление о поэтапном развитии врачебно-санитарного дела в губернии вплоть до 1910 г. Здесь были широко представлены фотографии, диаграммы, картограммы, модели лечебных учреждений⁸⁷. Среди печатной продукции были помещены «Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии» и Труды губернских съездов земских врачей. Заведующий отделением народного здоровья Н. И. Тезяков составил специальную брошюру с пояснением экспонатов на русском и немецком языках⁸⁸.

Достойное место среди экспонатов заняли материалы земской медицинской статистики. Представленные исследования не имели аналогов ни в одной другой стране. «Неизвестная дотолле страна, – отмечал видный немецкий статистик Е. Ресле, – показала на этой выставке свою своеобразную санитарную организацию и свою санитарную статистику»⁸⁹. За участие в выставке Саратовскому губернскому земству была присужден почетный диплом.

Столь же высоко была отмечена деятельность Тезякова⁹⁰. Заведующий отделом русской общественной медицины на Дрезденской выставке З. Г. Френкель отмечал, что «подготовленные отделением народного здоровья Саратовского губернского земства экспонаты во всей своей совокупности удивительно наглядно, полно и удачно рисуют сущность, развитие и современное состояние земского врачебно-санитарного дела в Саратовской губернии ... Безусловно, саратовские земские экспонаты служат лучшим украшением отдела общественной медицины на Дрезденской выставке»⁹¹.

Дальнейшее развитие земской санитарии в Саратовской губернии было прервано начавшейся первой мировой войной. Из десяти уездных санитарных врачей шестеро были мобилизованы на фронт. Обязанности по санитарному обслуживанию Аткарского, Балашовского, Кузнецкого, Саратовского, Хвалынского и Царицынского уездов были возложены соответственно на санитарных врачей Вольского, Камышинского, Петровского и Сердобского уездов, что существенно снизило эффективность работы последних⁹².

⁸⁷ Доклады Саратовской губернской земской управы 46-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 40–41.

⁸⁸ См.: Тезяков Н. И. Пояснения к экспонатам Саратовского губернского земства на Дрезденской международной гигиенической выставке в 1911 г. Саратов, 1911.

⁸⁹ Ресле Е. Значение работ П. И. Куркина в развитии статистики заболеваемости за рубежом // Гигиена и эпидемиология. 1931. № 8–9. С. 9–10.

⁹⁰ Доклады Саратовской губернской земской управы 46-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. С. 44.

⁹¹ От отделения народного здоровья // Врачебно-санитарная хроника Саратовской губернии. 1911. № 6. С. 780–781.

⁹² Доклады Саратовской губернской земской управы 49-му очередному Саратовскому губернскому земскому собранию по отделению народного здоровья. Отчеты о деятельности уездных санитарных врачей. С. 11.

Возрастающая потребность русской армии в медиках по мере расширения боевых действий привела в конечном итоге к полной ликвидации института уездных санитарных врачей в Саратовской губернии. Тем не менее, несмотря на кратковременность его существования, был накоплен весьма значительный опыт медико-санитарной деятельности. Следует отметить, что подобный опыт имелся лишь в шести губерниях земской России, остальные земства ограничивались созданием санитарных бюро.

Таким образом, в деятельности земских учреждений Саратовской губернии в сфере общественной санитарии в начале XX в. можно выделить три основных направления: проведение санитарно-профилактических мероприятий, борьбу с эпидемиями, медико-статистические исследования. Многообразная деятельность земских врачей по созданию отделения народного здоровья, борьбе с эпидемиями, оказанию помощи голодающим, проведению медико-статистических исследований, изучению санитарных условий труда и быта населения позволило санитарной организации занять достойное место среди других отраслей земского хозяйства. В условиях российской провинции, нехватки материальных средств и недостатка квалифицированных специалистов Саратовское земство смогло создать санитарную организацию, полностью отвечающую требованиям времени. Деятельность земских санитарных врачей сохранила жизнь и здоровье тысячам жителей Саратовской губернии.

РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1928 ГГ.

С конца 1980-х гг. советское, а затем и российское общество подвергается поэтапному реформированию. Реформы коснулись не только экономической и политической структуры, но и социальной сферы. Не обошел этот процесс и здравоохранение. Перестройка вызвала к жизни альтернативную государственной медицине частную врачебную практику, хотя это не намного повысило качество оказываемых населению услуг. Ликвидировать эти недостатки призвана реализация федерального национального проекта «Здравоохранение» начатая в начале нынешнего столетия¹. Чтобы этот проект действительно улучшил положение в отечественной медицине, на наш взгляд, необходим учет позитивных и негативных моментов преобразований сферы здравоохранения в XX в. и особенно в первые годы Советской власти. Этот период истории нашего Отечества отмечен коренными изменениями социума, опыт которых необходим нынешнему поколению реформаторов. Ценными знания смысла реформ того времени делает обращение к региональному материалу в основной своей массе еще неизученному. Именно таким и выступает материал Саратовской губернии, являвшейся в 1917–1927 гг. крупным хлебопроизводящим центром страны.

Существовавшая в Российской империи в начале прошлого века система оказания населению медицинской помощи противоречила большевистской программе коренных преобразований российского социума. Поэтому медико-санитарный отдел Петроградского военно-революционного комитета совместно с другими организациями в короткий срок объединил совершенно разрозненные до того времени медицинские отряды, учреждения и приступил к организации медицинской помощи в общероссийском масштабе. Работа эта была продолжена создаваемыми народными комиссариатами и организуемыми при них медицинскими (санитарными) коллегиями². 6 февраля 1918 г. декретом Совета народных комиссаров из отдельных коллегий был создан Совет врачебных коллегий. Это был первый общегосударственный медицинский орган, объединивший все функции по здравоохранению в стране. Стоящий на антисоветских позициях Центральный врачебно-санитарный совет, созданный еще при Временном правительстве, декретом СНК от 28 февраля 1918 г. был упразднен³. Лишь достижения общественной земской медицины были положительно оценены представителями новой власти⁴ и отчасти использованы для создания, в частности, рабочей медицины. Для этого Совнарком своим декретом от 27 ноября

¹ См.: Кодекс здоровья и долголетия. Молодой и средний возраст. М., 2006; Кодекс здоровья и долголетия. Детский возраст. М., 2006; Общенациональный Форум «Здоровье детей – основа здоровья нации». Материалы форума 16 февраля 2009 г. М., 2009.

² *Нуштаев И. А.* Избранные лекции по истории медицины. Саратов, 1994. С. 99.

³ См.: Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 403–404, 479.

⁴ См.: *Коновалов [К. А.]* Народное здравоохранение (итоги и перспективы) // Пять лет пролетарской борьбы. Саратов, 1922. С. 74.

1917 г. обязал всех предпринимателей передать имеющиеся на их предприятиях больницы, амбулатории, родильные приюты, санатории и пункты первой помощи в распоряжение больничных касс⁵. Члены этих касс имели право на получение во время болезни денежного пособия, а также врачебной помощи во всех видах (первоначальная помощь, амбулаторное лечение, лечение на дому, санаторное и курортное лечение). Источниками формирования фонда денежных пособий являлись отчисления от доходов предприятий, касс, случайные поступления⁶. В феврале 1919 г. кассовая медицина была ликвидирована, а все лечебное дело было сосредоточено в руках Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, созданного декретом СНК от 11 июля 1918 г. Та же участь постигла и военно-санитарное управление, которое с 29 августа 1918 г. стало отделом Наркомздрава⁷. Таким образом, в стране стала создаваться государственная система здравоохранения, основанная на принципах единства управления, вседоступности⁸, бесплатности и квалифицированности услуг, предупредительности заболеваний, самодеятельности трудящихся и санитарного просвещения. Существенными вехами этого процесса стали национализация всех аптек страны с 28 декабря 1918 г, переход под контроль государства с 20 марта и 4 апреля 1919 г. всех лечебных местностей страны и создание на их основе санаториев⁹, в том числе и в Крыму¹⁰.

Аналогичные процессы проходили и в провинциях. В Саратовской губернии они начались с создания в феврале 1918 г. при исполкоме Совета ячейки военно-санитарного аппарата, которая приступила к организации медицинской помощи раненым и больным воинам Красной Армии¹¹. Лишь 4 апреля 1918 г. при губернском Совете возник медико-санитарный комиссариат (в последую-

⁵ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 85–86.

⁶ СУ РСФСР. 1918. № 87–88. Ст. 905.

⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. 1. С. 403–404; М., 1964. Т. 3. С. 3–5, 53–56, 264–265; М., 1968. Т. 4. С. 419; СУ РСФСР. 1919. № 6. Ст. 62.

⁸ Например, в сентябре 1918 г. саратовские обыватели тратили на врачей и лекарства всего два рубля. (См.: *Поленова И. В.* Саратовские страницы. Саратов, 2008. С. 36).

⁹ См.: Декреты Советской власти. М., 1971. Т. 5. С. 19–21; Т. 4. С. 271–273; М., 1973. Т. 6. С. 483–484; М., 1986. Т. 12. С. 59–61; М., 1999. Т. 15. С. 52–54; М., 2006. Т. 17. С. 61–63, 66–69; СУ РСФСР. 1919. № 19. Ст. 231. № 25. Ст. 285.

¹⁰ Первый советский санаторий в Крыму открылся весной 1921 г., приняв 200 рабочих-текстильщиков из Ивановской области. К лету того же года отдыхающих принимали уже 25 санаториев на 1270 мест. В целом за 1921 г. здесь прошли лечение 16085 больных и раненых красноармейцев, рабочих Москвы, Петрограда, Донбасса (См.: *Зяблов В. И., Довженко В. Р.* Становление курортного дела в республике Советов // Советское здравоохранение. 1978. № 1. С. 78).

¹¹ Так, весной 1919 г. партийная организация СГУ направила преподавателей и студентов на Юго-Западный и Восточный фронты, в районе операций 4-й армии Уральского фронта было организовано несколько сот санитарных единиц, главным образом для сыпнотифозных больных (См.: Декреты Советской власти. Т. 3. С. 260–262; М., 1968. Т. 4. С. 10–14, 158–160, 474, 533–534; Т. 5. С. 77–79, 334–336; М., 1978. Т. 9. С. 228–229, 231–233; Саратовская партийная организация в годы гражданской войны: Документы и материалы. Саратов, 1958. С. 112; *Иванов И. Р., Миленья Ю. М.* История Саратовского медицинского института. Саратов, 1976. С. 15).

щем отдел) в составе санитарного, эпидемиологического, аптечного, психиатрического отделов, а также отделов судебной и лечебной медицины, статистики. Он объединил лечебные учреждения, находящихся в ведении земств и органов городского самоуправления. До весны 1920 г. параллельно с ним существовал саратовский городской здравотдел¹², который в апреле был слит с губернским отделом. Такие же отделы создавались и в уездах. В июне 1918 г. в губернии начались работы по созданию санаториев, и в августе в Саратове уже появилось восемь санаториев. К концу же года в губернии насчитывалось 9–10 санаториев с 40–60 койками в каждом. На следующий год благодаря передаче медико-санитарному отделу дач купцов и других зажиточных владельцев под Саратовом число коек в санаториях выросло в два раза. Их стены увидели не только жителей губернии, но и Ленинграда, Иваново-Вознесенска, Москвы и других крупных промышленных городов. В 1920 г. 835 больных г. Саратова было отправлено на государственные курорты Крыма и другие лечебные местности¹³.

Согласно постановлению Саратовского губисполкома от 17 февраля 1918 г. все аптеки, аптекарские магазины и склады губернии объявлялись общенародным достоянием. Образованная в сентябре того же года зубная секция национализировала все частные кабинеты и лечебницы и приступила к организации бесплатной зубоврачебной помощи населению губернии. Если в 1918 г. в Саратове насчитывалось только десять зубоврачебных поликлиник, то к концу 1920 г. их было уже 18, где трудилось 90 стоматологов. В губернии (вместе с Новоузенским и Покровским уездами) уже к концу 1919 г. имелось 63 амбулатории, где к началу следующего года трудилось 118 зубных врачей, а после весенней 1920 г. реорганизации зубоврачебного дела – 123¹⁴. В 1918 г. С. И. Спасокукотским для лечения инвалидов Первой мировой и гражданской войн в Саратове был организован НИИ травматологии (на 200 коек), ставший первым научно-исследовательским клиническим институтом в городе. В 1920 г. в институте имелось 33 койки для лечения детей, больных костным туберкулезом. Кроме того, это учреждение имело инсолярий на 89 коек. Здесь же подлечивались больные от различных хирургических заболеваний¹⁵.

К апрелю 1920 г. в губернии число амбулаторий выросло с девяти в 1918 г. до 27, из которых десять являлись участковыми, семь районными и десять специализированными лечебными учреждениями. В участковых поликлиниках

¹² Первым комиссаром здравоохранения в Саратове была фельдшер Романенко (См.: Резников Б. Д. Этапы развития советского здравоохранения в Саратове // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. Саратов, 1967. С. 5).

¹³ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 7, 8, 78, 171–173; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 5 июня.

¹⁴ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1922. Т. 3. Вып. 1–6. С. 39, 64; 1927. № 10. С. 62; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 28 мая; Астафьева Н. Г., Гооге Л. А., Лепилин А. В., Кречетов С. А. Этапы развития и организации зубоврачевания в Саратовской губернии с 1870 по 1998 гг. // Стоматология. 2000. Т. 79. № 4. С. 69.

¹⁵ См.: Рязанцева Н. К. Специализированная хирургическая помощь // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 20; Здравоохранение Саратовской губернии в двадцатом веке. Саратов, 2006. С. 7.

осуществлялся прием по всем основным специальностям в дневное и кое-где в вечернее время. Только за один 1920 г. саратовскими амбулаториями было оказано на 35 тыс. больных больше, чем в 1916 г.¹⁶. Тяжело заболевшим стала оказываться помощь на дому. Для этого Саратов был разбит на 14 районов, каждый из которых обслуживался участковым врачом¹⁷. Однако из-за большого количества технических погрешностей эта помощь была развита слабо и не являлась востребованной населением, даже не смотря на то, что осенью 1920 г. в губернии имелось 236 врачебных участков¹⁸ и функционировала станция скорой помощи¹⁹. Благодаря созданию гинекологической клиники, водолечебницы и расширению существовавших с дореволюционного времени больниц обеспеченность саратовцев коечной помощью с 1600 в 1918 г. до 3300 в 1920 г., а по сравнению с дореволюционным 1916 г. – в три раза²⁰. В целом в 1920 г. в Саратове уже функционировало четыре больницы, травматологический институт, две гинекологические лечебницы, одна детская больница, электроводолечебница, пастеровская станция, психлечебница²¹.

Согласно постановлению СНК от 9 марта 1920 г. губздравотелу перешли функции экспертизы процента утраты трудоспособности лиц, желающих получить пенсии. В мае 1920 г. губсобесом ему была передана секция охраны материнства и младенчества, поэтому с этого времени здравотдел занялся еще и этими проблемами²². В результате к концу года число родовспоможений, хотя и уменьшилось по сравнению с 1919 г., но выросло в сравнении с дореволюционным периодом. Число материнско-младенческих учреждений выросло с семи в 1920 г. до 32 в 1921 г., в числе которых имелось 24 дома ребенка²³. Родильные

¹⁶ Причем население города в 1916 г. было больше, чем в 1920 г.: в 1916 г. оно равнялось 190661 чел., а в 1920 г. – 177036 чел. (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 53).

¹⁷ *Есипова А. Н.* Профилактика – ведущее направление советского здравоохранения // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 14.

¹⁸ В штат каждого участка входил один практикующий врач и две-три сестры. (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1920. Т. 1. Вып. 4–6. С. 79).

¹⁹ Днем рождения станции скорой помощи в Саратове считается 1 ноября 1920 г. Вначале она была организована при 2-й городской больнице. В 1921 г. станцию обслуживали пять врачей, две конных кареты, одни сани-розвальни и одна пролетка. За месяц станция обслуживала не более 200 больных. К концу эры НЭПа эта служба располагала двумя автомобилями, одним мотоциклом и конным транспортом (См.: *Грабовский Н. С.* Скорая и неотложная медицинская помощь // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 35; Коммунист. 1965 22 дек.; Саратовский вестник здравоохранения. 1928. № 8–9. С. 119).

²⁰ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1920. Т. 1. Вып. 4–6. С. 80, 82; 1923. № 1. С. 53; 1927. № 10. С. 52, 53; Саратовская область за 70 лет. Саратов, 1987. С. 403.

²¹ Саратовская область за 70 лет. С. 403.

²² См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1920. Т. 1. Вып. 4–6. С. 50–51; 1927. № 10. С. 175; *Нагаев В.* Социальное обеспечение в Саратовской губернии за 5 лет // Пять лет пролетарской борьбы. С. 82; Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 322.

²³ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 1. С. 3; № 2. С. 77–78; *Крылова Е. Н.* Охрана здоровья детей в Саратовской области // Развитие советского здравоохранения в Саратовской области. Саратов, 1959. С. 47.

дома к концу третьего года советской власти открылись уже во всех уездных центрах губернии²⁴.

Как и в конце позапрошлого века, в первые годы Советской власти Саратовскую губернию в покое не оставляли эпидемии. В октябре 1918 г. вспыхнула эпидемия сыпного тифа, к весне 1919 г. охватившая все уезды губернии. По числу зараженных (101781 больных) губерния занимала третье место в республике. Были широко распространены брюшной тиф и другие инфекционные заболевания. Особенно высока эпидемия была в Саратове²⁵. В целом, с октября 1918 г. по конец 1919 г. паразитарными тифами в губернии было заражено 145422 человека. Но, несмотря на нехватку медикаментов²⁶, неукомплектованность лечебных учреждений медицинским персоналом, благодаря энергично принятым Наркомздравом и губздравотделом (его аппарат к концу гражданской войны составлял 450 человек) мерам²⁷ уровень заболеваемости к концу 1919 г. снизился, и эпидемия была ликвидирована. Была побеждена и вспышка в 1920 г. большой эпидемии холеры (общее количество заболевших составило 4160)²⁸. В противоэпидемической работе большую роль сыграл созданный в 1918 г. противочумный НИИ Юго-Востока «Микроб», разрабатывавший вакцинные препараты против особо опасных инфекций. Пропагандой санитарных знаний среди населения занимался открытый в конце февраля 1919 г. Дом санитарного просвещения²⁹. Его создателем явился врач С. А. Степанов – крупный специалист по санитарному просвещению. Это учреждение, расположившееся в центре городе в двухэтажном доме с читальным залом, аудиторией и гигиеническим музеем, организовывало лекции, беседы, выпускало плакаты, листовки, выдвигало лозунги, зовущие на борьбу с сыпным тифом, холерой, трахомой. Большое внимание уделялось организации самодеятельности населения: субботникам, банными неделям, неделям по борьбе с различными заболеваниями и т.д.³⁰.

²⁴ Фой А. М. Развитие родовспоможения после победы Октября // Развитие советского здравоохранения в Саратовской области. С. 42.

²⁵ Общая смертность от сыпного тифа в городе составляла 9,2%, в частности, среди больных местных жителей 11,5%, пленных иностранных государств – 10,1%, беженцев 8,9%, красноармейцев – 7,5%, медицинского персонала – 7,5% (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1920. Т. 1. Вып. 1–6. С. 41).

²⁶ В связи с нехваткой лекарств в губернии 11 мая 1919 г. был учрежден «особый отдел культуры и сбора лекарственных трав». (См.: Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 5 июня).

²⁷ См.: Декреты Советской власти. Т. 4. С. 329–332; СУ РСФСР. 1919. № 2. Ст. 24. № 14. Ст. 158. №18. Ст. 199.

²⁸ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1920. Т. 1. Вып. 1–4. С. 25, 27; 1922. Т. 3. Вып. 1–6. С. 67; 1927. № 10. С. 7, 8, 10; Декреты Советской власти. Т. 3. С. 387; Т. 4. С. 329–332; Т. 5. С. 56–61; Т. 10. С. 252–253; Саратовская область за 70 лет. С. 403–404.

²⁹ См.: Декреты Советской власти. М., 1980. Т. 10. С. 252–253; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999. 5 июня; Здравоохранение Саратовской губернии в двадцатом веке. С. 10.

³⁰ Чистопольская В. В. Санитарное просвещение в Саратове за 50 лет // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 57.

Однако качество работы органов здравоохранения молодой Советской республики не всегда еще было высоким. В частности, как отмечалось в составленном врачом Д. Клириковым «Обзоре организации медицинской помощи и деятельности лечебных учреждений Саратовской губернии в 1919 г.», хирургическая помощь населению губернии оказывалась в три раза хуже, чем в 1912 г., а в отдельных уездах даже в шесть раз. На уровне ниже довоенного находилась и госпитальная работа, по сравнению с 1917–1918 гг. понизилась эффективность работы амбулаторий. В 1920 г. только 40% населения губернии имели возможность без особых затрат добраться до участковых поликлиник. Снижение эффективности работы последних было следствием и длительного отсутствия врачей на врачебных участках. Хотя в 1920 г. по сравнению с 1919 г. количество врачебного персонала возросло (без г. Саратова) на 18 человек, однако квалификация оказываемых услуг выросла ненамного. В частности, в губернии за тот же период число фельдшеров и акушерок снизилось с 187 до 145 человек. К тому же врачи из-за плохих бытовых условий, нехватки топлива, низких зарплат, перебоев в работе транспорта не посещали работу. Удержать их на рабочем месте не помогали даже репрессивные меры. В 1919 г. в среднем по губернии прогулы врачей составили 27% рабочего времени участков, а отдельным уездам этот показатель колебался от 18% до 61,9%. В 1920 г. без врачей круглый год находилось 11 участков, в остальных врачи отсутствовали от одного до десяти месяцев. К тому же качество работы лечебных заведений губернии снижались из-за ветхости зданий практически всех больниц губернии, построенных до начала Первой мировой войны, хотя производство необходимых ремонтных работ предписывало Постановление СНК от 12 октября 1920 г. Однако из 62 больниц губернии в 40 необходимый ремонт был произведен после 1916 г., в остальной трети больниц ремонта не было после 1914 г. и даже после 1910 г.³¹

С переходом к НЭПу система советского здравоохранения подверглась некоторой перестройке. Необходимостью направления всех наличных средств государства на восстановление экономики было продиктовано снятие советской медицины с государственного снабжения и перевод ее на местное финансирование, включая средства волисполкомов и сельсоветов. Но этого зачастую было недостаточно, поэтому к содержанию лечебных учреждений привлекались хозяйственные органы и профсоюзы. Некоторый источник доходов давало введение платности медицинских услуг³², открытие частных лечебных учреждений и аптек³³. Расчет властей состоял в том, чтобы привлечь в сферу здравоохранения капиталы появившихся в условиях новой экономической политики нэпманов. Соответственно государством стационарная медицинская помощь стала оказываться лишь в 50% размере, полному или частичному сокращению подверглись

³¹ См.: Декреты Советской власти. М., 1983. Т. 11. С. 319; Саратовский вестник здравоохранения. 1922. Т. 3. Вып. 1–6. С. 53, 64, 65; 1923. № 1. С. 56, 59–60, С. 66; № 2. С. 86; 1925. № 1–2. С. 72.

³² В 1922 г. на нужды здравоохранения (лекарства, врачи, медсестры) жителям г. Саратова приходилось тратить 2046 тыс. рублей (зарплата составляла около 9 млн. рублей) (См.: *Поленова И. В.* Указ. соч. С. 42).

³³ СУ РСФСР. 1922. № 6. Ст. 58.

такие секции Наркомздрава, как жилищная, по борьбе с венерическими болезнями, охрана материнства и младенчества, санитарного просвещения и проч.³⁴. Это привело к возникновению безработицы среди медицинских работников. На 1 января 1924 г. в РСФСР из 33869 врачей четыре тысячи являлись безработными³⁵. Однако власть имущие старались перестраивать здравоохранение в новых хозяйственных условиях с наименьшим ущемлением интересов трудящихся масс и чтобы не пострадали основные принципы советской медицины³⁶.

Та же ситуация складывалась и в Саратовской губернии. Так, число врачебных участков в г. Саратове в 1921 г. сократилось с 57 до 37, а к концу 1922 г. – 15 единиц. Из 17 амбулаторий к концу 1921 г. осталось только десять. Количество коек в стационарных лечебных учреждениях уменьшилось с 5927 в сентябре 1921 г. до 1771 к 1923 г. Число материнско-младенческих учреждений только по г. Саратову понизилось с 33 (на 8695 матерей и детей) в 1921 г. до 19 (на 2025 человек) в 1922 г. В ряде мест (например, в Вольском уезде) предпринимались попытки организации частных врачебных консультаций в виде врачебно-медицинских кооперативов. Финансирование существующих в губернии санаториев (пять на 675 коек) в условиях НЭПа первоначально было возложено на уездные отделы здравоохранения, но в силу отсутствия у последних необходимых средств, они были объединены в губсануправление и переведены на самоокупаемость³⁷. В целом, доля расходов на медицину в бюджете уездов губернии в 1922–1923 гг. составляла лишь 19,75%, что было даже ниже уровня 1880-х гг. (21%)³⁸.

Оказанием медицинской помощи главной социальной опоре Советов – рабочему классу стали заниматься сами предприятия по типу возрожденной фабрично-заводской медицины. Эта разновидность здравоохранения получила довольно широкое распространение в Саратове. Так, водники имели семь амбулаторий и четыре зубных поликлиники, четыре фельдшерских пункта и восемь больниц на 105 коек. Для рабочих других предприятий имелось 24 поликлиники, три стоматологических поликлиники и семь больниц на 45 коек. Кроме того, саратовские и хвалынские рабочие имели возможность лечиться в советских городских больницах. Для большей обеспеченности медикаментами рабочих в городах губздравотделом были организованы специальные фабрично-заводские медицинские учреждения, а крестьянам выдавались ссуды для приобретения лекарств. Оказать трудящимся губернии медицинскую помощь в большем объеме здраворганы смогли с ростом поступления страховых взносов от рабочих

³⁴ См.: Коновалов [К. А.] Указ. соч. С. 75.

³⁵ Саратовский вестник здравоохранения. 1924. № 9–12. С. 164.

³⁶ См.: Декреты Советской власти. М., 1997. Т. 14. С. 328; Т. 16. С. 462–463; СУ РСФСР. 1927. № 35. Ст. 233.

³⁷ См.: На новом пути. Первый сборник отчетов уездного экономического совещания о деятельности местных отделов Вольского уисполкома в связи с новой экономической политикой. Вольск, 1921. С. 34; Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 1. С. 4; 1927. № 10. С. 54, 56, 57, 61, 78.

³⁸ Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 4. С. 19.

после введения их страхования по болезни³⁹. Это позволило направлять их в санатории на территории самой губернии, а также на крымские и кавказские здравницы. Так, в 1921 г. в течение лечебного периода губздравотделом было отправлено на курорты 484 больных (из них 350 застрахованных), в том числе: на Кавказ – 106 человек, в Крым – 123 человека, в Сергиевск – 106 человек, на Эльтон – 54 человека. В трех саратовских здравницах в 1921 г. пролечилось 902 рабочих⁴⁰. XII губернский съезд Советов (декабрь 1922 г.), заслушав доклад губздравотдела, постановил и в дальнейшем так организовывать медико-санитарное дело в губернии, чтобы в первую очередь оказывать врачебную помощь застрахованным, членам их семей и городской бедноте⁴¹.

Плачевность состояния саратовского здравоохранения объяснялась не только общими условиями перевода страны на рельсы НЭПа, но и голодом 1921–1922 гг., поразившем все Поволжье. Поэтому в наиболее пострадавших от голода уездах посещение врачами больных на дому практически прекратилось. В особо тяжелых случаях делались исключения, и врачи обслуживали вызовы пешком. Возникали серьезные трудности в обеспечении лечебных учреждений необходимыми средствами. Например, продовольствием они обеспечивались в размере 60% от нормы. В месяц на одного больного приходилось только 30 фунтов хлеба вместо 60, 10 фунтов мяса вместо 15 и т.д. Во многих учреждениях по охране материнства и младенчества недоставало так необходимого для питания детей молока. Еще хуже обстояло дело с перевязочными материалами, так что почти прекратилась хирургическая деятельность участковых больниц. Так, например, в первом отделении второй советской больницы вместо обычных 80 операций в месяц, в сентябре 1922 г. было произведено только 39⁴². В результате большое количество больных умирало. Так, в 1921 г. из 3786 холерных больных, находящихся в больницах, умерло 39%, из 1848 сыпнотифозных больных – 6%. В саратовской психлечебнице в 1921 г. умерло 35,14% больных, в 1922 г. – 22,27%. В 1922 г. на санитарно-курортное лечение губздравотдел сумел отправить лишь 115 человек из 424 нуждающихся в лечении, т.е. 27,1%.

³⁹ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. С. 133; Коновалов [К. А.] Указ. соч. С. 75–76; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Саратов, 1922. С. 130; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 года. С. 120, 121; Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 56; ГАНИСО, ф. 81, оп. 1, д. 126, л. 190.

⁴⁰ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. С. 132–133; Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 55.

⁴¹ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства. Документы и материалы. 1921–1925 гг. Саратов, 1960. С. 161.

⁴² См.: Отчет экономического совещания при Балашовском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Июль–сентябрь 1921 г. Балашов, б.г. С. 46; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. С. 119; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. С. 129; Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 55.

В том страшном году существовавшие в губернии здравницы (на 300 коек) могли вместить лишь 10% всех нуждающихся в лечении детей⁴³.

Чрезвычайно плохо обстояло дело и с медикаментами. Наркомздрав снабжал амбулатории не больше одной десятой их минимальной и экономной потребности. Поэтому очень часто помощь врачей нуждающимся ограничивалась лишь советами. Чтобы достать необходимые лекарства, например, хинин, крестьяне готовы были отдать от пуда до двух хлеба зерном. Такое положение вещей заставило местные власти перевести семь из 12 функционировавших к 1 октября 1922 г. в Саратове аптек на хозрасчет и самокупаемость и объединить их в губмедторг⁴⁴. Таким образом, для горожан, имевших деньги, лекарства стали доступны. На снижение «лекарственного» голода было нацелено постановление декабрьского 1922 г. XII губернского съезда Советов. В нем указывалось исполкомом на необходимость отпускать здраворганам специальные суммы для приобретения медикаментов⁴⁵. «Медикаментный» голод был несколько снижен и благодаря помощи Американской администрации помощи «АРА». За счет финансовой помощи профсоюзных организаций и хозяйственных органов в губернии осенью 1921 г. было открыто несколько здравниц. Не последнюю роль в выживании лечебных учреждений в страшные годы голода сыграло само население губернии, практиковавшее самообложение⁴⁶. Нарком здравоохранения Н. А. Семашко считал денежное и натуральное обложение крестьян через комитеты общественной взаимопомощи важнейшим каналом поступления финансовых средств и для развития сельского здравоохранения⁴⁷.

Голод 1921–1922 гг. сопровождался вспышкой эпидемических заболеваний, борьба с которыми требовала большого напряжения сил и так немногочисленного из-за смертности медицинского персонала губернии⁴⁸. В начале июня 1921 г. в губернии вспыхнула эпидемия холеры, наиболее остро проходившая в городах. В этом месяце было отмечено 2075 заболеваний горожан, 50% кото-

⁴³ Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. Саратов, 1922. С. 119; Саратовские известия. 1922 6 июля; Саратовский вестник здравоохранения. 1925. № 1–2. С. 67; Резников Б. Д. Указ. соч. С. 7.

⁴⁴ Медторг – коммерческо-торговое учреждение губздравицы по снабжению и продаже медикаментов и медицинских принадлежностей (предметами ухода за больными, оптическими и зубоветеринарными принадлежностями). По городу медторг производил продажу медикаментов через аптеки, а предметы ухода за больными, различные предметы хозяйственного назначения и парфюмерию – через сеть магазинов «Санитария и гигиена» (См.: Весь Саратов в кармане. Саратов. 1926. С. 54, 153; СУ РСФСР. 1922. № 48. Ст. 488. № 43. Ст. 527. № 54. Ст. 678. 1923. № 2. Ст. 25).

⁴⁵ Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства. С. 161.

⁴⁶ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. С. 120; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. С. 129.

⁴⁷ Сточик А. М. Сельское здравоохранение в первой половине 20-х гг. // Советское здравоохранение. 1988. № 8. С. 62.

⁴⁸ В 1919 г. смертность врачей составляла 20%, в 1920 г. – 18,6%, в 1921 г. – 11,5%. В 1922 г. в условиях голода и вспышки паразитарных тифов смертность медперсонала вновь возросла (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 4. С. 79).

рых было зафиксировано в Саратове⁴⁹. Общее же число заболевших по губернии составило 9546 человек. В августе 1921 г. эпидемия холеры стала стихать. Но параллельно этому произошло усиление эпидемии паразитарных тифов. К концу лета общее число заболевших брюшным, сыпным и возвратным тифами составило 4856 человек. Преодолеть эту негативную тенденцию губздрав пытался путем улучшения санитарной обстановки в губернии, для чего СНК своим декретом от 6 июня 1921 г. передал все дела по санитарной охране в руки Наркомздрава. Поэтому в г. Саратове при каждом районном жилищном отделе была учреждена должность санитарного врача, который следил за тем, чтобы при распределении жилищ не нарушались условия гигиены⁵⁰. В уездах устанавливался санитарный надзор за бойнями, столовыми, заразные больные изолировались, проводилась дезинфекция, делались прививки, о заразных болезнях читались лекции, проводились недели частоты. В уездных городах создавались рабочие комиссии по борьбе за чистоту, учреждались даже специальные чрезвычайные органы – эпидемЧК, которым принадлежала вся власть по борьбе с эпидемиями⁵¹.

Весной 1922 г. эпидемия паразитарных тифов вспыхнула вновь. С апреля по август 1922 г. сыпным тифом в губернии заболело 19446 человек, в Саратове было отмечено 2907 случаев заболеваний. Заболеваемость возвратным тифом в губернском центре поднялась за этот период с 387 до 408 случаев. Холерой за эти месяцы в губернии заболело 344 человека⁵². 13 апреля 1922 г. губздрав призвал всех рабочих и служащих произвести противохолерные прививки. Для борьбы с эпидемией в стационарных лечебных заведениях было выделено 3720 так называемых эпидемических коек, работало 13 паровых дезинфекционных камер, из них шесть в Саратове. В этом городе, кроме того, имелось шесть постоянных оспопрививателей, две изоляционные квартиры, работало 14 санитарных врачей. В уездах за санитарным состоянием городского хозяйства, следило гораздо меньше врачей. Согласно декрета Совнаркома от 15 сентября 1922 г. «О санитарных органах республики», основными направлениями их деятельности являлась очистка базаров, площадей и отхожих мест в общественных местах, надзор за санитарным состоянием дворов, системой водоснабжения населенных пунктов, за продуктами питания на рынках и в учреждении-

⁴⁹ Инфекция передавалась через черный хлеб, который был заражен вибрионом холеры в очень большом количестве. Это и вызвало вспышку эпидемии холеры в губернском городе (См.: *Дранкин Д. И.* Холера. Прошлое и настоящее. Саратов, 1973. С. 66).

⁵⁰ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за июль-сентябрь 1921 г. Саратов, 1921. С. 133, 134; Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 10; Декреты Советской власти. М., 2004. Т. 16. С. 21–22.

⁵¹ См.: Отчет экономического совещания при Балашовском уездном исполнительном комитете Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Июль–сентябрь 1921 г. С. 47; Отчет Хвалынского уездного экономического совещания. Хвалынский, 1922. С. 48.

⁵² Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. С. 121–122.

ях⁵³. Мероприятия санитарного характера (мытьё в банях с одновременной дезинфекцией одежды) осуществлялись и в отношении заполонивших Саратов беженцев голода (в апреле 1922 г. в городе их скопилось до 20 тыс.), которых разместили в специальном «беженском городке» на берегу Волги⁵⁴. Осенью 1922 г. в губернию прибыл прививочный отряд АРА, интенсивно работавший в уездах, делая прививки от брюшного тифа, паратифа и оспы⁵⁵. Губернские медики также выезжали в волости, оказывая там практическую помощь пострадавшим от голода. Например, в Дергачевском уезде ими от голодной смерти было спасено 1200 крестьян путем организации в Верхне-Кушумской волости этого уезда больницы на 24 койки и выдачи сельчанам, перенесшим тяжелые болезни, 200 десяти фунтовых пайков⁵⁶. Благодаря принятым мерам, крупных и неожиданных вспышек эпидемии удалось избежать, она протекала не столь остро, как в других губерниях.

В конце 1922 г. в губернии вспыхнула эпидемия малярии, превысив в 1923 г. обычный уровень заболеваемости в два с половиной раза. В 1922 г. было зафиксировано 143723 заболевших, а за пять месяцев следующего года – 173021. В заволжских уездах заболеваемость доходила до 50–80% всего населения, сопровождаясь значительной смертностью. Научная экспедиция, отправленная туда губздравотделом, установила, что на 25–30% малярия носила тропическую форму⁵⁷. 13 июня 1923 г. в губернии была создана особая комиссия здравотдела по борьбе с малярией, в четырех уездах возникли малярийные станции. С малярией боролось и само население, обследуя водоемы и помогая выявлять зимовки комаров. Возглавляя эту работу заведующий первой саратовской малярийной станцией профессор СГУ Н. Е. Кушев (создана в сентябре 1922 г.) Им в 1925 г. были организованы шестимесячные курсы для врачей и студентов университета. Они вооружили медицинские кадры необходимыми знаниями, и заболеваемость малярией в губернии пошла на убыль. В 1924 г. было зафиксировано на 107783 случая меньше, чем в 1923 г. В 1926 г. по сравнению с 1925 г. число заболевших сократилось еще на 64392 человека⁵⁸. В

⁵³ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. С. 132; Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. С. 121; *Моралев М. И.* Организация санитарно-эпидемической службы в области // Развитие советского здравоохранения в Саратовской области. С. 15–16; Здравоохранение Саратовской губернии в двадцатом веке. С. 10.

⁵⁴ См.: *Гуменюк А. А.* Переход к НЭПу в Саратовской губернии (1921–1923): социально-экономические и политические процессы. Дис. ... к. и. н. Саратов, 2002. С. 192, 193.

⁵⁵ Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 26 июня.

⁵⁶ Черная година. 1922. № 2. С. 33.

⁵⁷ См.: Отчет Саратовского губернского экономического совещания за период времени с 1 апреля по 1 октября 1922 г. С. 122; Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 10–11. С. 68. 1927. № 10. С. 10; *Кушев Н. Е.* Эндемия малярии в Поволжье. Саратов, 1928. С. 11.

⁵⁸ См.: *Кушев Н. Е.* Лекции по малярии, читаемые врачам и студентам Саратовского университета на шестинедельных курсах при Саратовской малярийной станции. Саратов. 1925. С. 3; Саратовский вестник здравоохранения. 1925. № 7–8. С. 143; 1927. № 5. С. 1; *Чистопольская В. В.* Указ. соч. С. 58; *Щенетова Г. А.* К. А. Коновалов – видный деятель сара-

1926–1928 гг. было ликвидировано и массовое эпидемическое распространение натуральной оспы⁵⁹, чумы⁶⁰, холеры⁶¹.

Однако заболеваемость так называемыми социальными болезнями (трахома, сифилис⁶², туберкулез, профессиональных болезней и пр.) оставалась достаточно высокой вплоть до конца рассматриваемого периода. Поэтому еще в декабре 1922 г. XII губернский съезд Советов поручил губздравотделу превратить борьбу с ними в одну из основных своих задач⁶³. Двигаясь в этом направлении, здравотдел приступил к созданию нового вида лечебных заведений – диспансера⁶⁴. К концу 1927 г. в губернии уже имелось десять диспансеров (пять туберкулезных и пять венерологических)⁶⁵. Помимо этого для борьбы с туберкулезом был создан особый туберкулезный институт⁶⁶, рассчитанный на 120 коек с ортопедическим отделением, к середине 1928 г. в губернии появилось шесть санаториев для туберкулезных больных (два из них в Саратове для детей). Стремясь побороть трахому, по губернии в соответствии с распоряжениями центральных властей рассылались «глазные» отряды, проводились профилактических мероприятий в школах⁶⁷. Но, не смотря на эти усилия, число больных трахомой в губернии не уменьшилось и составило в 1928 г. 150 тыс. человек. Саратовский край с 1925 г. относился к числу наиболее пораженных в СССР этим заболеванием. В 1923–1926 гг. обозначился рост заболеваемости скарлатиной⁶⁸.

товского здравоохранения // Здоровье населения Саратовской области. Труды Саратовского медицинского института. Т. 96. Саратов, 1971. С. 32; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 3 июля.

⁵⁹ Если в 1925 г. в губернии было зафиксировано 131 случай заболевания натуральной оспой, то в 1928 г. только 18 (Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1928. № 2. С. 65).

⁶⁰ Важную роль в борьбе с чумными заболеваниями сыграла созданная в 1922–23 гг. противочумная комиссия, в состав которой входили А. А. Богомолец, В. Д. Ченькаев, С. А. Мамушин, К. А. Коновалов (См.: *Щенетова Г. А.* Указ. соч. С. 33).

⁶¹ *Моралев М. И.* Указ. соч. С. 16.

⁶² В 1926 г. в губернии на тысячу человек сифилисом болело 8,5 чел., что являлось достаточно высоким показателем (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 24).

⁶³ См.: Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства. С. 161.

⁶⁴ Однако еще в 1920 г. в Саратове был создан центральный туберкулезный диспансер (См.: *Резников Б. Д.* Указ. соч. С. 7).

⁶⁵ Какое время в течение 1927 г. в Саратове при психиатрической клинике существовал нервнопсихиатрический диспансер, но из-за недооценки в то время психиатрической профилактической работы он через некоторое время был закрыт (См.: *Кутанин М. П.* Успехи советской психиатрии в Саратовской области // Развитие советского здравоохранения в Саратовской области. С. 54).

⁶⁶ Основными направлениями его деятельности являлись: лечение туберкулеза с помощью новейших технологий, подготовка врачей специалистов и научно-исследовательская работа в этой области (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1928. № 8–9. С. 78).

⁶⁷ См.: СУ РСФСР. 1927. № 124. Ст. 833.

⁶⁸ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 14, 25; 1928. № 4–5. С. 68; № 6–7. С. 79–80; Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1928. № 1. С. 6; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 10 июня, 24 июля, 7 авг.

Помочь победить эти болезни были призваны созданные в СССР в конце этого десятилетия форпосты борьбы с инфекционными и паразитарными заболеваниями⁶⁹.

Согласно постановлению СНК от 8 октября 1927 г. в работе амбулаторий появилось новое направление – санитарно-профилактическая работа (систематические осмотры помещений, врачебные осмотры самих рабочих, изучение и устранение всевозможных проблем в условиях труда и быта рабочих). С этой целью на предприятиях были организованы санитарные ячейки и комиссии по оздоровлению труда. К концу 1927 г. в Саратове насчитывалось 18 пунктов первой помощи при предприятиях и учреждениях, которые оказывали лечебную помощь 20 тыс. рабочих и служащих города⁷⁰. В итоге общее санитарное состояние губернии стало улучшаться, о чем говорит динамика снижения заболеваемости. Так, в 1926 г. обращаемость к врачам выражалась в цифре 516 на тысячу населения, тогда как в 1925 г. этот показатель составлял 570, а в 1924 г. 568⁷¹.

В 1923 г. и последующие годы в связи с ростом бюджета губздравотдела⁷² стали наблюдаться качественные улучшения в лечебной помощи городскому населению, особенно застрахованному. Реализация утвержденного 22 февраля 1924 г. «Положения о порядке организации помощи застрахованным и членам их семейств и расходовании средств, предназначенных на означенные цели»⁷³, способствовала пополнению так называемых «страховых» амбулаторий и пунктов первой помощи на предприятиях⁷⁴ квалифицированным врачебным персоналом по всем специальностям, увеличению часов приема, улучшению снабжения их инструментарием, аппаратурой и медикаментами. Только за 1926 г. саратовские поликлиники обслужили 89,3% застрахованного населения и 10,7% приравненного к нему. Через стационарные лечебные учреждения в том же году прошло 64% застрахованных жителей. С ростом и развитием страховой медицины отделения фабрично-заводской медицины, возникшие в первой половине 1920-х гг., в 1927 г. в губернии были ликвидированы⁷⁵. Для изучения профессиональных заболеваний 10 апреля 1926 г. при губздраве был открыт специальный институт, являвшийся одновременно клиникой кафедры социальной гигиены СГУ. Его сотрудники осуществляли санитарно-гигиенические и физиологические обследования работников различных профессий. Также он занимал-

⁶⁹ *Нуштаев И. А.* Указ. соч. С. 101.

⁷⁰ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 59; *Нуштаев И. А.* Указ. соч. С. 101.

⁷¹ Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 29.

⁷² Бюджет здравоохранения Саратовской губернии в 1927–1928 гг. превзошел бюджет 1924–25 гг. на 89,6% (См.: Там же. 1928. № 3. С. 5; *Моралев М. И.* Указ. соч. С. 16).

⁷³ См.: СУ РСФСР. 1924. № 31. Ст. 279.

⁷⁴ В 1927 г. насчитывалось 14 городских страховых амбулаторий и 28 пунктов первой помощи на предприятиях (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 16).

⁷⁵ См.: Там же. С. 57, 58, 60, 61.

ся определением профессиональной пригодности, трудоспособности и нетрудоспособности в различных степенях и формах⁷⁶.

В сельской местности положение с участковой медициной было не столь радужным. Собрание губернских врачей, проходившее в конце 1923 г., в одной из своих резолюций охарактеризовало его как чрезвычайно тяжелое⁷⁷. Более конкретную характеристику нам дают материалы за 1924 г. Несмотря на принятый 30 июня этого года декрет Совнаркома «Об обеспечении медицинской помощью сельского населения»⁷⁸, к концу того же года Саратовский, Петровский, Аткарский уезды были бедны больницами, в них не было ни одного фельдшерского пункта⁷⁹, неудовлетворительно была поставлена специальная медицинская помощь. Спустя десять лет после прихода к власти большевиков из 184 врачебных участков губернии в 34 (18,4%) не было ни одного фельдшера и акушера⁸⁰. Поэтому СНК РСФСР в своем постановлении о работе Саратовского губисполкома от 8 февраля 1927 г. настоятельно рекомендовал Наркомздраву и местным органам советской власти обратить особое внимание на улучшение постановки дела здравоохранения губернии, особенно в сельской местности⁸¹.

С 1926 г. основной клинической базой Саратова и области стал Клинический городок. Его руководителем являлся ректор СГУ профессор С. Р. Миротворцев, усилиями которого и 11 ноября 1926 г. было успешно завершено строительство комплекса клиник. Были реорганизованы клиники, существующие с дореволюционного периода, в частности, клиника при кафедре акушерства (существовала в университете с 1912 г.). СГУ также занимался обучением новых отрядов медицинских работников. Так, созданная в 1923 г. кафедра социальной гигиены, первым руководителем которой стал заведующий губздравотделом К. А. Коновалов, готовила санитарных врачей⁸². Подготовка зубных врачей осуществлялась на открытой еще в 1918 г. в СГУ кафедре одон-

⁷⁶ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 5. С. 59, 60; 1928. № 1–2. С. 74–77.

⁷⁷ Одной из причин такого положения вещей было то, что заработная плата врачей и медперсонала в сельской участковой сети в 1922 г. была ниже, чем в губернских городах на 20–30%, выплата ее производилась с опозданием в 2–3 месяца. (См.: *Сточик А. М.* Указ. соч. С. 63).

⁷⁸ См.: СУ РСФСР. 1924. № 59. Ст. 583.

⁷⁹ В целом в 1928 г. на территории бывшей Саратовской губернии имелось только семь фельдшерских пунктов против 56 в 1914 году. (См.: Вестник здравоохранения Нижне-Волжского края. 1928. № 1. С. 8).

⁸⁰ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 10–11. С. 1; 1926 № 3. С. 77, 78, 79. 1928. № 1–2. С. 44.

⁸¹ См.: Саратовская партийная организация в годы социалистической индустриализации страны и подготовки сплошной коллективизации сельского хозяйства. Документы и материалы. 1926–1929. Саратов, 1960. С. 114.

⁸² См.: Клинический журнал Саратовского университета. 1926. Т. 3. № 1. С. 81; *Горчаков Л. Г.* К истории кафедры социальной гигиены и организации здравоохранения Саратовского медицинского института // Здоровье населения Саратовской области. С. 18; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999. 24 июля; Здравоохранение Саратовской губернии в двадцатом веке. С. 9, 10.

тологии, которую с 1926 г. возглавил приват-доцент П. Н. Карташов⁸³. В целом для подготовки новых медицинских кадров в университете СГУ уже в первые годы Советской власти сложился высококвалифицированный коллектив преподавателей: В. И. Разумовский, С. И. Спасокукотский, Н. Г. Стадницкий, А. А. Богомолец, Н. И. Чуевский, М. А. Райский, В. И. Скворцов, В. В. Вормс, Д. О. Крылов, Н. Е. Кушев, П. Н. Николаев, Ф. Я. Китаев, П. С. Григорьев, И. Н. Быстренин, М. Ф. Цитович и другие⁸⁴. Для эффективной борьбы с эпидемиями медицинские кадры необходимыми знаниями вооружал профессор и создатель в 1924 г. кафедры инфекционных болезней СГУ Ф. Я. Китаев, который с 1922 г. начал чтение на кафедре госпитальной хирургии курса инфекционных болезней. Преподавание этого курса велось с этого же времени и преподавателями кафедры эпидемиологии (доценты И. К. Сухостав и И. Б. Шустерман). Инфекционные заболевания изучались также кафедрой нервных болезней (профессор Н. Е. Осокин)⁸⁵. За 1909–1925 гг. медфакультетом СГУ было подготовлено около 2400 врачей, из которых 22 стали профессорами⁸⁶. Помимо университета в Саратове после октябрьских событий 1917 г. было создано шесть учебных медицинских учреждений, готовивших средних медицинских работников. В 1927 г. возник саратовский зубоврачебный техникум под руководством дантиста Р. В. Вайнберга. Все это способствовало увеличению в губернии общего количества врачей. В 1926 г. по сравнению с 1915 г. их число возросло с 443 до 714⁸⁷.

Проведенное с 16 по 29 марта 1927 г. научно-консультативным бюро саргуботдела союза Медсантруд обследование бюджета времени участковых врачей показало, что положение медработников, несмотря на постановления XII губернского съезда Советов (декабрь 1922 г.) и СНК РСФСР от 8 февраля 1927 г. о принятии всех мер к его улучшению⁸⁸, не совсем хорошее. Хотя основным источником их существования являлась заработная плата, но размер ее не вполне соответствовал их материальным и культурным потребностям. В силу этого некоторые из них вынуждены были заниматься частной врачебной практикой. Это давало им дополнительного дохода от 15 до 75 рублей. Поэтому и качество оказываемых медицинских услуг было невысоким. Так, во время амбулаторного приема на одного больного тратилось в среднем всего пять минут, что не могло не вызывать нареканий и у пациентов и у врачей. Эффект от произошедших в 1925 г. улучшений в оказании помощи на дому снижали

⁸³ Астафьева Н. Г., Гооге Л. А., Лепилин А. В., Кречетов С. А. Указ. соч. С. 69.

⁸⁴ Иванов Н. Р., Миленькая Ю. М. Указ. соч. С. 19.

⁸⁵ См.: Саратовский Ордена Трудового Красного Знамени государственный медицинский институт. К 80-летию высшего медицинского образования в Саратове. Справочно-информационные материалы. Саратов, 1989. С. 43, 69, 84.

⁸⁶ Весь Саратов в кармане. С. 91–92.

⁸⁷ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 16; Солун Н. С., Гольдштейн Л. Н. Роль фельдшера в системе советского здравоохранения // 50 лет советского здравоохранения в Саратове. С. 84; Астафьева Н. Г., Гооге Л. А., Лепилин А. В., Кречетов С. А. Указ. соч. С. 69.

⁸⁸ См.: Саратовская партийная организация в годы восстановления народного хозяйства. С. 161; СУ РСФСР. 1927. № 16. Ст. 106.

сложности в обслуживании вызовов, вызванные большой площадью участков (радиус некоторых из них доходил до 20 верст), плохими дорогами, отсутствием постоянного транспорта и теплой зимней спецодежды для врачей⁸⁹.

Создание в губернии управления санаториями можно считать точкой отсчета в строительстве санитарно-курортного дела в Саратовском крае в условиях НЭПа. Благодаря открытию Летяжевского санатория (на 150 коек) и Песчанской кумысолечебницы (на 125 коек) число коек в санаториях губернии в 1927 г. было доведено до 700 (в 1923 г. их было лишь 305). В расширение и ремонт помещений стало вкладываться больше средств. На эти цели было выделено 74 тыс. рублей. Деятельность в области охраны материнства и младенчества также характеризовалась расширением сети учреждений (с 33 в 1923 г. до 105 в 1925 г.)⁹⁰, улучшением условий функционирования. Важное место в их работе стал занимать просветительный патронаж (беседы с матерями, школы для них, советы социальной помощи, секции охраны материнства и младенчества на предприятиях и т.д.). 12 октября 1924 г. проведенный в саратовском доме младенца конкурс грудных детей наглядно продемонстрировал позитивные изменения, произошедшие в работе этого учреждения. Пробы в этом доме некоторое время, все так называемые конкурсанты из истощенных превратились в упитанных детей. Однако в сельской местности, констатировал губернский съезд заведующих уездными отделами здравоохранения, санитарных и участковых врачей (6-10 февраля 1928 г.), отделы по охране материнства и детства из-за отсутствия средств функционировали очень слабо⁹¹. Но, несмотря на это, сотрудники этих отделов сумели добиться снижения в пять раз по сравнению с довоенным уровнем желудочно-кишечных заболеваний, наиболее распространенных у детей⁹², а также уровня детской смертности⁹³.

Были успехи в и развитии стоматологии. Число стоматологических поликлиник в 1927 г. по сравнению с 1918 г. выросло на пять единиц и составило 17 штук с 52 креслами, где работало 56 зубных врачей. Это позволяло обслужить только 35,7% застрахованного населения, от 25 до 35% застрахованного трудящегося населения получало отказ в предоставлении услуг стоматологов. К 1927 г. этой помощи были лишены и подростки от 15 до 18 лет⁹⁴. Аптечная сеть в губернии к этому времени включала в себя 252 аптеки, из них 49 являлись хозрасчетными, частных аптек не имелось. Однако улучшение снабжения населения медицинскими препаратами произошло лишь в городах. В сельской ме-

⁸⁹ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 58; 1928. № 1–2. С. 117, 118.

⁹⁰ В их числе были более десяти женских консультаций, четыре детских консультаций, объединенных с женскими, восемь городских яслей (в селах яслей не было вообще). (См.: Фой А. М. Указ. соч. С. 42; Крылова Е. Н. Указ. соч. С. 47, 48).

⁹¹ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 17, 18, 19, 57; 1928. № 3. С. 151; Взгляд из Саратова. Хроники XX в. // Саратовские вести. 1999 10 июля.

⁹² Крылова Е. Н. Указ. соч. С. 48.

⁹³ В г. Саратове в 1924–1926 гг. по сравнению с 1899–1907 гг. детская смертность понизилась на 15,9%, в уездных городах – на 12,1%, в сельской местности – на 8,1% (См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 10. С. 42).

⁹⁴ См.: Там же. 1927. № 10. С. 62, 63, 66, 79.

стности сеть аптек была ниже довоенного уровня и недостаточна, чтобы качественно обеспечивать население лекарствами⁹⁵. Остро нахватало хирургических инструментов, особенно шприцов, термометров и т.д. Из-за рубежа поставлялись в основном некачественные лекарственные препараты (хинин, йод, кокаин и т.д.). Изменить положение вещей в лучшую сторону было призвано решение губздравицы о предоставлении 116 низовым кооперативным обществам потребителей права торговли в уездах немеющих аптек лекарствами в фасованном виде⁹⁶.

Но, несмотря на существующие еще недостатки в организации и деятельности структур губернского здравоохранения, советская медицина в Саратовской губернии достигла немалых успехов. Были ликвидированы массовые вспышки эпидемий тифа, холеры, оспы, малярии. Крупнейшим достижением народного здравоохранения стала организация медицинской помощи застрахованным. Государственное страхование рабочих и служащих явилось важнейшим источником пополнения бюджета советского здравоохранения. За счет этих средств трудящееся население губернии и особенно городов получили возможность воспользоваться высококвалифицированной амбулаторной и зубоврачебной помощью, пройти профилактическое обследование в поликлинике, подлечиться в губернской санатории или в здравницах Крыма. Достижения имелись и в деятельности по охране материнства, детства и подростков, санитарной охраны. Все это способствовало снижению смертности в сравнении с довоенным 1913 г. в г. Саратове с 29,2‰ до 20,9‰ в 1926 г. В сельской местности смертность сократилась с 29,5‰ до 19,2‰ соответственно, хотя уездная медицина к концу рассматриваемого периода не в полном объеме удовлетворяла потребности населения. Тем не менее, средняя продолжительность жизни в 1926–27 гг. по Европейской России повысилась до 44 лет⁹⁷.

⁹⁵ См.: Саратовский вестник здравоохранения. 1927. № 8–9. С. 62, 64, 65.

⁹⁶ Там же. 1928. № 3. С. 131.

⁹⁷ См.: Там же. 1927. № 10. С. 41; *Нушатаев И. А.* Указ. соч. С. 101.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИЮ БЫВШЕЙ РЕСПУБЛИКИ НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ В 1941–1942 ГГ.

В сентябре 1941 г. из республики немцев Поволжья были выселены 479841 человек¹. 7 сентября 1941 г. опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об административном устройстве территории бывшей Республики Немцев Поволжья». В соответствии с Указом в состав Саратовской области вошли бывшие районы (кантоны) Немреспублики: Бальцерский, Золотовский, Каменский, Терновский, Куккусский, Зельманский, Красноярский, Маркштадский, Унтервальденский, Федоровский, Гнаденфлюрский, Краснокутский, Лизандергеймский, Мариентальский, Экгеймский. В состав Волгоградской области вошли Франкский Эрленбахский, Добринский, Палласовский, Гмелинский, Старо-Полтавский, Иловатский районы. Весной 1942 г. Каменский район был передан в ведение Наркомата Внутренних дел.

Из районов, присоединенных к Саратовской области, в сентябре 1941 г. были депортированы свыше 338 тыс. немцев (см. табл. № 1).

Таблица № 1

Процесс выселения лиц немецкой национальности с территории Саратовской области (сентябрь 1941 г.)².

Наименование района	Выселено	
	человек	семей
г. Энгельс	13458	3595
Красно-Кутский	19172	4237
Федоровский	1944	445
Экгеймский	18897	2384
Терновский	2397	574
Гнаденфлюрский	10347	2110
Красноярский	21191	4480
Мариентальский	25962	5426
Зельманский	25007	5394
Лизандергеймский	15072	3223
Золотовский	532	129
Маркштадтский	36108	7426
Бальцерский	35241	8054
Куккусский	24131	5103
Унтервальденский	30167	6517
Каменский	20196	4374
Итого по районам бывшей АССР НП	291822	63471

¹ Сопроводительное письмо наркома НКВД СССР Л. П. Берии № 2514/Б в ЦК ВКП(б) к проекту Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) о порядке переселения из республики немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей // Сталинские депортации 1928–1953. Документы. М., 2005. С. 287.

² ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2338, л. 36.

Наименование района	Выселено	
	человек	семей
г. Саратов	11330	3427
Районы Саратовской области	35063	7958
Итого	46393	11385
Всего	338215	74856

До выселения в 11 южных приволжских районах, присоединенных в 1941 г. к Саратовской области, за колхозами было закреплено земли – 1275,7 тыс. га, из которой 908,5 тыс. га использовалось под пашню. Все пахотоспособные земли до 1941 г. использовались полностью под посевы хлеба, кормовых культур и многолетних трав³. Основными отраслями хозяйства Немреспублики были производство зерна и животноводство.

Средняя загрузка пахотной земли по 11 районам на одно колхозное хозяйство составляла 20,6 га. Из 100 га пашни от 8,1 до 11,8 га обрабатывались механической рабочей силой. Ежегодно колхозы этих районов давали государству свыше 60 млн. пудов зерна и большое количество продуктов животноводства и птицеводства⁴. В 280 колхозах 11 районов имелось 43974 хозяйства колхозников, из которых 37651 хозяйство немцев. Именно эти немецкие хозяйства были выселены осенью 1941 г. На территории ликвидированной немецкой автономии в начале осени 1941 г. остались 6323 хозяйства русских старожилов.

Немцы оставили на Волге 33103 жилых дома с надворными постройками, крупного рогатого скота около 80 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования колхозниками около 39 тыс. голов; коз и овец около 143 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования около 80 тыс. голов; свиней около 39 тыс. голов, в том числе индивидуального пользования около 19 тыс. лошадей около 20 тыс. голов, верблюдов – около 1,5 тыс. голов⁵.

Жилые дома, надворные постройки и хозяйственный инвентарь в сентябре 1941 г. были переданы Саратовскому облисполкому для обеспечения прибывающих переселенцев – колхозников, оставшийся скот предназначался для общественного колхозного стада вновь организованных переселенческих колхозов и для личного крестьянского подворья.

Чтобы восстановить экономику районов бывшей Немреспублики в начале сентября 1941 г. советское правительство разработало схему заселения этих территорий. В частности, Постановлением Совнаркома СССР от 3 сентября 1941 г. № 2030/922-С был утвержден план переселения колхозных хозяйств. Согласно этому постановлению намечалось переселение в бывшую немецкую автономию 59794 хозяйств⁶. В Саратовскую область планировалось вселить

³ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 611, л. 10.

⁴ Там же. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Д. 393, л. 2.

44744 хозяйства, в Сталинградскую 15050 хозяйств⁷. Предполагалось, что заселение бывших районов АССР НП произойдет за счет переселения колхозов из прифронтной полосы Украинской ССР, Орловской и Курской областей, а также за счет эвакуированных, изъявивших желание работать в колхозах.

Переселение из Черниговской, Полтавской, Сумской, Ворошиловградской, Запорожской, Харьковской, Днепропетровской, Орловской и Курской областей предполагалось завершить к 15 сентября 1941 г.⁸. Все колхозники, переселяемые на территорию бывшей Немреспублики, освобождались от трудовой мобилизации в прифронтной полосе.

Колхозникам разрешили сдать собранный урожай заготовительным органам, а на зерновую продукцию и сено, оставшееся после выполнения обязательств перед государством, выдавались обменные квитанции.

Общественный скот из колхозов УССР был направлен в места вселения гоним в сопровождении бригады колхозников. Колхозникам разрешили перевезти личного имущества, мелкого сельскохозяйственного, бытового инвентаря, продовольствия общим весом до одной тонны на колхозный двор, а также обобщественного имущества из расчета 0,5 тонны на колхозный двор⁹.

Общественные постройки, подсобные предприятия, транспортные средства и сельскохозяйственный инвентарь, оставленный в немецких колхозах, передавался переселенцам частично бесплатно, частично в кредит сроком на пять лет¹⁰. Весь общественный скот, оставшийся в местах вселения также передавался в общественное хозяйство переселяемого колхоза в кредит сроком на пять лет. Жилые надворные постройки, стоимость которых не превышала пяти тысяч рублей, передавались колхозникам бесплатно. В случае, если эта стоимость превышала пять тысяч рублей, то колхознику выдавался кредит на доплату соответствующей суммы сроком на три года¹¹. Оставшийся неубранный урожай на приусадебных участках передавался колхозникам бесплатно.

В условиях военного времени заселение немецкой автономии началось только с 21 сентября 1941 г., вместо намеченного постановлением окончания заселения к 15 сентября 1941 г., когда первый транспорт с колхозниками из Украинской ССР оказался на территории бывшей АССР НП. В конце сентября 1941 г. сюда из Курской области было доставлено еще 140 хозяйств (681 чел.). Из Ворошиловградской области к этому времени прибыли восемь маршрутов с 2330 хозяйствами (9423 чел.), из Харьковской области – два маршрута с 381 хозяйством (1501 чел.), из Полтавской области – два маршрута с 262 хозяйствами (726 чел.), из Орловской области – один маршрут в количестве 56 хозяйств (245 чел.)¹². Все прибывшие колхозные хозяйства были распределены по районам бывшей АССР НП:

⁷ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 2.

⁸ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2338, л. 13.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 16.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² См.: Там же, л.169–171.

в Красно-Кутский: три маршрута Курской области 140 хозяйств (681 чел.), один маршрут Харьковской области 231 хозяйств (1001 чел.);
в Куккусский: два маршрута Ворошиловградской обл. 498 хозяйств (1976 чел.);
в Бальцерский: три маршрута Ворошиловградской области 794 хозяйств (3289 чел.);
в Мариентальский: один маршрут харьковской области 150 хозяйств (500 чел.), один маршрут Полтавской области 37 хозяйств (117 чел.), один маршрут Орловской области 56 хозяйств (236 чел.);
в Краснокутский: один маршрут Полтавской области 225 хозяйств (609 чел.);
в Зельманский: один маршрут Ворошиловградской области 113 хозяйств (432 чел.);
в Унтервальденский: один маршрут Ворошиловградской области 432 хозяйств (1663 чел.), один маршрут Запорожской области в количестве 50 хозяйств (245 чел.);
в Лизандергеймский: один маршрут Ворошиловградской области 293 хозяйств (1263 чел.).

При приеме первых эшелонов переселенцев имелись существенные недостатки в работе железнодорожного транспорта и в организации доставки переселенцев к местам вселения, что в военное время вполне объяснимо. Так, передвижение эшелонов от станции Ртищево до станции Саратов занимало целые сутки. Именно за такое время преодолел это расстояние первый маршрут переселенцев из Курска. При перегрузке маршрутов колхозников на станции Увек происходили задержки в подаче барж. Баржа с маршрутом для Зельманского района была погружена к 12 часам дня, а отправлена на следующий день в три часа утра, пассажирским пароходом, который оставил баржу в нескольких километрах от Зельмана. Баржа с колхозниками в ненастную погоду оказалась брошенной среди Волги и лишь к ночи была подана под разгрузку¹³.

Красноярский райком ВКП(б) для разгрузки первого маршрута из Курска прислал лишь две подводы. Ко второму маршруту вместо двух автомашин были поданы 25 подвод. К третьему маршруту – 70 подвод и только после категоричных требований переселенческого отдела было выделено дополнительно 30 подвод. Такого количества подвод не хватало для перевозки прибывших переселенцев. Можно представить в каких условиях перевозились переселенцы и их имущество в колхозы бывшей Немреспублики.

На 6 октября 1941 г. количество принятых и расселенных колхозных хозяйств выглядело следующим образом (см. таблица № 2).

¹³ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2357, л. 169–171.

**Расселение переселенческих колхозов по районам
бывшей АССР НП и Саратовской области,
на 6 октября 1941 г.¹⁴.**

Область выселения	План переселения хозяйств	Переселено хозяйств	Районы вселения	Количество вселенных хозяйств
Ворошиловградская	5000	4772	Куккуцкий	770
			Бальцерский	822
			Зельманский	411
			Маркштадтский	560
			Унтервальденский	544
			Лизандергемский	286
			Экгеймский	250
			Гнаденфлюрский	246
			Краснокутский	667
			Вязовский	301
Полтавская	12000	262	Мариентальский	37
			Краснокутский	225
Курская	3000	287	Красноярский	287
Харьковская	3000	433	Красноярский	283
			Мариентальский	150
Сумская	7550	поступлений не было	–	–
Черниговская	5000	поступлений не было	–	–
Запорожская	3886	490	Маркштадтский	54
			Нейвальтерский	266
			Ершовский	170
Всего	42436	6254		

Исходя из данных таблицы № 2 к 6 октября 1941 г. на территории Саратовской области были размещены 6254 переселенческих хозяйства. Всего по постановлению СНК СССР от 3 сентября 1941 г. из Украинской ССР, Курской и Орловской областей переехали и были размещены на территории бывшей АССР НП 6036 хозяйств¹⁵.

Наиболее массовым стало переселение колхозников из Украинской ССР. Осенью 1941 г. из прифронтовой полосы УССР в Поволжье были переселены около 11 тыс. чел. Переселение из Украины было организовано целыми колхозами. Всего прибыли 134 колхоза, 70 из них были переселены из Ворошиловградской области. Стремительное наступление германских войск летом – осенью 1941 г. не позволило в некоторых областях УССР организовать переселение колхозников. Так, из Киевской, Полтавской, Днепропетровской областей было вывезено всего 19 колхозов. Как видно из таблицы № 2 из Сумской и Черниговской областей УССР на 6 октября 1941 г. не было переселения кол-

¹⁴ Таблица составлена по данным см.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2357, л.122.

¹⁵ ГАРФ, ф.-А.327, оп. 2, д. 393, л. 2.

хозников. Более организованно прошла эвакуация из Харьковской, Запорожской областей, из которых были эвакуированы и размещены на территории бывшей Немреспублики 36 колхозов¹⁶.

Расселили переселенческие колхозы в десяти районах, присоединенных к Саратовской области и в трех районах, присоединенных к Волгоградской области. Временным прибежищем для эвакуированных стали села Бальцерского, Зельманского, Куккусского, Маркштадтского, Красноярского районов, близко расположенных к Саратову и Энгельсу, что позволило в короткие сроки расселить переселенцев. Разместили колхозников и в нескольких более дальних районах: Краснокутском, Лизандергеймском, Гнаденфлюрском, Унтервальденском, Экгеймском¹⁷.

В Государственном архиве новейшей истории Саратовской области сохранились документы о плане вселения колхозников, прибывших в конце сентября 1941 г. из прифронтной зоны Украинской ССР, из Орловской и Курской областей (см. таблицу № 3).

Таблица №3

План вселения на территорию бывшей АССР НП колхозников Украинской, Орловской и Курской областей¹⁸.

Дата	Эшелон	Поезд	Количество			Откуда прибыли (область)	Куда следуют (район)
			вагонов	хозяйств	людей		
24.09	№1030	№4218	38	294	1156	Ворошиловградская	Куккусский
22.09	–	–	–	10	45	Орловская	Каменский
24.09	–	–	30	93	439	Курская	Красноярский
26.09	–	–	6	29	111	–	–
26.09	№404	№218	46	265	890	Ворошиловградская	Бальцерский
27.09	–	№210	6	25	102	Полтавская	Мариентальский
27.09	№1129	№228	38	177	890	Харьковская	Красноярский
28.09	–	–	2	28	150	–	–
28.09	№1031	№58	37	202	928	Ворошиловградская	Куккусский
28.09	№966	№62	32	225	609	Полтавская	Краснокутский
28.09	–	№228	27	150	557	Харьковская	Мариентальский
28.09	–	№110	54	221	1089	Ворошиловградская	Бальцерский
–	№1024	№118	43	280	800	–	–
29.09	№1029	–	76	432	1691	–	Зельман 1099 Бальцер 690

¹⁶ ГАРФ. Ф.-А.327. Оп. 2. Д. 393. Л.50.

¹⁷ Там же. Л. 57.

¹⁸ ГАНИСО, ф. 594. Оп. 1, д. 2548, л. 6.

Дата	Эшелон	Поезд	Количество			Откуда прибыли (область)	Куда следуют (район)
			вагонов	хозяйств	людей		
29.09	Прибыли	Волгой из Ста- линграда		64	275	Запорожская	Маркштадт- ский
Ито- го			–	2495	9732		

Всего, с 22 сентября по 29 сентября 1941 г. в Саратовскую область прибыли 2495 хозяйств колхозников – переселенцев, из которых 2363 хозяйства из Украинской ССР, с количеством 9047 человек.

Иногда села бывшей Немреспублики являлись отправной точкой для дальнейшего переселения. Так зимой 1942 г. состоялось переселение 281 колхозного хозяйства из Бальцерского района в Вязовский район Саратовской области¹⁹.

В конце октября 1941 г. в городах Саратове, Энгельсе и Вольске была организована трехкратная радиопередача с призывом к городскому населению к переселению на постоянное жительство в районы бывшей республики немцев Поволжья.

В 25 ноября 1941 г. количество эвакуированных колхозников и расселенных на территории 12 кантонов бывшей республики немцев Поволжья составило 7901 хозяйство, хотя по плану необходимо было вселить 38843 хозяйства. Уже к этому времени начался процесс агитации среди эвакуированного населения с целью заселения его в колхозы бывшей автономии. Из 47084 эвакуированных и расселенных в 12 районах бывшей АССР НП, 7643 человек согласились жить и работать в колхозных хозяйствах. Распределение переселенных хозяйств на 25 ноября 1941 г. представлено в таблице № 4.

Таблица № 4

Переселенные на территорию бывшей республики немцев Поволжья крестьянские хозяйства (данные на 25 ноября 1941 г.)²⁰.

Наименование районов	Подлежало по плану вселения колхозных хозяйств	Прибыло хозяйств колхозников	Отобрано в колхозах из эвакуированного населения	Количество эвакуированного населения в районе
Бальцерский	3620	822	–	3000
Гнаденфлюрский	1500	421	600	944
Зельманский	3500	481	1405	2839
Краснокутский	2350	981	600	7554
Красноярский	4173	1220	200	586
Каменский	3000	222	–	150
Куккусский	4200	617	1000	1400
Лизандергеймский	2000	1000	1000	1400
Маркштадтский	4000	918	588	14800
Мариентальский	4000	400	1300	2480

¹⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2548, л. 6.

²⁰ Там же. Д. 2357, л. 332.

Наименование районов	Подлежало по плану вселения колхозных хозяйств	Прибыло хозяйств колхозников	Отобрано в колхозах из эвакуированного населения	Количество эвакуированного населения в районе
Унтервальденский	5000	410	300	2500
Экгеймский	1500	409	650	10331
Итого	38843	7901	7643	47984

В целях исполнения сентябрьского постановления Совнаркома СССР 26 ноября 1941 г. выходит постановление Совнаркома РСФСР «О мероприятиях по сельскому хозяйству в районах бывшей республики немцев Поволжья». Работа по проведению заселения поручалась переселенческому отделу Саратовского облисполкома. Переселенческий отдел отбирал переселенцев из числа колхозников и эвакуированного населения. С этой целью на узловые железнодорожные станции Рязано-Уральской железной дороги были посланы инспектора отдела, в обязанности которых возлагалась проверка и отбор людей, желающих выехать на постоянное место жительства в колхозы бывшей АССР НП на условиях колхозников-переселенцев. Этот отбор проводился, главным образом, из числа эвакуированного населения в эшелонах, проходящих через территорию Саратовской области.

В результате организационно-массовой работы на железнодорожных станциях к 31 декабря 1941 г. в районы бывшей Немреспублики были отобраны 11479 семей из эвакуированного населения и 8493 семьи колхозников из соседних с Саратовской областью регионов²¹. Однако такого количества хозяйств было явно недостаточно. Оставалось невыполненным по плану переселение более 35 тыс. хозяйств в Саратовскую и Сталинградскую области, 69% из этих переселенческих хозяйств должны были быть расселены в 11 районах, присоединенных к Саратовской области. Нужно отметить, что возможности отбора переселенцев у Саратовской области были. Только в течение первого военного года в Саратовскую область прибыло 321 тыс. эвакуированных и 184 тыс. прибыло в Сталинградскую область²².

Весомой причиной невыполнения плана заселения в этот период была плохая работа облисполкомов и переселенческих отделов в областях выхода по отбору и направлению переселенцев. Для исправления подобных ошибок в работе в саратовском переселенческом отделе был введен новый временный штат инспекторов в количестве десяти человек. На их содержание было отпущено около 20 тыс. руб.

Уже осенью 1941 г. переселенцы столкнулись с тяжелыми материальными и бытовыми условиями проживания на новом месте. Отсутствие дров для отопления, голод, неприспособленные для проживания дома – это неполный перечень трудностей, с которыми столкнулись переселенцы.

²¹ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 393, л. 2.

²² Там же.

По Советскому району значительная часть эвакуированных и переселенцев проживали в квартирах, не приспособленных для жилья в зимних условиях. Обеспеченность топливом в этом районе составляла 10% от необходимой нормы²³, в Терновском районе население и вовсе осталось без топлива, при наличии заготовленных в лесу дров²⁴. Из-за отсутствия топлива жители разбирали пустующие постройки на дрова. В первую очередь были разобраны заборы и хозяйственные постройки, но вскоре стали разрушать и пустующие дома. Таким образом, к зиме 1941–1942 гг. многие дома, оставленные немцами, оказались непригодными для проживания. В них не закрывались двери, протекала крыша, были не застеклены окна. Во многих домах отсутствовали предметы домашнего обихода: ложки, вилки, кровати и т.д., и это притом, что депортированные немцы большую часть своего имущества оставили в домах. Безусловно, что к расхищению имущества, оставленного немцами, были причастны местные жители, которые проживали в соседних селах. Об этом свидетельствуют материалы устной истории, собранные во время историко-этнографических экспедиций в Поволжье в 1990-е гг. Однако, обвинения в расхищении имущества немцев в ноябре 1941 г. были предъявлены и нескольким партийным руководителям. Руководители Стрельников и Костин, занимавшиеся выселением немцев в Красноярском районе, были обвинены в «хищении социалистической собственности: 2000 кур, бочки вина, шампанского, свиней. Стрельцов присвоил для себя два мешка табака, порезал 100 колхозных коз и выдавал от сельсовета незаконные справки на продажу коз»²⁵.

В начале декабря Красноярский РК ВКП(б) провел проверку этих данных и установил, «факты убоя свиней и молодняка, хищение птицы, табака и других продуктов не установлены»²⁶. При проведении обысков на квартирах Стрельникова и Костева «никаких продуктов в большом количестве не обнаружено»²⁷.

В отчете о проведенной проверке содержатся факты падения скота и птицы на фермах Красноярского района в сентябре 1941 г., подтверждалась и порча зерна, находившегося в поле. Было установлено, что из намолоченного 13-15 тыс. центнеров зерна, находившегося в поле, погибло от порчи 300 центнеров. В том же отчете это объяснялось тем, что в первые дни после переселения немцев, рабочей силы не хватало. Руководители, которые принимали имущество немцев и были ответственны за его сохранность, не знали сельского хозяйства и не имели практического опыта работы.

Переселение осенью 1941 г. не решило проблему освоения территории ликвидированной Немреспублики. Попыткой решить эту проблему стало постановление СНК СССР от 27 февраля 1942 г. № 263-138 С и принятое на его основе постановление СНК РСФСР от 2 марта 1942 г. Согласно эти постановлениям в 1942 г. было организовано переселение колхозников из Тамбовской, Пензенской, Воронежской и Саратовской областей.

²³ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 4093, л. 139.

²⁴ Там же. Л. 140.

²⁵ Там же. Д. 2338, л. 41–42.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

Всего из трех областей на 25 мая 1942 г. в бывшую республику немцев Поволжья были переселены 6513 хозяйств. Выполнение плана по переселению по областям выхода переселенцев характеризовалось следующими данными (см. таблицу № 5).

Таблица №5

Переселение на территорию бывшей АССР НП (по областям выхода)

Наименование областей выхода	План переселения хозяйств	Прибыло в районы Саратовской области	Выполненного плана (в процентах)
Саратовская область (правобережные районы)	2000	2217	110,8
Тамбовская область	2000	1985	99,2
Воронежская	1500	1291	86
Пензенская	2500	1020	40,8
Итого	8000	6513	81,4

Постановления СНК СССР и СНК РСФСР предусматривало переселение к 1 апреля 1942 г. восьми тысяч колхозных хозяйств. Саратовская область выполнила это задание в установленный срок. Перевозку переселенцев удалось провести до наступления весенней распутицы – по санному пути.

Из Тамбовской и Воронежской областей эшелоны с переселенцами поступали с 6 апреля по 10 мая. Невыполнение плана переселения по Пензенской области объяснялось неподачей вагонов Управлением бывшей Пензенской железной дороги, а затем задержкой в подаче вагонов Юго-Восточной и Куйбышевской дорогами.

Отобранные переселенцы из Пензенской области в апреле по 10-15 суток ожидали отправки на станциях, а затем вернулись в родные колхозы.

Исполнение данного постановления можно проследить по переселению колхозником из Тамбовской области. К 10 марта 1942 г. 120 хозяйств Тамбовской области выразили желание переехать на новое место жительства. К 4 апреля того же года таких хозяйств было уже 2170, что составляло 108,5% от плана переселения²⁸ (всего по плану необходимо было переселить из Тамбовской области две тысячи хозяйств).

Таким образом, отбор и утверждение хозяйств на переселение произошло в Тамбовской области в короткие сроки, однако, погрузка их в вагоны и отправка по назначению на отдельных станциях затянулась. Вагоны по заявкам Саратовского облисполкома своевременно не были поданы, а по станции Умет, Пензенской железной дороги вагоны совершенно не подавались, в результате чего, 58 хозяйств из Уметского района остались неотправленными. Именно поэтому, выполнение переселения в Саратовскую область составило 95,4% или 1908 хозяйств²⁹ от плана.

²⁸ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 48, л. 27.

²⁹ Там же. Л. 28.

Недовыполнение плана по переселению объясняется отсевом отдельных хозяйств из-за несвоевременной подачи вагонов Пензенской железной дорогой. Вагоны подавались с задержкой на 7-13 дней. Вследствие несвоевременной подачи вагонов под погрузку, подвезенные переселенцы на станциях просиживали в холодных помещениях вокзалов по нескольку суток, например, на станциях Ржакса, Кирсанов, Платоновка переселенцы просидели от пяти до восьми суток. Подвезены переселенцы были из дальних колхозов из-за предстоящей весенней распутицы и бездорожья. Кроме того, вагоны с переселенцами на станциях погрузки простаивали в ожидании отправления по нескольку суток. Например, на станции Кирсаново вагоны с переселенцами ждали отправки шесть суток, на станции Инжавино – пять суток, на станции Платоновка – четверо суток, на станции Тамбов – двое-трое суток³⁰.

Необходимо также отметить медленное продвижение эшелонов с переселенцами по железным дорогам. Например, группа вагонов, отправленная из Моршанска 1 апреля, прибыла в Пензу только 11 апреля (расстояние в 263 километров прошли в течение суток суток). В Пензе эшелон простоял около пяти суток, отправленная из Мичуринска 31 марта группа вагонов прибыла на станцию Неткачево только 8 апреля (расстояние около 500 километров эшелон преодолел за восемь суток)³¹.

Расселение переселенцев в Саратовской области происходило в крайне тяжелых условиях. По сообщению начальников эшелонов, встреча переселенцев была организована в Саратовской области плохо. Вернувшийся начальник эшелона Хмыров, доставивший группу переселенцев из Мучапского и Шапкинско-го районов Тамбовской области, сообщил, что на станции Неткачево под выгрузкой скопилось до 150 вагонов, а перевозку переселенцев в колхозы производили несколько подвод. Переселенцы на железнодорожных станциях проживали в вагонах без отопления и питания по нескольку суток, ожидая отправки в конечные пункты вселения.

В первых числах мая месяца 1942 г. СНК РСФСР командировал в Пензу специального ответственного работника с заданием форсировать отправку переселенцев из Пензенской области. С 20 мая вновь начали поступать эшелоны с переселенцами из Пензенской области,

Выполнение плана вселения колхозников-переселенцев по районам, присоединенным к Саратовской области, характеризовалось весной 1942 г. следующими данными (см. таблицу № 6).

³⁰ ГАРФ. Ф.-А. 327. Оп. 2. Д. 48. Л. 29.

³¹ Там же.

Процесс вселения колхозников в районы, присоединенные к Саратовской области весной 1942 г.³².

Наименование районов вселения	План вселения	Фактически прибыло хозяйств	Процент выполнения
Подлесновский	2070	1491	72
Ровенский	1900	1271	67
Красноармейский	300	175	58,3
Каменский	950	777	79,5
Приволжский	1000	1070	107
Советский	700	309	44,1
Первомайский	200	417	148,9
Краснокутский	300	303	101
Безымянский	200	168	84
Марковский	–	230	–
Итого	8000	6513	81,1

В связи с передачей Каменского района в ведение НКВД, колхозники этого района весной 1942 г. в количестве 1515 хозяйств вновь были переселены в Красноармейский район³³.

Уже весной 1942 г. региональные руководители поняли, что в Саратовской области создалось тревожное положение, которое могло привести к обратному возвращению переселенцев. Оказалось, что многие дома, оставшиеся после депортации немцев, были разрушены. Комиссия Саратовского облисполкома весной 1942 г. установила, что в Советском, Подлесновском, Ровенском, Приволжском, Первомайском районах до 30% прибывших переселенцев не получили домов, а часть переселенцев ютились в неотресторированных землянках. Например, в Советском районе в селе Либенталь в неотресторированной землянке площадью восемь–девять квадратных метров были размещены три семьи. В этом же селе в одной комнате размещались две семьи переселенцев – Карпухина – четыре человека, и Пятакова – три человека. Между тем в Советском районе имелись 1526 свободных домов, которые подлежали текущему и капитальному ремонту, а 698 домов были полуразрушены³⁴.

В Подлесновском районе 230 семей переселенцев не получили домов, тогда как в районе имелись 987 домов, требующих ремонта. Наиболее угрожающее положение сложилось в Ровенском районе, где к середине 1942 г. не было ни одного полностью подготовленного для переселенцев дома, в то время как этот район должен был принять 600 хозяйств переселенцев.

К лету 1942 г. оказалось, что 1500 хозяйств переселенцев, прибывших из Пензенской области на территорию бывшей АССР НП, было негде размещать. Исполком Областного Совета 25 мая 1942 г. постановил, что нужно обеспечить

³² ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 47, л. 77.

³³ Там же. Л. 80.

³⁴ Там же. Л. 82.

каждого переселенца домом, в соответствии с постановлением Совнаркома СССР от 27 февраля 1942 г.³⁵.

К середине 1942 г. в Ровенском, Приволжском, Советском и других районах бывшей АССР НП около 70% переселенцев не были оформлены членами сельхозартели и не получили приусадебных участков. В ряде новых районов не использовались все внутренние ресурсы для наделения переселенцев семенами бахчевых и огородных культур. Так, например, в Подлесновском районе, в Шенхенском сельском совете колхозе «Парижская коммуна» восемь хозяйств переселенцев из Балтайского района Саратовской области, не могли перевести отставленный на прежнем месте жительства картофель из-за отсутствия транспорта³⁶.

В этом районе многие колхозники, переселенные из правобережных районов Саратовской области, также остались без запасов картофеля. Они соглашались сдать в местах прежнего жительства картофель своим колхозам взаимнообразно для переселенцев, но получить взамен картофель на территории бывшей Немреспублики не могли, так как Оргкомитет Подлесновского района не смог организовать переброску семенного картофеля.

В том же районе в колхозе «Парижская коммуна», правление колхоза вместо оказания помощи переселенцам в перевозке картофеля, пользуясь их трудностями, заключило с группой переселенцев кабальный договор, по которому предусматривалось, что 50% картофеля переселенцы передадут колхозу. Остальное возьмут себе.

Совершенно неудовлетворительно во многих колхозах было организовано снабжение переселенцев хлебом и другими продуктами. Так, по заявлению, переселенцев, в колхозе «1-е мая» Советского района в течение десяти дней колхозники получали по 300 грамм хлеба на человека, а в дальнейшем подача хлеба была прекращена, несмотря на то, что большинство переселенцев работали в поле.

В Витманском сельском совете, Подлесновского района табачно-огородная бригада была укомплектована из вновь прибывших переселенцев в количестве 67 человек, находясь на полевой работе, в течение 20 дней не получала общественного питания, тогда как другие бригады имели это питание³⁷.

В районах бывшей Немреспублики на 25 мая 1942 г., по неутонченным данным, насчитывались свыше 15 тыс. бескоровных колхозных хозяйств. По данным обследования в Подлесновском и Ровенском районах, из общего количества прибывших к ним в марте – мае 1942 г. 2763 переселенческих хозяйств, прибыли со своими коровами только 11 хозяйств, с обменными квитанциями на скот – 89 хозяйств, остальные 2663 хозяйства или 96% являлись бескоровными³⁸. Эти хозяйства по постановлению СНК СССР от 20 февраля 1942 г. имели право на получение по одной голове крупного рогатого скота и по одному по-

³⁵ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 47, л. 83.

³⁶ Там же. Л. 84.

³⁷ Там же. Д. 611, л. 13.

³⁸ Там же. Л. 14.

росенку. Всего же с 1 января по 20 мая 1942 г. переселенцам – колхозникам районов бывшей АССР НП были проданы 6653 коровы, 1603 овцы и козы, и 1134 свиньи³⁹.

Несмотря на наличие во многих районах скота, оставленного депортированными немцами, облзаготскот и оргкомитеты районов вселения не организовывали выдачу скота переселенцам по обменным квитанциям. В Ровенском районе только 580 коров были выданы переселенцам – колхозникам прибывшим осенью 1941 г.

Особо следует отметить наличие фактов плохого отношения к переселенцам, отобраным из эвакуированного населения. Например, в Ровенском районе – Второй секретарь РК ВКП(б) Тарасов сказал, что «создавать бытовые условия этим эвакуированным мы не будем, пусть живут как хотят»⁴⁰. Так же рассуждал и председатель Визенмиллерского колхоза Шейко, который предупредил, «что он скоро всех таких переселенцев повыкидывает»⁴¹.

Председатель оргкомитета Безымянского района Ненахов при приеме переселенцев заявлял с возмущением, «чтобы больше к ним таких переселенцев не присылали, что якобы они будут только нахлебниками и работать в колхозах не будут»⁴².

Председатель Приволжского оргкомитета Смородин в период приема переселенцев констатировал, «что к ним в район прибыли 80% эвакуированных и что они будут малополезны в колхозах»⁴³.

Следует отметить, что подавляющее большинство переселенцев, в том числе переселенцы из эвакуированного населения, с первых дней их прибытия в колхоз добросовестно включились в работу, и вместе с остальными колхозниками принимали участие в весеннем севе.

Председатель колхоза «Коммунист» Кировсфельдского сельского совета Подлесновского района Катровский был снят с должности 21 мая 1942 г. из-за возмутительного факта отношения к семье переселенцев. Этот случай наглядно показывает отношение местного руководства к переселенцам, отобраным из эвакуированного населения. Переселенка из Пензенской области с тремя детьми (мальчик восьми лет, девочка четырех лет и мальчик двух лет) заболела в дороге и по приезде в колхоз просила отправить ее в больницу. Председатель колхоза Катровский пять дней не давал ей подводу, а затем отправил ее с детьми мать и имуществом в районный центр Подлесное. Переселенку с имуществом оставили у забора больницы⁴⁴.

Переселение на территорию бывшей АССР НП в 1942 г. продолжалось. Так в колхозы бывшей Немреспублики была переселена тысяча хозяйств по постановлению ГКО от 5 июня 1942 г. Помимо этих переселенцев были отобраны и

³⁹ ГАРФ, ф.-А. 327, оп. 2, д. 611, л. 15.

⁴⁰ Там же. Л. 80.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Д. 47, л. 82.

⁴³ Там же. Л. 84.

⁴⁴ Там же.

оформлены членами колхозов 13956 семей из числа эвакуированного населения.

Таким образом, к концу 1942 г. в колхозах, присоединенных к Саратовской области районов, проживало 27559 семей переселенцев, что при наличии 6323 семей местных жителей составляло 33892 хозяйства или 77,3% от числа выселенных немецких хозяйств.

Переселение колхозников осенью 1941 г. и в 1942 г. полностью не решило проблему заселения территорий, присоединенных к Саратовской области осенью 1941 г. Однако хозяйственные трудности, с которыми столкнулись переселенцы и которые в условиях военного времени, преодолевались крайне медленно. Например нехватка жилых домов (разрушенные и полуразрушенные дома не восстанавливали из-за нехватки древесины и рабочих рук) стала предпосылкой к последующему оттоку населения, к возвращению его в родные места.

Несмотря на то, что переселенческим колхозам передавалось все движимое и недвижимое имущество, оставшееся после выселения немцев, а колхозникам передавались в собственность жилые дома, надворные постройки, хозяйственное и домашнее имущество, отток населения к концу 1942 г. увеличивается. Правительство пыталось закрепить переселенцев на новом месте выделением денежных кредитов на приобретение скота, предоставлением льгот и списыванием недоимок по сельскохозяйственному налогу, выдачей продовольственных ссуд. Однако все эти меры не смогли решить проблему нехватки рабочих рук, которая произошла в результате депортации поволжских немцев в сентябре 1941 г. в Сибирь и Казахстан.

РАЗМЕЩЕНИЕ ЭВАКУИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Эвакуация, проведенная Советским Союзом в 1941–1942 гг., существенным образом повлияла на экономическую и бытовую обстановку многих тыловых регионов страны. Проблема размещения эвакуированного населения, как одна из важнейших составных частей хозяйственного и социального обустройства переселенцев, непосредственно затрагивала жилищно-коммунальный вопрос в районах вселения мигрантов. Изучение форм и способов удовлетворения жилищной потребности населения, решение этих вопросов местной властью заслуживает самого пристального внимания. Ряд субъективных моментов, напрямую зависящих от человека и влиявших на решение жилищного вопроса, также требует рассмотрения.

Первый эшелон с эвакуированным населением поступил в Саратов из Минска вечером 28 июня 1941 г.¹, а в июле-августе стали прибывать эвакуированные из прифронтовой полосы предприятия и оборудование целого ряда заводов и фабрик. Основная их часть размещалась вместе с производственным и административным персоналом в Саратове и Энгельсе. Саратовскому горсовету предоставлялось право уплотнять жилищный фонд, т.е. подселять эвакуированных к жителям города «... как в коммунальных ведомствах, так и в частновладельческих домах», а норма жилплощади устанавливалась в 4,5 квадратных метров².

В своих многочисленных решениях исполком областного Совета обязывал горсовет приложить максимальные усилия по размещению оборудования прибывающих заводов и обеспечению жилой площадью всех рабочих и служащих с семьями. При этом, как правило, не конкретизировалось, каким точно образом городской Совет, в лице его председателя, должен эту проблему решать. Обычно следовали стандартные формулировки: «Обязать председателя Исполкома Саратовского городского Совета тов. Ключникова обеспечить жилыми помещениями рабочих, служащих и их семьи, прибывающие с эвакуированной из Ростова кожгалантерейной фабрикой», «Обязать Исполком Саратовского Горсовета тов. Гликман предоставить жилую площадь прибывающим рабочим и ИТР указанных заводов» и т. п.³

В случае, если заранее было известно, что эвакуируемые заводы прибывают на площадку уже существующих местных предприятий, директор местного завода подключался к решению проблемы расселения новых работников. Для многих саратовских хозяйственных руководителей забота о приезжих рабочих стала по-настоящему ответственным делом, и выполняли они ее с честью. Ди-

¹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2442, л. 6.

² См.: ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 126, л. 51, д. 122, л. 34.

³ См.: Там же. Д. 122, л. 69, 75, 77, 110, 117, 141, 142, 146.

ректор завода № 292 И. С. Левин даже пошел на конфликт с городским руководством, настойчиво «выбивая» ордера для расселения прибывающих рабочих авиазаводов у работников горсовета⁴.

Чтобы расселить приехавших эвакуантов, власти нередко предлагали освободить помещения местных организаций, работа которых в данный момент была менее значима в сравнении с задачей пуска того или иного завода. Например, 17 июля 1941 г. для размещения военно-картографической фабрики было освобождено помещение профтехучилища облсобеса⁵.

Кроме уплотнения жилплощади, для размещения рядовых рабочих использовалось и выселения саратовских жителей за пределы города. Так, в начале сентября были выселены 24 семьи работников местной обувной фабрики с целью «... быстрее пуска в эксплуатацию эвакуированного оборудования Великолукской перчаточной фабрики ...»⁶. Предельно сжатые сроки заставляли в первые месяцы искать любые здания для размещения, как говорится, собирать «с миру по нитке». В конце июля 1941 г. для расселения рабочих трех авиационных предприятий были выделены недостроенные здания Института зернового хозяйства, кинотеатра, двадцать дач, пять двухэтажных домов⁷.

Помимо заводов и фабрик, Саратов стал одним из центров размещения различных государственных учреждений и организаций. Их работникам жилые помещения предоставлялись гораздо быстрее, отчасти из-за относительно малого количества таких сотрудников, а главным образом из-за влиятельного положения последних. Специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. регулировало порядок переезда из Москвы наркоматов и главных управлений. Обкомы и облисполкомы обязывались «... сократить число областных, городских и районных учреждений и их штаты, и перевести часть учреждений в другие города и районные центры области, предоставив освобождающиеся помещения переселяемым наркоматам». Разрешалось для этих целей использовать здания местных школ⁸.

В Саратовской области данное постановление выполнялось в полном объеме. Например, для размещения Главного управления геодезии и картографии при СНК СССР переселялась контора Нижневолгопроекта⁹, а Наркомату госконтроля было предоставлено помещение областного управления Госкредита¹⁰. Значительное число школ и других учебных заведений в результате эвакуации лишились своих помещений. Так, для размещения Наркомата заготовок 4 июля 1941 г. было отведено два этажа сельхозтехникума¹¹. Для работников Госплана при СНК СССР отводилось общежитие № 2 Планового Института¹². Помеще-

⁴ См.: ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 126, л. 22–24.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ Там же. Л. 64.

⁷ Там же. Д. 122, л. 33.

⁸ Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 213.

⁹ ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 122, л. 51.

¹⁰ Там же. Л. 35.

¹¹ Там же. Л. 45.

¹² Там же. Л. 46.

ния сразу трех средних школ Саратова 18 октября 1941 г. предоставлялись «высоким гостям» из Москвы: Верховному Совету РСФСР, Совету Народных Комиссаров РСФСР и Наркомату авиапромышленности СССР¹³.

Все указанные выше решения принимались по мере поступления задач, а часто в авральном порядке. Понимая, что такая ситуация не соответствует характеру военного времени, исполком областного Совета 20 октября 1941 г. принял постановление о создании резервного жилого фонда для эвакуированных служащих государственных учреждений. Всего 23 местных организации и учреждения, со всем штатом служащих, общим числом 593 чел., переводились в города и районы области. Образовалось 2087 квадратных метров свободной жилплощади¹⁴. Для размещения столичных учреждений этого оказалось вполне достаточно.

Но для все растущего числа прибывающих промышленных рабочих и требуемой им жилплощади такие методы и такие масштабы были явно недостаточны. Одному только харьковскому заводу «Серп и молот» (3000 рабочих и 6000 чел. членов их семей) требовалось 36 тыс. квадратных метров жилплощади (из расчета четыре квадратных метра на человека). Всего же в ноябре 1941 г. рабочим и служащим машиностроительных заводов, а также их семьям (20150 чел.) нужно было изыскать 80600 квадратных метров для проживания¹⁵. Становилось очевидно, что норму в 4,5 квадратных метров на человека обеспечить было нереально. Директор завода № 306 Доценко, решая проблемы жилья для рабочих в сентябре 1941 г., уже исходил из расчета 3,5 квадратных метров на человека¹⁶.

Содействовать обеспечению эвакуированного населения жильем должно было известное постановление СНК СССР от 13 сентября 1941 г. «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения». Принятое 4 октября 1941 г. в порядке его реализации, постановление Саратовского облисполкома, предполагало возвести в области помещения упрощенного типа, форсировать достройку незаконченных зданий, приспособить нежилые площади. В связи с приближающейся зимой планировалось утеплить дачи, которые стали местом массового проживания эвакуированных рабочих. Для всех этих целей государство выделяло Саратовской области 1 млн. 300 тыс. руб. Контроль за строительством возлагался на руководителя областного отдела коммунального хозяйства М. А. Шишкина¹⁷.

Из титульных списков объектов строительства можно узнать, какого рода здания предполагалось ввести в строй. В Саратове на последний квартал 1941 г. было запланировано строительство кирпичного одноэтажного общежития в Клиническом поселке (тысяча квадратных метров), столовую для эвакуированных, четыре барака-общежития на 320 чел. В Хвалынске должны были постро-

¹³ ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 128, л. 81.

¹⁴ См.: Там же. Л. 112–114.

¹⁵ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2490, л. 66.

¹⁶ Там же. Д. 2481, л. 1.

¹⁷ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 184, л. 177–178.

ить два кирпичных двухэтажных общежития (600 и 400 квадратных метров)¹⁸. Однако возведение кирпичных зданий, наиболее удобных и качественных, но трудоемких и затратных, местным властям оказалось не под силу, несмотря на значительное увеличение финансовых ассигнований. Поэтому в таком же списке на 1942 г., где фигурируют строительные объекты девяти городов и райцентров, почти все постройки значились, как деревянные или саманные¹⁹. На первый квартал 1942 г. в Саратове было запланировано строительство жилого комплекса в Клиническом поселке (3670 квадратных метров), однако из выделенных 1 млн. 454 тыс. руб. к середине 1942 г. было израсходовано только 30 тыс. В итоге работы не были завершены и в конце 1942 г. Идентичная картина возникла и в других городах области: в Вольске, Хвалынске, Пугачеве в конце 1942 г. выделенные средства освоены не были, и возведение общежитий облегченного типа было сведено к нулю²⁰.

Организация строительства нового жилья столкнулась с большими трудностями. В 1942 г. в мартовском протоколе заседания бюро обкома ВКП(б) отмечалось, что директора эвакуированных предприятий крайне неохотно решают вопрос с созданием нормальных бытовых условий для своих рабочих. Заводское жилищное строительство, на которое были отпущены немалые средства, фактически оказалось спущено на тормоза. Причиной такого поведения директоров явилось непонимание ими того факта, что «... вселение рабочих эвакуированных предприятий в квартиры рабочих и служащих города Саратова в порядке их уплотнения является мерой *временной* (выделено мной – С. К.) ...»²¹. Вместе с этим, областной Совет 20 апреля 1942 г. отметил плохой контроль со стороны коммунального хозяйства за жилищным строительством для эвакуированного населения²². В конце 1942 г. в постановлении бюро Саратовского обкома ВКП(б) о выполнении строительных планов было сказано еще жестче: «Облкомхоз и горисполком сорвали план капитальных работ по жилищно-коммунальному хозяйству: по жилищным объектам план выполнен на 16%»²³. Заведующий областным отделом по хозустройству эвакуанаселения М. И. Матвеев в своем майском отчете в 1943 г, признавал, что «специального жилищного строительства для эвакуированных не было»²⁴. Неудовлетворительная работа Саратовского горисполкома «в выполнении важнейшего задания правительства – жилищного строительства для эвакуированного населения» позже отмечалась в решении VIII сессии Саратовского областного Совета 17 июля 1943 г.²⁵.

В первые два года войны количество эвакуированного населения в области постоянно увеличивалось. В Саратове на 25 сентября 1941 г. было зафиксиро-

¹⁸ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 184, л. 178 об.

¹⁹ Там же. Оп. 6, д. 48, л. 7–7 об.

²⁰ См.: Там же. Ф. Р-2650, оп. 1, д. 269, л. 10 об., 102–102 об.

²¹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2690, л. 38–39.

²² ГАСО, ф. Р-1738, оп. 6, д. 44, л. 1.

²³ Там же. Ф. Р-2650, оп. 1, д. 269, л. 136 об.

²⁴ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 26, л. 30.

²⁵ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 6, д. 63, л. 15 об.

вано 43 тыс. чел.²⁶, а 1 октября того же года уже 51371²⁷. По всей области в октябре 1941 г. насчитывалось 148450 чел. эвакуированных²⁸; к 1 января 1942 г. это количество увеличилось более чем в два раза и составило 312500 чел.²⁹. После некоторой стабилизации первой половины 1942 г., к сентябрю 1942 г. (в результате второй волны эвакуации) общее число эвакуантов в Саратовской области составило 337411 чел.³⁰. В этой связи нетрудно представить остроту жилищных проблем и масштабы усилий, которые требовались для их решения.

Большая часть эвакуированных рабочих размещалась в общежитиях и специально выстроенных бараках, где условия проживания были крайне тяжелыми. Как отмечалось в одной из докладных записок, поступивших в бюро обкома ВКП(б), в двадцати бараках для рабочих завода № 213, в которых размещались 3700 чел., повсеместно «грязь в помещениях, неутепленные двери, забитые фанерой окна». Холод и сырость в помещениях способствовали распространению различных заболеваний среди рабочих³¹. В рабочем поселке Красный текстильщик в апреле 1942 г. проживало 2500 чел. эвакуированных. Всю зиму они ютились в не отремонтированных и не приспособленных для жилья помещениях. Из-за отсутствия топлива отмечались случаи обморожения³².

Плохие жилищно-бытовые условия приводили к массовым самовольным отъездам эвакуированных. В Красноармейском районе жители открыто заявляли, что жить здесь невозможно, и как только территорию, откуда они приехали, освободят – они вернуться обратно³³. В том же Красном текстильщике, с фабрики им. Самойловой в период с октября 1941 г. по 1 апреля 1942 г. сбежало 130 чел.³⁴.

В наиболее невыгодные условия попадали граждане, прибывшие поздней осенью или зимой 1941 г. За недостатком времени и, часто в силу неожиданности прибытия, власти размещали людей по принципу «лишь бы дать крышу над головой», а о бытовых условиях думали в последнюю очередь. В такую ситуацию попали, в частности, рабочие ярославской фабрики «Красный перекоп», прибывшие в декабре в Энгельс (1789 чел.). В первые недели они оказались в нелегком положении: почти месяц не было света, кипятки покупали у местного населения, спали на полу; отмечалось, что в помещениях «...люди набиты, как сельди в бочке»³⁵. Осенью в Балашове оказались работники ленинградского завода «Ленинская искра», хотя первоначально их предполагалось эвакуировать в Саратов. Возможности города по размещению этих людей не были учтены, в

²⁶ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2331, л. 27.

²⁷ Там же. Л. 24.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Д. 3101, л. 60. Эти данные, составленные инспектором Управления по эвакуации Ханиным, как он сам отмечал, не являются точными. Далеко не всех эвакуантов удалось зафиксировать, поэтому общее их число будет более значительным.

³⁰ Там же. Д. 4093, л. 139.

³¹ Там же. Д. 3371, л. 13.

³² Там же. Д. 2702, л. 134.

³³ Там же. Д. 3108, л. 96–96 об.

³⁴ Там же. Д. 2702, л. 135.

³⁵ Там же. Д. 2702, л. 24.

результате высококвалифицированные специалисты вынуждены были жить в зерновых складах, палатках и вагонах³⁶. Подобного рода сложности были особенно характерны для начального этапа эвакуации, впоследствии городские и районные власти исправляли недостатки, обеспечивая эвакуированных более менее сносной жилплощадью.

В течение января-февраля 1942 г. ситуацию с жильем изучала Саратовская Прокуратура. Ее работники, обследовав ряд наиболее значимых эвакуированных заводов в Саратове и Энгельсе, выявили ряд негативных фактов. В одной из докладных записок о заводе «Серп и молот» говорилось: «Обеспеченность рабочих жилплощадью крайне плохая. Завод имеет один жилой барак, где размещены эвакуированные рабочие. В бараке очень большая скученность, сыро, грязно и холодно»³⁷. Двенадцать семей эвакуированных рабочих завода № 311 на момент обследования уже семь месяцев жили в рабочем корпусе, в антисанитарных условиях, размещаясь по 3-4 семьи в комнате (10-12 чел.)³⁸.

Вместе с тем обследования прокуратуры выявили, что значительная часть рабочих была обеспечена сносными жилищными условиями. Рабочие с семьей, как правило, размещались в частных квартирах, где бытовые условия были приемлемыми по тем временам. Несемейные рабочие занимали общежития, условия проживания в которых были значительно лучше барачных. Особенно благоприятной считалась ситуация на предприятиях, где число эвакуированных рабочих было сравнительно немногочисленным, т.е. варьировалось в пределах 600-700 чел. (вместе с семьями). При этом о квалифицированных специалистах заботились особо, предоставляя по возможности лучшие жилищные условия³⁹.

Позитивные сдвиги в социальной политике государства к середине войны благоприятно отразилось на жилищно-бытовом положении эвакуированного населения в городах. Все больше рабочих перебиралось в общежития, все жестче становились нормы контроля над коммунальными службами. В Кировском районе Саратова в феврале 1943 г. обследование шести общежитий с эвакуированным населением показало улучшение жилищной ситуации. Уже не звучали резкие оценки и не приводились явно негативные примеры. По-прежнему присутствовали типичные проблемы военного тыла: перебои с водоснабжением, скученность и т.п. Но был и ряд удовлетворительных моментов: систематическое отопление и уборка помещений, наличие кипятка, санитарная профилактика. Особо положительно характеризовалось тогда общежитие эвакуированных рабочих подшипникового завода⁴⁰. Также положительная оценка этому общежитию давалась и в отчете комиссии в июне 1943 г. В помещениях регулярно мылись полы, три раза в месяц рабочие проходили через санпропускник и баню, комнаты дезинфицировались. Почти все помещения были побе-

³⁶ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2331, л. 8.

³⁷ ГАСО, ф. Р-2374, оп. 10, д. 15, л. 8.

³⁸ Там же. Л. 13.

³⁹ См.: Там же. Ф. Р-2374, оп. 10, д. 15, л. 1-2, 10-11, 13-15, 43, 45-47.

⁴⁰ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3108, л. 97-98. Государственный подшипниковый завод № 3 был местным, саратовским предприятием, однако в начале войны в его ряды влились около половины рабочих ГПЗ-1 из Москвы.

лены и имели опрятный вид. Так, конечно, было не везде, но благоприятное развитие ситуации имело место быть⁴¹.

Среди всех эвакуированных особым отношением к себе со стороны местных властей выделялись ленинградцы. В документах они фигурируют не просто как масса рядовых эвакуированных, а именно как «эвакуированные ленинградцы». Власти области стремились по мере сил обеспечить их более благоприятными условиями. Например, при эвакуации Эбонитового завода в конце февраля 1942 г. Горсовет живо откликнулся на просьбы директора этого предприятия. Зная, что приезжие находятся в чрезвычайно плохом физическом состоянии, было налажено особое медицинское обслуживание и расселение по квартирам в «ударном порядке»⁴². Принимая в июне 1942 г. около 30 тыс. блокадников, областным Советом была намечена обширная программа мероприятий по их приему и размещению. Выделялись в трехдневный срок специальные помещения, в них проводились соответствующие улучшения внутреннего убранства, санитарного состояния, бесперебойного снабжения кипяченой водой⁴³. Те же тенденции прослеживаются и на районном уровне. Так, в июне 1942 г. Аркадакский райсовет обязал руководителей колхозов срочно отремонтировать жилые дома для 800 чел. из Ленинграда, а дополнительно, по уже известному варианту, освободить одну начальную и две средних школы для временного размещения эвакуанселения⁴⁴.

Пристальным вниманием пользовались сотрудники Ленинградского госуниверситета. С самого момента их прибытия обком ВКП(б) взял под жесткий контроль состояние жилищного сектора ЛГУ. Уже 12 марта строгий выговор получили работники Саратовского горсовета за ненадлежащее отношение к делу «размещения и обслуживания студентов и преподавателей ЛГУ», а заведующий горздравотделом Михельсон в этой связи был снят с должности⁴⁵. Ленинградскому и Саратовскому университетам были предоставлены четыре общежития. Состояние их регулярно проверялось обкомом, указывались ошибки и недочеты, имевшие место, принимались меры к их исправлению. Саратовский обком даже не стеснялся высказывать претензии ректору университетов А. А. Вознесенскому за, якобы, слабое решение бытовых вопросов⁴⁶. На протяжении всего периода пребывания ЛГУ в Саратове ему оказывалась действенная помощь в решении проблемы с жильем. Например, в августе и сентябре 1943 г. в связи с увеличением контингента учащихся ЛГУ и СГУ были предоставлены помещения Автодорожного института, пятый этаж бывшей гостиницы «Россия», два нижних этажа общежития на улице Вольской. Часть студентов также была размещена на частных квартирах⁴⁷.

⁴¹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3271, л. 9 об.

⁴² ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 129, л. 15–16.

⁴³ Там же. Ф. Р-1738, оп. 6, д. 48, л. 71.

⁴⁴ ГАНИСО, ф. 5, оп. 11, д. 1, л. 176.

⁴⁵ См.: Там же. Ф. 594, оп. 1, д. 2679, л. 52, д. 2687, л. 47–48.

⁴⁶ Там же. Ф. 594, оп. 1, д. 3332, л. 24–27.

⁴⁷ См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 218, л. 4, ф. Р-461, оп. 4, д. 135, л. 97.

С самого начала, при рассмотрении вопросов размещения эвакуантов предполагалось, что сельские районы области станут основным местом расселения и будущего проживания переселенцев. Этой политике отвечало решение исполкома областного Совета, принятое 11 октября 1941 г. в соответствии с постановлением ГКО. Оно регулировало порядок прописки эвакуированного населения в Саратове. Согласно ему, теперь прописывать в городе могли только граждан, прибывших с учреждениями и предприятиями. Прописка беженцев и эвакуантов, приехавших неорганизованным порядком, запрещалась⁴⁸. В результате на начало 1943 г. проживающего в сельской местности эвакуантского населения было зафиксировано около 200 тыс. чел., из общего его количества более 307 тыс. по области⁴⁹. Саратовское село разгрузило жилищные площади городов, в особенности Саратова и Энгельса, что позволило стабилизировать экономическую ситуацию, рационально решать проблемы промышленности.

Общей практикой в первые месяцы войны стало размещение эвакуированных граждан, прибывших в районы области, по райцентрам. В райцентре эвакуанты находились несколько дней, где на время размещались в освобожденных зданиях школ, учреждениях культуры или общежитиях, если таковые имелись. За это время районные власти оформляли на мигрантов всю необходимую документацию, проводили санитарную обработку, учитывали трудоспособных, определяли села для отправки, конкретные места размещения. После всех процедур эвакуанты расселялись по квартирам местного населения.

Сама по себе данная схема была логична и продуманна. Она и действовала на протяжении всего времени размещения. Однако власти столкнулись с неожиданной проблемой. Значительная часть эвакуированного населения, которому не удалось закрепиться в Саратове, под любыми предлогами не желала селиться в деревни. Случаи недовольства предоставлением жилплощади именно в сельской местности были отмечены в Базарно-Карабулакском, Романовском, Турковском районах⁵⁰. Среди таких граждан преобладали женщины с детьми, как правило, жены военных. Они фактически заполнили райцентры, создав обстановку жилищной скученности и антисанитарии. Жилплощади таких райцентров, как Озинки, Дергачи, Романовка, Новоузенск и др. не позволяли длительное время содержать внушительные массы эвакуированных. В Новоузенском районе, например, уже на 25 июля 1941 г. из 521 чел. эвакуированных, 451 проживал в райцентре, а в Новобурасах – 631 (из общего числа в 1212 чел.)⁵¹.

В деревне получила распространение аналогичная с городской практика подселения новых «квартирантов» к местным жителям. Материалы обследований жилищных условий в сельской местности свидетельствуют, что эвакуированные большей частью проживали в домах колхозников. Однако это положение не распространялось на бывшие немецкие районы, где предоставление ка-

⁴⁸ ГАСО, ф. Р-461, оп. 4, д. 126, л. 90.

⁴⁹ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 26, л. 25.

⁵⁰ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2375, л. 107–108, 119, 129.

⁵¹ См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 184, л. 120; ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2621, л. 141–142, д. 3101, л. 45.

ждой семье отдельного жилья было повсеместным явлением. На всей остальной территории области заселение эвакуированных семей в специально подготовленное для них свободное жилье было фактом достаточно редким. Часто возникали ситуации, когда предоставленное отдельное жилище не отвечало нормальным бытовым условиям⁵².

В начале войны положение с жильем и его грамотным распределением затруднялась сиюминутно возникающими непредвиденными обстоятельствами. Так, во второй половине июля получила распространения практика переотправки соседними областями (Сталинградской, Куйбышевской, Тамбовской) целых эшелонов с эвакуированными в Саратовскую область. Эти эшелоны предназначались именно для указанных областей, но, видимо, таким путем «соседи» стремились хотя бы отчасти решить свои проблемы в размещении мигрантов. Только после настойчивых просьб в адрес председателя Совета по эвакуации Н.М. Шверника, секретарю Саратовского обкома ВКП(б) И. А. Власову удалось добиться прекращения подобной практики⁵³.

Помимо всего, возникла элементарная проблема перезаселенности некоторых районов эвакуированными. Ведь в суматохе войны никто особо не подсчитывал экономическую мощь того или иного района, количество свободной жилплощади и т.д. Этот факт признал 4 октября 1941 г. на заседании бюро обкома ВКП(б) председатель облисполкома А. М. Петров. Он же высказался в том духе, что «... правительство обязывает принимать новые партии эвакуированных, но мы постараемся подходить к этому вопросу дифференцированно»⁵⁴.

Всю сложность и неоднозначность жилищного вопроса в контексте эвакуации показали события зимы 1941–1942 гг. в районах бывшей республики немцев Поволжья. В присоединенные к Саратовской области, фактически опустевшие села, в массовом порядке направлялись эвакуированные и переселенцы. К концу января 1942 г. на территории бывшей АССР НП было размещено около 100 тыс. чел., т.е. около одной трети всех переселенцев⁵⁵. В этих районах остался 33261 жилой дом с надворными постройками⁵⁶ и, казалось бы, не должно было возникнуть проблем с условиями проживания (немецкие дома выделялись своей ухоженностью и основательностью постройки). Однако, по вине местного руководства, осенью не была организована заготовка топлива. Как следствие, зимой, чтобы согреться и приготовить пищу, прибывшие граждане стали разбирать на дрова заборы, сараи и другие хозяйственные постройки. Отсутствие должного контроля за сохранностью собственности усугубляло ситуацию. Многочисленные документы повсеместно отмечают подобного рода картины. В Ровенском районе: «... в прошедшую зиму имели место случаи разборки населением некоторых пустующих строений для топлива, это объясняется тем, что организованной работы по заготовке топлива в райцентре и колхозах не ве-

⁵² ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 390, л. 13, 42.

⁵³ См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2631, л. 148, д. 2331, л. 1.

⁵⁴ Там же. Д. 2326, л. 51.

⁵⁵ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 11, л. 67.

⁵⁶ Там же. Д. 393, л. 92.

лось»⁵⁷. Каменский район⁵⁸: «Вопросом обеспечения топливом школ, больниц никто не занимается, вследствие чего происходит разборка хозяйственных и жилых построек на топливо в массовом порядке. Редко можно встретить в селах незанятые дома целыми, в них нет рам, дверей, полов, потолков ...»⁵⁹. По впечатлениям ответственных работников, побывавших в Мариентальском районе⁶⁰, его населенные пункты имели такой вид, будто «подверглись бомбежке»⁶¹.

Предвидя повторение событий, исполком облсовета в октябре 1942 г. предписал райисполкомам взять на учет все незаселенные дома, а уличенных в разрушении жилищного фонда привлекать к строгой ответственности⁶². В результате только в Ровенском районе в течение 1942–1943 гг. было привлечено к уголовной ответственности и осуждено 46 чел.⁶³. Граждане, опасавшиеся быть обвиненными в расхищении социалистической собственности, вынуждены были со всем семейством фактически замерзать всю зиму. Отсюда болезни, высокая смертность и т.д. Однако приостановить разрушение жилфонда не удалось. Более того, зимой 1942–1943 гг. наряду с уже привычными фактами (нехватка топлива – разбор построек), наблюдались и новые явления: к делу расхищения «подключились» руководители колхозов и сельсоветов⁶⁴. В Красноармейском районе в период 1941–1943 гг. было расхищено 40% жилого фонда, при «попустительстве и с ведома председателей сельсоветов и колхозов», квартиры которых, в частности, отапливались материалом из расхищенных строений, а 5 января 1944 г. председатель Бобровского сельсовета лично принимал участие в разломе одного из домов⁶⁵.

На территории бывшей АССР НП по сведениям на 1 января 1943 г. требовали капитального ремонта 6205 зданий, а 3611 оказались разрушенными⁶⁶. Исполком Саратовского областного Совета летом 1943 г. лишь констатировал такую ситуацию⁶⁷.

⁵⁷ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3101, л. 49 об.

⁵⁸ Ныне территория Красноармейского района Саратовской области и Жирновского района Волгоградской области.

⁵⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2749, л. 154.

⁶⁰ Ныне территория Советского района Саратовской области.

⁶¹ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 390, л. 87.

⁶² ГАСО, ф. Р-1738, оп. 6, д. 51, л. 72.

⁶³ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 393, л. 85.

⁶⁴ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3108, л. 94 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 4621, оп. 4, д. 3, л. 4 об.–5.

⁶⁶ ГАРФ, ф. А-327, оп. 2, д. 393, л. 92.

⁶⁷ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 225, л. 77. О заселении бывшей Немецкой республики и жилищно-бытовых проблемах населения см. также: *Ардт Е. А.* Опыт исторических исследований в немецких селах Саратовской и Волгоградской областей в 1992–1998 гг. // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000; *Скучаева О. Е.* «Новые районы» Саратовской области в годы Великой Отечественной войны: миграционный аспект // Там же; *Малова Н. А.* Территория бывшей республики немцев Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: заселение и проблемы хозяйственного освоения // Актуальные проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2010.

Помимо чисто бытовых, вызванных сугубо экономическими факторами жилищных проблем, у эвакуированного населения Саратовской области возникли негативные «трения» в жилищной сфере и с местным населением. С целью личной выгоды некоторые, явно не отличавшиеся высокими моральными качествами сельчане, стали брать завышенную квартплату с живущих у них эвакуантов. Подобным явлениям способствовало отсутствие контроля со стороны райисполкомов в этом вопросе (особенно в первые месяцы войны)⁶⁸. В Ртищевском районе около 70 эвакуированных семей оказались в ситуации, когда вынуждены были платить в месяц до 150 руб. за «неотапливаемый снимаемый угол»⁶⁹. Отчасти появлению таких недобросовестных отношений содействовали руководители ряда сельсоветов. В Жерновском⁷⁰ районе начальство села Березовка захотело «очистить» от эвакуированных граждан районный центр. Когда заставить съехать с квартир эвакуантов не получилось, председатель местного сельсовета заявил в адрес жильцов: «...скажу хозяйке, чтобы она вас выписала из домовой книги, а мы вас оштрафуем за жительство без прописки». К сожалению, отдельные жители Березовки, видя такое отношение районных властей к беженцам, начали также притеснять их в жилищном вопросе⁷¹.

Были и более неприглядные примеры. К ним относятся факты выселения эвакуированных семей без всякого предлога и законного повода. В Красном Куте членов семей рабочих завода № 647 после отъезда глав семейств на место работы в Саратов, стали без явных стеснений выгонять из квартир⁷². Вообще, тяжело было тем людям, за которых некому было заступиться. В Жерновском⁷³ районе местные жители попросту не пускали в квартиру три семьи, эвакуированных из Молдавии. Они вынуждены были жить в сарае⁷⁴. Такие явления, конечно, не носили массового характера, но они говорят о том, что жилищный вопрос способен был изменить (не самым лучшим образом) некоторых людей. С их стороны проявление бездушия в такое тяжелое время было вдвойне аморальным.

Таким образом, эвакуация негативным образом повлияла на состояние жилищного сектора области, его качественные характеристики, привела к значительным бытовым неудобствам как местных жителей, так и самих эвакуантов. В этой связи немалыми оказались и морально-психологические издержки взаимоотношений в жилищно-коммунальной сфере.

⁶⁸ ГАСО, ф. Р-1738, оп. 1, д. 184, л. 121. В августе 1943 г. облисполком принял специальное постановление, требующее от частных владельцев взимание квартплаты с семей военнослужащих строго в соответствии с законом. Выполнение этого решения возлагалось на коммунальные и жилищные службы, а также исполкомы сельсоветов. (См.: ГАСО, ф. Р-1738, оп. 6, д. 73, л. 28–28 об.)

⁶⁹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3101, л. 65.

⁷⁰ Ныне территория Аткарского и Петровского районов Саратовской области.

⁷¹ ГАСО, ф. Р-2374, оп. 9, д. 5, л. 141–142.

⁷² ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2514, л. 25–25 об.

⁷³ Ныне территория Энгельсского района Саратовской области.

⁷⁴ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 4093, л. 140.

Тем не менее, преодолевая все сложности, неизбежные во многом в чрезвычайных условиях военного времени, в конечном итоге на громадных просторах СССР удалось разместить миллионы советских людей, обеспечить их минимальными жилищными потребностями, что во многом дало возможность перестроить хозяйство страны на военный лад, а эвакуированное население включить в трудовые будни советского тыла.

А. С. Майорова

**НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПИСКОПА ИАКОВА (ВЕЧЕРКОВА)
(1832–1847 ГГ.)**

При изучении культурного пространства Саратовского Поволжья в первой половине XIX в. исследователь сталкивается с тем, что состав письменных источников по данному периоду довольно ограничен. Поэтому мы знаем имена далеко не всех деятелей, которые в тот период внесли вклад в развитие просвещения, науки и культуры Саратовской губернии. В то же время, сведения о личностях, которые нам известны, порой очень скудны. Требуются дополнительные разыскания для того, чтобы полнее представить их роль в истории культуры нашего края. Саратовский епископ Иаков (Вечерков), возглавлявший епархию с марта 1832 г. до середины января 1847 г., относится к кругу лиц, чьи заслуги в области изучения истории Саратовской губернии были оценены современниками, но впоследствии представление о нем изменилось. Его деятельность стала восприниматься только лишь в рамках истории Саратовской епархии.

В самом деле, А. А. Лебедев, который в начале XX в. написал несколько работ по данной тематике, уделил в них достаточно много места личности и заслугам преосвященного Иакова в деле изучения местной истории¹. В то же самое время В. П. Соколов в своем основательном труде по истории Саратовской ученой архивной комиссии, нигде не упоминает имени епископа². Это нельзя признать логичным, если учитывать то, что археологическое направление в деятельности комиссии в определенной степени было продолжением изысканий, начатых по инициативе епископа Иакова.

¹ См.: *Лебедев А. А.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 1 Вып. 1; *Он же.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1907. Т. 2. Вып. 1; *Он же.* Материалы для истории Саратовской епархии. Саратов, 1909. Вып. 3; *Он же.* Рукописные собрания в Саратове // Труды СУАК. Саратов, 1909. Вып. 25; *Он же.* Преосвященный Иаков (Вечерков), архиепископ Нижегородский и Арзамасский и его рукописное собрание // Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 30.

² [*Соколов В. П.*] 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. 1886–1911: Исторический очерк. Саратов, 1911.

В начале двадцатых годов XX в. в краеведческой литературе уже нет упоминаний о роли преосвященного Иакова. Саратовский историк А. А. Гераклитов писал, что единственным человеком, который интересовался историей Саратовского Поволжья в первой половине XIX в., был А. Ф. Леопольдов³. Через семьдесят лет В. Г. Миронов и В. М. Захаров повторили этот тезис⁴. Следует отметить, что практически одновременно с названными авторами А. А. Демченко предложил иной подход к этому вопросу. Изучив архивные материалы фондов саратовской консистории и семинарии, он пришел к выводу о том, что основоположниками местной исторической традиции являются преподаватель семинарии Г. С. Саблуков, протоиерей Г. И. Чернышевский (отец Н. Г. Чернышевского) и – наряду с ними – епископ Иаков. Вывод А. А. Демченко требует уточнения, поскольку преосвященный не оставил специальных трудов по истории Саратовского Поволжья. Но его роль в организации поисков разнообразных источников по региональной истории представляется весьма значительной.

В начале XX в. член Саратовской ученой архивной комиссии А. А. Лебедев, занимавшийся разысканием материалов по истории Саратовской епархии, столкнулся с тем фактом, что сведения о деятельности Иакова, которые имеются в справочных изданиях и в исследованиях, требуют уточнений⁵. А. А. Лебедев писал, что преосвященный Иаков «был действительно человек выдающийся, обладавший солидными научными знаниями, особенно в науках исторических и богословских». Исследователь подчеркивает, что Иаков был прекрасным знатоком древних и нескольких новых языков, страстным археологом и любителем нумизматики. Современники считали его человеком «истинно подвижнической жизни»⁶. Будучи выдающимся церковным деятелем и талантливым человеком, преосвященный Иаков остался в памяти саратовцев не только этими качествами. А. А. Лебедев отмечает, что в деятельности епископа были и «темные стороны», и далее поясняет: «разумею его иногда слишком строгие мероприятия по отношению к раскольникам, излишнюю доверчивость к своим приближенным», и тут же добавляет: «но в общем-то сумма добра неизменно превосходила в личности Иакова все то, что было в нем нехорошего»⁷.

Об основных направлениях деятельности преосвященного Иакова Лебедев писал, что он был «весьма талантливым проповедником, выдающимся по своему времени миссионером и знатоком русского раскола и сектантства, любителем научных знаний вообще и исторических в особенности», и к тому же видным администратором⁸. Следует подчеркнуть, что роль преосвященного Иакова в качестве организатора изучения истории Саратовского Поволжья была отмечена не только в трудах А. А. Лебедева. Еще до выхода в свет его исследований

³ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVII–XVIII вв. Саратов-М., 1923. С. 28.

⁴ См.: Захаров В. М., Миронов В. Г. У истоков саратовского исторического краеведения: Учебное пособие по курсу «Историческое краеведение». Балашов, 1991. С. 6–7.

⁵ Лебедев А. А. Материалы для истории... Т. 1. Вып. 1. С. 13.

⁶ Лебедев А. А. Материалы для истории... Т. 2. Вып. 1. С. 30.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Лебедев А. А. Материалы для истории... Т. 1. Вып. 1 С. 32.

данная тема была затронута в воспоминаниях воспитанников саратовской семинарии. Они были собраны Ф. В. Духовниковым с целью изучения саратовского периода биографии Н. Г. Чернышевского (воспоминания он собирал с конца 80-х гг. XIX в.)⁹.

В них встречаются высказывания о том, что в 30–40-е гг. XIX в. в Саратове было заметно «некоторое умственное оживление», связанное с деятельностью преосвященного Иакова. Духовников подчеркивает, что в истории просвещения Саратовского края епископ Иаков «должен занять видное и самое почетное место, поскольку он занимался не только открытием церквей в селах, но и содействовал развитию научных знаний»¹⁰. В связи с деятельностью Иакова им упоминаются и труды знаменитого саратовского краеведа первой половины XIX в. А. Ф. Леопольдова. Духовников указывает на то, что основу многих сочинений А. Ф. Леопольдова составляли материалы, собранные по инициативе Иакова. По его сведениям, преосвященный предписывал духовенству епархии присылать «заметки и статьи географического, статистического, этнографического и исторического содержания»¹¹. Эти статьи после исправления и дополнения епископ отсылал в ученые общества – в Одесское общество истории и древностей, Русское географическое общество – или передавал Леопольдову¹². Из этого видим, что труды пока не известных нам по именам исследователей местной истории представлялись на суд членов исторических обществ, а также в какой-то степени послужили материалом для сочинений Леопольдова. Духовников пишет, что ознакомился с некоторыми из этих «статей», так как рукописи их частично сохранялись в семинарской библиотеке. Его вывод таков, что Леопольдов «много воспользовался» этими статьями, «а некоторые даже целиком напечатал без означения их заимствования в своих сочинениях» – «Статистическом описании Саратовской губернии» и «Историческом очерке Саратовского края»¹³. Здесь интересны не только подробности, касающиеся происхождения источников, использованных А. Ф. Леопольдовым. Особого внимания заслуживает упоминание о том, что рукописи статей, присланных Иакову, сохранялись в библиотеке семинарии.

А. А. Лебедев при рассмотрении деятельности епископа Иакова использовал эти сведения. Они подтверждаются содержанием биографического очерка о преосвященном, опубликованного в 1853 г. архимандритом Макарием и также использованного Лебедевым. В названном очерке говорилось о том, что епископ Иаков повелел духовенству Саратовской епархии доставлять ему сведения по географии, истории и статистике епархии¹⁴. Далее Лебедев отмечает, что в результате этого повеления преосвященный стал получать «со всех сторон»

⁹ Николай Гаврилович Чернышевский, его жизнь в Саратове. (Рассказы саратовцев в записи Ф. В. Духовникова) // Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 41.

¹⁰ Николай Гаврилович Чернышевский ... С. 40.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 40–41.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Лебедев А. А. Материалы для истории ... Т. 1. Вып. 1. С. 5.

«требуемые сведения в большом количестве»¹⁵. «... Как результат их собирания и разработки, – пишет Лебедев, – явилось «Церковно- историческое и статистическое описание Саратовской епархии» составленное в 1845 г. протоиереем Г. И. Чернышевским, отцом известного писателя Н. Г. Чернышевского»¹⁶. Называя дату завершения работы над этим трудом, Лебедев допускает ошибку. В документах саратовской духовной консистории сохранился рапорт Чернышевского от 3 мая 1856 г. о завершении работы по составлению «Церковно- исторического и статистического описания», выписки из журнала консистории об утверждении составленного им описания и об отсылке его в Синод¹⁷. Начало работы Г. И. Чернышевского над этим трудом относится к 1850 г., когда во главе епархии стоял уже не Иаков, а преосвященный Афанасий¹⁸. Таким образом, епископ Иаков, конечно, имел отношение к созданию «Описания» – как организатор собирания источников по истории епархии. Но выбор автора будущего труда и – возможно даже руководство его созданием – следует отнести к деятельности его преемника по кафедре.

Вопрос о том, с какой целью преосвященный Иаков активно занимался собиранием разнообразных сведений по истории епархии, имеет немалое значение. А. А. Лебедев полагал, что у епископа Иакова был замысел «сделать полное описание Саратовской губернии в историческом, археологическом и топографическом отношении»¹⁹. Как мы уже видели, он считал также, что именно им было дано поручение Г. И. Чернышевскому составить такое описание, но это суждение следует признать ошибочным. Тем не менее, само по себе предположение о существовании подобного замысла у преосвященного Иакова, возможно, справедливо. Оно нашло отражение в одной из статей А. А. Лебедева, посвященной собраниям рукописей, сложившимся в Саратове в XIX в.²⁰. В ней деятельности Иакова отведено центральное место. Он представлен и в качестве церковного писателя, и в качестве любителя и собирателя источников по истории края. Здесь Лебедев повторяет сообщение о том, что епископ «приказал без дальних рассуждений каждому священнику ... составлять археологические описания приходов Саратовской епархии». В результате было составлено несколько таких описаний, часть из них продолжала храниться в саратовской семинарии и в начале XX в. Рукописному собранию епископа Иакова Лебедев посвятил специальную статью²¹.

Активная деятельность преосвященного в области собирания исторических источников сопровождалась и другими его инициативами. Выше уже было сказано о сведениях, почерпнутых из воспоминаний семинаристов о том, что Иаков пересылал полученные им «заметки» священников в научные общества или передавал их А. Л. Леопольдову. Данное направление деятельности Иакова по-

¹⁵ См.: *Лебедев А. А.* Материалы для истории ... Т. 1. Вып. 1. С. 5.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАСО, ф. 135, оп. 1, д. 2210, л. 38.

¹⁸ Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 31.

¹⁹ *Лебедев А. А.* Рукописные собрания в Саратове. С. 334.

²⁰ Там же.

²¹ См.: *Лебедев А. А.* Преосвященный Иаков (Вечерков) ... С. 1–96.

влекло за собой ряд ошибок в оценке содержания его собственного творчества. Причину ошибок А. А. Лебедев объясняет следующим образом: «... преосвященный Иаков, как человек видный и известный в свое время, иногда отсылал в редакцию журналов статьи своих подчиненных (священника А. Росницкого и Г. С. Саблукова) под своим именем, желая оказать им свое покровительство. Эти сочинения так и печатались с именем преосвященного Иакова, но на самом деле они написаны другими лицами»²².

Изучив публикации, посвященные епископу Иакову, и статьи о нем в энциклопедических словарях, А. А. Лебедев отметил, что существует несколько мнений о содержании творчества преосвященного. Некоторые исследователи считали, «что все, что подписано именем преосвященного Иакова, принадлежит его перу». Более справедливым Лебедев называет другое мнение – «не все работы, подписанные именем преосвященного Иакова, написаны именно им»²³. Публикуя список трудов Иакова, он поместил в нем отдельно наименования сочинений, которые в справочных изданиях значились как сочинения епископа, а в действительности принадлежали другим авторам. К ним относятся: «Статистическое описание Саратовской губернии» (СПб., 1834) и «Исторический очерк Саратовского края» (М., 1848), которые на самом деле были написаны А. Ф. Леопольдовым; «Исследование о месте Сарая, столицы Кипчакской орды» и «Состояние православия в столице Кипчакской или Золотой Орды», автором которых был Г. С. Саблуков, а также «Путевые заметки о городе Петровске» А. Росницкого²⁴.

Необходимо отметить, что не все названные работы были первоначально опубликованы с указанием авторства преосвященного Иакова. Монографии А. Ф. Леопольдова вышли из печати под именем настоящего автора. То же следует сказать и о статье А. Росницкого, опубликованной в первом номере «Саратовских губернских ведомостей» за 1843 г. и посвященной Петровску. Работы же Г. С. Саблукова по истории Золотой Орды были опубликованы в 1842 г. в Ученых записках Казанского университета как сочинения епископа Иакова²⁵. Результаты изучения А. А. Лебедевым состава сочинений этого церковного деятеля порождают новые вопросы. Остается непонятным, почему труды, которые имели точные указания имен авторов, приписывались впоследствии преосвященному Иакову. Не ясно также, почему Иаков поставил свою подпись под сочинениями Г. С. Саблукова. Ссылка А. А. Лебедева на то, что епископ желал своим авторитетом поддержать никому не известного автора, представляется не слишком убедительной.

Изыскания саратовского историка помогли прояснить характер творчества преосвященного Иакова, благодаря уточнению списка его трудов. На основании этого можно сказать, что преосвященный не выступал в качестве исследователя в области истории и археологии. А. А. Лебедеву удалось также много

²² Лебедев А. А. Материалы для истории ... Т. 1. Вып. 1. С. 14.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 29–32.

²⁵ Там же.

сделать в плане изучения его деятельности по собиранию письменных и археологических источников по истории Саратовского Поволжья, что отражено в названных выше работах этого автора, из которых видно, что епископ Иаков был заинтересованным и весьма успешным собирателем разнообразных источников по истории Саратовского края. В связи с этим следует обратить внимание на факты биографии преосвященного, которые были приведены Лебедевым. В частности, он сообщает, что саратовский епископ был избран членом нескольких научных обществ – Общества северных антиквариетов, Одесского общества истории и древностей, а также Русского географического общества²⁶. Участие Иакова в деятельности научных обществ свидетельствует о том, что его интерес к прошлому Саратовского Поволжья не был случайным увлечением. Лебедев сообщает также и о характере собирательской деятельности епископа – в Саратове он собирал древние книги, рукописи, записки, «снимки с древних вещей», монеты, раковины и т. п.

А. А. Лебедев неоднократно указывал на факт, о котором речь идет и в воспоминаниях, собранных Ф. В. Духовниковым – рукописи, получаемые епископом Иаковым, сохранялись в библиотеке саратовской семинарии. Мало того, он писал и о небольшом музейном собрании, созданном при активном участии епископа, и тоже хранившемся в библиотеке семинарии. В музей поступали нумизматические находки и предметы, открытые в ходе археологических раскопок. В связи с этим необходимо вновь обратиться к сведениям Духовникова об инициативной роли Иакова в организации археологических раскопок, которые проводили Г. С. Саблуков и протоиерей И. Шиловский. Они вели поиски столицы Золотой Орды вблизи Царицына, а свои находки передавали епископу, который «или отсылал их в ученые общества, или оставлял у себя, или отдавал их на хранение в семинарскую библиотеку»²⁷. По предположению Лебедева, для собирания сведений по археологии была даже составлена особая программа, автором которой являлся Г. С. Саблуков²⁸. В результате усилий Иакова, пишет Лебедев, в семинарии образовался «целый музей древностей». Первые упоминания о музее, по его сведениям, относятся к 1842 г. Сюда поступали в массовом порядке «вещи из раскопок, проводившихся духовенством Саратовской епархии во времена Иакова». Некоторые из находок были переданы им в музей при Казанской духовной академии, другие – продолжали храниться в саратовской семинарии, о чем есть сведения, относящиеся к 1869 г., а также к концу 1880-х гг.²⁹. Состав музейных предметов, хранившихся в библиотеке семинарии в период, когда преосвященный Иаков возглавлял саратовскую епархию, отражен в специально составленной тогда описи. Она была опубликована А. А. Лебедевым³⁰.

К сожалению, судьба этих двух фондов, находившихся в семинарской библиотеке, – архива краеведческих рукописей и музея – вполне сходна с судьбой

²⁶ См.: *Лебедев А. А.* Преосвященный Иаков (Вечерков) ... С. 1–96.

²⁷ Николай Гаврилович Чернышевский ... С. 40–41.

²⁸ *Лебедев А. А.* Преосвященный Иаков (Вечерков) ... С. 3.

²⁹ Там же. С. 5.

³⁰ *Лебедев А. А.* Материалы для истории ... Т. 2. Вып. 1. С. 33–37.

любого школьного музея. Они сохранялись, вероятно, до тех пор, пока в семинарии работали люди, заинтересованно относившиеся к местной истории. Следы музейных ценностей ко времени написания Лебедевым его статьи были потеряны. Он сообщает, что в начале XX в. в здании «новой семинарии» сохранялись только монеты из музейной коллекции. «Что же касается более крупных вещей, – пишет Лебедев, – то они должны, по всей вероятности, считаться потерянными для науки ... я не мог разыскать эти вещи»³¹. Тем не менее, факт существования в семинарии небольшого краеведческого музея и фонда рукописей историко-статистического содержания на протяжении полувека не вызывает сомнений.

Это учебное заведение действительно сыграло роль «первого музея, библиотеки», и в определенной степени – «центра распространения научных знаний», как было сказано исследовательницей Л. М. Артамоновой. Она подчеркнула очень важный момент, касающийся роли учебных заведений в жизни русской провинции конца XVIII в. Правда, ее вывод касается светской школы. Оценивая роль народных училищ, которые начали создаваться в 80-е гг. в губернских городах, Артамонова отмечает: «Народные училища становились там не только первыми учебными заведениями, но и первыми музеями, библиотеками, центрами распространения научных знаний ...»³². Приведенные материалы, касающиеся истории саратовской духовной семинарии, показывают, что выводы исследовательницы справедливы не только в отношении светских учебных заведений.

О судьбе остатков музейной коллекции саратовской семинарии в настоящее время точных сведений не имеется. Что же касается рукописей краеведческого содержания, собранных епископом Иаковом, то большинство из них, вероятно, следует считать утраченными. Уже к тому времени, когда А. А. Лебедев писал свои работы, ему пришлось констатировать, что «большая часть собранных им рукописей пропала»³³. Но это не означает, что мы не имеем возможности ознакомиться с содержанием некоторых рукописей, входивших в состав этой интереснейшей коллекции. Некоторые из них были опубликованы А. А. Лебедевым. В третий выпуск «Материалов для истории Саратовской епархии» вошли: рапорт протоиерея Иосифа Шиловского о местоположении Сарая (1837 г.), очерк археолога А. В. Терещенко «Исследование местности Сарая» (1848 г.), «Замечания о плане развалин Золотой орды, находящихся на левом берегу реки Ахтубы» (того же автора, без даты), «Опись монетам Золотой орды в Минцкабинете Саратовской семинарии», составленная Г. С. Саблуковым (1845 г.)³⁴.

Кроме того, на основании материалов отчетов, присланных Иакову священниками епархии о наличии археологических памятников в их приходах, А. А. Лебедев составил «археологические описания местностей Камышинского

³¹ Лебедев А. А. Преподобный Иаков (Вечерков) ... С. 6.

³² Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции в XVIII – нач. XIX в.: (Юго-восточные губернии Европейской России) Самара, 2001. С. 5.

³³ Лебедев А. А. Материалы для истории... Вып. 3. С. 1.

³⁴ См.: Там же. С. 3–70.

уезда»³⁵. В его заметках указаны как сведения, полученные епископом Иаковом, так и более поздние сведения, почерпнутые Лебедевым, в основном, из различных статей.

Названными публикациями А. А. Лебедева не исчерпываются возможности ознакомления с содержанием коллекции рукописей и археологических находок, которые собирал епископ Иакова. Следы этих коллекций можно встретить в документах саратовской семинарии, которые хранятся ныне в ГАСО. Здесь имеется «Дело о перемещении предметов, найденных в Батыевских древних раскопках, для хранения в семинарской библиотеке»³⁶, а также очень интересный комплекс рукописей краеведческого характера, объединенных в одно дело.

Дело из фонда саратовской духовной семинарии в описи значится под заголовком «Исторические справки, статистические сведения о Саратовской губернии, ее селах, реестр книг и утвари, хранящихся в соборах и монастырях». Комплекс документов, объединенных в данном деле, имеет исключительное значение для истории Саратовского Поволжья. Он подтверждает указания на то, что в семинарской библиотеке хранились материалы, собранные епископом Иаковым, и представляет собой наиболее ранний из известных нам сборников рукописей краеведческого содержания. Они показывают уровень развития исторического знания в нашем регионе в период с начала 30-х и до конца 60-х гг. XIX в., кроме того, в них мы встречаем сведения о письменных и археологических источниках, известных в ту эпоху³⁷. Некоторые из собранных в деле документов были позднее опубликованы или использованы местными историками в их трудах. Но это обстоятельство не уменьшает ценности названного дела. Напротив, его содержание предоставляет возможность оценить малоизвестные или забытые источники по истории края.

Документы, хранящиеся в деле, можно условно разделить на несколько тематических групп. Здесь имеется ряд рукописей, посвященных истории городов Саратовской губернии, а также описаний городов статистического характера (в том плане, как понимали статистику в первой половине XIX в.) В деле есть также материалы по истории некоторых сельских населенных пунктов, сведения по истории церквей, монастырей, описания «церковно-исторических древностей». Большой интерес представляют помещенные в нем описания археологических памятников

История Саратова и всей Саратовской губернии в данном комплексе представлена записью устного источника, воспроизведенного со слов саратовского жителя, под заглавием «Повествование Саратовской губернии, составленное со слов его высокоблагородия коллежского советника Ивана Андреевича г. Кропотова», а затем еще один лист с записью сведений, полученных от того же Кропотова, но касающихся истории города Саратова³⁸. «Повествование», а точнее, его вариант, несколько отличающийся от названной рукописи, был

³⁵ См.: *Лебедев А. А.* Материалы для истории ... Т. 2. Вып. 1. С. 9–30.

³⁶ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 841.

³⁷ См.: Там же. Д. 506 а.

³⁸ См.: Там же. Л. 12–16.

опубликован в 1888 г. в «Трудах» Саратовской ученой архивной комиссии родственником автора М. С. Кропотковым³⁹.

Три рукописи в деле содержат сведения по истории Царицына. Название первой из них свидетельствует о том, что в ее основе лежал также устный источник: «О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оно по изустному уверению старожилов...»⁴⁰ Документ не имеет указания на автора и датировки, последняя упоминаемая в тексте дата – 1824 г. Вторая рукопись, по всей видимости, дублирует первую. Но по названию она несколько отличается: «Часть первая. О начале заведения города Царицына и о древних и новых случайностях оно»⁴¹. Далее следует: «Часть вторая. О теперешнем положении города»⁴². Последнее упомянутое событие датировано в ней 1837 г. В конце текста второй части имеется приписка, сделанная очень мелким почерком, которая поясняет происхождение рукописей: «С хранящеюся в царицынской думе тетрадкою верно, Города Царицына протоиерей Петр Лугарев». Кроме этих исторических рукописей, протоиерей Лугарев направил епископу Иакову составленное им самим «Описание города Царицына и уезда оно по церковной части»⁴³. Данное описание представляет собой ответы на вопросы анкеты, в которых есть сведения и о старообрядцах.

Кроме рукописей, посвященных истории Саратова и Царицына, в деле имеются и материалы о прошлом других городов и населенных пунктов губернии. Это «Краткое описание посада Дубовки», которое имеет указание на время составления – 1836 г., и на автора – им являлся благочинный этого посада священник Максим Волковский⁴⁴. Еще большей лаконичностью отличается «Статистическое описание города Хвалынска», автор и время составления его не известны⁴⁵. Имеется также «Краткое описание первоначального населения слободы Владимировки» и более пространная «История жителей села Самодуровки». Обе рукописи анонимны, даты их составления отсутствуют⁴⁶.

Следующую группу рукописей данного сборника составляют описания отдельных церквей, монастырей, их ценностей, к которым примыкают сообщения и записки о старообрядческой часовне и общинах раскольников. К ним относятся анонимное «Историческое описание губернского города Саратова храма Преблагословения владычицы нашей богородицы...» (Л. 18-21), дата его составления не известна⁴⁷. Более обширными являются «Исторические известия о петровском⁴⁸ Николаевском заштатном монастыре с половины XVII по

³⁹ См.: *Кропотов М. С.* Разные заметки о старинах саратовских, записанные со слов самовидцев или из преданий // *Труды СУАК.* Т. 1. Вып. 5. Саратов, 1888. С. 580–599.

⁴⁰ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 26–30.

⁴¹ См.: Там же. Л. 74–79.

⁴² См.: Там же. Л. 80–83.

⁴³ См.: Там же. Л. 84–96.

⁴⁴ См.: Там же. Л. 38–43.

⁴⁵ См.: Там же. Л. 34.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 24–25, 150–155.

⁴⁷ См.: Там же. Л. 18–21.

⁴⁸ Речь идет о монастыре, находившемся в г. Петровске Саратовской губернии.

ХІХ век»⁴⁹, автор рукописи не известен, а о времени ее составления можно судить по последней упоминаемой в ней дате – 1843 г.

Ряд документов отражает повышенный интерес саратовских церковных властей к общинам старообрядцев. Это список раскольников, проживавших в Мечевом и Баранниковом бараках (т. е., оврагах), «имеющих в городе Саратове родственников», составленный миссионером иеромонахом Палладием в 1838 г., сведения о девичьих общинах – Керенской и Краснослободской, автор и время их составления которых не указаны⁵⁰. Относительно девичьих общин можно сказать, что это были, вероятно, старообрядческие общины. По содержанию к этим документам примыкают «Записка миссионеров» и «Записка о самоубийствах»⁵¹. Во второй из названных записок речь идет о достаточно громком деле – самоубийствах в общине раскольников спасова согласия в селе Копенах Аткарского уезда в 1826 г. Авторы этих записок не названы, время составления устанавливается по последней упоминаемой дате. Описание часовен старообрядцев содержат два документа, составленные в 30-е гг. ХІХ в.

Первый из них – «Описание Волковой поморской часовни каменного здания», в нем речь идет о культовом сооружении, находившемся при доме саратовского купца И. А. Волкова⁵². Дата его составления – 1834 г., автор не известен. Купец Волков был весьма заметной фигурой – в 1820-е гг. он занимал в Саратове должность городского головы, несмотря на свою принадлежность к старообрядцам. Это был богатый торговец скотом, отношения которого с губернатором А. Д. Панчулидзевым привлекли внимание Ф. В. Духовникова. В одной из своих статей он уделил достаточно много места описанию того, каким образом Панчулидзев покровительствовал Волкову и старообрядческой общине Саратова⁵³. Описание второй часовни старообрядцев было составлено в 1838 г. в саратовской палате уголовного суда. Оно содержит сведения о часовне, устроенной при доме купца Кабанова, принадлежавшего к поморскому согласию, как и Волков⁵⁴.

Особый интерес представляют списки книг – «Реестр книгам Воскресенского единоверческого монастыря», копия «Ведомости о старопечатных книгах и рукописных тетрадах, хранящихся в кафедральном соборе»⁵⁵, составленная 1845 года ...», а также достаточно обширный «Реестр вещей, принадлежащих по описи саратовскому кафедральному Александро-Невскому собору» и дополнение к нему⁵⁶. Реестры были подписаны протоиереем Василием Полянским, время их составления можно определить по последней упоминаемой дате – не ранее 1848 г.

⁴⁹ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 61–73.

⁵⁰ См.: Там же. Л. 22–23, 160–163.

⁵¹ См.: Там же. Л. 154–156.

⁵² См.: Там же. Л. 156–157.

⁵³ См.: *Духовников Ф. В.* Первые страницы саратовской мужской гимназии // Труды СУАК. Саратов, 1893. Т. 4. Вып. 2. С. 40–41.

⁵⁴ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 167–170.

⁵⁵ Имеется в виду саратовский кафедральный собор во имя Александра Невского.

⁵⁶ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 118–138, 162–178.

Если перечисленные выше материалы имеют в своей основе конкретные письменные или устные источники местного происхождения, либо являются результатом личных наблюдений их составителей, то сведения о епархиях Сарайской (или Сарской), Астраханской и Пензенской сделаны с пометами, которые свидетельствуют о заимствовании их из какого-то сочинения по истории церкви. Об этом говорят заголовки: «Глава десятая. О епархии Сарайской ...», «Глава вторая. О епархии Астраханской ...», «Глава оснадцатая. О епархии Пензенской»⁵⁷. В рукописи эти выписки из неизвестного по заглавию сочинения следуют именно в таком порядке: вначале из главы десятой, а потом – из второй и из восемнадцатой. Далее помещен текст под заголовком: «О епархии Саратовской». Сведения о Саратовской епархии, вероятно, были оригинальными и составлялись специально, в справочных целях. А выписки из какого-то церковно-исторического сочинения были присоединены к этим местным материалам, чтобы показать предысторию епархии. Впоследствии местные авторы именно таким образом освещали период до создания самостоятельной Саратовской епархии – сначала указывали данные о Сарайской епархии, затем – об Астраханской и о Пензенской.

Значительную ценность представляет небольшая группа описаний археологических памятников, исследование которых начиналось в первой половине XIX в. в Саратовской губернии. Они весьма неоднородны по степени полноты и по уровню компетентности их составителей. Некоторые из них анонимны, другие имеют указания на автора – протоиерея Иосифа Шиловского. Первая рукопись представляет собой анонимный очерк археологического характера «О знаменитом кургане, находящемся при сельце Колобовщине» (названное сельцо относилось к Царевскому уезду)⁵⁸. Дата составления очерка не указана. Описание кургана сопровождается предположением о том, что внутри него имеется архитектурное сооружение, а именно – христианская церковь.

Наибольший интерес среди этих материалов представляют рапорты (сообщения) протоиерея Иосифа Шиловского епископу Иакову. В одном из них, датированном 9 февраля 1837 г., содержится описание развалин золотоордынского города, которые располагались в Царевском уезде на р. Ахтубе⁵⁹. Развалины были идентифицированы как одна из столиц Золотой орды, и вошли в историю науки под названием Новый Сарай или Сарай–ал-Джедид, исследования которого продолжаются и в наши дни. В 40-е – 50-е гг. XIX в. там производились раскопки под руководством знаменитого археолога А. В. Терещенко⁶⁰. Текст рапорта на имя епископа Иакова составлен писарем, но в конце имеется личная подпись Шиловского, к нему приложен план описанного археологического комплекса, составленный Шиловским.

Он же является автором еще нескольких документов на имя епископа, содержание которых связано с раскопками в Царевском уезде. Это его рапорт, со-

⁵⁷ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 55–60.

⁵⁸ См.: Там же. Л. 1–11.

⁵⁹ См.: Там же. Л. 44–49.

⁶⁰ Гордеев В. И., Павленко Ю. А. Малый город Поволжья в позднем средневековье // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2004. Вып. 2. С. 20.

ставленный в 1840 г., об отправке епископу слепка «с небольшого круглого образочка» с приложением рисунка этой археологической находки⁶¹. Кроме того, имеется рапорт (вероятно, автограф) от 24 июня 1842 г. с сообщением о высылке двух человеческих черепов, найденных в склепе при реке Ахтубе, и еще один рапорт-автограф от 24 августа 1843 г., с сообщением о высылке рисунка склепа, «открытого в кургане», и «снимка с креста»⁶².

К описаниям археологических памятников и находок, сделанных во время раскопок, примыкают описания двух реликвий, которые хранились, вероятно, в городских церквях. Это копия с надписи, сделанной на первом листе Евангелия, пожалованного в соборную церковь Петра и Павла в городе Петровске от имени царя Петра Алексеевича из приказа Казанского дворца. Надпись была скопирована со всеми палеографическими признаками скорописи XVII в., и судя по размерам букв, в масштабе один к одному. Тем не менее, копия дефектна – в тех строках, где указана дата пожалования, имеются пропуски и прочерки. Сама надпись была опубликована в 1881 г. в «Саратовском сборнике» священником А. А. Луниным, который привел легенду о пожертвовании Евангелия после участия самого царя в закладке собора Петра и Павла в Петровске. Лунин сообщил также, что Евангелие продолжало оставаться на хранении в этом соборе⁶³.

Несколько иной характер имеет воспроизведение памятника эпиграфики: «Надпись, изложенная ниже Креста Господня»⁶⁴. Текст надписи передан без учета особенностей графики и орфографии подлинника, без указания его внешних особенностей и местонахождения самого памятника. Время и обстоятельства создания данного воспроизведения текста памятника также не указаны. Содержание надписи указывает на то, что крест, на котором она была нанесена, являлся наградной реликвией, (он содержал частицы мощей) и был пожалован царем Михаилом Федоровичем окольному Артему Васильевичу Измайлову за участие в мирных переговорах с польскими и литовскими послами и за «московское осадное сидение». К тексту надписи приложен список частиц мощей и других священных предметов. Текст этой надписи и списка реликвий был воспроизведен в 1881 г. в «Саратовском сборнике» журналистом и членом саратовского статистического комитета И. П. Горизонтовым. Кроме текста, он составил описание внешних особенностей креста и указал на его местонахождение – крест был пожертвован в 1838 г. владельцем Аркадакского имения Аггеем Васильевичем Абаза и его женой Прасковьей Ильиничной в Аркадакскую Вознесенскую церковь (Балашовский уезд)⁶⁵. Возможно, первое описание реликвии было сделано священником этой церкви вскоре после пожертвования и отослано епископу Иакову.

⁶¹ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 115–116.

⁶² См.: Там же. Л. 50, 53.

⁶³ Лунин А. А. Очерк города Петровска // Саратовский сборник: Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 1. Саратов, 1881. Отдел первый. С. 237.

⁶⁴ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 35–37.

⁶⁵ [Горизонтов И. П.] Замечательная святыня // Саратовский сборник ... Отдел второй. С. 20–22.

Особо следует упомянуть два графических документа, относящихся к истории Саратова – план города с «географическим примечанием», составленный, судя по всему, в 1833 г., и «Профильный вид надсаратовской Соколовой горы», который был «снят» протоиереем Иосифом Шиловским 4 октября 1841 г.⁶⁶

Содержание рассмотренного здесь дела из фондов ГАСО позволяет предполагать, что его основу составляет сборник рукописей, оставшихся от коллекции преосвященного Иакова. На это указывает ряд особенностей данного комплекса документов. Большинство датированных рукописей в нем относятся ко времени, когда во главе епархии стоял епископ Иаков; значительное место занимают материалы о старообрядцах; есть документы об археологических раскопках, адресованные лично епископу. Все это соответствует тому, что нам известно об интересах преосвященного в области исторической науки и исследовании старообрядчества. В настоящее время трудно сказать, какое количество документов из этой коллекции было утрачено. Дошедшие до нас материалы коллекции, а также исследования А. А. Лебедева и опубликованные им источники о деятельности епископа Иакова свидетельствуют о том, что сам преосвященный не оставил трудов в области истории и археологии. Тем не менее, следует по достоинству оценить его заслуги в изучении истории Саратовского Поволжья. Выражаясь современным языком, он выступал в роли организатора научных исследований и собирателя письменных и вещественных источников.

При рассмотрении деятельности преосвященного Иакова, не следует забывать и тех священников, которые осуществляли разыскания по истории городов и сел, производили археологические раскопки, составляли описания исторических памятников. Имена некоторых из них известны – это И. Шиловский, П. Лугарев, М. Волковский, А. Росницкий. Имена других еще предстоит выяснить. Благодаря инициативам епископа Иакова и деятельности этих краеведов появились не только отдельные статьи по истории Саратовского Поволжья. Собранные ими материалы были успешно использованы А. Ф. Леопольдовым. Поэтому в истории саратовского краеведения должны быть отмечены не только этот известный историк, а наряду с ним – Г. С. Саблуков и Г. И. Чернышевский, но также и епископ Иаков, и названные здесь священники Саратовской епархии.

⁶⁶ См.: ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 а, л. 98–101.

ЗИМНИЕ ВИДЫ СПОРТА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ САРАТОВЕ

Местоположение и природно-климатические условия способствовали тому, что на Руси коньки и лыжи использовались в бытовой, трудовой и военной деятельности с незапамятных времен. Однако только в условиях промышленного подъема XIX столетия в России началось становление зимних видов спорта, как в центре, так и в провинции.

Историография данных видов спорта в Саратовской губернии весьма ограничена. Некоторые сведения о развитии конькобежного спорта в Саратове содержатся в неопубликованной книге саратовского педагога и краеведа В. Н. Золотарева⁶⁷.

В популярной форме рассказывает о становлении и развитии спорта, в том числе его зимних видов, в Саратове и губернии доцент кафедры физического воспитания Саратовского государственного университета Г. П. Липин (Шперх)⁶⁸, который ряд спортивных фактов и событий освещает по архивным данным.

Новые попытки обзора становления зимних видов спорта в Саратовской губернии были сделаны в начале XXI в.⁶⁹, тогда же увидел свет справочник А. А. Матюшкина, в который включены 706 кратких биографий спортсменов, тренеров, судей и других людей, помогавших развитию спорта в городе и области, в том числе до революции⁷⁰.

Цель настоящего сообщения – обобщить накопленный материал по дореволюционной истории зимних видов спорта в Саратове и губернии.

Историю зимних видов спорта в России открывает конькобежный спорт, который благодаря своей доступности и демократичности, был первым и до XIX в. единственным зимним видом спорта. Первый российский клуб конькобежцев появился в Петербурге уже в 1864 г.⁷¹, а 19 февраля 1889 г. в Москве состоялся первый в истории русского спорта официальный чемпионат России в скоростном беге на коньках⁷².

⁶⁷ Золотарев В. Н. Летопись старого Саратова. Саратов, 1961 (рукопись хранится в библиотеке Саратовского областного музея краеведения).

⁶⁸ Липин Г. П. Самодеятельное спортивно-гимнастическое движение в дореволюционном Саратове и губернии // Из истории спорта в Саратовской области. Саратов, 1966; *Он же*. Страницы из истории спорта в Саратове и Саратовской области. Саратов, 1968.

⁶⁹ См.: Тотфалушин В. П. Физкультура и спорт // История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие для школ всех типов / Под ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000; Яковлев Ю. А. Физкультура и спорт // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов, 2002.

⁷⁰ Матюшкин А. А. Кто есть кто в саратовском спорте: Справочник. Саратов, 2001.

⁷¹ См.: Зеликсон Е. Ю. Очерки по истории физической культуры в СССР. Л., 1940. С. 33; Шелухин А. А. Крылатые коньки. М., 1992. С. 29.

⁷² См.: Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту. М., 1962. Т. II. С. 28; Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М., 2002. С. 115.

Список русских чемпионов открыл петербуржец Александр Никитович Паншин (1863–1904), который показал в финальном забеге на дистанцию в три версты (3201 м.) время семь минут 30 сек.⁷³

Однако в России программа чемпионатов отличалась от мировых первенств: первые шесть лет разыгрывалась лишь одна дистанция в три версты, с 1896 г. по 1907 г. первенство России проводилось по двум дистанциям в 1500 и пять тысяч метров, но чемпионом мог стать лишь тот конькобежец, который выигрывал обе дистанции. Поскольку это удавалось немногим спортсменам, то ряд лет страна не имела чемпионов, хотя первенства и проводились⁷⁴.

Правила проведения чемпионатов России изменились в 1908 г.: теперь необходимо было преодолеть три дистанции в 500, 1500 и пять тысяч метров, причем в один день, а для получения звания чемпиона необходимо было победить на двух дистанциях из трех. С 1915 г. было введено классическое многоборье (500, 1500, пять тысяч и десять тысяч метров) и победитель стал определяться по наименьшей сумме мест, занятых в беге на каждую дистанцию⁷⁵.

Достоверные известия о наличии городских катков в Саратове относятся к 1870-м гг. Один из первых катков заливался перед зданием городского театра на Театральной площади, там, где теперь находится здание Радищевского музея и сквер. Здесь были деревянные горки, которые на зиму покрывали льдом. На этом месте каток просуществовал до 1881 г. и был перенесен на Митрофаньевскую (ныне имени С. М. Кирова) площадь⁷⁶.

Из воспоминаний В. Н. Золотарева известно, что здесь на катке также были «две высокие деревянные горки, покрытые льдом: одна – около Мирного переулка против областного военкомата, другая – около Чапаевской улицы против существующего цирка. Каток представлял собой огромный четырехугольник, огороженный забором. С угла на угол катка, по диагонали, через центральный столб в середине катка была протянута проволока», на которой висела масса разноцветных фонариков, украшавших каток⁷⁷.

В 1898 г. Комиссия детских развлечений устроила новый каток на Камышинской (ныне имени В. Г. Рахова) улице, который в 1899 г. был перенесен на Плац-парадную площадь (ныне на этом месте XII корпус СГУ)⁷⁸.

Вслед за городскими в Саратове появились катки спортивных обществ. Первенство здесь принадлежало яхт-клубу, который снял огромный пустырь на углу Ново-Соборной площади и Бабушкиного взвоза (за нынешним Домом офицеров напротив сада «Липки»). Здесь 4 декабря 1888 г. был открыт конькобежный каток⁷⁹ и отстроена грелка (раздевалка). Здание грелки катка в 13 саже-

⁷³ Конькобежный спорт: Справочник. М., 1974. С. 184.

⁷⁴ См.: Энциклопедический словарь... Т. II. С. 28; Все о спорте: Справочник. М., 1978. Т. 1. С. 210.

⁷⁵ См.: Энциклопедический словарь... Т. II. С. 28; Голощанов Б. Р. Указ. соч. С. 116.

⁷⁶ См.: Саратовский дневник. 1888. № 260; 1891. № 232; Золотарев В. Н. Воспоминания о детских и юношеских годах // Волга. 1995. № 5–6. С. 61; Он же. Летопись... С. 843.

⁷⁷ Золотарев В. Н. Воспоминания... С. 51.

⁷⁸ Саратовский дневник. 1899. № 1.

⁷⁹ Там же. 1888. № 260.

ней (27 м.) длины и пять сажений (10 м.) ширины было обнесено кругом широкой террасой и разделено на шесть комнат: прихожая, касса, шинельная и общий зал в восемь сажений (17 м.) на пять сажений (10 м.), и второе отделение – комнаты для дам и кавалеров. Напротив главного входа у стен построек Первой мужской гимназии (ныне административное здание на улице имени Н. А. Некрасова, 17) была расположена музыкальная эстрада в виде раковины. Площадка катка имела размеры 26 на 29 сажений (55 на 61 м.)⁸⁰.

К сезону 1899 г. яхт-клуб увеличил свой каток прибавлением еще одной площадки, ниже здания грелки. Место это огораживается высоким забором⁸¹.

Вслед за яхт-клубом обзавелись своими катками и другие саратовские спортивные общества, возникшие позднее, например, общество велосипедистов и аэроклуб⁸².

Первоначально катки служили, главным образом, для активного отдыха и развлечений, вечерами под звуки оркестра там развлекались счастливые обладатели собственных коньков, или лица способные взять их напрокат. В то время чтобы попасть на каток необходимо было купить в кассе разовые билеты по цене от 20 копеек или сезонные, стоившие два рубля 50 копеек. Коньки можно было взять и напрокат за 25 копеек⁸³. Позднее плата за сезон с члена яхт-клуба составляла уже три рубля, а с гостей – четыре рубля⁸⁴.

Вот как описывают очевидцы открытие сезона на катке яхт-клуба 2 декабря 1899 г.: «Играла музыка, публики собралось порядочно; вечером при электрическом освещении и падающем инее, когда елки и окружающие деревья покрылись серебристой пылью – вид катка имеет эффектное зрелище»⁸⁵.

Становление регулярных соревнований по конькобежному спорту и фигурному катанию на коньках в Саратове также связано с яхт-клубом, второй устав которого (1902) уже официально предусматривал содействие в распространении среди местного населения катания на коньках⁸⁶.

Конькобежные состязания проводились на основе правил, которые специально присылались из Москвы для саратовского яхт-клуба, отдельно для мальчиков и девочек до 15-летнего возраста, для мужчин и женщин и даже для пар (дама и кавалер) на различные дистанции. Также соревнования проводились для лиц, начинающих кататься на беговых коньках; не принимавших участия в состязаниях; для лиц, катающихся на коротких коньках, и других⁸⁷.

Перед началом соревнований программу и правила гонок вывешивали в

⁸⁰ См.: Саратовский дневник. 1897. № 184; *Золотарев В. Н.* Летопись... С. 845–846.

⁸¹ Саратовский дневник. 1899. № 250.

⁸² См.: *Тотфалушин В. П.* Саратовское спортивное общество велосипедистов (конец XIX – начало XX вв.) // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 279; *Он же.* Первые самолеты в саратовском небе: из истории саратовского аэроклуба // Военно-исторические исследования в Поволжье. Вып. 4. Саратов, 2000. С. 105.

⁸³ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 44, л. 2.

⁸⁴ «Весь Саратов» на 1900 год: Адрес-календарь, торгово-промышленная и справочная книга. Саратов, 1899. С. 484.

⁸⁵ Саратовский дневник. 1899. № 263.

⁸⁶ *Цыбин В. М.* Пароход на Волге. Саратов, 1996. С. 324.

⁸⁷ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 1–1 об.

грелке катка. Запись желающих участвовать в забегах происходила в кассе и прекращалась накануне гонок в восемь часов вечера, после чего запись не принималась и проходила жеребьевка. При записи взимался залог три рубля⁸⁸.

Иногородние участники соревнований должны были заблаговременно прислать сведения о себе от своих спортивных обществ. Им оплачивался проезд третьим классом до Саратова и обратно, и предоставлялось бесплатное помещение⁸⁹.

Количество участников было, как правило, невелико и колебалось от двух до восьми человек. Бывали случаи, когда желающих участвовать в соревнованиях не было вовсе. Например, гонка 19 февраля 1906 г. была перенесена на 26 февраля именно по этой причине⁹⁰.

Первоначально соревнования на приз первого конькобежца города проводились на дистанции в три версты. Позднее для установления звания первого конькобежца Саратова необходимо было побить два рекорда, т.е. прийти первым, сделав 500 м. на «быстроту» и пять тысяч метров «на выносливость»⁹¹.

Ледовая арена в то время имела форму четырехугольника. Беговая дорожка была длиной не более 400 м. и шириной не менее семи метров при двух поворотах, радиус которых был не менее 26 м. На поворотах она разделялась на две маленьким круговым валиком, чтобы скороходы могли меняться дорожками. Обход был разрешен с любой стороны при условии «незадевания состязующихся»⁹².

Первый чемпион России по скоростному бегу на коньках А. Н. Паншин вспоминал: «Это соревнование не в беге на скорость, а в искусстве преодоления поворотов. Шутка сказать: сто поворотов и почти под прямым углом. Какая-то ледяная карусель!»⁹³ В результате бегуны не всегда могли удержать равновесие и с хода летели в сугроб.

Призы для победителей готовились заранее и выставлялись перед началом состязаний на видном месте в грелках. Это были либо денежные призы от пяти до 20 руб., либо, чаще всего, вещевые. Ценность приза зависела от места, занятого участником в соревновании⁹⁴.

Так, например, газета «Саратовский листок» писала, что «22 января 1912 года состоялись гонки на катке яхт-клуба, на котором собралось много публики, преимущественно молодежи. Каток посетили управляющий губернией П. М. Боярский с супругой и полицмейстер Н. П. Дьяконов. Разыгрывались призы: большой энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, стоящий 258 руб., серебряный прибор для салата (40 руб.), серебряный портсигар (25 руб.), часы в 25 руб., золотой браслет – 12 руб., сахарница (10 руб.), серебряные вилки (12 руб.), серебряный бокальчик (девять руб.), черные часы (пять руб.) и

⁸⁸ Там же. Д. 64, л. 1–2.

⁸⁹ Там же. Д. 96. Л. 27.

⁹⁰ Там же. Д. 69. Л. 7.

⁹¹ Там же. Д. 82. Л. 1.

⁹² См.: Там же. Д. 64, л. 1–1 об., д. 96, л. 6, 7.

⁹³ Цит. по: *Зеликсон Е. Ю.* Указ. соч. С. 65.

⁹⁴ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 15, д. 88, л. 9.

др.»⁹⁵.

После окончания городских соревнований, как правило, проходил карнавал на льду, во время которого устраивали иллюминацию с цветным фейерверком. За лучший костюм – как мужской, так и женский – выдавались призы, чаще всего это были золотые жетоны. Так в одном из протоколов заседания увеселительной комиссии Саратовского речного яхт-клуба записано: «Призы выдать костюмам «Индеец» и «Профессор»: часы-будильник, кувшин мельхиоровый»⁹⁶.

Регулярные розыгрыши звания «Первого конькобежца» начались с 1891 г., когда 6 февраля золотой жетон получил С. П. Ершов, пробежавший более 2-х верст за пять минут 31 сек.⁹⁷.

Однако в ряде публикаций первыми саратовскими состязаниями называют забег из пять человек на катке яхт-клуба 2 марта 1892 г.⁹⁸. Возможно, это связано с тем, что на катке яхт-клуба бегали на «правильную» дистанцию в три версты. На них Ершов вновь занял первое место, пройдя трехверстную дистанцию за семь минут 44 сек., и получил золотой жетон с надписью «Первый саратовский конькобежец».

Он же был первым среди четырех участников и в следующем году, выиграв 14 февраля на яхт-клубовском катке забег на три версты с четырьмя поворотами под прямым углом, и показав время семь минут 36 сек.⁹⁹.

20 февраля 1894 г. результат С. П. Ершова был улучшен Г. Гайн-Герцем¹⁰⁰, который пробежал ту же дистанцию за шесть минут 53 сек.¹⁰¹. Кроме того, 6 марта того же года проходили состязания на скорость на дистанциях 0,5, одна и две версты, причем на одну версту бежали две пары¹⁰².

В 1895 г. взойшла звезда ученика Александровского ремесленного училища С. М. Веселовского¹⁰³. 10 февраля он победил в соревнованиях на приз первого конькобежца Митрофаньевского катка, пройдя дистанцию в две версты за четыре минуты и перекрыв при этом на пять секунд рекорд первого московского конькобежца А. Белоусова, а дистанцию в десять верст – за 21 мин. 51 сек.¹⁰⁴.

А 19 февраля в состязаниях на яхт-клубском катке на приз первого конькобежца Саратова он прошел три версты за шесть минут 30 сек., получил золотой

⁹⁵ Саратовский листок. 1912. № 20.

⁹⁶ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 15, д. 86, л. 2, д. 79, л. 1; Саратовский листок. 1912. № 18.

⁹⁷ Саратовский дневник. 1891. № 31.

⁹⁸ См.: Там же. 1892. № 49; Приволжский вестник охоты. 1892. № 10. С. 157; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 8; *Яковлев Ю. А.* Указ. соч. С. 626.

⁹⁹ См.: Саратовский дневник. 1893. № 27; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 8; *Яковлев Ю. А.* Указ. соч. С. 626.

¹⁰⁰ У Г. П. Липина он почему-то назван Гаиным (Страницы из истории спорта... С. 8).

¹⁰¹ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 31, л. 1.

¹⁰² См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 31, л. 2–3 об.; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 8, 12.

¹⁰³ В работе В. П. Тотфалушина «Физкультура и спорт» начало его спортивной карьеры ошибочно отнесено к 1875 г. (см.: С. 400).

¹⁰⁴ См.: Саратовский дневник. 1895. № 36. *Золотарев В. Н.* Воспоминания... С. 60–61.

жетон¹⁰⁵, и долго удерживал это звание, все время улучшая свои результаты. 8 марта 1898 г. Веселовский пришел к финишу через шесть минут 09 сек.¹⁰⁶, 6 февраля 1900 г. пробежал три версты за пять минут 58 сек.¹⁰⁷, а в 1904 г. установил рекорд города в беге на три версты – пять минут 20,5 сек., который на протяжении долгого времени оставался непревзойденным¹⁰⁸.

В. Н. Золотарев вспоминал, что «бегал он не только быстро, но и очень красиво ... на коньках которые сам сделал в мастерской училища»¹⁰⁹. Однако 23 января 1905 г. лидерство у Веселовского принял П. Н. Лопухин, победивший с результатом пять минут 23 сек.¹¹⁰ и, по воспоминаниям П. А. Козлова-Свободина, «держал это первенство до 1911 года»¹¹¹. Например, 25 февраля 1907 г. Лопухин первенствовал со временем пять минут 27 сек.¹¹².

Однако мемуарист не совсем точен: 21 февраля 1910 г. приз первого конькобежца вновь взял Веселовский со временем 5 минут 58 сек.¹¹³, а на состязаниях 2 февраля 1913 г. выиграл В. К. Штейн, который прошел дистанцию в три версты за пять минут 3,5 сек.¹¹⁴.

Помимо забегов на различные дистанции среди кавалеров, на саратовских катках проводили соревнования и среди дам. Так, в 1904 г. первый приз в заезде на два круга (330 м) взяла Канищева с результатом 36,5 сек., а в 1913 г. его завоевала С. Д. Банковская с результатом 57 сек., второй была Е. И. Иванова с результатом 59 сек.¹¹⁵.

В соревнованиях среди пар (дама – кавалер) на дистанции 500 м в 1904 г. выиграла Коняхин и Наттер (одна минута 30,3/4 сек.), в 1913 г. лидерами стали С. Д. Банковская и П. Е. Комаров, прошедшие три круга за минуту 13 сек.¹¹⁶.

Саратовцы принимали участие и в соревнованиях всероссийского уровня за пределами губернии. Так, 30 января 1898 г. в Москву для участия в состязаниях на приз первого конькобежца России выехал С. М. Веселовский, однако в число призеров не попал¹¹⁷.

В январе 1905 г. гоночная комиссия, рассмотрев заявления П. Лопухина и М. Егорова об участии в состязаниях на приз «Первого конькобежца России» и их просьбу о субсидии, постановила просить комитет выдать обоим 40 руб. на

¹⁰⁵ См.: Саратовский листок. 1895. № 41; Золотарев В. Н. Летопись... С. 864.

¹⁰⁶ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 39, л. 1; Саратовский дневник. 1898. № 55.

¹⁰⁷ См.: Саратовский дневник. 1900. № 30; Золотарев В. Н. Летопись... С. 847.

¹⁰⁸ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 69, л. 6 об., 7; Лаврененко Б. Их путь к мастерству. Саратов, 1961. С. 4; Липин Г. П. Страницы из истории спорта... С. 12; Тотфалушин В. П. Физкультура и спорт. С. 401; Матюшкин А. А. Указ. соч. С. 28.

¹⁰⁹ Золотарев В. Н. Воспоминания... С. 61.

¹¹⁰ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 10 об., 12, 14 об., д. 69. Л. 7.

¹¹¹ Цит. по: Цыбин В. М. Указ. соч. С. 323.

¹¹² ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 73, л. 9.

¹¹³ Саратовский листок. 1910. № 43.

¹¹⁴ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 88, л. 8.

¹¹⁵ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 7, д. 88, л. 15.

¹¹⁶ Там же. Д. 64, л. 7, 10.

¹¹⁷ См.: Саратовский дневник. 1898. № 25; Золотарев В. Н. Летопись... С. 46; Конькобежный спорт. С. 186.

поездку в Москву¹¹⁸. На них Лопухин занял второе место, уступив первенство знаменитому в то время «летучему русскому» Н. И. Седову¹¹⁹.

Затем спортивные традиции на протяжении многих лет поддерживал Г. Голубчиков. В 1912 г. он выиграл гонки Поволжья на дистанции 500 м со временем 53,15 сек., в 1914 г. – 53,2 сек., в 1917 г. – 53 сек. и на дистанции 1500 м. – две минуты 51 сек.¹²⁰; на чемпионате России 1913 г. он стал четвертым, а на чемпионате 1915 г. – пятым¹²¹.

С Петербургским конькобежным обществом связано также становление и развитие в России фигурного катания. В 1880-х гг. оно устанавливает первые связи с зарубежными клубами конькобежцев и фигуристов, а в 1896 г. в Петербурге состоялось первое первенство мира по фигурному катанию¹²².

Состязания фигуристов тогда были одиночными, парными и групповыми. Спортсмены должны были продемонстрировать обязательные фигуры: голландский шаг, тройку, параграф, восьмерку, петлю, скобку, лиру, выкрюк. При этом при исполнении обязательных фигур каждая фигура должна была исполняться с места, без разбега, по три раза на каждой ноге поочередно; при оценке выполнения фигур принималось во внимание правильное выполнение рисунка; стройность и свобода движений; величина рисунка на льду; покрытие следа при трехкратном исполнении фигуры¹²³.

Кроме того, существовал такой ныне забытый раздел фигурного катания, как специальные фигуры, которые отличались от «школьных» (обязательных) большей сложностью. Спортсмены к каждому соревнованию предоставляли в судейскую коллегию чертежи фигур, которые затем должны были воспроизвести на льду¹²⁴.

Известно о том, что в Саратове соревнования по фигурному катанию проходили уже в 1894 г. Тогда в одиночном фигурном катании первое место занял Меллер, в парном катании – Лаптеса и Крылов. Даме подарили золотой брелок, а кавалеру – серебряный жетон¹²⁵.

Некоторые из саратовских фигуристов успешно выступали на всероссийских соревнованиях. Так, в 1910 г. в Москве П. Н. Лопухин со своей партнершей заняли первое место, а в 1914 г. в Санкт-Петербурге на катке сада Юсупова А. П. Коняхин принял участие в соревнованиях, имевших характер международной встречи, так как в них участвовали английские фигуристы. За хорошие результаты саратовец получил учебник по фигурному катанию и коньки модели

¹¹⁸ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 60, л. 3.

¹¹⁹ См.: Там же. Д. 64, л. 12 об.; *Лаврененко Б.* Указ. соч. С. 4; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 12; *Конькобежный спорт.* С. 187; *Цыбин В. М.* Указ. соч. С. 323; *Тотфалушин В. П.* Физкультура и спорт. С. 401; *Яковлев Ю. А.* Указ. соч. С. 626.

¹²⁰ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 12 об.; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 12; *Тотфалушин В. П.* Физкультура и спорт. С. 401; *Яковлев Ю. А.* Указ. соч. С. 638.

¹²¹ См.: *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 12; *Конькобежный спорт.* С. 190.

¹²² См.: *Энциклопедический словарь по физической культуре и спорту.* М., 1963. Т. III. С. 222; *История физкультуры и спорта / Под ред. В. В. Столбова.* М., 1984. С. 94.

¹²³ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 64, л. 2, д. 88, л. 7.

¹²⁴ *Все о спорте...* Т. 3. С. 483.

¹²⁵ См.: ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 31, л. 2; *Липин Г. П.* Страницы из истории спорта... С. 12.

Н. А. Панина¹²⁶.

Первые лыжные клубы в России возникают лишь в конце XIX в., а первые лыжные соревнования в нашей стране, отмеченные в печати, были проведены 13 февраля 1894 г. Петербургским кружком любителей спорта¹²⁷. Дальнейшему развитию лыжного спорта способствовал розыгрыш в 1910 г. первого Всероссийского чемпионата по лыжным гонкам, который проводился Московским клубом лыжников в Петровском парке¹²⁸, а в 1911 г. был создан Всероссийский союз лыжебежцев.

В программу лыжных соревнований входили дистанции 250, 500, тысяча, 1500, пять тысяч, десять тысяч метров и более. Они проводились с палками и без палок, устраивались гонки с различными препятствиями: рытвинами, канавами, пригорками, соревнования по прыжкам с трамплина через разные предметы, гонки с лошадьми, со шведскими санками и т. д.¹²⁹.

Свидетельством появления в Саратове определенного интереса к лыжам является объявление магазина Р. Штроля о продаже специальной одежды для занятий этим видом спорта¹³⁰. А инициатором развития лыжного спорта выступило общество «Спорт». 15 октября 1913 г. его председатель А. И. Скворцов обратился к другому спортивному обществу – Саратовскому отделу императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты – с заявлением, в котором говорилось: «Для лыжных прогулок необходимо иметь небольшую станцию на окраине города, где лыжники могли бы оставлять свои лыжи, палки и одежду и обогреться по возвращении». В этой связи была высказана просьба «уделить одну из комнат» стрелкового стенда¹³¹ для спортсменов-лыжников¹³².

В ответ уже 19 октября 1913 г. совет Отдела не только вынес положительное решение о предоставлении лыжникам общества «Спорт» одной комнаты на стенде «по 1 января 1914 г. безвозмездно», но и дал право «бесплатного входа в остальные помещения стенда и в буфет его...»¹³³.

И, напротив, обращение в саратовский яхт-клуб заведующего отделом физического развития симбирского кружка парусного и гребного спорта В. Н. Сивинцева с просьбой провести лыжную гонку в Саратове встретило отказ на том основании, что якобы яхт-клуб не может взять на себя организацию лыжного первенства без согласия спортивных организаций Нижнего Новгорода, Самары, Казани и Симбирска¹³⁴.

¹²⁶ См.: Лаврененко Б. Указ. соч. С. 4; Липин Г. П. Страницы из истории спорта... С. 12; Тотфалушин В. П. Физкультура и спорт. С. 401; Яковлев Ю. А. Указ. соч. С. 626.

¹²⁷ Кулинко Н. Ф. История и организация физической культуры. М., 1982. С. 156.

¹²⁸ Голощанов Б. Р. Указ. соч. С. 121.

¹²⁹ Там же. С. 123.

¹³⁰ Саратовский листок. 1911. № 243.

¹³¹ Стенд находился за городом между кирпичными заводами А. Шумилина и П. Пирогова (см. подробнее: Тотфалушин В. П. Из истории стрелково-охотничьего спорта Саратовской губернии // Саратовский краеведческий сборник. Вып. 2. Саратов, 2005. С. 132).

¹³² ГАСО, ф. 553, оп. 1, д. 3, л. 5.

¹³³ Там же. Л. 41.

¹³⁴ ГАСО, ф. 373, оп. 1, д. 96, л. 3, 8.

История зарождения хоккея в России берет свое начало с игры в хоккей с мячом. Ему предшествовали различные игры на льду во всех районах страны, но, как спортивная игра в его практически настоящем виде, хоккей сформировался лишь в конце XIX в. Первые правила по хоккею были созданы в 1897 г. студентом технологического института Петербурга Петром Москвиным¹³⁵, а 8 марта 1898 г. в северной столице по ним состоялся первый в России матч, который и положил начало развитию в стране хоккея с мячом¹³⁶.

Первоначально хоккейным центром был Петербург, где к 1900 г. насчитывалось уже восемь клубов; в Москве первые организованные команды появились только в 1902 г.¹³⁷. Постепенно хоккей получил распространение и во многих городах России, в том числе и в Саратове.

Здесь во время революционного подъема 1912–1914 гг. начали возникать так называемые «дикие» команды. Наиболее демократичной «дикой» командой в городе являлась команда «Гигант», одним из организаторов которой был И. С. Гольц, впоследствии доцент СГУ. Он вспоминал, что «был бессменным участником футбольной и хоккейной команд «Гигант». Неоднократно мы выигрывали первенство Саратова»¹³⁸. В дальнейшем из этой «дикой» команды сформировалось спортивное общество «Гигант», где преобладали футбол и хоккей.

Устав Саратовского аэроклуба предусматривал также содействие развитию в Саратове таких экзотических видов спорта как гонки на снеговых буерах, аэросанях, лыжах и т. д.¹³⁹, однако сведений об организации таких соревнований в нашем распоряжении нет.

Зимние виды спорта были известны и за пределами Саратова. Так, коньки были популярны в Покровской слободе (ныне – г. Энгельс). Известно, что в ее центре во дворе волостного правления и пожарной дружины (ныне на этом месте семиэтажный дом, первые два этажа которого занимает Энгельсский музей краеведения) зимой устраивался платный каток, на котором два раза в неделю и по праздникам играл местный духовой оркестр, устраивался фейерверк, и где за два рубля пять копеек в месяц раскатывали на коньках покровчане¹⁴⁰.

Фигурное катание на коньках «поощрял» также Камышинский охотничий клуб, созданный в 1908 г.¹⁴¹. Сооружение катков «с устройством ... гоночных и фигурных состязаний» предусматривал проект устава Еланского охотничьего клуба Аткарского уезда, представленный саратовскому губернатору в 1911 г.¹⁴². Учредители же «Общества любителей спорта и музыкально-драматического

¹³⁵ Зеликсон Е. Ю. Указ. соч. С. 152.

¹³⁶ Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982. С. 78.

¹³⁷ Зеликсон Е. Ю. Указ. соч. С. 152.

¹³⁸ Гольц И. По дорогам и ухабам жизни. (Последний меньшевик). Иерусалим, 2003. С. 26.

¹³⁹ Устав Саратовского аэроклуба. Саратов, 1910. С. 1.

¹⁴⁰ См.: Шкода К. Город Энгельс. Саратов, 1971. С. 29; Мишин Г. А. Прогулки по старому Покровску. Саратов, 2002. С. 14.

¹⁴¹ См.: Тотфалушин В. П. Из истории стрелково-охотничьего спорта... С. 135–136.

¹⁴² ГАСО, ф. 176, оп. 1, д. 191, л. 2.

искусства» в с. Аркадак Балашовского уезда намеревались культивировать хоккей, коньки и лыжи¹⁴³.

Таким образом, зимние виды спорта получили определенное развитие в Саратове и в Саратовской губернии, однако здесь они отставали от уровня достигнутого в Москве и Петербурге. Причинами этого отставания являлись недоступность спортивных организаций для широких слоев населения в силу высоких вступительных и членских взносов, дороговизна спортивного инвентаря и отсутствие поддержки массового спорта со стороны властей.

¹⁴³ Там же. Д. 406, л. 6.

ЭВАКУИРОВАННЫЕ ВУЗЫ В САРАТОВСКОЕ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В первый период войны число вузов в стране, ввиду оккупации противником ее западных районов, значительно сократилось, а число студентов, большая часть которых ушла на фронт, уменьшилась в три раза. Ситуация в Поволжье в силу специфических условий его тылового положения и интенсивной миграции населения отличалась от всесоюзной. Здесь происходит рост числа вузов, что объясняется эвакуацией на территорию области ряда учебных заведений. Нахождение их в Саратовской области в период Великой Отечественной войны – драматическая и интересная страница в истории края¹. Некоторые из вузов оставили заметный след и оказали влияние на развитие науки и высшего образования в области.

В период лета 1941–1942 гг. в Саратовскую область были эвакуированы: Киевский институт силикатов (в августе 1941 г. в г. Вольск), Ленинградский юридический институт (сначала в г. Саратов, а с июля 1942 г. в г. Балашов), Ворошиловоградский сельскохозяйственный институт (в г. Балаково), Московская консерватория, Московский театральный институт, Московский экономическо-статистический институт (все в г. Саратов), Харьковский педагогический институт иностранных языков (был размещен в г. Марксе)². В составе этих вузов прибыла администрация, часть преподавательского состава и студентов.

Принять и разместить эти вузы, привезенные ими оборудование, расселить научных работников и студентов было делом нелегким, особенно если учесть, что одновременно сюда прибыло много промышленных предприятий, развертывалась сеть госпиталей. Приемом и размещением предприятий и учреждений, занимались эвако-приемные комиссии при активном содействии партийных органов области, а также местный вузовский персонал.

Наиболее крупным вузом из эвакуированных был Ленинградский государственный университет (ЛГУ). Деятельность его в Саратове в годы войны оказала заметное влияние на научную и учебную жизнь вузов города.

В начале 1942 г. в Саратовский обком партии пришло извещение об эвакуации в Саратов части коллектива ЛГУ. По поручению горисполкома заместитель председателя Саратовского Горсовета И. Я. Гликман в течение двух недель в первой половине февраля занимался подысканием помещений для размещения ленинградцев, подготовкой необходимой мебели, питания, транспорта и др. В итоге, для размещения были выбраны здания гостиницы «Россия», первое и второе общежития университета (на улицах Цыганской и Вольской). На площадь возле сада «Липок» привезли из районов сено и набивали им матрацы для кроватей в гостинице «Россия».

¹ Ванчинов Д. П., Шабанов Н. И. Саратов – прифронтовой город. Саратов, 1983. С. 86.

² См.: ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 2863, л. 21–21 об, д. 3119, л. 56–58.

Многолетний директор Научной библиотеки СГУ В. А. Артисевич вспоминала: «Первую партию ленинградцев встречали 15 февраля в 2 часа ночи. С этой группой приехал ректор университета А. А. Вознесенский, профессора, доценты, аспиранты, студенты. Ехали из Ленинграда две недели, все были истощены, уставшие, многие больны. Часть из приехавших сразу же была направлена в больницы»³. Внимательность, организованность, порядок волжан в размещении ленинградцев – все это позволило уже 1 апреля 1942 г. (т.е. через десять дней после прибытия в Саратов третьего эшелона) на базе Саратовского университета возобновить учебную и научную работу ЛГУ. К занятиям приступил 361 студент, профессорско-преподавательский, состав насчитывал 189 человек (49 профессоров, 81 доцентов и старших преподавателей, 59 ассистентов)⁴.

В июне 1942 г. в Балашове начал функционировать Ленинградский юридический институт. Городские власти передали институту для учебных целей здание Дома пионеров. Институт подготовился к учебному году, только на первый курс было принято 200 человек. Но начать учебный год в Балашове институту не удалось. В августе здание переданное институту было сильно повреждено авиационной бомбой и решением правительства СНК СССР Ленинградский юридический институт переехал в Джамбул (Казахская ССР), оказав сильное влияние на развитие местной юридической школы⁵.

В июле 1942 г. Госкомитетом по высшей школе руководство СГУ и ЛГУ было объединено во главе с одним ректором А. А. Вознесенским. Однако при этом оба вуза оставались самостоятельными: имели свой контингент студентов, факультеты и кафедры. Факт беспрецедентного совмещения двух ректорских должностей именно А. А. Вознесенским стал возможным во многом благодаря, его поддержки со стороны центральных властей – его брат Н. А. Вознесенский возглавлял Госплан СССР, являлся первым заместителем председателя СНК, членом ГКО⁶.

Ленинградский университет принял меры по увеличению контингента студентов и кадров преподавателей. Деканаты установили связи со студентами ЛГУ, по разным причинам, оказавшимся вне Саратова, и уже к 15 июля были восстановлены и вновь приняты в ЛГУ 72 человека, 160 человек письменно заявили о желании восстановиться к началу нового учебного года. Однако вскоре и в Саратове коллективу ЛГУ, как и всем вузам, пришлось столкнуться с еще большими трудностями. Наступление немцев под Сталинградом изменило обстановку, Саратов стал на время прифронтовым городом. Изменившаяся об-

³ *Артисевич В. А.* В дни Великой Отечественной войны. Рукописный фонд НБ СГУ. Саратов, 1987. С. 8.

⁴ Ленинградский Государственный университет имени А. А. Жданова. 1919–1969. Ленинград, 1969. С. 376.

⁵ *Петров Г. И.* Ленинградский юридический институт имени М. И. Калинина в годы Великой Отечественной войны // Правоведение. 1969. № 1. С. 22–31.

⁶ Империя Сталина. Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 93–94.

становка затруднила приезд в Саратов студентов из других областей. Подали заявления 575 человек, смогли приехать к началу занятий только 387 человек⁷.

Учебный год в большинстве эвакуированных вузов начался в октябре 1942 г., и сразу же появились проблемы. Они были характерны для всех вузов Саратова, как местных, так и эвакуированных. Нехватка помещений, аудиторий, жилого фонда и для того времени была нередка «картина», когда в одной комнате размещалось несколько учебных групп и для занятий использовались даже коридоры. Но особенно трудно стало, когда началась зима. Из-за отсутствия топлива, электроэнергии, перебоев в подаче воды многим вузам пришлось законсервировать многие учебные помещения на несколько месяцев. Но занятия не были прекращены, только теперь они проходили в более сложных условиях. Так, часть ЛГУ, занималась в студенческом общежитии. В комнате ставилась доска, студенты садились на кровати и начинались занятия. Здесь же, в общежитии, был оборудован читальный зал.

Факультеты ЛГУ (всего десять) перестроили учебные планы, лабораторные занятия перенесли на весенне-летний период, а освободившееся время отвели для теоретических курсов и практических занятий, не требовавших специальных лабораторий. Нехватку преподавателей приходилось компенсировать объединением отдельных курсов с соответствующими курсами Саратовского университета, с привлечением совместителей. Возросли затруднения с обеспечением продуктами питания, предметами первой необходимости. Ректорат неоднократно обращался в правительство с просьбой о выделении Ленинградскому университету дополнительных фондов продовольственных и промышленных товаров⁸. А возможности для реализации были, в первую очередь благодаря полезным связям в правительстве. Часто А. А. Вознесенский действовал в обход интересов СГУ, ставя на первое место интересы ЛГУ и свои собственные, что естественно было чревато столкновениями с администрацией СГУ.

Вместе с тем, надо отметить высокое качество успеваемости Ленинградского вуза. В ходе зимней сессии 1943 г. (1-22 февраля) из 1605 экзаменов, студенты сдали на «отлично» 914 (57%), на «хорошо» 430 (27%), на удовлетворительно 261 (16%)⁹.

Эвакуированная Московская консерватория работала на базе Саратовской консерватории. Вначале в Московской консерватории число преподавателей составляло 96, а студентов 100. Однако в 1943 г. число преподавателей консерватории резко сократилось до 38 человек, что создало трудности, учитывая специфику этого вуза¹⁰. В результате некоторые занятия пришлось отменить из-за отсутствия преподавателей, а потом и как выяснилось и студентов¹¹.

После Сталинградской битвы ситуация в Саратовской области постепенно нормализуется. К осени 1943 г. Саратов вновь становится далеким тылом. Улучшение положения благоприятно сказалось на учебном процессе. Так, на-

⁷ Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова... С. 376.

⁸ Там же. С. 377.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Московская консерватория в годы Великой Отечественной войны. М., 2005.

¹¹ ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3332, л. 47.

пример, весенне-летняя экзаменационная сессия в ЛГУ была сдана студентами более успешно, чем зимняя сессия, хотя экзаменов было больше. Возросло количество отличных оценок и соответственно уменьшилось количество удовлетворительных.

Необходимо отметить и произошедшее изменение количественного состава студенчества. По имеющимся данным, осенью 1943 г. в ЛГУ насчитывалось 1218 человек, в Киевском технологическом институте – 229 человек. Это показывает рост числа студентов в данных вузах, тогда как, например, в Харьковском педагогическом институте наблюдается картина некоторого снижения количества студентов – 142 человека вместо 160 человек в 1942 г.¹² К сожалению, цифровые данные о численности студентов других эвакуированных вузов либо отсутствуют, либо крайне противоречивы и далеко не полные.

Информация, касающаяся преподавательского состава, не дает ясной картины об изменении численности. Исключение составляют данные об ЛГУ, где в 1943/1944 учебном году занятия вели, включая совместителей, 58 профессоров, 77 доцентов, 17 старших преподавателей, 62 ассистента¹³.

Ситуация с учебными помещениями оставалась по-прежнему напряженной. Значительная часть эвакуированных вузов как была размещена с самого начала в однотипных помещениях, занимая при этом временно площадь какого-либо заведения, так и оставалась там без каких-либо положительных сдвигов. Особенно трудно приходилось такому многочисленному вузу, как ЛГУ. Из-за увеличения числа студентов занятия велись в две смены: на естественных факультетах учились с восьми до 14 часов, на гуманитарных с 14 до 20 часов¹⁴.

Ученым Ленинградского университета принадлежит первенствующая роль в качестве и количестве проделанных научных работ среди всех эвакуированных вузов в Саратов. Надо отметить, что многие научно-исследовательские работы проводились в сотрудничестве саратовских и ленинградских ученых. Недостаток лабораторного оборудования, помещений, различных материалов, кадров – это значительно затрудняло организацию проведения научных исследований. Однако трудности преодолевались, а намеченные планы реализовывались, так в 1942 г. ЛГУ выполнил работы по 126 темам, а в 1943 г. уже по 396 работам¹⁵. Отметим кратко научные достижения некоторых ленинградских ученых, имевшие практическую направленность. Так, химики ЛГУ провели большое количество анализов металлов, катализаторов, исследовали химическую стойкость керамических масс. Под руководством профессоров И. И. Жукова, И. С. Брауна была решена задача замены при сверлении металла дефицитных растительных масел минеральными, созданы новые виды смазки, и способы быстрой рассортировки стали. Группа химиков участвовала в изготовлении различных препаратов. Одной из главных тем ученых-геологов стало исследование геологического строения Поволжья, разведка природных богатств

¹² См.: ГАРФ, ф. 262, оп. 1, д. 3260, л. 4; ГАСО, ф. 2052, оп. 13, д. 27, л. 76.

¹³ Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова... С. 378.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Ежов В. А., Мавродин В. В.* Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Ленинград, 1975. С. 71.

Саратовской области. Группа сотрудников ЛГУ (профессора С. С. Кузнецов, С. М. Курбатов, М. Э. Янешевский) совместно с геологами Нижнее-Волжского геологоразведывательного треста открыло богатые месторождения горючего газа¹⁶.

Группа сотрудников физического факультета во главе с профессором С. З. Фришем вела большую исследовательскую работу на предприятиях Саратова. Физики наладили и испытали установку для спектрального анализа высококачественного бензина, организовали массовое производство стрептоцида. Доцент Л. Н. Гуревич изучал термомагнитные явления в полупроводниках. Решение проблем, имеющих важное значение для военной промышленности и хозяйственных нужд, дали математики. Профессор С. Г. Лехницкий разрабатывал вопрос об устойчивости и изгибе анизотропных пластинок, представляющий интерес для самолетостроения. Доцент А. А. Гриб исследовал распространение взрывной волны в воздухе и в воде, а профессор А. И. Лебединский дал метод решения уравнения взрывной волны¹⁷.

На географическом факультете был проведен ряд военно-географических исследований. Ученые биологического факультета Д. И. Дейнека, Н. Н. Блохин, М. И. Прохорова достигли результатов в изучении, восстановительных функций нервной системы, нарушенных в результате военных травм. Кафедра генетики занималась проблемой повышения зимостойкости сортов пшеницы.

В годы войны особенно важное значение приобретало патриотическое воспитание народа. Поэтому исследовательская работа ученых-гуманитариев сочеталась с широкой массовой пропагандой, созданием научно-популярных статей и брошюр, выступления в прессе, на радио, воинских частях, заводах. В этом направлении работали и гуманитарии ЛГУ. К наиболее значительным научным достижениям можно отнести следующие. Декан исторического факультета ЛГУ В. В. Мавродин завершил монографию, посвященную образованию древнерусского государства, С. Я. Лурье завершил работу над вторым томом «Истории Греции», О. Л. Вайнштейн подготовил курс по историографии средних веков, Г. А. Гуковский подготовил монографию по истории итальянского Возрождения¹⁸. Филологи занимались составлением военных словарей, разговорников, что в условиях войны имело не самое последнее значение.

Усилия историков во многом были связаны с пропагандой героических традиций русского народа. Вскоре после своего приезда в Саратов, в апреле 1942 г., коллектив ЛГУ организовал лекторий (руководитель Е. М. Косачевский), сразу же завоевавший популярность, несмотря на то, что лекции были платные. Афиши лектория с планом мероприятий развешивались по всему городу. Лекции читались по воскресеньям в третьем корпусе СГУ в аудитории имени А. М. Горького, но уже в сентябре 1942 г. лекторий ЛГУ открыл филиал при доме Красной Армии. Особенно популярны были лекции филолога Гуковского – на них всегда был аншлаг. Судьба этого ученого в Сарато-

¹⁶ Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова... С. 379.

¹⁷ Ежов В. А., Мавродин В. В. Указ. соч. С. 71.

¹⁸ Там же. С. 73.

ве оказалась драматичной. В феврале 1942 г., поссорившись с ректором А. А. Вознесенским, Гуковский демонстративно не награжденный орденом к 125-летию ЛГУ, перевелся в Саратовский университет. Но А. А. Вознесенский не смирился с этим и в 1943 г. отозвал его в ЛГУ, но Гуковский не стал возвращаться домой вместе с другими ленинградцами в 1944 г., а проработал в СГУ до 1 сентября 1946 г. Но в 1949 г. судьба Г. А. Гуковского и А. А. Вознесенского трагически оказалась одинаковой. Оба были арестованы, что явилось отголоском известного «ленинградского дела»¹⁹.

Кроме того, по направлению областного лекционного бюро ученые Ленинградского университета выступали в школах, госпиталях, в других учреждениях города, причем тематика лекция была достаточно широка – от разъяснения текущего международного положения до цикла лекций «Занимательная химия»²⁰. Всего с апреля 1942 г. по 1944 г. было прочитано свыше четырех тысяч лекций, которые посетили около полмиллиона слушателей²¹.

Студенты и преподаватели Московской консерватории совместно с политуправлением Сталинградского фронта издали сборник массовых песен к 25-летию РККА под названием «Сталинградские мотивы». Проводилась широкая музыкальная работа на радио, был организован симфонический оркестр, исполняющий произведения знаменитых композиторов: Чайковского, Римского-Корсакова, Шостаковича, под руководством профессора Дмитриевского был организован хор²². Запоминающимся явлением стала деятельность фронтового театра, сформированного из выпускников актерского и режиссерского факультетов Московского театрального института, внесшего свою лепту в движение фронтовых театров в годы войны.

Для всех вузов, находившихся в эвакуации в Саратове в годы войны, характерно было, помимо учебной, научной, культурно-просветительской деятельности еще и деятельность военно-патриотическая и общественная. Это выражалось участием в сельскохозяйственных работах, в строительстве железной дороги, в сборе средств на нужды фронта, на строительство самолетов, шефство над госпиталями. Так, Ленинградский университет в Саратове взял шефство над двумя госпиталями, где сотрудники вуза помимо агитационной работы помогали продуктами, литературой, ежедневными дежурствами и т.д. Студенты и преподаватели Московской консерватории лишь за два года войны дали 1242 концерта²³.

ЛГУ весной 1943 г. получил Красное знамя Саратовского горкома ВКП(б) и исполкома городского Совета за лучшие среди вузов города показатели в работе. В феврале 1944 г. ЛГУ исполнилось 125 лет и Президиум Верховного Совета СССР в связи с этим принял указ о награждении университета орденом Ленина. Кроме того, орденом Трудового Красного Знамени были удостоены 15

¹⁹ Пугачев В. В. О тех, кто возвращал Аристотеля в Саратов // Российская провинция XVIII–XIX веков. Материалы всероссийской конференции. Кн. 2. Пенза, 1996. С. 131–134.

²⁰ См.: ГАНИСО, ф. 30, оп. 16, д. 51, л. 76, ф. 1327, оп. 1, д. 162, л. 26.

²¹ Там же. Ф. 594, оп. 2, д. 2, л. 27.

²² Там же. Оп. 1, д. 3332, л. 47 об.

²³ Коммунист. 1943 14 нояб.

человек, орденом Знака Почета – 17 человек, медалью за Трудовую доблесть – 5 человек. 24 февраля 1944 г. в Саратовском театре оперы и балета им. Н. Г. Чернышевского состоялся вечер посвященный юбилею ЛГУ²⁴.

Освобождение в конце 1943–1944 гг. большинства советской территории поставило вопрос об успешной выполнении восстановительных работ, что требовало большое количество специалистов высшей квалификации. Начался процесс, получивший название реэвакуации, когда огромные массивы возвращались обратно. В Саратовской области реэвакуация вузов прошла поэтапно, как правило, сначала проводились подготовительные восстановительные работы, а затем группами осуществлялся сам переезд (самым растянутым получилась реэвакуация ЛГУ, часть студентов и преподавателей оставалась в Саратове до сентября 1944 г.). Так, например, 14 октября 1944 г. последовал приказ Наркома просвещения В. П. Потемкина, по которому Саратовский университет обязался принять в свой состав от 500 до 600 студентов Ленинградского университета²⁵.

Эвакуация высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Украины, в Саратовскую область в годы Великой Отечественной войны позволила, прежде всего, сохранить людские ресурсы (оборудование многие вузы вывезти не успели, либо не смогли). Несмотря на сложность размещения, обеспеченность жильем, помещениями для учебы, прибывшие вузы достаточно оперативно развернули свою работу, и их огромный потенциал уже скоро превратился в реальные дела.

²⁴ Ленинградский Государственный университет им. А. А. Жданова... С. 382.

²⁵ См.: ГАРФ, ф. 8080, оп. 1, д. 512, л. 2 об., ГАНИСО, ф. 594, оп. 1, д. 3883, л. 166.

Я. Н. Рабинович

**САРАТОВСКИЙ ВОЕВОДА ГРИГОРИЙ НИКИТИЧ ОРЛОВ:
СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ**

Сведений о первых воеводах левобережного Саратова сохранилось немного. Да и сам левобережный Саратов – одна из наименее изученных страниц истории нашего города, полная загадок и неясностей. Пожар 1701 г. уничтожил архив Приказа Казанского дворца, ведавшего делами Поволжья. Этим можно отчасти объяснить, почему до последнего времени никто не пытался восстановить этапы жизненного пути воевод Саратова¹. Однако, если трудно найти сведения о Саратовском периоде деятельности этих начальных людей, то, используя даже опубликованные источники, можно попытаться реконструировать биографию саратовских воевод до момента назначения их в Саратов и после отъезда из города. Первые попытки были предприняты нами в отношении воевод Ф. Т. Черново-Оболенского и Е. Ф. Мышецкого², о которых сохранилось немало сведений в различных источниках, как опубликованных, так и в архивных. Положение облегчалось тем, что двойников-князей Оболенских и Мышецких, имеющих одинаковые имена и отчества, не существовало. С героем нашего очерка, который не являлся князем Рюриковичем, носил довольно распространенную фамилию, дело обстоит сложнее. В основе данной статьи лежит довольно зыбкое предположение, что все Григории Никитичи Орловы, жившие в России в период Смуты и первые десятилетия после ее окончания, упомянутые в различных источниках – это один и тот же человек, который являлся воеводой Саратова в 1626–1630 гг.

¹ Отрывочные сведения о Саратовских воеводах XVII в. см.: *Шахматов А. И.* Исторические очерки города Саратова. Саратов, 1891; *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892; *Герасимов А. А.* История Саратовского края XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; *Осинов В. А.* Очерки по истории Саратовского края конец XVI–XVII вв. Саратов, 1976; *Касович А. С.* Саратов левобережный // Четыре века. Сб. ст. Саратов, 1991.

² *Рабинович Я. Н.* Первые воеводы левобережного Саратова: Ф. Т. Черново-Оболенский и Е. Ф. Мышецкий // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2009. Вып. 4.

В Смутное время известны два рода Орловых. Древнейший род Орловых происходил по родословным преданиям от «мужа честна Льва, выехавшего якобы из немцев к Великому князю Василию Дмитриевичу». Его потомок в пятом колене Василий Фролович Орлов был родоначальником рода Орловых. Этот род в XVIII в. был внесен в шестую часть родословной книги Московской губернии³. Внуки В. Ф. Орлова Василий Тимофеевич Орел (с сыновьями Иваном и Ильей) и Степан Тимофеевич были родоначальниками отдельных ветвей этого рода. Скорее всего, в Смутное время к этому роду принадлежали московские жильцы Иван Леонтьевич Орлов и Семен Васильевич Орлов, а также дворянин из Дмитрова Иван Орлов, получавшие жалование из Костромской и Галицкой чети⁴.

Родоначальником второго рода Орловых был некий Лукьян Иванович, который владел в конце XVI в. селом Люткиным Бежецкого уезда Тверской губернии. Его сын, Владимир Лукьянович Орлов, был в 1613 г. губным старостой Бежецкого верха⁵. Именно его правнук, Григорий Иванович Орлов, был новгородским губернатором, а пять сыновей которого играли важную роль при Екатерине II.

В Смутное время известны еще казачий атаман Данило Орлов, участник боев под Псковом еще до похода Густава Адольфа, а также защитник Новгорода Василий Орлов⁶.

Трудно сказать, к какому роду принадлежал Григорий Никитич Орлов. Возможно, он был братом Василия Никитича Орлова, погибшего 16 июля при штурме Новгорода шведами. Граф Владимир Орлов-Давыдов считал, что Григорий Никитич и Василий Никитич были племянниками Лукьяна Ивановича Орлова⁷.

Впервые в источниках Григорий Никитич Орлов встречается летом 1611 г. В трудах отечественных исследователей имеется ряд неточностей при описании этих событий (как в хронологии, так и в отчестве Григория Орлова). Саратовские краеведы этот вопрос обходили стороной. Поэтому стоит остановиться подробнее на источниках о событиях 1611–1612 гг., где упоминается Григорий

³ Из этого рода выводят себя также Беклемишевы, Щепотьевы, Змеевы, Шулепниковы, Козловы, Фроловы, Фроловы-Багреевы, Княжнины, Плюшкины – всего десять родов. См.: Русский биографический словарь: Обезьянинов-Очкин. СПб., 1905. С. 319.

⁴ Из Костромской чети получал жалование в апреле 1621 г. «Иван Леонтьев сын Орлов, жилец, оклад 10 руб.»; «Семен Васильев сын Орлов, жилец, оклад 7 руб.»; Из Галицкой чети - Иван Орлов из Дмитрова, участник похода князя Д.Т. Трубецкого к Новгороду, старый оклад при Василии Шуйском 8 руб., придача в январе 1615 г. 4 руб. Скорее всего, именно этот Иван Иванович Орлов получил в 1623 г. от царя Михаила Федоровича жалованную вотчинную грамоту на два сельца в Дмитровском уезде «за Московское осадное сиденье и за многую его службу и правду».

⁵ Известно, что «Владимир Лукьянов сын Орлов, дворянин Бежецка, с окладом 22 руб.», получал жалование из Устюжской чети.

⁶ В станице Данилы Орлова кроме есаула были три десятника и 29 казаков. Летом 1615 г. ему было выдано в Разряде жалование 7 руб.

⁷ Орлов-Давыдов В. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. Т. 1. СПб., 1878. Приложение 1. С. VI.

Орлов. Еще в 1819 г. была опубликована грамота о пожаловании Григорию Никитичу Орлову поместья князя Д. М. Пожарского⁸. Исследователи довольно поздно обратили внимание на эту грамоту. Кажется, одним из первых указал на данный документ С. Ф. Платонов, причем, в комментариях к своему знаменитому труду. Говоря о недовольстве Семибоярщины самоуправством московского коменданта Александра Корвина Гонсевского, который не считался с мнением бояр, историк приводит в качестве примера помету Гонсевского «на одной из челобитных о поместье (17 августа 1611 г.), поданной неким Г. Н. Орловым о пожаловании ему поместья»⁹. Из труда С.Ф. Платонова еще не ясно, чье поместье хотел получить этот «некий Г. Н. Орлов».

Через несколько лет, в 1905 г., В. Корсакова остановилась на данной проблеме более подробно. Она исследовала вопрос, где князь Д.М. Пожарский в 1611 г. мог лечиться от ран, полученных в ходе мартовского восстания в Москве. В. Корсакова пишет, что поместье князя Пожарского Нижний Ландех «выпросил себе Григорий Орлов за свою верную службу Сигизмунду». 17 августа 1611 г. Орлов подал челобитную польскому королю и сыну его королевичу Владиславу, чтобы «за измену кн. Дим. Пожарского, который отъехал в воровские полки и ранен, сражаясь с королевскими войсками, когда мужики изменили в Москве, отдано ему поместье кн. Пожарского село Ландех с деревнями. По предложению Гонсевского и по боярскому приговору Нижний Ландех был немедленно укреплен за Орловым (поэтому Пожарский не мог там лечиться в октябре, через два месяца)»¹⁰. Автор не указывает отчества Григория Орлова. Однако, через несколько страниц в данной статье мы читаем следующую запись: «В 1621 г. князю Пожарскому выдана подтвердительная царская грамота на его суздальскую вотчину Нижний Ландех и посад Холуй с деревнями; вотчина эта была пожалована ему в 1609 г. царем Василием Шуйским, затем отобрана в 1611 г. и отдана Гр. Гр. Орлову, (Отчество названо ошибочно – Григорьевич, вместо Никитича – Я. Р.), а в 1613 г. возвращена кн. Пожарскому»¹¹.

Чтобы больше не возвращаться к данному сюжету стоит привести выдержку из документа: «От царя и Великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Руси, в Суздальской уезд, в село Нижнее Ландех (далее перечисляются 40 других населенных пунктов и пустошей, всего 21 деревня, 7 починков и 12 пустошей). Что было то село и деревни и починки и пустоши в поместье за Князь

⁸ Челобитная польскому королю Сигизмунду III и его сыну Великому Государю Королевичу Владиславу Сигизмундовичу от Григорья Орлова: о пожаловании ему во владение поместья в Суздальском уезде сельца Нижняго Ландеха с деревнями, принадлежащаго Князю Дмитрию Пожарскому, за измену его против их Государей. Тут же и жалованная на оное поместье, от имени Бояр, Орлову Грамота (в списке). 1611, Августа 17 // СГГД. Ч. 2. СПб., 1819. № 267. С. 566–567. Полностью дело об этом пожаловании см.: Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе. 1610–1611 гг. М., 1911. С. 54–56.

⁹ Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1910. С. 588.

¹⁰ Корсакова В. Пожарский князь Дмитрий Михайлович // Русский биографический словарь: Плавильщиков-Примо. СПб. 1905. С. 224.

¹¹ Там же. С. 243.

Дмитреем Пожарским, и Князь Дмитриеи нам изменил, ныне у воров в полках, всем крестьяном, которые в том селе и в деревнях и в починках живут и на пустошах учнут житии. Пожаловали есмя тем Князь Дмитриевым поместьем Григорья Никитина сына Орлова его оклад в пять сот четьи, в поместье со всеми угодьи; а по выписи из болшого дворца, за приписью дияка Филиппа Голенищева, 117 году, в том селе и в деревнях и в починках и в пустошах написано пашни и перелогу три ста шестьнатцать четьи в поле, а в дву по томуж. И вы б все крестьяне, которые в том селе и в деревнях и в починках живут, и на пустошах учнут жити, Григорья Орлова слушали, пашню на него пахали, и доход от помещиков платили. Писан на Москве лета 7119, августа в 17 день»¹². Из данного документа следует, что Г. Н. Орлов имел поместный оклад в 500 четей.

Пока еще трудно проследить связь между этим польским слугой и саратовским воеводой Г. Н. Орловым. Впервые на эту связь обратил внимание А. А. Гераклитов, который в статье о воеводах Саратова писал: «У Л. М. Савелова (Князья Пожарские стр. 10) приводится любопытный факт, а именно, наш Орлов бил челом Владиславу о пожаловании ... Просьба эта была уважена, но дальнейшие события помешали Орлову воспользоваться поместьем изменника, ставшего, прибавим от себя, героем и спасителем России»¹³.

В следующий раз мы встречаемся с Григорием Орловым через год, в период боев под Москвой в августе 1612 г. Григорий Орлов 23 августа 1612 г. провел в Кремль к осажденным полякам Струся и Будилы обоз с продовольствием от гетмана Ходкевича. Сведения об этих событиях содержатся в Новом летописце. Этот источник был популярен в XVII–XIX вв., сохранился во множестве списков, неоднократно переиздавался¹⁴. Григорию Орлову посвящена специальная глава, которая называется «О походе на Москву изменника Гришки Орлова з гайдуки». В этой главе говорится о том, как после первого боя 22 августа 1612 г. «... тое же ноци после бою изменник Гриша Орлов пройде в Москву, а с собою приведе гайдуков шестьсот человек, и поставиша их у Москвы у реки на берегу у Егорья в Яндове, а сам пройде в город»¹⁵.

Об этих событиях писали многие историки, начиная с Н. С. Арцыбашева (привел в сноске данный текст), С. М. Соловьева («дорогу указывал русский, Григорий Орлов»), Н. И. Костомарова («московский изменник Григорий Орлов ... вошел в город и дал знать осажденным о положении и намерениях Ходкевича»)¹⁶. Строго говоря, впервые об этом писал еще В. Н. Татищев, но эта часть его «Истории» впервые была издана лишь в 1962 г., о ней ничего не знали историки до второй половины XX века. Даже после выхода в свет академиче-

¹² СГГД. Ч. 2. СПб., 1819. № 267. С. 567.

¹³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 65.

¹⁴ Новейшее исследование о Новом летописце см.: *Вовина-Лебедева В. Г.* Новый летописец: история текста. СПб., 2004.

¹⁵ Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. Первая половина. СПб., 1910. С. 125. Гл. 313.

¹⁶ См.: *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. Т. 3. М., 1843. С. 322; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен // Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. Т. 8. М. 1994. С. 733; *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII в. С. 745.

ского издания труда В. Н. Татищева (1962–1968 гг.) ничего не изменилось и к началу XXI века. Современные исследователи недостаточно используют труд В. Н. Татищева применительно к событиям завершающего периода Смуты.

Поэтому стоит привести цитату из труда этого историка, касающуюся событий 23 августа 1612 г.: «В ту же ночь изменник Григорий Орлов провел в Москву от гетмана 600 человек гайдуков, сказав на карауле, якобы по указу воевод ведет пехоту шанцы против города сделать. И поставив их у Егорья в Ендове, сам пошел в город»¹⁷.

Первым из исследователей, кто попытался объединить воедино оба сюжета (пожалования Григорию Орлову поместья Пожарского и прибытие в Кремль польских подкреплений), был П. Г. Любомиров. Автор известного труда о Нижегородском ополчении после рассказа о событиях 23 августа («ночью Ходкевичу удалось с помощью русского изменника Гр. Орлова доставить осажденным 600, или 500 по польскому источнику, гайдуков») в сноске не совсем уверенно отметил: «Не одно ли это лицо с Гр. Н. Орловым, получившем по челобитью на имя Сигизмунда и Владислава поместье Пожарского в 1610 г»¹⁸? Год пожалования поместья Григорию Орлову у П. Г. Любомирова указан неправильно (надо – 1611 г.).

В дальнейшем, многие исследователи уже довольно уверенно объединяли эти два события. Среди них – Г. Н. Бибилов («Врагов провел в Кремль русский изменник дворянин Гр. Орлов, из корыстных соображений заинтересованный в поражении ополченцев и, в частности, в гибели Пожарского: интервенты подарили ему имение кн. Пожарского»), В. И. Корецкий («Ночью изменник Григорий Орлов, получивший от интервентов поместье Пожарского, провел в Кремль 600 гайдуков»), Р. Г. Скрынников («В трудную минуту на помощь Ходкевичу пришла московская семибоярщина и ее приспешники. В ставку гетману явился дворянин Григорий Орлов. Прошел год с тех пор, как изменник подал Гонсевскому донос и получил в награду поместье Пожарского. Теперь он не жалел сил, чтобы услужить хозяевам. Орлов взялся провести польский отряд в Кремль»)¹⁹.

Если прислушаться к мнению уважаемых профессоров, можно сделать вывод о том, что Григорий Никитич Орлов, получивший в 1611 г. поместье Д. М. Пожарского и Григорий Орлов, который в 1612 г. провел польский отряд в Кремль – это одно и то же лицо. Возможно, этот проход в Кремль польского отряда спас от голодной смерти будущего царя Михаила Романова, который вместе с матерью и дядей И. Н. Романовым, одним из лидеров Семибоярщины, находился в Кремле еще два месяца, вплоть до 26 октября 1612 г.

¹⁷ Татищев В. Н. История Российская. В семи томах. Т. 6. М.; Л., 1966. С. 362.

¹⁸ См.: Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.) // ЖМНП. 1914, март; Пг., 1917. С. 151; М., 1939. С. 151.

¹⁹ См.: Бибилов Г. Н. Бои русского народного ополчения с польскими интервентами 22–24 августа 1612 г. под Москвой // Исторические записки. Т. 32. С. 186; Корецкий В. И. Подвиг русского народа в начале XVII в. // Вопросы истории. М., 1970. № 6. С. 105; Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский: Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 277–278.

Теперь остается выяснить связь этого Григория Никитича Орлова с нашим Саратовским воеводой.

Дворцовые разряды и книги разрядные в течение нескольких лет упоминают о пребывании вторым воеводой в далеком уральском городке Пелыме некоего Григория Орлова. Известно, что новое правительство Михаила Романова не устраивало репрессий по отношению к бывшим сторонникам Семибоярщины и королевича Владислава. В окружении Михаила Романова было много бывших тушинцев. Эта политика умиротворения во многом способствовала прекращению Смуты. Многие бывшие сторонники Владислава были отправлены воеводами в отдаленные города Урала и Сибири. Даже боярин Иван Семенович Куракин несколько лет был воеводой в Тобольске.

Пелым, крошечная крепость, построенная в начале 1590-х гг. на месте центра небольшого Пелымского княжества, славилась как место ссылки. Сюда были сосланы жители Углича после событий 1591 г. Здесь находились несколько лет по приказу царя Бориса Годунова братья будущего патриарха Филарета, Иван Каша и Василий Никитичи Романовы. В 1614 г. в Дворцовых Разрядах записано: «В Пелыме воевода Федор Алексеев сын Яскин-Годунов да Григорей Иванов??? сын Орлов»²⁰. На следующий год первого воеводу Пелымского городка заменил Иван Яковлев сын Вельяминов, однако вторым воеводой остался по-прежнему Григорий Орлов (отчество Орлова не упоминается). Возможно, это отчество («Иванович») Орлова смутило А. А. Гераклитова, который не сообщает о пелымском периоде будущего саратовского воеводы²¹. Аналогичные записи читаем за 1616–1618 гг. Только в 1619 г., когда война с Польшей уже закончилась, и было подписано Деулинское перемирие, воеводой в Пелыме указан один И. Я. Вельяминов²². По-видимому, Григорий Орлов в это время был отозван в Москву. Срок почетной ссылки для него закончился.

Далее источники в течение пяти лет ничего не упоминают о Григории Никитиче Орлове. Вновь мы видим его уже воеводой в Саратове. Авторы Славянской энциклопедии, а также граф Владимир Орлов-Давыдов ведут биографию саратовского воеводы, начиная с Пелыма²³. В Русском биографическом словаре А. А. Половцова Г. Н. Орлов перед Саратовом вместо Пелыма оказывается воеводой где то в Польше, откуда прибывает в Саратов («Впервые упоминается в 1615 г., когда был воеводой в Польше; в 1620 г. он был отозван из Польши, а в 1626 г. мы находим его уже на воеводстве в Саратове»)²⁴.

²⁰ См.: ДР. Т. 1. СПб., 1850. Стб. 154 (1614 г.), Стб. 196 (1615 г.), Стб. 248 (1616 г.), Стб. 297 (1617 г.), Стб. 350 (1618 г.); См. также: КР. Т. 1. СПб., 1853. Стб. 81 (1615 г.), Стб. 197 (1616 г.), Стб. 407 (1617 г.), Стб. 545 (1618 г. – здесь впервые вместо слова «город» записан «острог»).

²¹ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 65.

²² В 1619 г. воеводой в Пелыме указан только И. Я. Вельяминов. См.: ДР. Т. 1. Стб. 427; КР. Т. 1. Стб. 663.

²³ Славянская энциклопедия ... 17 век. Т. 1. С. 85: «Григорий Никитич Орлов был воеводой в Пелыме (1614–1619), Саратове (1624–1633) и Мангазее (1633–1640)». Орлов-Давыдов В. Указ. соч. Приложение 1. С. VI.

²⁴ Орлов Григорий Никитич // Русский биографический словарь: Обезьянинов-Очкин. СПб., 1905. С. 354.

В Саратове Г. Н. Орлов сменил прежнего воеводу Ф. И. Чемоданова. Григорий Орлов оставался в Саратове до 1630 г., пока его не сменил Степан Чемесов. По сравнению с крошечным Пелымом, находящимся далеко в Зауралье, Саратов был относительно крупным городом, расположенным на оживленном водном пути. Постоянный гарнизон Саратова насчитывал в 1626 г. около 380 человек²⁵. Предоставим слово источнику: «На Саратове Федор Иванов сын Чемоданов; и Федору велено ехать к Москве, а на Саратов послан Григорий Микитин сын Орлов, а с ним: детей боярских 18 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч., толмач 1 ч., вож 1 ч., с головою да с 3 человеки сотники конных и пеших 350 ч. стрельцов»²⁶.

Первым помощником воеводы Григория Орлова был стрелецкий голова Микифор Кошелев²⁷. Кроме постоянного гарнизона в Саратове в 1626 г. к моменту приезда воеводы Г. Н. Орлова находились на годовой службе еще 100 стрельцов: «из Еранска (30), из Кузьмодемьянска (40), с Уржума (30) с сотником 100 ч. стрельцов пеших»²⁸.

На следующий год (1627 г.) состав гарнизона Саратова не претерпел никаких изменений²⁹. Вскоре воеводе Орлову и его воинам предстояло выдержать тяжелые испытания. Жизнь Саратова не была спокойной. Совершали набеги ногайские татары, все чаще стали появляться на волжских берегах калмыки. По-видимому, первый удар кочевники нанесли по Царицыну, где им сопутствовал успех. Источники скупо сообщают о том, что за какую-то вину воевода Царицына Дмитрий Новосильцев в 1628 г. был снят с поста и послан в Астрахань, а на его место назначили нового воеводу Семена Глебова³⁰.

Воевода Саратова в 1628 г. остался на своем месте, но состав гарнизона значительно поредел. Стрельцов теперь насчитывалось только 300 человек (100 конных и 200 пеших), детей боярских осталось 15 человек. Кроме того, на годовой службе теперь сотня стрельцов из других городов: из Чебоксар (50 чел.), Цивильска (15 чел.), Кокшайска (15 чел.), Царева-Кокшайского (20 чел.)³¹.

²⁵ Информация о гарнизоне Саратова содержится в книгах разрядных, том первый, опубликованный в 1853 г., а не в 1858 г., как любят указывать саратовские историки, не удосуживаясь при этом прочитать этот ценный источник, предпочитая переписывать труд А. А. Гераклитова. См.: *Касович А.С.* Указ. соч. С. 24; *Осипов В.А.* Указ. соч. С. 35; *Очерки истории Саратовского Поволжья.* Т. 1. Саратов, 1993. С. 41.

²⁶ КР. Т. 1. Стб. 1250. Кроме ошибки в годе издания книги историки путают страницы со столбцами.

²⁷ *Гераклитов А. А.* Список Саратовских и Царицынских воевод. С. 65.

²⁸ О количестве годовальщиков из Козьмодемьянска и Яранска см.: КР. Т. 1. СПб. 1853. Стб. 1252–1253.

²⁹ Состав гарнизона Саратова в 1627 г. см.: КР. Т. 1. Стб. 1355, 1358, 1359.

³⁰ КР. Т. 1. Стб. 1249.

³¹ КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 87–91: «На Саратове Григорий Микитин сын Орлов, а с ним голова у стрельцов 1 ч., детей боярских 15 ч., пушкарей 4 ч., воротников 2 ч., сотников стрелецких 3 ч., конных стрельцов 100 ч., пеших стрельцов 200 ч. ... На Саратове на годовой из Чебоксар, из Цивильска, из Царева-Кокшаского, с сотником 100 ч. стрельцов пеших. ... Цивильских же стрельцов на Саратове на годовой 15 ч. ... Царевококшаских же стрельцов на Саратове на годовой 20 ч. ... В Кокшаском ... на годовую на Саратов 15 ч. стрельцов. ... В Чебоксарах ... да на Саратове с сотники 50 ч. стрельцов».

О том, что в действительности произошло в Саратове в 1628 г., мы узнаем из двух документов Разрядного приказа, опубликованных еще в 1890 г. Текст в обоих документах, где говорится о награждении воеводы Орлова, идентичен: «Григорий Никитин сын Орлов был на государеве службе в Саратове и татар побил, и по памяти из Казанского дворца, за приписью дьяка Ивана Болотникова, за ту Саратовскую службу дано Григорью Орлову государева жалованья у стола: кубок, шуба атлас золотной на соболех в 89 рублей, 28 алтын, да поместные придачи к старому его окладу, к 700 четьям, 200 четей, денег к 40 рублям 40 рублей»³².

Когда именно произошло это награждение, а тем более, когда воевода Орлов «татар побил», при каких обстоятельствах, в источниках ничего не говорится. Судя по записи, это произошло до награждения воевод в Ливнах Федора Бутурлина и Ивана Рагозина (данные воеводы были награждены в 7136 г., т.е. в 1627/1628 г.). Скорее всего, в начале зимы 1628 г. татары, внезапно подступив к городу, попытались захватить и разграбить Саратов. Однако, воевода Г.Н. Орлов во главе гарнизона сумел организовать оборону города и нанести поражение татарам.

За свои заслуги саратовский воевода был награжден кубком, шубой, дополнительным земельным участком к поместному окладу, прибавкой к жалованию. Такие высокие награды в те годы давались очень редко. Известно, что такой награды за пять лет завершающего этапа Смуты (1613–1618) удостоились всего около 30 человек. Возможно, многие московские дворяне завидовали удачливому воеводе. Не связана ли запись об изменнике Григории Орлове в Новом летописце, который был составлен в эти годы при дворе патриарха Филарета, именно с этими событиями?

А. А. Гераклитов писал: «В бытность саратовским воеводой Г. Н. Орлов отличился в походе на татар, за что был пожалован государем. Его сослуживец, стрелецкий голова Никифор Михайлович Кошелев тоже был жалован за удачный поход на воровских казаков в 1629 г.»³³.

В 1629 г. состав гарнизона Саратова остался почти без изменения. Мы снова видим 18 детей боярских, четыре пушкаря, два воротника, 300 стрельцов и т.д. Однако 100 пеших годовальщиков теперь прибывают в Саратов из Свяжска (20 чел.), Козмодемьянска (20 чел.), Чебоксар (30 чел.), Цивильска (20 чел.), Царево-Кокшайска (10 чел.)³⁴.

Несмотря на победу над татарами, Саратов, как крепость, вероятно, пострадал от нападения. Укрепления его стали ненадежными и недостаточными. Были приняты меры для дальнейшего усиления оборонительных сооружений сара-

³² Дело по челобитью Ивана Матвеевича Вельяминова о пожаловании его за службы. Апрель 1633 г. // АМГ. Т. 1. (1571–1634). СПб., 1890. № 515. С. 491; См. также: Дело по челобитью Ивана Ромодановского и Бориса Колтовского о придаче им за Тульскую службу поместных и денежных окладов. Октябрь 1633 г. // АМГ. Т. 1. СПб., 1890. № 573. С. 538. В Книгах Разрядных о нападении татар на Саратов и о награждении воеводы ничего не сказано.

³³ Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. С. 65.

³⁴ КР. Т. 1. Стб. 192–197.

товской крепости. Но это предстояло делать уже другому воеводе Саратова, Степану Васильевичу Чемесову³⁵. Сам Григорий Орлов находился с 1630 г. далеко от Саратова. Авторы Славянской энциклопедии раздвинули временные рамки саратовского воеводства Г. Н. Орлова до 1633 г., не имея на то никаких оснований³⁶.

Весной 1631 г. Григорий Орлов уже московский дворянин. Он включен в «список дворян и дьяков, которых государь ... пожаловал, велел свои государевы очи видеть на праздник, на Светлое воскресенье, апреля в 10 день»³⁷. 17 мая Г. Н. Орлов в числе многих других представителей государева двора встречал шведского посла Антония Мониера (правда, в обоих случаях Орлов был записан последним в списке московских дворян)³⁸.

В августе того же 1631 г. Г. Н. Орлов получил новое ответственное поручение. Его отправили с ратными людьми в Азов на Дон встречать государевых послов Андрея Савина и дьяка Михаила Олфимова, а также турецкого посла «Мурат салтана царя Ахмет агу» и провожать его от Азова до Воронежа. Князь Иван Михайлович Борятинский вместе с Григорием Орловым должны были оберегать посла во время поездки в Москву от казацкой вольницы и всякой «голытьбы»³⁹. В начале сентября 1631 г. Григорий Орлов убыл из Москвы в Воронеж. Сохранилось подробное описание этого похода. Мы узнаем о составе отряда, о жалованье личному составу, о том, где делались струги, кому и сколько предназначалось кораблей (Григорию Орлову – четыре струга, а всего в эту донскую посылку сделано 142 струга). 28 сентября 1631 г. эта речная флотилия вышла из Воронежа и рекой Доном направилась к Азову⁴⁰.

Посол султана Мурата Ахмет Ага в сопровождении такой внушительной охраны, возглавляемой Борятинским и Орловым, беспрепятственно прибыл речным путем из Азова до Воронежа до завершения осенней навигации. После отдыха в Воронеже уже по зимнему пути посол со свитой отправился в Москву. В Москве встречали турецкого посла 21 февраля 1632 г., «а встреча была послу большая, дворяне и стольники и всяких чинов люди»⁴¹.

В 1632 г. началась Смоленская война России с Польшей, однако Г. Н. Орлов в ней не участвовал. Возможно, произошло простое совпадение, но 16 мая 1633 г. Григорий Орлов был назначен воеводой в далекую северную Мангазею, откуда отозван лишь 25 мая 1635 г. уже после окончания войны⁴².

³⁵ Сведения о новом воеводе Саратова и о составе гарнизона в 1630 г. включая 456 человек «для острожного дела на время, покаместа острог сделают», см.: КР. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 288. Этот дополнительный контингент находился в Саратове, по крайней мере, до 1633 года включительно. В. А. Осипов ошибся в математических вычислениях, записав число 426 человек (надо – 456 чел.). См. *Осипов В. А.* Указ. соч. С. 36.

³⁶ Славянская энциклопедия... 17 век. Т. 1. М., 2004. С. 85.

³⁷ ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 847.

³⁸ Там же. Стб. 211.

³⁹ Там же. Стб. 241.

⁴⁰ Там же. Стб. 850–855.

⁴¹ Там же. Стб. 250

⁴² Русский библиографический словарь Половцова: Обезьянинов-Очкин. СПб., 1905. С. 354. Авторы Славянской энциклопедии оставили Орлова в Мангазее вплоть до 1640 г.

Первым помощником нового воеводы в Мангазее был дьяк Василий Атарской⁴³. Московское правительство после конфликта в Мангазее воевод Андрея Палицына и Григория Кокорева, которым были даны неопределенные властные полномочия (так называемое Мангазейское сыскное дело), решило отныне посылать в этот город вместо второго воеводы дьяка. Приняв дела от прежних мангазейских воевод Василия Давыдова и Дмитрия Клокачева, Орлов оставался здесь два года. В состав гарнизона города входили сотник стрелецкий, 88 стрельцов, четыре человека черкас. Город имел довольно внушительный посад, где жили промышленные люди. Некоторые подробности пребывания Григория Орлова в Мангазее привел С. В. Бахрушин. Историк в ряде трудов описал жизнь в «златокипящей Мангазее» в этот период⁴⁴. К воеводе Григорию Орлову «били челом» промышленники, ходившие на промыслы из Мангазеи на Енисей и на Тунгуску, чтобы в тех местах, где есть пашенные угодные места, поселиться и завести пашню. Воевода Орлов и дьяк Атарский без государева указа не могли этого разрешить (опасно было пускать русских колонистов в «угодные соболиные места», откуда поступал в те годы в казну лучший соболь). Однако, после возвращения в Москву, Григорий Орлов, выступая в качестве эксперта, дал довольно обстоятельные показания по этому вопросу. Он заявил в Казанском приказе, что зверя в том месте никакого нет (другие бывшие мангазейские воеводы Давыдов и Клокачев «отозвались неведением», боясь ответственности). Вскоре последовал указ об отводе этой земли под пашню (раньше хлеб привозили в Сибирь из центральных районов страны)⁴⁵.

В Мангазее мирские люди выбирали на год заказного целовальника, главной функцией которого был сбор денег с мирских людей на «государевы неокладные расходы». Григорий Орлов видел, что заказные целовальники эти деньги на всякие мирские расходы держали у себя, а не в съезжей избе. Орлов потребовал, чтобы все денежные сборы отныне сосредотачивались в съезжей избе. Воевода установил жесткий контроль за расходованием мирских денег. Пытаясь пресечь расточительство и кумовство, Орлов решил взять все мирские сборы в свои руки. Теперь воевода сам распоряжался мирскими деньгами, которые по-прежнему собирали выборные целовальники, а затем приносили в съезжую избу, где записывали в приходные и расходные книги. Позднее Орлов «хвалился, что благодаря передаче денег в съезжую избу была достигнута громадная экономия». В дальнейшем правительство передало мирские сборы в таможенную избу, а не в съезжую, как того хотел воевода. Это указание привез в Мангазею новый воевода, прибывший на смену Орлову. Тем самым воевода ставился под контроль таможенного головы⁴⁶.

В 1634 г. Григорий Орлов перенес свою резиденцию из Мангазеи в Туруханское зимовье, где обычно проходили импровизированные ярмарки. Здесь

⁴³ КР. Т. 2. Стб. 751. О воеводах в Мангазее до Г. Н. Орлова см.: КР. Т. 2. Стб. 690.

⁴⁴ См.: *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3.

⁴⁵ *Бахрушин С. В.* Сибирские слободчики (из истории колонизации Сибири) // Там же. С. 216.

⁴⁶ *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // Там же. С. 303–307, 325–326.

постепенно выростала «новая Мангазея», которая поддерживала связь с Сибирью более удобной дорогой через Енисейск, а не через Тобольск. С. В. Бахрушин отмечал: «Еще в 30-х годах умный и вдумчивый (но не пользовавшийся почему-то доверием правительства) администратор, мангазейский воевода Гр. Н. Орлов пробовал было перенести воеводскую резиденцию на Турухан, и хотя его очень дельное и отлично мотивированное мнение по этому вопросу было отвергнуто в Москве, сама жизнь была сильнее царских указов»⁴⁷.

В 1635 г. в Мангазею прибыл новый воевода Борис Иванович Пушкин и дьяк Пятой Спиридонов. После передачи всех дел (передача прошла без особых эксцессов) Григорий Орлов уехал в Москву⁴⁸.

В 1638 г. Григорий Никитич участвовал в церемонии встречи крымского посла. Дворцовые разряды подробно описывают это событие, которое произошло 23 мая: «Указал государь встречать за Калужские ворота Крымского Бахты Гирея посла...» Возглавляли эту церемонию бояре А. А. Голицын, Б. М. Салтыков и окольниковый М. М. Салтыков. Вместе с Григорием Орловым здесь мы видим и другого бывшего саратовского воеводу, Ефима Мышецкого⁴⁹.

На следующий 1639 г. Григорию Орлову было поручено находиться «у Воския засеки» в Тульском уезде, для охраны южных границ от набегов крымцев. После Г. Н. Орлова в списке воевод на этой засеке указаны воеводы Иван Александрович Колтовский и Чегодай Васильевич Спешнев⁵⁰. Скорее всего, эти воеводы подчинялись Григорию Орлову.

Вскоре после этого назначения, в том же 1639 г. мы видим Григория Орлова снова воеводой в Саратове, где он сменил Ивана Федоровича Большого Шаховского⁵¹. Этот воевода, родовитый князь Рюрикович, не сумел предотвратить набег степняков к Саратову. Как пишет В. А. Осипов, «в 1638 году отряды крымцев и ногайцев численностью до 500 чел. прорвались под Саратов и захватили в плен около 30 чел. стрельцов, возвращавшихся из Москвы»⁵². Не связано ли назначение в Саратов Г. Н. Орлова с участвовавшими набегам кочевников на город? В 1640 г. Григорий Орлов продолжал оставаться воеводой в Саратове⁵³. Дальнейших сведений о нем пока не найдено, и год смерти его точно не известен, как неизвестен и состав его семьи.

Слуга польского короля Сигизмунда, получивший от него земельные пожалования, личный враг князя Дмитрия Пожарского, «приспешник московской Семибоярщины», спаситель от голодной смерти польского гарнизона Кремля и

⁴⁷ Бахрушин С. В. Легенда о Василии Мангазейском // Там же. С. 339.

⁴⁸ КР. Т. 2. Стб. 830: «В Мангазее Григорей Микитин сын Орлов да дьяк Василий Айтарский, и Григорей и дьяк Василий отпущены к Москве, а в Мангазею послан Борис Иванов сын Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов, а с ними сотник стрелецкий, 4 чел. Черкас, 88 чел. Стрельцов, всего всяких людей ... чел.»

⁴⁹ ДР. Т. 2. Стб. 575–578

⁵⁰ Там же. Стб. 610.

⁵¹ Там же. Стб. 616.

⁵² Осипов В. А. Указ. соч. С. 36.

⁵³ ДР. Т. 2. Стб. 640.

будущего царя Михаила Романова, воевода в Пелыме, Саратове и Мангазее, московский дворянин, умный и вдумчивый администратор, Григорий Никитич Орлов являлся типичным представителем особого слоя служилых людей переходного времени, того слоя, который использовал в своих целях результаты лихолетья. По словам С. В. Бахрушина, таких людей «было много среди бывших тушинцев, всплывших на поверхность при новой династии».

Хочется надеяться, что эта первая попытка воссоздания биографии Г. Н. Орлова, жившего на переломном этапе отечественной истории, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, заинтересует не только саратовских краеведов, но и всех, для кого небезразлична история своей страны, возбудит интерес к событиям первой половины XVII в., периоду истории, на долгие годы определившему судьбу России.

ОБ УЧАСТИИ САРАТОВЦЕВ В УЛОЖЕННОЙ КОМИССИИ (КУПЕЦ ИВАН ПОРТНОВ)

Введенные Петром Великим новые местные органы власти и управления – городские и губернские, во времена «ничтожных наследников северного исполина» претерпели отрицательные изменения в силу их законодательной недоработки и слишком часто проявлявшихся негативных личностных качеств местных правителей.

По оценке историка Ю. В. Готье «казнокрадство и взяточничество в самых простых, хотя и разнообразных формах были привычным и обыкновенным явлением. Но они нередко соединялись с превышением власти, происходившим от увлечения этой властью, которое поражало умы малокультурных людей, сразу переходивших из подчиненных армейских офицеров ... на гражданские должности в роль правителей, облеченных широкой властью»¹.

Многие, «опьяненные властью» губернаторы и воеводы, в равной мере разворовывали казну, брали взятки и грабили население, совершали насилия и даже убийства. К концу правления императрицы Елизаветы Петровны массовые злоупотребления служащих государственного аппарата вызвали появление указа 16 августа 1760 г. «Об употреблении Сенату всех способов к восстановлению везде надлежащего порядка и народного благосостояния».

Указ рисовал впечатляющую картину всеобщего разложения администрации и судебных мест: «... установленные многие законы для блаженства и благосостояния государства своего исполнения не имеют от внутренних общих неприятелей, которые свою незаконную прибыль присяге, долгу и чести пред почитают ... Ненасытная алчба корысти дошла до того, что некоторые места, учрежденные для правосудия, сделались торжищем, лихоимство и пристрастие – предводительством судей, а потворство и упущение – ободрение беззаконников. В таком, достойном сожаления, состоянии находятся многие дела в государстве и бедные, утесненные неправосудием люди ... многие вредные обстоятельства у всех пред глазами: продолжение судов, во многих местах разорения, чрез меру богатящиеся судьи, бесконечные следствия, похищения Нашего интереса от тех, кои сохранять определены, воровство в продаже соли, при наборе рекрут и при всяком на народе налоге, в необходимых государству нуждах – все оные неоспоримые доказательства, открывающие средства к пресечению вреда общего»².

Новую ступень в законодательном укреплении аппарата местного управления, развитии положения города и его населения в Российской империи представляли законодательные меры императрицы Екатерины II, которая

¹ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I. М., 1913. С. 241.

² Писарькова Л. Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: Эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 326–328.

вскоре после своего вступления на престол обратила пристальное внимание на состояние городов и недостатки городского общественного управления.

В екатерининском Манифесте о восшествии на престол от 6 июля 1762 г. В. О. Ключевский увидел основной факт новой эпохи – программу предстоящего царствования, ставшую законодательным выражением новой силы, имевшей впредь направлять государственную жизнь России. Отличительной особенностью эпохи законодательной материализации идей «просвещенного абсолютизма» стало торжественное обещание соблюдения императрицей законов, которые указывали бы всем государственным учреждениям пределы их деятельности. Екатерина II хорошо сознавала все недостатки имевшейся системы управления, особенно местной, где «лицам был дан перевес над классами общества», а свободная от надзора общества новая провинциальная чиновная аристократия вносила в управление несдержанный личный произвол, который расстраивал административный порядок, устроенный Петром Великим. Исходя из этого императрица «ясно сознавала и предстоящую ей задачу: надобно было дать правительственным местам прочные основания и указать точные законы и границы их деятельности»³.

Уже во второй год царствования Екатерины II, 1 декабря 1763 г. были изданы штаты для всех присутственных мест, в том числе и для городских канцелярий; всем судьям (штатным чиновникам) и канцелярским служителям было назначено жалование с той целью, чтобы избавить граждан «от притеснений и взяток безжалостных судей и канцелярских служителей», чтобы они «не имели уже причины сверх того к богоненавистной корысти в случае на них о том прошений, не могли бы извинять себя тем, что они, не получая жалование, принужденно для своего пропитания в преступления входят».

Общий хронический беспорядок не только в городском управлении, но и в учете, статистике городов был недопустимым, о чем свидетельствовала сама императрица: «Каждая губерния была разделена на провинции, и к каждой провинции были приписаны окружные города, в коих находились воеводы и воеводские канцелярии. Оные не получали жалования, и дозволено было им кормиться от дел, хотя взятки строго воспрещены были. Сенат определял воевод, но числа городов в Империи не знал. Когда я требовала реестры городам, то признавались в неведении оных; даже карты всей Империи Сенат от основания своего не имеет».

Вскоре Екатерина II в своей внутренней политике 1760–80-х гг. стала проводить ряд мер, получивших название политики «просвещенного абсолютизма», не миновавшей и городского управления. В 1764 г. были упорядочены сведения обо всех городах Российской империи и «положенными в штат» оказались 165 городов в числе которых был и Саратов и еще 13 пригородов⁴.

³ См.: Ключевский В. О. Сочинения. Т. 5. Курс русской истории. М., 1989. С. 5, 103–104.

⁴ Мулов П. А. Историческое обозрение правительственных мер по устройству городского общественного управления. СПб., 1864. С. 73–74.

Следующим шагом активизации городской жизни стало обсуждение проблем города и его сословий – купечества, посадских людей в известной Уложенной комиссии Екатерины II – своеобразном государственном временно действовавшем сословно-представительном учреждении, которое должно было увенчать политический режим «просвещенной» монархии.

Уложенная комиссия 1767–1768 гг. была созвана Манифестом 14 декабря 1766 г. чтобы лучше узнать «нужды и чувствительные недостатки населения». Правительство высказывало надежды, что благодаря созыву этой комиссии в государстве будут восстановлены «благоденствие, тишина и спокойствие»⁵.

Городам не всем вменялось в обязанность посылать своих депутатов: мелкие города имели право уклониться от выборов, но населенные города должны были выбрать своего депутата посредством, как правило, двухстепенных выборов.

Выборы в комиссию производились по сословным группировкам избирательными комиссиями. Избирательная комиссия среди горожан избрала для этой цели должностное лицо – городского голову. В этой связи получила новое значение известная еще с XV–XVII вв. в российском военно-административном управлении должность головы. Именно в 1766 г. был введен этот новый для гражданской администрации термин, который в развивавшейся системе органов городского самоуправления России XVIII–начала XX вв. стал ключевым – городской голова. После избрания городского головы, уже под его руководством и совершалась дальнейшая процедура выбора депутата и составление для него наказа. Примечательно, что от каждого города, независимо от количества его населения, можно было избрать только одного депутата в Уложенную комиссию.

Выбор головы или депутата (а голова мог быть им и сам) определялся рядом условий: кандидату следовало иметь в своем городе «дом или торг, или дом и ремесло, или дом и промысел, не состоять банкротом, не быть в штрафах и подозрении». Для депутата требовался возрастной ценз не моложе 30 лет; он должен был быть семейным (женатый или вдовый, имеющий детей); большое внимание обращалось также и на нравственность депутата – должен был быть человек «честный и незазорного поведения».

Таковыми были сослово-цензовые и нравственные критерии выбора городского головы и депутата от города. Они же полагались и для избирателей.

Достоинство депутатов ограждалось особыми привилегиями. Помимо нашейного значка с надписью «Блаженство каждого и всех», депутатам были предоставлены большие личные права – они освобождались, в какое бы ни впади преступление, от смертной казни, пытки и телесного наказания «во всю жизнь, в какое ни впади бы прегрешение». Нарушитель же прав депутата карался за свой проступок вдвое против обыкновенного. Имущество депутата освобождалось от конфискации, хотя и не освобождалось от продажи за дол-

⁵ *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 2008. С. 114–115.

ги. «Сих депутатов, объявляла Екатерина, мы созываем не только для того, чтобы от них выслушать нужды и недостатки каждого места, но и допущены они имеют быть в Комиссию для заготовления проекта Нового Уложения»⁶.

Городской голова, который руководил выборами депутата в Уложенную комиссию, избирался баллотировкой из лиц не моложе 30 лет и в своей должности должен был состоять не менее двух лет. По окончании городских выборов все их участники должны были дать избранному городскому голове полномочия «за собственноручным подписом» по форме, указанной в екатеринском Манифесте 14 декабря 1766 г.

Через три дня после своего вступления в должность городской голова производил посредством баллотировки выборы депутата в Уложенную комиссию. Депутат от своих избирателей получал полномочия в их «полной доверенности и препоручении ему всенижайших общих челобитий и представлений», так как он должен был «усмотренные общие недостатки и нужды представлять, где надлежит»⁷.

В состав Уложенной комиссии (всего 564 депутата), наряду с другими словесными группами входила, таким образом, значительная группа (208 депутатов или 39%) выборных от городов, представлявшая горожан –купеческо-посадские слои городского населения. Депутаты разных сословий доставили в комиссию до 1465 наказов, из которых городских было 210. В наказах излагались пожелания и требования сословий и сословных групп каждой территориальной единицы.

Депутатом от саратовского купечества в Уложенную комиссию был выбран купец первой статьи Иван, Васильев сын, Портнов (Иван Васильевич Портнов), происходивший из первостатейного саратовского купечества. Его отец Портнов Василий Лаврентьевич в 1730–1745 гг. был бургомистром Саратовской земской избы, а, Портнов Артамон Васильевич (купец второй статьи) в 1745 г. был там же ратманом. Сам же И. В. Портнов в 1774 г. также был ратманом Саратовской земской избы⁸.

Согласно Манифесту 14 декабря 1766 г. саратовский городской голова первостатейный купец Федор Калабзаров и все наличные саратовские купцы дали выбранному свой наказ, которым «препоручали ему ... всеподданнейшие общие прошения в рассуждении наших общих нужд и недостатков, желаемых нами к поправлению». Наказ интересен настойчивым отстаиванием своих сословных прав и преимуществ саратовским купечеством, которое стремилось отмежеваться от опасной торговой конкуренции, и в этом отношении было солидарным общему лозунгу всех городских наказов – «Купеческим правом должны пользоваться только одни купцы». В наказе говорилось о разных

⁶ Уланов В. Я. Наказ и Комиссия о сочинении проекта Нового Уложения // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Т. 4. XVIII век. Вторая половина. М., 1992. С. 510–511.

⁷ Мулов П. А. Указ. соч. С. 75–77.

⁸ Кушева Е. Саратов в третьей четверти XVIII века. Саратов, 1928. С. 52–54.

«неудобностях», которые чинились саратовскому купечеству, и которые в тексте наказа были объединены в ряд пунктов.

Так в первом из них саратовские купцы жаловались, что, имея «на волжской пристани и на рынках собственные амбары, лавки и шалаши», они в действительности ими очень мало пользуются, получают с них незначительный «профит», так как саратовская воеводская канцелярия «без сношения с магистратом» отдает земли под торговые строения и амбары или разрешает их покупать многочисленным торговым конкурентам саратовских купцов.

Ими были: «... беломестцы, разного звания жители, яко то дворяне, казаки, пахатные солдаты, бобыли и помещичьи крестьяне, и не меньшее и иногородние купцы и им подобные не принадлежащие жительством до здешнего города разночинцы», из которых многие давно уже обосновались в Саратове, «покупя оные амбары и прочее здесь и построя, сами живут с женами и с детьми своими домами с прочими согражданы, не неся никаких, что до здешнего купечества принадлежит, тягостей». Свой убыток саратовские купцы видели в том, что эти разночинцы предоставляют свои складские помещения посторонним людям для складирования товаров «из платы, по сходственным им ценам». В результате коренные саратовские купцы, амбары которых «остаются почти всегда праздно» и бездоходны, должны были за свои пустые складские помещения, а также и за обветшалые амбары платить оброк воеводской канцелярии⁹.

Жалоба саратовского купечества на «беломестцев» была справедливой, так как жившие в белых (освобожденных в XVI–XVII вв. от повинностей и уплаты государственных налогов) городских слободах «разночинцы» по Соборному Уложению 1649 г. обязаны были платить налоги и отбывать все повинности посадских людей. Не везде это проводилось, поэтому и в XVII в. посадские люди в своих сословных интересах требовали ликвидации «белых» слобод, население которых постоянно пополнялось новопришлыми людьми, не несшими городских податей¹⁰.

Другой для себя убыток саратовские купцы (жаловавшиеся до этого в магистрат) видели в продаже без их участия «привозимых товаров, а особливо рыбы с ея припасами» хозяевами рыбных ловель, которые продавали рыбу «в розницу» приезжавшим в Саратов «иногородним купцам и прочим разночинцам». При подобной конкуренции даже оптовая торговля рыбой (в 1765 г. ее было закуплено на 211 тыс. руб. в Астрахани) для саратовских купцов велась «с понесением себе довольных убытков»¹¹.

В середине XVIII в. среди лиц, отправлявших из Саратова покупную или «свою уловную рыбу, были представители различных социальных групп, среди которых были купцы, «жители» разных городов и сел, слобод и монастырских вотчин, крестьяне, казаки, бобыли, разночинцы, мещане, посадские.

⁹ Сборник РИО. Т. 134. С. 266–268.

¹⁰ См.: Российское законодательство X–XX вв. Т. 3. Акты Земских Соборов. М., 1985. С. 200–208, 375–383.

¹¹ Сборник РИО. Т. 134. С. 268.

Из них 92 человека, т.е. свыше 60% скупщиков, поставщиков рыбы не принадлежали к официальному купеческому сословию, не называли себя купцами и формально не состояли в купеческом сословии. До 1762 г. около 30 саратовских купцов имели рыболовные ватаги, а в 1770-х гг. из саратовских купцов вели крупный торг рыбой известный нам Ф. Калабзаров, М. Протопопов, А. Серебряников, В. Баженов, И. Суздальцев¹².

«Подрыв и всекрайнейший убыток», обращавший купеческий «профит в свою пользу», наносили саратовскому купечеству «многие здесь жительствовавшие разночинцы и их жены» своей розничной торговлей на рынках различными товарами, «содержа их на полках, скамьях и в шалашах».

Следующим торговым убытком, на который саратовские купцы «всеподданнейше» обращали внимание верховной власти была конкуренция им в хлебной торговле со стороны «разночинцев», взвинчивавших закупочные цены и скупавших на саратовских рынках привозимый сюда из уездов «всякий хлеб и прочие крестьянские приуготовления ... для отвозу в Астрахань ... чем купечеству, но и прочим градским жителям, а особливо бедным людям ... причиняют всекрайнейшия и с понесением убытков обиды».

Характеризуя саратовское купечество по третьей ревизии 1763 г. состоявшем не более как в 1150 человек, наказ, данный Ивану Портнову подчеркивал наличие в этом сословии «многих престарелых, дряхлых и увечных, а также мал о летних ... и разными случаями выбылых», податной оклад за которых принуждена была нести купеческая община «с крайнейшим себе отягощением».

В связи с этим саратовские купцы всеподданнейше просили исключить из общегородского купеческого оклада эту недееспособную часть купеческого сословия, а также запретить занятия торговлей («отнять торг») прочим здешним жителям – цеховым, пахотным солдатам, казакам «и прочим им подобных, торг иметь могущим»¹³.

Другим пунктом наказа было «прошение о нелишении» саратовского купечества и других сограждан отведенных городу Саратову еще в 1701 г. «общих всем без изъятия обитающим в нем жителям» прав на «скотские выпуски и на табунные выгоны» получаемых от калмыцкого торгового лошадей и скота «с лесы, санными покосы и с прочими угоды окружною землею». По словам саратовских купцов, эти, принадлежавшие Саратову удобные лесные и сенокосные места заселялись выходившими в Россию иностранцами, некоторые из которых «имея жительство и в самом городе, завели близь оногo верстах в трех и четырех пашни и огороды обширные», а городские пастбища, предназначенные прежде для городских табунных выпусков, стали использоваться этими иностранцами под сенокосы для своих лошадей. Эта просьба саратовского купечества была близка к первой и второй статьям наказа, данного саратовскому депутату от черносошных крестьян Матвею Смирнову и первой

¹² *Осипов В. А.* Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985. С. 25–31.

¹³ Сборник РИО. Т. 134. С. 269–270.

статье наказа, данного от пахотных солдат города Саратова депутату Михаилу Моченцову¹⁴.

«Великим утеснением» для саратовского купечества была постоянная повинность. Согласно ей штаты состоявших в городе Низовой соляной конторы, Канцелярии опекунства иностранных поселенцев, а также воеводской, комендантской и батальонной канцелярий, при которых «состояло в команде из военных и штатских штаб, обер и унтер офицеров и прочих нижних чинов, а также канцелярских слугителей» – насчитывали «довольное число». Ситуация осложнялась тем, что у большинства военных чинов были семьи со своей прислугой и домашним скотом.

Саратовское купечество жаловалось на то, что эти военные занимали квартиры в купеческих домах, «и стоят долговременно и не по очереди, и занимают многое число покоев по своим прихотям, а не по препорции рангов своих ... И хотя хозяева тем постояльцам особливые на то покои показывают, но они в тех не становятся, а выбивают вон из покоев и самих хозяев, от чего те дома приходят в великие отягощения».

Поэтому «всеподданнейшее прошение» саратовских купцов, адресованное в Уложенную Комиссию по данному пункту состояло в том, чтобы «штаб, обер-офицерам, також воеводам и их товарищам и приказным служителям, действительно в Саратове у дел обретающимся, для жилья им иметь в построении свои собственные дома, или добровольно нанимать у градских жителей», чем и освободить купечество от «великого утеснения»¹⁵.

Другим «неудовольствием и отягощением» для саратовского купечества была частая и обязательная служба по выборам, наносившая урон их торговле. Купцы жаловались, что «почасту отлучаемы бывают для выборов к разным казенным служениям, где обращаются лет по пяти и более». Поэтому, вместо себя они вынуждены были нанимать для торговых своих промыслов лавочных сидельцев и приказчиков, так и для домовых работ во услужение их разных чинов людей, и более из помещиковых крестьян, с немалою платою, которые хотя бывают и с указными паспортами, но как они не магистратского ведомства, то, захватывая у хозяев немалыя суммы денег и не дав отчету, бегают в свои жительства, отчего в нашей коммерции великий подрыв и разорение». Поэтому прошение купечества заключалось в разрешении купцам приобретать в собственность – «покупать дворовых людей для купеческой нашей коммерции и для ж работ столько, сколько высокое рассмотрение Комиссии заблагорассудит».

Под наказом подписались 105 саратовских купцов во главе с городским головой Федором Калабзаровым. Из них грамотных было 70 и неграмотных 35 человек. Депутату Ивану Портнову купечеством были даны полномочия

¹⁴ См.: Сборник РИО. Т. 134. С. 270–271; *Поленов Д.* Исторические сведения о Екатерининской Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения Д. Поленова. Ч. 1. СПб., 1869. С. 113, 132.

¹⁵ Сборник РИО. Т. 134. С. 271.

представить наказ в Уложенную Комиссию и дать разъяснение, если в наказе «усмотрится что не ясно»¹⁶.

Но этот наказ саратовского купечества не прозвучал тогда в Уложенной комиссии, где с 20 августа по 21 сентября 1767 г. на 15 ее заседаниях проходило слушание наказов черносошных (государственных) крестьян и пахотных солдат ряда губерний и городов и обсуждение их депутатами. При этом бурное обсуждение вызвали наказания, данные саратовским депутатам -Матвеем Смирнову (от черносошных крестьян) и Михаилу Моченцову (от пахотных солдат). В обсуждении принял активное участие и депутат Иван Портнов, по одним позициям склонявшийся к поддержке крестьянского наказа, а по другим отстаивавший сословные интересы саратовского купечества.

Так, например, он поддержал крестьянские предложения о сохранении городских земель за саратовскими гражданами – «... оставить во владении сих граждан данный им от Казанского дворца Саратовский округ по-прежнему без всякого отмежевания». В то же время он был резко против развития крестьянской торговли, составлявшей конкуренцию купеческой коммерции: «чтобы крестьян к торговым делам не допускать вовсе»¹⁷.

После 21 сентября 1767 г. уже ни одного депутатского наказа с мест не предлагалось более Уложенной комиссии, собрания которой в Москве прекратились 14 декабря 1767 г. Комиссия была переведена в Санкт-Петербург, где ее заседания продолжались с 18 февраля по 7 июля 1768 г., а 18 декабря 1768 г. она окончила свою деятельность¹⁸.

Но наказ саратовского купечества не затерялся, он был переработан депутатом Иваном Портновым в сжатую, но достаточно емкую записку о состоянии саратовского купечества, поданную им в «частную о городах комиссию» 24 сентября 1768 г. Эта частная комиссия о городах представляла собой одну из 19 частных комиссий, в которых в 1767–1773 гг. была сосредоточена подготовительная работа Уложенной комиссии. Записка Ивана Портнова или его объяснения, «составляющие в разных материях пункты» общим числом 27 были скреплены полистно с подписью: «от города Саратова депутатом Иваном Портновым».

Объяснения являются интересным историческим источником о жизни Саратова середины – начала второй половины XVIII в. и представляют своего рода формуляр, где Портнов дал ответы на все поставленные правительством вопросы о городе Саратове, его населении, состоянии торговли и промыслов, податях и повинностях и проблемах саратовского купечества («какая есть гражданству вообще тягость, и что напротив того, к облегчению и к приведению города в цветущее состояние служить может»). Думается, что ответы на эти вопросы со стороны членов Уложенной комиссии давали правительству Екатерины II конкретный подготовительный материал, использованный впо-

¹⁶ См.: Сборник РИО. Т. 134. С. 271–273.

¹⁷ См.: *Поленов Д.* Указ. соч. С. XII–XV, 113–135.

¹⁸ Там же. С. XIV–XX.

следствии при подготовке законодательства по реорганизации губернского деления (7 ноября 1775 г.) и городского управления (21 апреля 1785 г.).

В этой связи интерес представляет характеристика окладного населения Саратова, данная И. Портновым: из «положенных в подушный оклад мужеска полу душ» купцов 1190, цеховых 1231, а по разночинцам он точной цифры показать не может «за тем, как оные разночинцы в ведомстве состоят в саратовской воеводской канцелярии – известия не дает». Интересна оценка поста-тейного деления саратовского купечества, которое делилось на первую гильдию «по капиталам и преимуществам противу других торговлям»; на вторую гильдию, которую составляли «из оных же упавшие», те кто имел «посредственный промысел» и не несшие тягла согласно общественным приговорам; и на третью гильдию, куда входили «совсем в малом торгу обращающие» и не имевшие «подушных денег и других государственных поборов равенственного платежа». Подушные деньги и другие поборы с них взыскивались «смотря по из неимущества, по общему купеческому согласию, с большим уменьшением».

Казенные подати и городские поборы на саратовских жителей собирались «раскладкою» и выплачивались «с купечества и с цехов по мирским раскладкам, смотря по состояниям и капиталам и городским промыслам». Те же «души», кто «по малоимуществу капитала бывают податей платить не в состоянии ... полномочные раскладки чинят по себе, чем и платеж бездоимочно исправляется ...»

Интересно замечание Ивана Портнова относительно распределения городских расходов при магистрате, которые направлялись на содержание его штата и «на дачу приказным унтер – офицерам и рассыльщикам жалованья и на прочие неминуемые потребности». Это распределение делалось под пристальным наблюдением местного купечества и в его интересах, с годовой отчетностью гражданских старост за мирские купеческие сборы. Любопытны сведения Ивана Портнова об обязанностях выборной службы саратовского купечества, которое «издревле в разных городских и казенных службах ежегодно во выбору состоят, а именно: при саратовской воеводской канцелярии, при низовой соляной конторе и ведомства оной в Дмитриевске, что на Камышинке, при приеме и при отпуске казенной эльтонской соли и денежной казны Симбирского и Пензенского уездах двух стойках (состояниях – *Е. А.*) при продаже соли и сборе за оную денег, также в опекунской иностранных в счетчиках и при полицейской конторах, всего 96 человек».

Далее Иван Портнов показывал, какие именно статьи или так называемые канцелярские сборы состояли на казенном содержании саратовской воеводской канцелярии. Ими были: питейные, с рыбных ловель, с кузниц, с домовых бань, с амбарных шалашных мест, с постоянных дворов, полавочные, а сверх того и с дворов квадратные посаженные деньги». Так назывался денежный сбор с каждого двора, собиравшийся по копейке и по деньге с каждой квадратной сажени площади¹⁹.

¹⁹ См.: Сборник РИО. Т. 134. 274–277; Поленов Д. Указ. соч. С. 114–115.

Примечательно, что в последнем 27-м пункте формуляра Иван Портнов настойчиво проводит все положения, данного ему как депутату саратовским купечеством наказа, подчеркивая ими «самую почти непоправимую тягость и подрыв» в коммерции, которые имело до Уложенной комиссии саратовское купечество и, выражая надежду на благополучное разрешение своих проблем, чтобы «купечество с цеховыми в цветущее состояние и в полезную навсегда спокойную жизнь провождать» могли будущность Саратова.

В завершение своих объяснений Иван Портнов обещал дать отчет саратовскому купечеству в свой депутатской деятельности («я изъясниться не премину»).

САРАТОВСКИЕ БЛАГОТВОРИТЕЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В. – НАЧАЛА XX В.

В воспоминаниях саратовского артиста П. А. Козлова-Свободина имеются строки об Анне Васильевне Чирихиной, которая славилась в Саратове своей благотворительностью. «Редкая женщина. В высшей степени религиозная. Старообрядка. Красавица. Одинокая и бездетная»¹. Так кто же была она Анна Васильевна, о которой столь доброжелательно пишет ее современник?

Гудковы

Гудковы – это была широко известная в Саратове купеческая семья. Первое упоминание о Гудковых встречается в 1827 г., говорящее, что Ефим Александрович Гудков записан в саратовские купцы. У него было много детей, пятеро из них сыновья. Более всего повезло Вуколе Ефремовичу. Он выбился в купцы первой гильдии, занимался по постройкам подрядами. Его семья была многодетная: пять сыновей. Дети женского пола обычно в купеческих списках отсутствуют, но по другим документам известна одна дочь – долгожительница Соломония.

Дело отца унаследовал старший сын Василий Викулович. Он тоже занимался строительством по подрядам (договорам) как общественных сооружений, так и частных. Его работники мостили Соколовую улицу, устраивали дамбы и плотины Казанскую, Александровскую, Белоглинскую, Дегтярную и Кладбищенскую, сооружали городской театр на Театральной площади, пожарные части в разных местах города, строили каменные мясные корпуса на Верхнем и деревянные с ларьками на Митрофановском базарах и многие другие, еще не выявленные постройки².

В 1857 г. Василий Викулович на торгах сумел взять подряд на строительство главного здания Александровской больницы³. Судя по другим документам и сумме подряда в 194600 руб. в комплекс главного корпуса входили два флигеля, общая кухня, баня, прачечная и службы. Все было выстроено согласно проекту и сметы. Летом 1861 г. члены больничного совета новое здание освидетельствовали. 8 декабря эти же члены осмотрели и приняли дом для умалишенных. В обоих случаях были сделаны замечания по выявленным недостаткам. Спустя два года, 28 сентября 1863 г. члены совета Александровской больницы совместно с архитектором проверили исправления, которые сделал подрядчик В. В. Гудков. Все было исправлено и «сделано прочно из материала хорошего качества».

¹ *Козлов-Свободин П. А.* Воспоминания // СОМК. Научно-вспомогательный фонд. № 2567. Ч. 8. С. 946.

² См.: Протоколы заседаний Саратовской городской думы. 1876 15 янв., 1873 13 марта, 1878 11 янв.

³ См.: *Блувштейн Г. А., Кац В. И., Додин В. И.* 200 лет милосердия и любви. Саратов, 2006. С. 20, 21, 23.

Будучи купцом расчетливым и сметливым, Гудков создал собственный кирпичный завод, затем известково-алебарстовый и лесную пристань. Кирпичный завод, представляя три сарая длиною 120, шириною 12 и высотой четыре метра, где имелось 15 станков, по столько же скамеек и шаек, да три горна для обжига. Рабочие мужчины нанимались по контракту, женщины – поденно из расчета выделки тысячи кирпичей. Таких работников всего было 30 чел. Трудились они с шести утра до шести часов вечера с перерывом на три часа для завтрака и обеда на заводе из своих харчей. Платил работникам Гудков от четырех до семи рублей в месяц⁴.

В связи с ростом не столько общественного, сколько частного домостроительства количество рабочих на заводе достигло 150 чел., а годовое производство кирпичей выросло до трех миллионов кирпичей в год на сумму 35900 руб.

Известково-алебарстовый завод был маленьким, более походил на кустарную мастерскую, в которой работали от четырех до десяти человек. Изготавливались известь и алебаstra до 35 тыс. пудов в год на сумму 4200 руб.⁵. Видимо, этого количества было недостаточно для гудковских строительных подрядов. Доверенным лицом, т.е. управляющим на обоих заводах был младший брат Михаил Викулович. Именно ему и Петру Викуловичу отошли эти заводы после смерти Василия.

Обеспечивал себя Василий и строительным лесом, который сплавлялся с верховьев Волги на баржах. Его лесная пристань находилась на берегу реки против Александровской больницы⁶. Отсюда лес доставлялся на Соляную площадь (ныне застроенная против судоремзавода), на которой купцы Гудков, Очкин и Багаев купили на слом бывшие соляные амбары, приспособив их для хранения лесных товаров.

Гудковы брались за любое дело, если оно приносило хоть какую-то прибыль. Например, в 1870 г. Василий Гудков заключил контракт на перевоз пассажиров и грузов на лодках или барже, которые тащил пароход из Саратова в Покровск и обратно через Волгу. Шестнадцать лет командовали здесь братья Гудковы. Не обходилось и без греха: то таксу за перевод не выставят, то расписание не выдерживают по целым дням, то вместо мостков при посадке бросят жиденькую доску. Дело об этом доходило до разбирательства в городской думе и, в конце концов, контракт на переправу отдали Куприянову⁷.

Владели Гудковы недвижимостью. Целый городок составляли в Мирном переулке знаменитые гудковские казармы, сдаваемые владельцами в аренду городу для постоя воинских частей. Аренда стоила немалые деньги. Купили Гудковы на углу Московской и Малой Сергиевской (ныне Мичурина) улиц обширное, выходящее на улицу Тулупную, дворовое место Ольги Масленниковой. Солидный дом на Московской, жилые флигеля и лавки на Мало-Сергиевской,

⁴ См.: ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 4514, л. 212–216.

⁵ Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и великим княжеством Финдлянским. СПб., 1881. С. 303.

⁶ Саратовский листок. 1866. № 109.

⁷ См.: Протоколы заседаний Саратовской городской думы. 1872 10 фев., 1874 15 марта, 1879. 31 авг., 23 окт.

службы во дворе. Хозяйство громадное. Здесь и стало жить все огромное семейство братьев Гудковых.

В конце 1860-х гг. Василий Викулович купил у Барсукова один из больших в городе домов на углу Немецкой (ныне проспект Кирова) и Александровской (ныне ул. М. Горького) улиц. Он его обустроил, сделал третий этаж и открыл в нем номера для приезжающих. После смерти Василия Викуловича гостиницей владели братья – наследники, но, увы, вести дело прибыльно не смогли. Здание обрастало долгами. Чтобы рассчитаться с долгами и удовлетворить кредиторов, дом был продан. Его купил саратовский мукомол И. И. Зейферт, обновивший номера для приезжающих и открывший после этого гостиницу «Россия».

В конце 1840-х гг. Гудковы основали чугунолитейный завод в Затоне на берегу Волги. Видимо, в двух лавках, снятых в доме Жижина на Московской улице Василий Викулович продавал скобяные и иные железные товары не только привозные, но и продукцию своего собственного завода.

Братья Гудковы имели в общем владении колокольный завод, основанный их отцом Вакулой Ефремовичем. Завод находился «на горах» на углу Веселой и Кирпичной (ныне Посадского) улиц и был больше похож, по нынешним меркам, на большую мастерскую. В 1872 г. на заводе было три плавильных печи и точильная машина для колоколов на конном приводе. Все операции – формовка, плавка, отливка, производились в длинном до 40 метров деревянном сарае, ширина которого доходила до 20 метров. Работало восемь рабочих по 13 часов в день. Мастера получали жалования до 20 руб. в месяц, чернорабочие – до девяти рублей. Ученики в первый год имели годовое жалование десять рублей, второй год – 15, третий год – 20, четвертый – 25 и пятый год – 30 руб. После такого обучения они считались мастерами. Жили рабочие со своими семьями в квартирах или домах на собственном содержании и харчах⁸. Управляющим на заводе был купец второй гильдии Василий Матвеевич Кеменев, сын сестры братьев Гудковых Соломонии Викуловны в замужестве Кеменевой. Именно этому племяннику В. В. Гудков завещал свою часть колокольного завода, после смерти братьев Михаила и Петра Викуловичей весь завод стал Кеменевых.

Кеменевы

В последние годы владения колокольным заводом братьями Гудковыми на нем числилось 16 рабочих, усилиями которых было отлито колоколов общим весом две тысячи пудов (32 тонны) на сумму 112 тыс. руб.⁹. В 1893 г. умирает Михаил Викулович, через год Петр Викулович. Но владеть заводом Василию Матвеевичу Кеменеву пришлось недолго. Он вскоре ушел из жизни и владельцем завода стал его сын Николай Васильевич, которому было всего лишь 22 года, но он уже пять лет помогал стареющему отцу вести дела завода.

Колокольный завод В. М. Кеменова отливал новые и переплавляя старые колокола разного веса, осуществляя их доставку по суше и воде, поднятие на колокольную. Завод давал ручательство в прочности колоколов. На заводе все-

⁸ См.: ГАСО, ф. 2, оп. 1, д. 4514, л. 65–69.

⁹ Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским. СПб., 1887. С. 375.

гда имелись для продажи готовые колокола весом от 150 пудов (2,4 тонны) до десяти фунтов (четыре килограмма). Для привлечения заказчиков, покупателей предоставлялась рассрочка по платежам, устанавливался разный, удобный покупателю срок изготовления и оплаты.

На Нижегородской ярмарке завод Кеменева имел собственную лавку. На Всероссийской выставке 1896 г. саратовские колокола были удостоены серебряной медали, на саратовской выставке 1899 г. – большой серебряной. Колокола завода Кеменева славились по России, в Сибири, на Кавказе. Крупный колокол в 740 пудов был заказан в селе Пурех Нижегородской губернии, хотя этого село занимало первое место по производству колокольных и бубенчиков, и его продукция широко обращалась на русском рынке. Чтобы изготовить поддужные и подшейные колокольчики, разного рода бубенчики (глухари) требовалось большое искусство. Но в Пурехе технология литейного производства была иной, чем в Саратове. Поэтому мастера и жители Пуреха заказали на много десятков пудов церковный колокол литейщикам Саратова. Уже кто, как не они, знали где и какие добротные да хорошего звона льют колокола.

Самый громадный колокол на заводе Кеменева был отлит для кафедрального собора Казани. Он весил 1575 пудов (больше 25 тонн). Для Александрово-Невского собора, Старо-Никольской церкви, Троицкого собора в Саратове были изготовлены колокола весом более 500 пудов, а для Сретенской, Духошественской, Михаило-Архангельской и Крестовоздвиженской церквей – более 400 пудов. Для церквей Саратовской губернии вылили более 145 колоколов весом более 500 пудов¹⁰.

География распространения саратовских колоколов очень велика: губернии Европейской части России, Кавказ и Закавказье, Урал, Средняя Азия, Поволжье и Область Войска Донского. 195 колоколов (весом более 50 пудов) звонили по церквям и монастырям этих регионов. Много разных городов и местечек присылали Кеменеву благодарственные отзывы. Прихожане села Курдюма Саратовской губернии на сходе 10 декабря 1907 г. единогласно постановили: «Принести искреннюю сердечную благодарность саратовскому купцу Н. В. Кеменеву за отливку ... большого колокола, отличающегося сильным, густым и приятным звуком, необыкновенную чистотой и опрятностью, за скорость и добросовестность при исполнении заказа и сравнительно недорогую плату ...»

Тихон, епископ Николаевский, викарий Самарской епархии, писал Н. В. Кеменеву 2 февраля 1902 г.: «При неоднократных заказах колокола, отлитые на Вашем заводе, всегда отличались превосходным звоном». В письме говорится о великом искусстве в деле отливки колоколов мастеров завода, о добросовестности в соблюдении интересов заказчика.

Что случилось у Николая Васильевича в 1914 г. пока неизвестно. Но документы свидетельствуют, что осенью 1914 г. под залог своего имения с каменным двухэтажным домом, каменными и деревянными жилыми и нежилыми по-

¹⁰ См.: Колокольно-литейный завод саратовского купца Николая Васильевича Кеменева в Саратове. Саратов, 1910.

стройками, колокольным заводом на углу Кирпичной и Веселой улиц он взял у А. В. Чирихиной 15 тыс. руб. на два года. Эта ссуда не помогла ему выжить. Взятая под залог сумма не была возвращена Кеменевым, вся заложенная недвижимость перешла к Чирихиной. 7 июля 1917 г. Анна Васильевна дворовое место с заводом продала за 110 тыс. руб. крестьянам С. В. Рыхлову и П. П. Прохорову.

* * *

Общественная и благотворительная деятельность Василия Викуловича Гудкова еще не прослежена. Известно, что в 1864–1967 гг. он избирался саратовским городским головой. В своем завещании Гудков просил братьев из его капитала 500 руб. передать детскому заработному дому в Саратове и пять тысяч положить в кредитное учреждение и когда капитал обрстет процентами до 30 тыс. употребить для открытия сиротского дома для мальчиков. Увы, братья, последнее не исполнили, и открывать сиротский дом пришлось дочери В. В. Гудкова Анне Васильевне.

Анна была старшей и любимой в семье дочерью. Об остальных детях, а они были, документы молчат.

Родилась Анна в 1841 г. Образование, как это водилось в те годы в купеческих семьях, получила домашнее. Девушка она была пышнотелая, щекастая, румяная. Не один молодой заглядывался на эту красавицу, но замуж она вышла за купеческого сына Прокофия Тихоновича Кутина, старшее ее на четыре года.

Кутин

По данным девятой ревизии, проведенной в 1850 г., в Саратове проживал с семейством купец третьей гильдии Тихон Васильевич Кутин. С женой Екатериной Семеновной он нажил шестерых детей, двое из которых умерли в раннем детстве. Анна и Елена, дочери, не помощницы: вырастут, выйдут замуж и уйдут из родного дома. Вся надежда была на младших сыновей: Мартына и Прокофия. Мартын в 24 года был уже купцом и имел на Московской улице лавку с железными товарами. Прокофий со временем стал его владельцем чугунолитейным заводом, основанным отцом еще в 1830 г.¹¹

Завод находился на горах на Кирпичной улице. Работали на нем 15 мужчин рабочих и несколько подростков на легких литейных работах или машинных. Рабочий день длился 11 часов, у подростков и малолетних на два часа меньше. Получали работники жалование от трех до 20 руб. Оснащен завод был слабо: паровая машина в две силы, конный привод. Вот и вся «техника». Жили рабочие на заводе на своих харчах.

Недолго Прокофий Тихонович управлял заводом, да и управитель-то был не очень способный. Он умер в 33 года, оставив 30-летнюю Анну Васильевну вдовой. Детей они не имели. Пришлось Анне Васильевне взять управление заводом на себя. В 1871 г. она числилась уже купчихой второй гильдии, имеющей чугунное заведение.

Через три года после смерти мужа она вступила в брак с Сергеем Дмитриевичем Чирихиным.

¹¹ ГАСО, ф. 3, оп. 1, д. 2903, л. 185–186.

Чирихин

Сообщение о сословной принадлежности Сергей Дмитриевича найти пока не удалось. Но одна встреченная в архивном документе помета позволяет утверждать, что он принадлежал к саратовскому купечеству, но в 1878 г. по невнесению сведений о купеческом капитале был отчислен в мещане. Вновь он числился купцом только спустя три года. В 1867 г. он купил две водяные мельницы у села Багаевки Саратовского уезда с производством 16 тыс. пудов муки¹². Позднее Чирихин приобретает при д. Набережный Увек 55 дес. удобной и десять десятин неудобной земли и четыре десятины леса. Все 69 дес. оценивались в сумму 15558 руб.

Хорошо Сергей Дмитриевич был известен своей благотворительностью. В январе 1881 г. ему выписывается билет для входа в места заключения как представителю и попечителю Саратовского губернского комитета попечительства о тюрьмах. Был он почетным старшиной и казначеем Мариинского детского приюта. Ежегодно на дела попечительства Чирихин вносил 100 руб. В марте 1889 г. городская дума назначает С. Д. Чирихина попечителем четвертого мужского училища, но пробыл он им недолго. В октябре этого же года вместо умершего Чирихина попечителем училища стал купец В. И. Кузнецов.

При жизни Сергей Дмитриевич за свою благотворительность, усердие и труды по тюремному и приютскому ведомствам был награжден серебряными медалями на Станиславской и Анненской лентах.

Такого успеха, как в благотворительности, в управлении доверенных ему Анной Васильевной своего чугунолитейного и механического завода, расположенных в Затоне, также как и в торговле железными товарами Сергей Дмитриевич не достиг. Он не умел ни вести, ни развивать торгово-промышленное дело, как это делал покойный отец жены Василий Викулович Гудков. Смерть С. В. Чирихина спасла от краха в конец расстроены дела. Анна Васильевна сама повела дело.

Анна Васильевна

Оба брака Анны Васильевны были бездетны. И хотя оставалась в свои 48 лет красавицей, она не решилась на третий брак, видимо понимала, что любить будут не ее, а имеющийся у нее капитал. В 1903 г. имущество Чирихиной в Саратовском уезде оценивалось в 83003 руб. Она имела в Саратове большой дом на Московской улице стоимостью 15460 руб., дом на Покровской (ныне Лермонтова) улице с оценкой 63170 руб., в Законе на набережной – завод и мельницу.

После смерти мужа Анна Васильевна вступила в члены саратовского биржевого общества, имела купеческое свидетельство второй гильдии. Как купчиха Чирихина занималась торговлей. Торговля велась не только собственными изделиями медными, скобяными, железными и стальными, но и английским инструментом, красками и москательными товарами. Было у Чирихиной три

¹² Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским. С. 423.

магазина: один в собственном доме на Московской улице и два на Верхнем базаре, в корпусе Сретенской церкви и городском корпусе¹³.

Магазин в городском корпусе имел две комнаты, где работали два приказчика и заведовал им Г. М. Безруков. У магазина имелось два входа – один для покупателей, другой использовался для приема товара. В 1899 г. оборот этого магазина составил 40 тыс. руб., из него чистой прибыли две тысячи рублей.

Гораздо больше приносили прибыли чугунолитейный и механический завод в Затоне, доставшийся ей от отца. Тогда на заводе имелась одна вагранка, одна медеплавильная печь и четыре горна, рабочих было 81, а сумма производства составляла 45600 руб. Через пять лет на заводе уже была и паровая машина 40 лошадиных сил и 14 станков. Ручной труд заменялся механическим, и рабочих стало 56 чел. Сумма производства увеличилась до 53 тыс. руб.¹⁴.

В 1887 г. завод Чирихиной сильно пострадал от оползня Соколовой горы. К тому же выяснилось, что береговой участок земли под завод и перевоз В. В. Гудков освоил без разрешения. Видимо, началось разбирательство, закончившееся покупкой Анной Васильевной земли в Затоне под своим заводом.

На заводе Чирихиной в двухэтажном корпусе помещались формовочная, плавильная, кузнечная, слесарный и токарный цехи. Рабочих было 150-160 чел. Рабочий день продолжался 13 часов. Опоздавших или не выполнивших задание рабочих «усчитывали», т.е. зарплаты положенной не выдавали. Не случайно в январские дни 1905 г., когда забастовал пролетариат фабрик и заводов Саратова, к нему присоединились и рабочие чирихинского предприятия. Целую неделю бастовали чирихинцы, требуя улучшения условий труда и повышения зарплаты¹⁵.

Завод Чирихиной являлся не лучшим в городе. Здание было ветхое, состоящее из двух- и одноэтажных каменных строений, соединенных между собой. При осмотре 26 июня 1901 г. было сказано, что «завод должен быть немедленно перестроен», так как все стены «окривлены» и «дали трещины». По проекту саратовского архитектора 1902 г. было перестроено литейное отделение, а в следующем году – токарное и слесарное. Мельница, находившаяся при заводе, признана «не ветхой и не грозящей падением»¹⁶.

Через три года случился пожар, уничтоживший часть завода. Пришлось заново строить заводские корпуса. Обновленный завод Анна Васильевна сдала в аренду «Волжской артели инженеров», которая управляла заводом без замечаний со стороны фабрично-заводской инспекции. Но через два года, весной 1909 г. появляется новый арендатор, который расширяет услуги завода, но получить желаемую прибыль не удалось, и уже осенью завод перешел к «Товариществу на вере» инженера А. Л. Зандберга и стал называться «Волжский чу-

¹³ ГАСО, ф. 28, оп. 1, д. 4612, л. 27 об.–28.

¹⁴ См.: Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и великим княжеством Финляндским. С. 370; Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским. С. 348.

¹⁵ ГАСО, ф. 53, 1905 г., д. 31, л. 115–117.

¹⁶ Там же. Ф. 20, оп. 1, д. 323, л. 18–19.

гунолитеный, механический и судостроительный завод «Работник»¹⁷. Судя по архивным документам, когда завод Анной Васильевной был продан «Товариществу на вере», ей было 68 лет. Но долго еще по традиции завод считали Чирихиной. К. Е. Приломов, который прослужил на заводе 20 лет и ведал финансовыми делами, после окончания чирихинского дела потупил на службу в городскую управу.

16 мая 1913 г. завод был разрушен оползнем с Соколовой горы и прекратил свое существование¹⁸. Оставшиеся годными оборудование и станки были проданы. Памятью о заводе А. В. Чирихиной являются еще сохранившиеся в некоторых зданиях чугунные балконы с изящными ремешками, лестницы с чудными перилами, отлитые когда-то на заводе Анны Васильевны. В 1889 г. на чирихинском предприятии был отлит и установлен балкон над подъездом городского театра. «Балкон, – как отмечено в протоколе городской думы, – сделан прочно, красиво и размеры его в длину и ширину соответствуют проекту и лишь тяжелее сметного на 280 пудов из-за ошибки техника городской управы».

Не имея своей семьи, ни своих детей Анна Васильевна перенесла свои неистраченные чувства на других, которые нуждались в помощи – на сирых и убогих. В 1892 г. во время неурожая, она бесплатно на своей мельнице размолотила 10 тыс. пудов ржи, присланных в помощь голодающих крестьян губернии.

Торгово-промышленная деятельность давала Анне Васильевне Чирихиной надежный доход и изрядную прибыль, что позволило ей выделять определенные средства на благотворительность. Первые шаги ее в этом направлении были сделаны на заводе, когда Чирихина стала помогать кому в строительстве собственного дома, кому оплатить обучение детей или купить дочери-невесте, выходящей замуж, приданное, но это было все мелочью по сравнению с богоугодными делами в пользу города.

Городские дела по благотворительности начались собственно с участием Анны Васильевны в местном обществе пособия бедным. Она была председателем Совета второго участкового попечительства общества и заведовала к тому же бесплатной столовой для бедных, имевшейся при этом участке.

Как-то Чирихина во время своей болезни разговорилась с лечившим ее доктором М. Ф. Волковым, который рассказал ей, что при саратовском отделении попечительства о слепых открыта школа для слепых, но находится она в тесном и неудобном помещении. Поэтому Совет отделения желал бы купить более вместительное и приспособленное для школы здание.

Через некоторое время Чирихина сообщила, что могла бы продать свой дом на углу Московской и Малой Сергиевской улиц. На дом уже были покупатели, но купчихе претило, что в нем хотят открыть трактир – распивочно и на вынос, и она тянула с продажей. Дом этот достался ей от отца и оценивался тогда в 21630 руб.

Видимо под влиянием доктора Волкова решила Анна Васильевна свой дом обществу попечения о слепых не продать, а пожертвовать, т.е. подарить. 24

¹⁷ ГАСО, ф. 20, оп. 1, д. 323, л. 116.

¹⁸ Прушков Б. Т. Воспоминания. Саратов, 1964. С. 16.

сентября 1896 г. на общем собрании местного отделения общества было единогласно постановлено: дар принять и принести А. В. Чирихиной благодарность, довести о пожертвовании до сведения главного попечительства и просить доложить о том ведущей этим попечительством вдовствующей императрице Марии Федоровне, в школе слепых поставить (сейчас бы казали «повесить») портрет дарительницы А. В. Чирихиной и избрать ее почетным членом попечительства¹⁹.

Архитектор А. М. Салько бесплатно составил проект перестройки и отделки внутренних помещений и отделку здания снаружи. Он же взял на себя также безвозмездно руководство технической частью работы. Отозвались помочь в ремонте и купцы: один пожертвовал лесные материалы, другой – кирпич, третий – известь. Иные жертвовали деньгами. Пришла на помощь и сама Чирихина, изготовив на своем заводе литую чугунную лестницу. Ремонт здания обошелся в 13 тыс. руб. В школе получилось 17 помещений, а детей, учеников и живущих в школе – 32. В сентябре 1898 г. школа слепых начала работу в новом помещении.

Саратовское отделение попечительства о слепых решило теперь построить в городе глазную клинику. Была объявлена подписка пожертвований на это доброе и нужное для города дело. Нашлось немало пожертвователей. Не обошлось и без курьезов. Купец И. Г. Кузнецов, известный в Саратове мануфактурщик и домовладелец, обещал на больницу десять тысяч рублей. Когда доктор Волков пришел к нему с подписным листом, то купец заявил ему, что ему (это миллионеру!) тяжело уплатить обещанную сумму и выписал чек на восемь тысяч рублей. Потом доктор Волков вспомнил, что он как-то весьма успешно вылечил мать купца Смирнова – Акилину Евдокимовну, и нанес Ивану Васильевичу визит. Смирнов сразу подписался на две тысячи рублей. И вновь не обошлось без деяний А. В. Чирихиной, которая пожертвовала на строительство глазной клиники тысячу рублей товарами.

В 1901–1904 гг. по приспособленному архитектором П. М. Зыбиным к саратовским условиям проекту клиники в г. Мадриде (Испания) было выстроено на углу Волькой и Бахметьевской улиц прекрасное здание глазной больницы, хорошо известное саратовцам. Оно и поныне служит тем целям, для которых предназначалось.

Отец Чирихиной – В. В. Гудков в своем духовном завещании наказал братьям Михаилу и Петру, чтобы они через пять лет передали городу пять тысяч рублей с тем, чтобы помещенный в банк капитал этот вырос процентами до 30 тыс. руб. и тогда открыть детский приют имени Василия Гудкова. Братья завещателя протянули с выполнением этого дела более десяти лет, а в середине 1890-х гг. один за другим умерли. Завещание отца пришлось выполнять ей, дочери Василия Викуловича. На берегу Волги, на углу улицы Миллионной и Обуховского взвоза она купила у Моревой дом, который и передала бесплатно созданному попечительскому Совету будущего сиротского дома для мальчиков. Но дом являлся долгожителем, несколько десятков дет в нем были ноч-

¹⁹ См.: Саратовская земская неделя 1896. № 41; Саратовский дневник 1898. № 203.

лежный дом и трактир низшего разряда. Никакого ремонта в нем не производилось лет сорок. Внутри лопнула стена, делящая помещения косым коридором на две неравные части. Перекрытия крыши, потолков и полы прогнили. Дом нуждался в капитальном ремонте.

Городская дума, рассмотрев заявление А. В. Чирихиной о пожертвовании дома для детского приюта, приняла подарок, несмотря на его ветхость. Более того, дума постановила выразить дарительнице от имени городского управления благодарность, включить ее имя в число учредителей сиротского дома, который стал называться «имени братьев Гудковых и А. В. Чирихиной». Для ремонта дума отпустила бесплатно с городского кирпичного завода 100 тыс. штук кирпича. Из пожертвованного капитала на ремонт было разрешено израсходовать 13500 руб. но в ходе работ этой суммы, как и кирпича, оказалось недостаточно, и в целом весь ремонт и приспособление дома обошлись в сумму около 25 тыс. руб.²⁰.

В 1911 г. сиротский детский приют имени братьев Гудковых и А. В. Чирихиной переехал в новое помещение. По ходатайству Совета приюта было разрешено поставить в знак благодарности Анне Васильевне Чирихиной за пожертвование дома ее портрет в зале приюта. Сама Чирихина была Советом избрана попечительницей и заведующей приютом²¹.

В 1911 г. Анна Васильевна Чирихина «За особые труды по Саратовскому попечительству о слепых» была удостоена серебряной медали «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на груди. Награждения высшей властью женщин медалями были редки, так как при царе-батюшке считалось, что «курица не птица, а баба не человек» и что «бабе дорога от печи до порога».

В 1912–1913 гг. Чирихина поразила своим благотворительным актом даже выдавших виды купцов. На углу Б. Горной и Никольской (ныне Радищева) улиц она построила солидный двухэтажный дом на 62 квартиры специально для дешевых квартир вдовам и одиноким женщинам. Квартирная плата была от восьми до 25 руб. Однако в годы войны Чирихина вынуждена была повысить плату с 1 сентября 1915 г. на 15%²².

Не отставала благотворительница от других купцов в помощи учащейся молодежи. В 1916 г., в трудные годы войны, Анна Васильевна положила в банк две тысячи рублей и на проценты с капитала учредила в Ильинской женской гимназии стипендии своего имени. Из получаемых процентов вносилась плата за обучение, а остаток выдавался стипендиатам на руки. Позднее стипендию ее имени она учредила во второй мужской гимназии, причем право на стипендию должно было быть предоставлено одному из бедных учеников православного вероисповедания²³.

К сожалению, судьба А. В. Чирихиной после 1917 г. неизвестна. В воспоминаниях современников ее имя не встречено. Выжила ли она, одинокая и пре-

²⁰ См.: Известия Саратовской городской думы 1909. Январь-март. С. 80–82, август-сентябрь. С. 66–69, 165–167.

²¹ Там же. 1911. Март. С. 18.

²² См.: Саратовский дневник. 1913. № 249; Саратовский вестник. 1915. № 173.

²³ См.: ГАСО, ф. 284, оп. 1, д. 33, л. 3–7, ф. 249, оп. 1, д. 272.

клонных лет женщина, в тяжелые годы гражданской войны, полные арестов, расстрелов, болезней и голода? Может известно о ней кому-то из читателей.

Анна Васильевна Чирихина

ОДИН ИЗ БОРЦОВ ЗА МИРОВУЮ КОММУНУ

Бурные события в России начала XX в. привлекали, и всегда будут привлекать внимание историков, стремящихся разобраться в том, как зародился и разгорелся пожар трех русских революций и гражданской войны. Важнейшее значение здесь имеет выявление экономических и политических предпосылок взметнувшейся бури, которая перелопатила страну, осмысление роли политиков и государственных деятелей, на определенных этапах решавших судьбу страны. Вместе с тем, несомненный интерес представляет изучение судеб конкретных участников исторических событий, оказавшихся по разные стороны баррикад и по-разному представлявших себе достойное будущее своей страны. Тем более, что в наше время это можно сделать без оглядок на идеологическую цензуру.

Одним из тех, кто вполне осознанно бросил свою жизнь в пламя революционной борьбы, был Николай Прокофьевич Буханов. Он родился в г. Петровске Саратовской губернии. В заметке, посвященной его памяти, сказано, что это произошло в 1876 г., в жандармских документах указан 1877 г.²⁴. Поскольку метрические книги церковью Петровска за данные годы сохранились не полностью, установить истину не представляется возможным. О детстве и юности Буханова сведений почти нет. В названной выше заметке сказано, что в малолетнем возрасте Николай был отдан матерью для обучения в одну из портновских мастерских г. Аткарска (где жила в то время семья Бухановых) и что здесь мальчик в полной мере смог познать полную незащитность портных перед произволом хозяина мастерской. В 17 лет при столкновении с полицией Буханов убил полицейского и в течение восьми лет, скрываясь, переезжал с места на место. В чем состояла суть столкновения – в источнике не указано. Произошло ли это случайно, было ли превышением необходимой обороны или сознательным решением – сейчас можно только гадать. Интересно, что скитальческий образ жизни не помешал Николаю Прокофьевичу в 1899 г. жениться на прислуге из аткарской портновской мастерской Варваре Романовне Моисевой, которая впоследствии стала его сподвижницей²⁵.

В 1901 г., окончательно вернувшись в Аткарск, Николай Прокофьевич вступил в местную социал-демократическую организацию, вел пропаганду среди портных, доставляя нелегальную литературу из Саратова. В следующем году Бухановы перебрались в Саратов. Здесь Николай Прокофьевич становится одним из руководителей организованного в конце 1903 г. социал-демократического кружка портных. Собрания кружковцев проводились на его квартире²⁶.

²⁴ См.: Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 110; ГАСО, ф. 53, Оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 157.

²⁵ Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 110.

²⁶ ГАСО, ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, т. 1, л. 194.

«Самой сплоченной группой ремесленного района были портные, – вспоминал впоследствии один из членов социал-демократической организации М. Б. Самсонов. – Эта группа, замечательно деятельная, расширялась, завязывая новые связи с рабочими других профессий. Выделялись в группе Николай Буханов, жена его, Сергей Васильев и Ефремов. Буханов, совершенно неграмотный, обладал огромной энергией. За эту энергию он был прозван в среде товарищей «Ярый». И, действительно, с дикой яростью он брался за революционную работу. Я впервые в лице его увидел человека, который не знал чувства страха. В кружке портных Буханов был главным бродилом. Он постоянно поддерживал связь с портными, распространял прокламации, устраивал у себя на квартире кружки, разыскивал, словно из-под земли, организаторов. Несмотря на свою совершенную безграмотность, он был хорошо развит политически. По прослушании прокламации или брошюры, он уже ее знал почти слово в слово. Когда Буханов говорил речи на собраниях, никто не верил, что он портной, и тем меньше верили тому, что он неграмотный. Многие считали его за переодетого студента ... Судя по той роли, которую Буханов играл в кружке и по его политическому развитию, Буханов несомненно может считаться организатором кружка. Жена его, Варвара Буханова, тоже неграмотная, но умная и развитая политически, вполне разделяла революционные убеждения мужа ...»²⁷.

Под руководством местного комитета РСДРП кружковцы начали готовить общеподмастерскую портновскую стачку. В целях агитации среди портных учащимися среднетехнического училища (ныне колледж имени П. Н. Яблочкова) было отпечатано воззвание «Ко всем портным г. Саратова». Стачку предполагалось начать в конце февраля 1904 г., «когда ожидалось большие весенние заказы и, следовательно, можно было скорее рассчитывать на уступки со стороны владельцев портняжных мастерских»²⁸.

Деятельность кружка не осталась незамеченной. 15 февраля 1904 г. наиболее активные агитаторы, в том числе и Буханов, были подвергнуты обыску. Но Николай Прокофьевич так умело спрятал хранившуюся у него нелегальную литературу, что жандармский ротмистр, составлявший по результатам обыска справку, должен был огорченно констатировать: «Ничего явно преступного не оказалось ... причем полученные мной агентурные сведения указывают, что у ... Буханова не были обнаружены различные революционные издания, вслед за тем им уничтоженные ...»²⁹.

Обыски не позволили провести намеченную стачку. Но начальник Саратовского губернского жандармского управления (СГЖУ) в донесении Департаменту полиции отмечал: «... Обыски эти хотя временно и приостановили как деятельность комитета, так, в особенности, и кружка портных, но уже в следующем марте месяце собрания комитета снова возобновились ...»³⁰. В конспиративных целях подвергшиеся обыскам представители от портных были выведе-

²⁷ Самсонов М. Саратовская организация РСДРП в 1901–1905 гг. // 1905 год в Саратовской губернии. Сборник статей. Саратов, 1935. С. 109.

²⁸ ГАСО, ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, т. 1, л. 194 об.–195.

²⁹ Там же. Д. 50, л. 238.

³⁰ Там же. Д. 23, т. 1, л. 195–195 об.

ны из комитета РСДРП и введены новые лица, с которыми, как отмечено в жандармских документах, «Буханов незамедлительно вошел в близкие отношения»³¹. Кроме того, отмечено, что Буханов состоял членом аграрной группы и являлся активным распространителем нелегальных изданий, в частности, что он вместе с одним из своих товарищей получил более 200 экземпляров выпущенного Саратовским комитетом РСДРП воззвания антивоенного характера³².

19 мая 1904 г. в Аткарское полицейское управление обратилась мещанка Д. О. Склярчик, жена владельца портновской мастерской. Она принесла сверток, в котором оказались 124 брошюры и прокламации, среди работы В. И. Ленина: «К деревенской бедноте», Л. Мартова «Пролетарский праздник», листовки Центрального комитета РСДРП «Ко всем гражданам России» и местного комитета той же партии: «Война объявлена», «Письма про наши порядки и непорядки», «По поводу закрытия завода Беринга» и др.³³

Предъявительница свертка объяснила, что нашла его в ящике с грязным бельем, а спрятал сверток туда, по ее мнению, приехавший накануне из Саратова и заходивший к мастерам Буханов. Хранение и распространение таких изданий, как обнаруженные в свертке, являлось тягчайшим преступлением. Так, в брошюре «К деревенской бедноте», В. И. Ленин писал: «... Всякого, у кого эту книжку найдут, пойдут по судам да по тюрьмам таскать. Но рабочие социал-демократы не боятся этого: они все больше печатают, все больше раздают читать народу правдивые книжки»³⁴.

При СГЖУ было возбуждено дознание «О распространении преступных изданий в Аткарском уезде Саратовской губернии крестьянином Николаем Прокофьевым Бухановым». Владелец мастерской О. А. Склярчик и мастеровые показали, что Буханов «состоит агентом какой-то противоправительственной партии и развозит по уездам преступные издания», что он разбрасывал и раздавал прохожим какие-то листки, что, разъезжая по селам, он говорил крестьянам: «Войны не нужно и государь не нужен, а должны быть выборные»³⁵. Однако одних слов было мало, чтобы предъявить Буханову обвинение, а проведенный у него 2 июня обыск оказался безрезультатным, поэтому вскоре дознание было прекращено за недостаточностью улик³⁶.

Привлечение к дознанию, обыски, постоянная слежка – никак не повлияли на активность Буханова. Он по-прежнему продолжал свою пропагандистскую деятельность. Кружок портных, по свидетельству М. Б. Самсонова, к осени 1904 г. «количественно увеличился и развил огромную энергию по части ... расширения связей и распространения прокламаций. Буханов Николай, он же Ярый, особенно отличался в этом деле. Во время распространения прокламаций на базаре его чуть было не задержали переодетые жандармы. При помо-

³¹ ГАСО, ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, л. 195 об.

³² Там же.

³³ См.: Там же, ф. 9, оп. 1, д. 1422, л. 1–1 об., ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, т. 1, л. 197–197 об.

³⁴ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 7. С. 168–169.

³⁵ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, т. 1, л. 198, ф. 53, оп. 1/1904, д. 121, л. 25 об.

³⁶ См.: Там же. Ф. 53, оп. 1/1904, д. 121, л. 3, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 157, ф. 57, оп. 1/1904, д. 23, т. 1, л. 204.

щи револьвера ему удалось избежать ареста»³⁷. Не ограничиваясь только портными, Николай Прокофьевич привлек в кружок представителей других профессий: столяра, типографа, переплетчика, гравера. Кроме того, он начал распространять нелегальную литературу среди солдат, находившихся в Саратове воинских подразделений, а также среди призываемых на воинскую службу крестьян, прибывавших в Саратов для отправки в действующую армию³⁸. При этом делал это Буханов дерзким образом: встретив солдата, молча вставлял ему за обшлаг рукава прокламацию и шел дальше³⁹.

В распространении нелегальных изданий помощницей Буханова была его жена, Варвара Романовна, числившаяся домохозяйкой «при муже, имеющем заработок по ремеслу портного»⁴⁰. О том, как она это делала, дает представление следующий факт. В ночь на 20 декабря 1904 г. в шестую полицейскую часть Саратова за нарушение общественного порядка (находился в состоянии сильного опьянения) был доставлен крестьянин Филипп Муравлев, призванный на действительную службу. При осмотре у него обнаружили социал-демократические прокламации: «Опять мобилизация», «Новая мобилизация», «Порт-Артур и Ляоян». Допрошенный Муравлев рассказал, что «встретил на Верхнем базаре Саратова своего знакомого крестьянина Ивана Михайлова, с которым и стал разговаривать о предстоящем своем отправлении в действующую на Дальнем Востоке армию. В это время возле них стояла и слушала их разговор какая-то неизвестная ему женщина, которая, спустя некоторое время, подошла к нему, Муравлеву, и, отозвав в сторону, спросила, хорошо ли ему живется в бараках. А затем стала осуждать правительство, которое, по ее словам, плохо заботится о запасных, и при этом вручила ему найденные у него впоследствии прокламации, сказав: «Читайте, может быть, найдете для себя что-либо полезное». Поскольку уходя, неизвестная женщина предложила заходить к ней и дала Муравлеву свой адрес, то полиция легко ее обнаружила. Это была Варвара Буханова⁴¹. Но проведенный 23 декабря в квартире Бухановых обыск оказался безрезультатным. Обвиняемая все, рассказанное Муравлевым, отрицала. И возбужденное против нее дело было прекращено⁴².

10 января 1905 г. в Саратов пришло известие о расстреле мирного шествия рабочих в Петербурге. Местные социал-демократы откликнулись подготовкой общей политической стачки⁴³. Самое активное участие в этом деле принимал Буханов. В жандармских сводках, отмечено, что Буханов «стал усиленно агитировать за устройство всеобщей забастовки рабочих, бывшей в Саратове в янва-

³⁷ Самсонов М. Указ. соч. С. 110.

³⁸ ГАСО, ф. 57, оп. 1/1905, д. 22, т. 2, л. 8.

³⁹ Самсонов М. Указ. соч. С. 110.

⁴⁰ ГАСО, ф. 9, оп. 1, д. 1422, л. 6.

⁴¹ См.: Там же. Л. 8–8 об., ф. 53, оп. 1/1904, д. 147, л. 6. Верхний базар находился в квартале, ограниченном современными улицами: Горького, Московской, Кутякова и Радищева.

⁴² Там же. Л. 19, ф. 57, оп. 1/1905, д. 22, т. 2, л. 8.

⁴³ История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. / Под ред. В. П. Тотфалушина. Саратов, 2000. С. 253.

ре 1905 года»⁴⁴. 15 января в самом людном месте города, на Немецкой улице, Николай Прокофьевич вместе с четырьмя единомышленниками наклеивал на окна типографии Яковлева прокламации, изданные местными социал-демократами и призывавшие жителей Саратова к вооруженной противоправительственной демонстрации. Причем свое занятие они не прекратили даже при приближении околоточного надзирателя Верещагина. В руках у Буханова Верещагин заметил небольшой сверток в газетной бумаге, который Николай Прокофьевич быстро передал одному из своих товарищей, а тот «вбежал во двор дома Мещерякова на Александровской улице, и когда спустя пять минут при выходе оттуда был Верещагиным задержан, то свертка при нем уже не было»⁴⁵. Верещагин пытался арестовать всю группу, но не смог, так как «мужчины, в особенности вышеупомянутый Буханов, силой воспротивились задержанию, разбежались». Сделать это околоточному надзирателю удалось только благодаря прибывшему на помощь патрулю. Позже «на дворе дома Мещерякова в клозете был найден сверток в газетной бумаге с противоправительственными прокламациями»⁴⁶. Так Буханов оказался привлеченным к дознанию «О распространении 15 января 1905 года в Саратове путем наклейки на городские здания преступных изданий». В день ареста квартиры Бухановых вновь подверглась обыску и вновь безрезультатному⁴⁷.

В ходе дознания был привлечен в качестве свидетеля хозяин квартиры Бухановых, который показал: «К Бухановым по вечерам являлись молодые люди и барышни, прилично одетые; собиралось их у Бухановых человек 5 и оставались там часа на полтора ... Окна в их квартире по вечерам закрывались занавесками ... В 8 часов вечера 6 января сего года я заметил, что к Бухановым пришли два господина и две дамы. Я приблизился к окну квартиры Бухановых, которое на этот раз не было занавешено, и увидел, что одна из дам читает продолговатый листок, а остальные сидели и слушали ...»⁴⁸.

Весомых улик против Буханова никак не обнаруживалось, следствие затягивалось, между тем нарастала новая волна забастовок. 5 февраля Николай Прокофьевич был выпущен из тюрьмы под особый надзор полиции⁴⁹. И хотя дознание, к которому он был привлечен, еще не было прекращено (оно завершилось по высочайшему указу лишь 21 октября⁵⁰), Буханов сразу же включился в проводимую социал-демократами работу по подготовке празднования 1 мая. И это тут же было зафиксировано Саратовским охранным отделением (СОО): «Буханов вновь принял активное участие в агитации среди рабочего населения вообще и в частности среди портных к подготовке первомайской политической забастовки»⁵¹.

⁴⁴ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1/1903, д. 17, л. 46, оп. 1/1905, д. 22, т. 2, л. 8.

⁴⁵ Там же. Ф. 9, оп. 1, д. 1557, л. 13–13 об.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ См.: Там же. Ф. 53, оп. 1/1905, д. 21, л. 18 об., оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 157–157 об.

⁴⁸ Там же. Оп. 1/1904, д. 147, л. 101–101 об.

⁴⁹ Там же. Ф. 57, оп. 1/1905, д. 8, л. 214.

⁵⁰ Там же. Ф. 53, оп. 1/1905, д. 21, л. 239–239 об.

⁵¹ Там же. Ф. 57, оп. 1/1905, д. 22, т. 1, л. 5 об.

Летом 1905 г. среди рабочих возникло стремление к созданию профессиональных союзов. Социал-демократы решили распространить свое влияние на это, начавшееся снизу, движение⁵². Николай Буханов, являясь членом партийного комитета берегового района, вел работу в профсоюзе портных⁵³. Тогда же, по свидетельству М. Б. Самсонова, в Саратове стали носиться слухи о возможности еврейских погромов. Некоторые из зажиточных представителей еврейской общины обратились за помощью к социал-демократической организации. Организация согласилась обеспечить защиту, если просители обеспечат ей вооружение. «Получили мы тогда всего около 50 револьверов, – вспоминал М. Б. Самсонов, – большинство системы «Бульдог» и несколько штук «Смит-Вессонов», браунингов и наганов. Организация рада была и такому вооружению, ибо большинство членов не имело никакого представления ни об оружии, ни о стрельбе»⁵⁴. Этот договор возмутил некоторых рабочих и особенно сжигаемого ненавистью к владельцам толстых кошельков Буханова. М. Б. Самсонов писал: «Нам придется, значит, защищать и буржуазию», – говорил сердито Буханов. Но то обстоятельство, что отказ в защите еврейской буржуазии мог быть расценен как антисемитизм, удерживало рабочих от энергичного протеста»⁵⁵.

Полученное оружие не понадобилось до осени, до того времени, когда после подписания царем манифеста, обещавшего гражданские свободы, властями были использованы организации монархистов, названные народом «черные сотни». Состоявшие из лавочников, трактирщиков, уголовников и т.п., они нападали на митингующих рабочих, устраивали еврейские погромы⁵⁶. В ответ на это Саратовский комитет РСДРП сформировал боевую дружину. В уставе дружины говорилось, что она «задачей своей ставит практическую подготовку и проведение в жизнь партийного лозунга активного выступления»⁵⁷. Дружина должна была обучаться военному делу, доставать и изготавливать оружие, готовиться к вооруженному выступлению.

В развернувшихся событиях самое живейшее участие принимал Н. П. Буханов. М. Б. Самсонов писал: «...В Саратове погром начался 19 октября. Дружина человек в 60, состоявшая из с.-р. и с.-д. и на этот раз хорошо вооруженная, намеревалась ликвидировать погром. По словам Буханова, который был руководителем дружины, дружинники подошли к толпе, чтобы разогнать громил. Остервеневшая огромная толпа погналась за ними. Несмотря на то, что они отстреливались, толпа громил продолжала напирать. При этом пострадали оставшиеся три дружинника ... Убегая от толпы, дружинники неожиданно наткнулись на роту солдат, стоявших с ружьями на перевес, и попали, таким образом, в безвыходное положение. Чтобы дать возможность разобраться отряду солдат в том, где погромщики и где дружина, дружинники стали махать в сто-

⁵² История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 269–270.

⁵³ ГАСО, ф. 57, оп. 1/1905, д. 22, т. 1, л. 5 об.

⁵⁴ Самсонов М. Б. Указ. соч. С. 125.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 275–276.

⁵⁷ ГАСО, ф. 57, оп. 1/ 1906, д. 29, л. 138.

рону солдат головными уборами. Офицер рукой дал знать дружинникам, чтобы они шли в определенном направлении, а сам скомандовал стрелять в черносотенцев. Толпа шарахнулась в сторону, оставив несколько человек убитыми. Дружина была спасена. До вечера дружина ходила по городу и, при полном отсутствии полиции, которая, видимо, переодетая, участвовала в погроме, разгонила остатки громил, грабивших магазины. Офицер, скомандовавший стрелять в погромщиков, был, как потом передавали из верных источников, арестован»⁵⁸.

Об активности в этот период Николая Прокофьевича весьма красноречиво сказано и в документах СОО: «Буханов являлся одним из видных деятельных членов местной социал-демократической организации; во время всеобщей забастовки, бывшей в октябре месяце 1905 года, он усиленно агитировал среди рабочего населения за необходимость вооруженного восстания. В декабрьскую забастовку Буханов неоднократно выступал на собраниях рабочих, призывая к продолжению таковой до созыва Учредительного собрания. В ноябре месяце того же 1905 г. он состоял членом боевой дружины и принимал активное участие в организации последней ...»⁵⁹. И далее: «... состоя членом боевой дружины, усиленно агитирует среди портных за всеобщее вооружение»⁶⁰.

Отправляя 13 ноября 1905 г. в Департамент полиции «Список лиц, проживающих в г. Саратове и состоящих, по имеющимся сведениям, членами боевой дружины», начальник СОО включил в этот список и приметы дружинников. Словесный портрет Буханова таков: «Роста выше среднего, сутуловатый, лицо худощавое, тупой мясистый нос, волосы на голове отросшие, темно-русые, имеет рыжеватые усы, бороду бреет»⁶¹.

Обострение политической обстановки в Саратове, как и во всей стране, побуждало социал-демократов взять курс на вооруженное восстание, подготовку боевых отрядов⁶². Остро встал вопрос о добыче оружия. Буханов с двумя соратниками решили взломать военный склад на окраине Саратова. Пробравшись в условленный час к складу, заговорщики в ночной тьме не узнали друг друга. Один из них прострелил навывлет Буханову бок. Неудача не охладила Николая Прокофьевича. «По выздоровлении Ярого, – вспоминал М. Б. Самсонов, – эти же товарищи опять напали на склад. К виску сторожа наставили дуло револьвера и вырубил деревянную дверь. Оружия там никакого не оказалось, и они захватили с собой пуда два пороху. Через неделю ночью напали на магазин Онезорге и утащили оружие. Комитет об этом не знал и едва ли одобрил бы экспроприацию»⁶³.

Склонность к рискованным действиям была характерна для Буханова. Тот же М. Б. Самсонов вспоминал, как, несмотря на присутствие городского, Нико-

⁵⁸ Самсонов М. Б. Указ. соч. С. 126–127.

⁵⁹ ГАСО, ф. 53, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 169 об.

⁶⁰ Там же, ф. 57, оп. 1/1905, д. 42, л. 33 об.–34.

⁶¹ Там же. Л. 2, 33–34 об.

⁶² История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 284–292.

⁶³ Самсонов М. Б. Указ. соч. С. 130–131. Оружейный магазин Онезорге находился в центре города, ныне пр. Кирова, 15.

лай Прокофьевич сорвал наклеенный на столб приказ губернатора о запрещении демонстраций и собраний. «Городовой бросился за ним. Буханов просил его не преследовать. Городовой продолжал бежать. Тогда Буханов встал на одно колено и выстрелил в городского. Тот свалился ...»⁶⁴.

Оружие для Буханова становится главным средством решения вопросов. Оно понижает его быт. М. Б. Самсонову запомнилась такая впечатляющая картина: «У Ярого было с десяток револьверов разных систем. Когда я у него бывал, то видел их лежащими на столе. Витька, пятилетний сынишка Ярого, смысленный парнишка и воспитываемый в новом духе, звавший отца Колькой, обыкновенно ходил около стола и поглядывал на оружие. И, когда, «Миша-пропагандист», как он меня называл, спрашивал Витю, почему он не берет оружие, тот отвечал: «Колька брат не велит». Витька хорошо знал системы револьверов. Этот «Смит-Вессон», тот «Браунинг», это «Парабеллум». «Не тронь, Колька не велел брат», – говорил он, когда я пытался брать в руки оружие»⁶⁵.

Высшей точкой накала общественно-политической жизни Саратова стал митинг на Институтской площади 16 декабря 1905 г. Сюда собралось около трех тысяч рабочих. Находившийся среди них Буханов стал свидетелем расстрела и разгона митингующих налетевшими казаками, для противодействия которым у рабочих дружин не хватило ни опыта, ни вооружения. В ночь на 17 декабря по всему городу прошли обыски и аресты. Саратов и все города губернии были объявлены на военном положении⁶⁶. В таких условиях активность рабочих пошла на спад. Тем не менее, в апреле 1906 г. комитет РСДРП начал подготовку к первомайскому выступлению. Среди организаторов этого выступления был и Буханов, что зафиксировано в жандармских документах: «... Весной 1906 года Буханов принимал деятельное участие в агитации среди рабочих масс за устройство в г. Саратове демонстративного празднования дня 1 мая ...»⁶⁷. Подготовка прошла успешно: политическая забастовка, сопровождавшаяся митингом и демонстрацией, охватила почти все промышленные предприятия города⁶⁸.

В ночь с 8 на 9 мая 1906 г. состоялось собрание городской социал-демократической организации, на котором избирался новый состав комитета. В числе кандидатов в его члены был назван и Буханов. Комментируя этот факт, начальник СОО написал: «... Хотя Буханов и не был выбран, но кандидатура его выставлялась ... что показывает на видную деятельность его в названной организации ...»⁶⁹. Кроме того, охранному ведомству было известно, что Николай Прокофьевич оставался главным хранителем оружия боевой дружины⁷⁰.

⁶⁴ Самсонов М. Б. Указ. соч. С. 131–132.

⁶⁵ Там же. С. 131.

⁶⁶ См.: История Саратовского края с древнейших времен до 1917 г. С. 291–292; Самсонов М. Б. Указ. соч. С. 131. Институтская пл. – ныне пл. имени 1905 года.

⁶⁷ ГАСО, ф. 53, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 169–170 об.

⁶⁸ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 2. Саратов, 1999. С. 204.

⁶⁹ См.: ГАСО, ф. 57, оп. 1/1906, д. 29, л. 269, 271 об., ф. 53, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 169 об.–170.

⁷⁰ Там же. Ф. 53, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, л. 170–170 об.

Накопленные в агентурных сводках сведения говорили о Буханове как об одном из активнейших местных социал-демократов. Все это послужило поводом для нового его ареста 29 октября 1906 г., а 7 декабря губернатор возбудил перед министром внутренних дел ходатайство о высылке Буханова из Саратовской губернии. Итогом ходатайства стало полученное 6 апреля 1907 г. постановление министра внутренних дел о высылке Буханова в Тобольскую губернию под гласный надзор полиции сроком на два года⁷¹.

Оставшаяся в Саратове Варвара Буханова продолжала дело мужа. В квартире Бухановых по-прежнему проводились собрания, жили бежавшие из тюрем и находившиеся на нелегальном положении сподвижники. 15 июня 1907 г. по доносу провокатора у Бухановой был проведен обыск. В потолочной части, в опилках между стеной и обшивкой, жандармы обнаружили нелегальные издания, небольшой гектограф, два красных знамени, значительное количество боевых патронов, пороха и запасных частей к винтовкам⁷². Все это, вероятно, было спрятано еще Николаем Прокофьевичем.

Прибыв в Тобольскую губернию, Буханов некоторое время находился в селе Усининове, затем в селе Тарском. В 1908 г. к нему приехала жена. В 1910 г. Бухановы устроились в Тюмени. Здесь Николай Прокофьевич стал одним из создателей нелегальной организации и подпольной типографии, в которых благополучно работал в течение двух лет, пока в организацию не проник провокатор. Последовал арест. Поскольку у многоопытного Буханова при обыске опять ничего не было найдено, после шестимесячного тюремного заключения его пришлось освободить⁷³. Но плотный полицейский надзор и доносы провокатора исключили возможность дальнейшей работы в Тюмени. Буханов собрался в Саратов, что тут же стало известно жандармам. 30 января 1914 г. помощник Тобольского ГЖУ в Тюменском, Туровском и Ялуторовском уездах телеграфировал помощнику начальника Пермского ГЖУ в Екатеринбургском и Краснофимском уездах: «... По полученным агентурным сведениям числа 12 февраля сего года из Тюмени в Саратовскую губернию предполагает выехать видный работник Тюменской группы РСДРП Николай Прокофьев Буханов. О выезде Буханова своевременно буду телеграфировать Вам, а Вас прошу телеграфировать в Челябинск, Челябинск – Уфу, Уфа – Самару, Самара – Саратов»⁷⁴. Буханов еще не выехал из Тюмени, а весь жандармский аппарат уже принял меры, чтобы не потерять его из виду.

В Саратове Буханов пробыл недолго, так как здесь тоже был выдан провокатором. Не удалась и попытка устроиться в Астрахани. Наконец, повезло в Пермской губернии. Здесь он обосновался на Лысьвенском заводе, где также стал одним из создателей подпольной группы, имевшей связь с Екатеринбургской организацией РСДРП. После февральской революции для охраны порядка на заводе была сформирована рабочая милиция, и Буханов стал помощником

⁷¹ См.: ГАСО, ф. 53, оп. 1/1906, д. 171, т. 2, д. 171, т. 2, л. 151, ф. 57, оп. 1/1907, д. 7, л. 32; Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 111.

⁷² ГАСО, ф. 57, оп. 1/1907, д. 12, л. 244–245.

⁷³ Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 111.

⁷⁴ ГАСО, ф. 53, оп. 1/1914, д. 10, л. 12.

начальника милиции. Он также входил в состав первого Лысьвенского комитета большевиков⁷⁵.

Однако вскоре Буханов решил вернуться в Саратов, где стал членом боевой дружины губернского комитета большевиков⁷⁶. После установления в Саратове советской власти Буханов занимался снабжением города продовольствием. Сохранились два его удостоверения. Первое составлено в январе 1918 г. (день не указан): «Выдано настоящее удостоверение эmissару Саратовского совета губернских комиссаров по продовольствию Николаю Прокофьевичу Буханову в том, что он командирован комиссариатом в разные города и селения, куда укажет надобность, с целью закупки и реквизиции хлебных продуктов. Буханову предоставляется комиссариатом право закупки и реквизиции именем комиссариата разных хлебных продуктов и для того пользоваться вооруженными отрядами, в случае надобности, подвергая виновных и сопротивляющихся аресту ...»⁷⁷. Второе удостоверение выдано 28 февраля 1918 г. исполкомом Саратовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, свидетельствует, «что тов. Буханов делегируется на ст. Баланда и др. пункты Саратовской губернии с отрядом для реквизиции хлеба. Исполнительный комитет просит администрацию железной дороги предоставить для тов. Буханова с отрядом теплушку. Всем лицам, учреждениям, а также администрации железной дороги предлагается оказывать тов. Буханову с его отрядом всяческое содействие»⁷⁸.

В мае 1918 г. в Саратове вспыхнул антисоветский мятеж, возглавлявшийся эсерами, опиравшимися на 600 солдат местного гарнизона, артиллерийскую батарею, юнкеров и офицеров. Обосновавшись в военных казармах на Ильинской площади, мятежники вели обстрел здания губисполкома на Константиновской улице⁷⁹. Буханов, воспринимавший советскую власть как единственно закономерный итог своей многолетней борьбы за лучшую жизнь, был глубоко возмущен теми горожанами, которые не бросились тут же на защиту этой власти, а сохраняли нейтралитет. Толпе зевак, наблюдавших происходящее, он гневно кричал: «Весь город зальем кровью белогвардейцев, но советской власти свергнуть не дадим!»⁸⁰

Мятеж был подавлен. Но в стране шла гражданская война. Саратовская губерния оказалась в положении прифронтной, что печально сказывалось на ее состоянии. Одной из острейших была продовольственная проблема. Постоянная «выкачка» продовольствия из деревни привела к полному расстройству крестьянских хозяйств и к озлоблению крестьян. Буханов, являясь «уполномоченным по ссыпке хлеба», конечно, видел это озлобление, но расценивал его не как реакцию измотанных реквизициями крестьян на новые поборы, а как

⁷⁵ ГАПО, ф. 732, оп. 1, д. 58, л. 4, д. 80, л. 1 об.; Рычкова Г. П. Лысьва. Пермь, 1963. С. 138.

⁷⁶ Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 112.

⁷⁷ ГАСО, ф. Р-521, оп. 1, д. 94, л. 100.

⁷⁸ Там же. Л. 157.

⁷⁹ Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 3. Ч. 1. Саратов, 2006. С. 90–91. Константиновская улица ныне Советская.

⁸⁰ Саратовские известия. 1920 29 февр.

контрреволюционные настроения, мятеж, бандитизм, и был готов к бою. Нелучайно, выезжая на каждое новое задание, Николай Прокофьевич говорил: «Если я буду убит, сообщите, кому следует»⁸¹. Трагедия разыгралась в Балашовском уезде, где продовольственный отряд Буханова столкнулся с крестьянами повстанческого формирования, возглавляемого А. С. Антоновым. Тело Буханова было привезено для погребения в Саратов 27 февраля 1920 г.⁸². Сообщая об этом, газета «Саратовские известия» писала: «... Ты убит, дорогой товарищ. Твоя кипучая жизнь оборвана пулей злодеев. Но память о тебе долго будет жить среди тех, кто знал тебя и дорожил смелым борцом за мировую коммуны». Идея создания мировой коммуны, так и оставшаяся, как мы знаем теперь, невоплощенной, была путеводной звездой для многих, забитых нуждой, современников Буханова. Она придавала им силы и позволила, в конце концов, победить в гражданской войне. Весьма знаменательна также следующая фраза из заметки, посвященной памяти Буханова: «Он является одним из многих камней того стального фундамента, на котором будет построен новый и светлый мир»⁸³. Оценкой и переоценкой «светлого мира» – государственного строя, созданного большевиками, еще долго будут заниматься историки. И оценка эта никогда не будет однозначной. И, конечно, никогда не утратится интерес к личностям, послужившим фундаментом советской власти.

⁸¹ Саратовские известия. 1920 29 февр.

⁸² См.: Там же; Коммунистический путь. 1924. № 3. С. 112.

⁸³ Коммунистический путь. 1924. № 21. С. 112.

ПРОФЕССОР И. А. ШЛЯПКИН И ЕГО БИБЛИОТЕКА – ДАР САРАТОВСКОМУ УНИВЕРИТЕТУ

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.
Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я...
Арс. Тарковский

К началу XX в. в России существовало девять университетов: Петербургский (в 1725–1766 гг., затем – с 1819 г.), Московский (с 1755 г.), Дерптский (с 1802 г., новое название Юрьевский он получил в 1868 г. после его преобразования из немецкого в русский), Казанский (с 1804 г.), Харьковский (с 1805 г.), Варшавский (с 1816 г.; закрыт в 1830 г. после Польского восстания, открыт вновь с 1869 г.), Киевский (с 1834 г.), Новороссийский (открыт в Одессе на базе Решельевского лицея в 1865 г.), Томский (с 1888 г.)¹. Однако потребность в расширении сети высших учебных заведений ощущалась. На университетское звание претендовали Нижний Новгород и Саратов, Смоленск и Воронеж, Астрахань и Ярославль. Мужики каждого из этих городов предьявляли самые разнообразные аргументы в пользу того, чтобы именно их город имел университет. Одни выдвигали экономическую целесообразность, другие обосновывали необходимость нового университета русификаторскими устремлениями; нижегородцы, смоляне, воронежцы указывали на перегруженность Московского университета².

26 ноября 1906 г. была создана комиссия для учреждения нового университета, утвержденная министром народного просвещения П. М. фон Кауфманом. Комиссия в результате своих исследований остановила выбор на Саратове – первом городе из всех претендентов по величине и богатству, втором, после Воронежа, по дешевизне устройства университета. Предпочтение было отдано Саратову как центру Поволжья. Отцы г. Саратова и земства Саратовской губернии ассигновали на нужды университета 1200 тыс. руб., а в Нижнем Новгороде, например, эта сумма составила только 750 тыс.³.

23 сентября 1909 г. Императорский Николаевский университет в Саратове – десятый университет России – начал первый учебный год. Порог высшего учебного заведения переступили студенты и вольнослушатели – 106 человек. Торжество по случаю открытия университета в Саратове было назначено на 6

¹ Большая советская энциклопедия. М., 1977. Т. 27. С. 18.

² *Иванов И. А.* География российских университетов: реальность и планы (конец XIX–начало XX века) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Воронеж, 2000. Вып. 5. С. 89.

³ Там же. С. 93.

декабря 1909 г. По поводу этого весьма знаменательного события в Саратов прибыли делегаты от уже существовавших российских университетов. В этот торжественный день газета «Саратовский листок» писала: «Большое культурное будущее Саратова теперь уже не может возбуждать ни в ком ни споров, ни сомнений: с открытием Университета он по праву входит в круг мировых просветительных центров, действительно становится «столицей Поволжья». Совет Императорского Николаевского университета решил увековечить торжество открытия нового храма науки: в память этого исключительно важного события заказали изготовить медали: две золотые, 115 серебряных и 550 бронзовых. Золотые медали были вручены императору Николаю и председателю Совета Министров П. А. Столыпину, остальные – самым активным участникам в подготовке и проведении торжеств по случаю открытия университета в Саратове⁴. Празднество, открытие университета, было проведено, как и планировалось, 6 декабря 1909 г. Утром состоялось торжественное богослужение, затем свершили обряд освящения места будущего строительства первого университетского здания – института экспериментально-медицинских наук, а в три часа дня в здании городского театра состоялся торжественный акт открытия Императорского Николаевского университета⁵.

Новое высшее учебное заведение в дни своего торжественного открытия получило многочисленные адреса и поздравительные телеграммы. Среди архивных документов сохранилось сопроводительное письмо от 6 февраля 1910 г., адресованное главному библиотекаря университета И. А. Буссе, где говорилось: «Совет университета согласно постановлению своему, 6 декабря 1909 г. состоявшемуся, при сем препровождает Вам, милостивый государь, для хранения при библиотеке 163 адреса и 669 приветствий, поднесенных Императорскому Николаевскому университету в день торжественного его открытия – 6 декабря 1909 г. и поименованных в приложенной при сем описи»⁶.

Чсть быть первым библиотекарем в истории Саратовского университета выпала Ивану Антоновичу Буссе. И. А. Буссе был приглашен из Казани, где он заведовал библиотекой пехотно-юнкерского училища, а с 1890 г. по 1909 г. являлся помощником библиотекаря в Казанском университете⁷. На первом же заседании Совета университета 3 сентября 1909 г. был заслушан доклад ректора профессора В. И. Разумовского о необходимости срочно приступить к формированию и пополнению университетской библиотеки. Совет вынес предложение обратиться ко всем советам российских университетов и других высших учебных заведений, к ученым обществам и редакциям газет с просьбой высылать для

⁴ Соломонов В. А. Праздник русской высшей науки (к 90-летию Саратовского университета) // Российские университеты в XVIII–XX вв. Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 87.

⁵ Чуевский И. А. К истории Императорского Николаевского университета // Торжество открытия Императорского Николаевского университета в г. Саратове 1909 года 6 декабря. Саратов, 1910. Приложение. С. 33.

⁶ Соломонов В. А. Указ. соч. С. 97.

⁷ Зюзин А. В. Письма И. А. Буссе в библиотечную комиссию при Саратовском университете // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 254.

библиотеки Саратовского университета свои ученые труды, издания и журналы на возможно льготных условиях⁸. Библиотечная комиссия университета поставила перед И. А. Буссе и его подчиненными трудную задачу – сформировать фонд научной библиотеки. Иван Антонович не только заинтересованно стал собирать научную библиотеку для университета, но и профессионально отнесся к порученной должности: с самого начала грамотно обрабатывались и регистрировались первые библиотечные поступления, были заложены наиболее современные по тому времени методы формирования книжного фонда, велись постоянные хлопоты о более обширном помещении для книг. Фонды библиотеки из года в год пополнялись, весьма быстро росли стараниями самого Буссе, коллектива служащих и библиотечной комиссии университета.

В первые годы поступили дарственные коллекции книг от профессора И. А. Шляпкина (Санкт-Петербургский университет), профессора В. И. Разумовского (Саратовский университет), М. Н. Галкина-Враского (саратовский губернатор в 80-х гг. XIX в.), М. М. Шершевского, доктора медицины. Об увеличении количества книг в университетской библиотеке за первые годы существования можно судить по отчетным данным (см. таблицу)⁹.

Таблица

Пополнение фондов библиотеки Саратовского университета.

Год	Количество книг
1909 г.	2658
1910 г.	18554
1911 г.	25009
1912 г.	28518
1913 г.	38546
1914 г.	49049
1915 г.	53209
1916 г.	64821

Впервые упоминание о библиотеке И. А. Шляпкина появилось в «Известиях университета» в 1911 г., когда в своем слове на годовичном акте 6 декабря 1911 г. ректор университета В. И. Разумовский упоминал книжное собрание И. А. Шляпкина в числе пожертвованных университету библиотек. В 1912 г., также на годовичном акте, В. И. Разумовский сообщил, что он лично говорил по поводу библиотеки с Ильей Александровичем и теперь ведет с ним переписку по этому поводу, ибо библиотека Шляпкина представляет «... можно сказать, целый историко-филологический факультет»¹⁰. Духовное завещание профессор И. А. Шляпкин оформил 1 октября 1915 г. Один из душеприказчиков Шляпкина профессор С. Ф. Платонов написал в «Русском историческом журнале»:

⁸ *Артисевич В. А.* История научной библиотеки Саратовского университета // Труды научной библиотеки СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 3.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ *Бурьян Л. К.* И. А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Труды Научной библиотеки Саратовского университета. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 131.

«Все свое имущество (то есть дом, библиотеку, коллекции) Илья Александрович завещал Академии наук, Саратовскому университету, Псковскому музею и благотворительному обществу»¹¹.

В 1915 г. Шляпкин сообщил в письме ректору Разумовскому, что он приготовил 100 пудов книг для Саратовского университета. Коллекцию рукописей, лубка, автографов и др. профессор Шляпкин предполагал пока отправить на хранение с тем, чтобы после его смерти они также перешли университету. По описи самого И. А. Шляпкина, которая была получена в Саратове в 1916 г., его библиотека насчитывала 70 тыс. томов – 17 тыс. названий, а также рукописи¹². Вероятно, основная причина завещания И. А. Шляпкиным своей библиотеки Саратовскому университету – надежда на то, что «... открытие при нем филологического факультета – дело недалекого будущего». Об этом есть сведение в отделе «Хроника» журнала «Русский библиофил» за апрель 1916 г.

В своем докладе для комиссии по открытию филологического факультета 22 февраля 1916 г. профессор Разумовский дал развернутую характеристику библиотеке Шляпкина и полагал, что к открытию филологического факультета есть основание, так как «университет получают в дар от проф. Шляпкина его громадную библиотеку, которая и является основой оборудования этого факультета»¹³. Из книг и рукописей библиотеки И. А. Шляпкина был создан отдел рукописей, древней и редкой книги библиотеки Саратовского университета. Библиотека И. А. Шляпкина – одно из лучших частных собраний в России, о котором было сделано сообщение на заседании Русского библиографического общества. Собиранье книг для Ильи Александровича являлось всегда делом чрезвычайно серьезным. Он начал коллекционировать книги с 15 лет: в 1873 г. купил сочинение А. Маркова «Русские на Восточном океане». Рукой Шляпкина – гимназиста на этой книге сделана надпись, что это «первая книга, купленная для собиранья библиотеки»¹⁴. Илья Александрович в течение 45 лет с любовью собирал свою библиотеку. 70 тыс. томов! Он покупал отдельные книги, части библиотек и архивов, добываясь полноты своих коллекций. В его библиотеку влились книги из хорошо известных библиотек: он «... пополнял ее из разгромленных библиотек О. М. Бодлянского, А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, К. А. Коссовича, Эттингера, А. Т. Болотова (масона), д-ра Дункана, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, Г. В. Есипова»¹⁵. Библиотека Шляпкина состояла из книг и рукописей гуманитарного профиля с отделами русской литературы, всеобщей литературы, славистики, истории, философии, искусства. По естественным наукам имелись только справочники. Отдел русской литературы был уникален: собрана богатейшая коллекция русских классиков во всех изданиях, начиная с Кантемира, имелись экземпляры с корректурой авторов, с автографами известных лиц. Библиотека была богата раритетами: ста-

¹¹ Платонов С. Ф. Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) // Русский исторический журнал. 1918. Кн. 5. С. 325.

¹² Бурьян Л. К. Указ. соч. С. 131.

¹³ Там же. С. 133.

¹⁴ Там же. С. 130.

¹⁵ Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка. СПб., 1907. С. 7.

ропечатные русские и западные книги, книги анонимной типографии, книги Ивана Федорова, инкунабулы; несколько сотен рукописей XIV–XX вв. входило в коллекцию Шляпкина. Раздел древней русской литературы – книги по специальности профессора – поражал своей полнотой.

Процесс перевозки библиотеки Шляпкина из его частного дома в селе Александровке под Петербургом в Саратов оказался весьма сложным. Поступление книг проходило частями, передача частной подаренной библиотеки заняла несколько лет. Во всех подробностях история получения Саратовским университетом библиотеки Ильи Александровича не могла отразиться в протоколах, в сохранившихся деловых бумагах. Трудно судить и о том, насколько полной библиотека Шляпкина поступила в университет. Но еще в ту пору, в первые годы работы научного фонда университетской библиотеки в Саратове, появился библиотечный лексикон: «шляпкинский фонд», «шляпкинский номер», «шляпкинская тысяча». 2 ноября 1918 г. для Научной библиотеки СГУ стал знаменательным днем, поскольку именно в этот день Саратовскому университету была передана доставленная из Белоострова и завещанная ему библиотека Ильи Александровича Шляпкина¹⁶.

История передачи книг из профессорской библиотеки под Петербургом в научную библиотеку Саратовского университета началась весной 1916 г. В это время в Петроград был послан помощник библиотекаря Императорского Николаевского университета М. С. Лучинкин, который совместно с учеником Шляпкина П. А. Горчинским, помощником библиотекаря Министерства народного просвещения, отправил партию книг в Саратов¹⁷. В литературе есть и другие данные. В 1916 г. Буссе возвратился из командировки Петрограда, где ознакомился с книжным собранием И. А. Шляпкина и привез первые 20 ящичков даров. По этому поводу в отчете от 4 июня 1916 г. он записал: «... в настоящее время привез всего около одной восемнадцатой части (коллекции) ... и преимущественно такие книги, которые проф. Шляпкину для его научных трудов не нужны ...» Спустя пять дней, 9 июня 1916 г., прибыл вагон с книгами, и в отчетном письме Шляпкину Буссе сообщил: «Спешу уведомить Вас, что вагон с книгами прибыл в Саратов благополучно, и вчера (8 июня) все перевезено в помещения библиотеки. Ящики с рукописями запер в шкафу в кабинете библиотекаря, а ящики со старопечатными книгами поставил также в кабинете¹⁸. В мае 1918 г. вновь командировали Лучкина в Петроград, чтобы достать (организовать, просить, раздобыть) четыре вагона для перевозки книг: два вагона под книги Шляпкина, а два – для книг, купленных в Петрограде. 30 октября 1918 г. декан историко-филологического факультета В. А. Бутенко телеграммой сообщил, что в Саратов прибыло три вагона с книгами Шляпкина¹⁹.

Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) был ординарным профессором Санкт-Петербургского университета, историком литературы, книговедом, па-

¹⁶ Бурьян Л. К. Указ. соч. С. 128.

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ Зюзин А. В. Указ. соч. 255.

¹⁹ Бурьян Л. К. Указ. соч. С. 132.

леографом. Он родился в селе Александровке Белоостровской волости Петербургской губернии в семье довольно образованного крестьянина, бывшего крепостного, работавшего механиком на бумажной фабрике Кайдановой. В 1865 г., когда Илье не было семи лет, отец умер. Мальчик был взят в семью своего дяди, А. А. Ревви, небогатого чиновника государственного банка. В 1877 г. он кончил курс Третьей Петербургской гимназии, находившейся тогда Гагаринской улице, вместе с будущим профессором истории Н. М. Бубновым и известным педагогом К. А. Ивановым. Они были очень близкими друзьями в гимназии и в университетские годы, даже жили в одной квартире²⁰.

В Санкт-Петербургском университете Шляпкин обучался четыре года, кончил курс кандидатом историко-филологического факультета и был оставлен при кафедре русского языка и словесности профессором О. Ф. Миллером в 1881 г. С 1880 г. по 1887 г. Шляпкин состоял членом студенческого научно-литературного общества университета, увлекался в ту пору стихами Гейне и «Фаустом» Гете, впоследствии Диккенсом и Достоевским. В 1879 г. Илья Александрович женился на слушательнице математического отделения Бестужевских курсов, дочери псковского священника М. И. Смирнова (ум. 1900 г.), с которой разъехался в 1887 г. Детей супруги не имели. Он напрасно искал семейного счастья, после смерти жены жил холостяком. Горячо любимая матушка (ум. 1898 г.) и родная тетя А. И. Ревви (ум. 1911 г.) разделяли его одинокую жизнь. Шляпкин считал, что всего более в жизни обязан дяде А. А. Ревви, человеку весьма начитанному и энергичному, профессору О. Ф. Миллеру и прелату У. Н. Рокицкому. Из университетских преподавателей с благодарностью вспоминал профессора В. Г. Васильевского, от которого многому научился²¹.

Однокурсник Шляпкина и друг на протяжении всей жизни, С. Ф. Платонов вспоминал студенческие годы: «Мы жили в новой для себя области русской историографии, как в каком-то ученом братстве, где все дышали одними общими научными интересами и жаждой народного самопознания. Работа на ученом поприще русской истории являлась перед нами в ореоле духовного подвижничества и сулила высшие духовные наслаждения»²². Студентам Санкт-Петербургского университета со второго курса необходимо было выбрать специализацию. Платонов стал специализироваться на кафедре русской истории под руководством Бестужева-Рюмина и заниматься в его семинаре. Шляпкин избрал своей специальностью древнерусскую литературу. Специализация в этой области требовала знания литературных памятников Древней Руси, древних рукописей, рукописной и старопечатной книги. В самом полном и сохранном виде это все можно было найти в монастырях и церквях старых русских городов. Поездки по древним русским городам Шляпкин совершал со студенческих лет!

Илья Александрович с 1879 г. состоял членом-корреспондентом Императорского общества любителей древней письменности, где не раз печатался. Бла-

²⁰ Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка. С. 2.

²¹ Там же. С. 3.

²² Платонов С. Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Делай дни. Кн. 2. Пг., 1921. С. 112.

годаря князю П. П. Вяземскому, основателю общества, и председателю его, графу С. Д. Шереметеву, у которого жил учителем с 1880 г. по 1884 г., Шляпкин объездил ряд древних городов Великороссии ради знакомства с русскими древностями: Псков, Суздаль, Ростов, Вологда, Тверь, Новгород, Архангельск, Кострома, Владимир, Ярославль и др. С 1894 г. совершал поездки с этой же целью по командировкам Императорской археологической комиссии – в Оршу, Полоцк, Владимир-Волынский, Почаев, долго изучал граффити новгородского Софийского собора. В «Автобиографической заметке» Илья Александрович написал: «Погоня за русскими древностями и рукописями, а потом за византийщиной разного рода совершалась мной не только по лицу России ... но и за границей: был в Венеции, Падуе, Равенне, Милане, Генуе, Риме, Неаполе, Константинополе, Париже, Регенсбурге, Бамберге, Аугсбурге, Мюнхене, Лейпциге и пр. Довольно долго жил на Ривьере, в Киссингене, возле Версаля в деревушке Трамблэ, в Берлине и Вене. Маракую по-французски, немецки и итальянски»²³. Шляпкин был известен в кругах букинистов и библиофилов. Вероятно, этим он обязан участием в Третьем Международном конгрессе библиотекарей и архивистов в 1900 г. в Брюсселе, где он выступал от имени русской делегации на различных заседаниях. Илья Александрович вдохновенно изучал памятники искусства, многообразие интересов вело его в архивы и музеи, в букинистические лавки, где он мог удовлетворить собственные запросы ученого-исследователя и книголюба-собиранья. Шляпкин профессионально собирал вещественные памятники русского быта, русской старины. Он коллекционировал старинную резьбу, вышивки и полотенца, древние иконы, лубочные картинки, редкие портреты. В 1897 г. Илья Александрович в родном селе Александровка выстроил дом. Его дом был похож на музей, где каждая комната имела свое назначение. Гостиная была выстроена в стиле XVIII в. (клавесин, полотна художников XVIII в., книги XVIII в. и т.д.). В кабинете располагался русский отдел библиотеки, здесь же был и уголок библиофила. Посетившие Шляпкина в его домемузее, «... уезжая, чувствовали, что этот день в их жизни не потерян»²⁴.

Илья Александрович обладал очень живым характером, наделен был даром превосходного рассказчика. Удивительное умение всесторонне подойти к изучению своего предмета, горячая влюбленность в филологическую специальность, феноменальная память, огромная любознательность – все влияло на эрудицию. Постоянным источником, питавшим эрудицию Шляпкина, было его пожизненное служение книге, изучение и собирание ее, самым тесным образом связанное с его деятельностью ученого-филолога. Весьма знаменательно, что завершило труды и жизнь И. А. Шляпкина издание сборника «Похвала книге» в 1917 г., под которым профессор подписался: «Старый библиофил». Это собрание мыслей о книге разных народов с древних времен – своеобразный гимн книге. Автор хотел показать – человечество во многом обязано книге.

²³ Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка. С. 6.

²⁴ Буш В. В. И. А. Шляпкин (Некролог) // Известия ОРЯС АН. Т. 23. Кн. 1. СПб., 1918. С. 54.

Преподавательскую службу Илья Александрович начал в 1883 г. в Николаевском кадетском корпусе, преподавал и в старших классах Императорского Александровского лицея (восемь лет), также в женских гимназиях: Гедда (девять лет), Стеблин-Каменской, Таганцевой, пансионе Труба, гимназии Я. Г. Гуревича (старого учителя Шляпкина и друга), Павловском училище, Учительском институте. У Ильи Александровича накопился богатый и разнообразный опыт преподавания в средних учебных заведениях. В 1888 г. И. А. Шляпкин выдержал магистерский экзамен, стал приват-доцентом Санкт-Петербургского университета. Приват-доцентской ступенью начинали свою университетскую карьеру в Петербургском университете все историки, вступившие на это поприще во второй половине 1880-х – начале 90-х гг.: А. С. Трачевский, С. Ф. Платонов, В. Э. Регель, Е. Ф. Шмурло, Г. В. Форстен, Н. Д. Чечулин, А. С. Лаппо-Данилевский, И. М. Гревс, С. М. Середонин, И. А. Шляпкин, И. П. Сенигов, Э. Д. Grimm, С. А. Пионтковский, А. Н. Щукарев²⁵. И. А. Шляпкин в 1891 г. защитил магистерскую диссертацию «Св. Дмитрий Ростовский и его время». Этот крупнейший труд Шляпкина представляет собою свод многих архивных данных. С 1888 г. Илья Александрович читал лекции в Санкт-Петербургском университете сначала как приват-доцент. В 1901 г., после смерти профессора И. Н. Жданова, он занял кафедру истории русской литературы, стал ординарным профессором историко-филологического факультета. Он читал лекции и на Высших женских (Бестужевских) курсах с 1890 г., одно время был деканом их исторического отделения. Преподавал в Императорском Археологическом институте (с 1903 г.), Военно-Юридической Академии и Женском Педагогическом институте (с 1906 г.). Илья Александрович являлся профессором *honoris causa* с 1900 г., членом-корреспондентом Петербургской Академии наук (1907 г.)²⁶.

Из курсов литературы, прочитанных профессором И. А. Шляпкиным на Высших женских курсах, в Императорском Санкт-Петербургском университете, Санкт-Петербургском Археологическом институте были изданы «Лекции по истории словесности» для первого и второго курсов (1890–1892 гг.), «Лекции по истории русской литературы» (1894–1895 гг.); «Русская народная словесность и русская литература XIV–XVI вв.» (1895–1896 гг.), «История новой русской литературы», «Лекции по истории древней русской литературы» (1896–1897 гг., 1900–1901 гг.), «Лекции по истории новой русской литературы» (1897–1898 гг.), «Палеография» (1906–1907 гг.)²⁷.

В книге А. А. Громова «Очерки научной деятельности профессора И. А. Шляпкина» на 15 страницах дана библиография работ ученого до

²⁵ *Чесноков И. В.* К вопросу о влиянии устава 1884 г. на университетское историческое образование в России // *Российские университеты в XVIII–XX вв.* Воронеж, 1999. Вып. 4. С. 65.

²⁶ См.: *Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.* Т. 78. СПб., 1890. С. 717; *Краткая литературная энциклопедия.* Т. 8. М., 1975. С. 748.

²⁷ *Громов А. А.* Очерки научной деятельности проф. И. А. Шляпкина (к 25-летию его учебной деятельности). СПб., 1907. С. 1.

1907 г.²⁸. Сам Илья Александрович в «Автобиографической заметке» отметил лишь восемь своих работ, считая их более достойными и значительными: «Писал я много и всегда старался найти что-нибудь новое и неисследованное. Лучшими и наиболее важными своими работами считаю: «Шестиднев Георгия Посидийского», «Св. Дмитрия Ростовского», «Сочинения Грибоедова», «Царевну Наталью Алексеевну и театр ее времени», «Сказку об Ерше Ершовиче», «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина», «Древние кресты», сборник «Волну» (имеет автобиографический интерес). Всего наберется моих работ до сотни, и думаю, что в ученном отношении разменялся на мелочи, но предполагаю самоуверенно, что и сие когда-нибудь и кому-нибудь пригодится»²⁹. Кроме того к наиболее значительными трудами Шляпкина следует отнести «Повесть о Власии Златовласом» (1882 г.), «Ужасная измена сладколюбивого жителя» (вновь открытая комедия XVII в., 1882 г.), «Слово Даниила Заточника» (1884 г.), «Указец книгохранителя Спасо-Прилуцкого монастыря Арсения Высоцкого 1584 г.» (1914 г.), «Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени» (1898 г.). Эта работа, изданная на основании немногочисленных и обрывочных материалов, дала освещение одному из малоисследованных (на тот период времени) материалов в истории русского театра.

Под редакцией И. А. Шляпкина издано полное собрание сочинений А. С. Грибоедова. Эта работа получила почетный отзыв Академии наук; отзыв об этом издании дал профессор А. Н. Веселовский в «Сборнике отдела русского языка и словесности», № 52. В 1903 г. Шляпкин выпустил ценное комментированное издание бумаг Пушкина, полученных им от племянника П. В. Аненкова «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» (СПб., 1903). И. А. Шляпкин издал отдельно сборник русской художественной лирики «Волна» (СПб., 1892). Книга «Русскому солдату на память о Пушкине» (СПб., 1899) была подготовлена Ильей Александровичем и напечатана по высочайшему повелению. Он опубликовал письма Н. И. Новикова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Статьи Шляпкина об А. С. Грибоедове, Н. А. Полевом, Н. В. Гоголе, Н. С. Лескове и др. близки методологии культурно-исторической школы. Он стал автором работ о первых русских типографиях³⁰.

Илья Александрович был энергичным, деятельным человеком. Он участвовал в присуждении Пушкинской и Уваровской наград по поручению Императорской Академии наук и четырежды в присуждении премии Петра Великого по поручению ученой комиссии Министерства народного просвещения. Шляпкин являлся участником выставки старинного народного шитья К. Д. Долматова и получил похвальный отзыв за коллекцию древних полотенец; принимал участие в выставке народных картин в вольно-экономическом обществе, где читал лекцию о лубках и получил похвальный отзыв за свое собрание древних лубков (1891 г.); по поручению Императорского технического общества (при

²⁸ См.: Громов А. А. Указ. соч. С. 2–16.

²⁹ Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка. С. 8.

³⁰ См.: Громов А. А. Указ. соч. С. 2–16.

Т. А. Кочубее) участвовал в экспертизе бронзы на выставке предметов освещения и был награжден бронзовой медалью³¹.

Сегодня мы можем лишь удивляться и поражаться тому, как мог Илья Александрович одновременно был почетным членом археологического института, действительным членом Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, членом-корреспондентом Румянцевского музея, членом Псковского археологического общества; Владимирской, Костромской, Рязанской, Тверской и Ярославской архивных комиссий. Был также членом обществ: Славянского благотворительного, Императорских: географического, археологического, вольно-экономического, Санкт-Петербургского комитета грамотности, Литературно-Музыкального, Санкт-Петербургского общества педагогов, одним из основателей педагогического клуба, Александровской пожарной дружины³².

И. А. Шляпкин, по мнению его друзей и отзывам коллег был хорошим, добрым, великодушным человеком. Без сомнения, необходимо добавить еще — образованным, умным человеком. Душа Ильи Александровича была чрезвычайно отзывчивой. Примеров тому очень много. Приведу лишь некоторые. В 1883 г. Петербург отмечал столетие комедии «Недоросль». На могиле Фонвизина возложили венок от филологов Санкт-Петербурга, и Шляпкин произнес речь в этот особый для русской культуры день.

4 января 1886 г. в среде нескольких учеников О. Ф. Миллера (среди них был и Шляпкин) возникла мысль отпраздновать 25-летний юбилей его служебной, научной и литературной деятельности. Речи, поздравления, пожелания, добрые сердечные слова от коллег, руководителей Санкт-Петербургского университета, студентов, делегатов различных обществ, членом которых был Орест Федорович. Торжество проходило в скромной квартире юбиляра на Васильевском острове, на третьем этаже и во дворе дома. Именно Шляпкин, выпускник 1881 г., а в 1886 г. приват-доцент университета, вручил юбиляру памятный альбом (великолепный альбом с эмалированным бронзовым изображением Ильи Муромца на лицевой доске с 138-ю карточками 19 выпусков Ореста Федоровича) и произнес следующее: «... По случаю 25-летия вашей педагогической деятельности несколько учеников ваших собрались выразить вам сегодня чувства своего уважения, признательности и благодарности. Молва об этом достигла до их товарищей. Оказалось, что мы, эти несколько, были только выразителями общего чувства всех ваших учеников ... В одном чистом порыве сошлись люди разных положений, разных возрастов, различных убеждений. В нашу пору,

Пору зависти и злобы,
Эгоизма и клевет,
В дни, когда корыстью грубой
Малодушный скован свет,

³¹ Громов А. А. Указ. соч. С. 17.

³² Шляпкин И. А. Для немногих. Автобиографическая заметка. С. 5.

всех нас соединило одно искреннее чувство, один светлый образ из далекой университетской жизни – то был ваш образ, ваша личность, Орест Федорович ...»³³

И. А. Шляпкин, человек с юмором, оценил себя к 50-ти годам, как эпикурейца по привычкам мистиком по созерцанию, антикваром и коллекционером по наклонностям, а в политическом отношении – старым народником-черносотенцем. Активный, живой, дружелюбный и жизнерадостный, он был человеком очень твердых устоявшихся правил, твердых убеждений, человек с характером. Два эпизода, раскрывающих твердость характера Ильи Александровича, описал в своей книге Ф. М. Лурье. «3 мая 1903 г. Щеголев приехал в Петербург (из Вологды) и успешно сдал экстерном все экзамены за университетский курс. Диплом первой степени давал Щеголеву право претендовать на оставление при университете для подготовки к профессорской деятельности. Судьба окончившего университетский курс зависела от решения ординарного профессора по соответствующей кафедре (в начале XX в. заведующих кафедрами не существовало, их обязанности исполняли старшие по должности – ординарные профессора – Л. Б.) ... Ординарным профессором по кафедре русского языка и литературы был И. А. Шляпкин. Он происходил из крепостных крестьян. Несмотря на многие общие черты с Щеголевым, Шляпкин категорически отказал ему в оставлении на кафедре, и ничьи уговоры не изменили этого несправедливого (по мнению Ф. М. Лурье – Л. Б.) решения, продиктованного монархическими убеждениями бывшего крепостного, не желавшего иметь дело с бывшим революционером. Казалось, что П. Е. Щеголев навсегда покончил с академической карьерой»³⁴. Прошло несколько лет. П. Е. Щеголев переехал из Юрьева в Любань и планы Павла Елисеевича изменились. Он возобновил работу над биографией А. С. Пушкина и предполагал готовиться к сдаче магистерских экзаменов, для чего обратился к профессору И. А. Шляпкину и в сентябре 1908 г. получил от него следующий ответ: «Я ничего не имел и не имею против производства Вашего экзамена, но я боялся, да и теперь несколько опасаясь, что я, как специалист по древней литературе более, чем по новой, и как человек совершенно противоположных Вам убеждений, могу быть пристрастным и более требовательным»³⁵. Согласитесь, по приведенным двум небольшим эпизодам с П. Е. Щеголевым, который желал работать в университете, чувствуется прямой, достаточно открытый, принципиальный характер профессора И. А. Шляпкина.

Илья Александрович на протяжении всей жизни обожал делать подарки. Сейчас в музее истории Санкт-Петербургского университета хранится серебряный с перегородчатой эмалью и зернью ковшичек – братина, преподнесенный С. Ф. Платонову друзьями со студенческих лет по поводу его 25-летней преподавательской и научной деятельности. На дне выгравирована надпись: «С. Ф. Платонову старые друзья 1883. 1.03.1908. В.Г.Д. + К.А.И. + А.А.С. +

³³ Шляпкин И. А. Очерк научной деятельности проф. О. Ф. Миллера. СПб., 1889. С. 23.

³⁴ Лурье Ф. М. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: история, редакторы, издатели. Ленинград, 1990. С. 37.

³⁵ Там же. С. 106.

И.А.Ш.». За инициалами И.А.Ш. скрывался Илья Александрович Шляпкин³⁶. В 1889 г. Рязанская архивная комиссия получила в подарок от Шляпкина, члена этой комиссии, книгу И. Быстрова «Краткие сведения о месте погребения Прокония Петровича Ляпунова», изданную в Петербурге в 1835 г. В течение 1912 г. библиотека археологического кабинета при Петербургском университете пополнялась новыми книгами. Дарителями выступали профессора Ф. А. Браун, Н. И. Веселовский, С. Ф. Платонов, А. А. Спицын и И. А. Шляпкин³⁷. В отчете за 1915 г. о состоянии и деятельности Петербургского университета приводились такие данные: «Новых поступлений в Музей Археологического кабинета зарегистрировано 535 номеров ... От А. В. Тищенко поступило хорошее собрание поделок каменного века из окрестностей ст. Окуловки, Николаевской железной дороги; от Б. Э. Петри небольшое собрание черепков из Улан-Хоза на Байкале и от проф. И. А. Шляпкина обсидиановые поделки с о. Патмоса»³⁸. Есть данные из Пскова о дарениях Ильи Александровича. Н. Ф. Окулич-Казарин (1849–1925), которого с Шляпкиным связывала долгая (с 1882 г.) дружба, писал: «В течение последних лет Шляпкин неоднократно приезжал в Псков и особенно интересовался деятельностью нашего Археологического общества, где состоял почетным членом. Музею Общества он подарил много ценных вещей из своих коллекций»³⁹.

29 апреля 1918 г. И. А. Шляпкин умер в своем доме в с. Александровке Белоостровской волости от болезни сердца. На местном кладбище он и был похоронен. Опечаленные друзья, сослуживцы, ученики с болью в душе восприняли весть о кончине Ильи Александровича. Знавшие и любившие его собрались в музее древностей при Петроградском университете 11 июня 1918 г. Здесь состоялось заседание «Историко-литературного общества им. Пушкина», которым руководил профессор С. А. Венгеров. Научное заседание было посвящено памяти профессора И. А. Шляпкина. Перед собравшимися выступили те люди, которые на протяжении многих лет хорошо знали и почитали Илью Александровича: профессора С. Ф. Платонов и С. А. Венгеров, приват-доцент В. В. Буш, академик Н. К. Никольский, П. А. Горчинский, А. С. Поляков. В своих сообщениях они рассказали собравшимся о жизни, деятельности, трудах И. А. Шляпкина, его последних днях, охарактеризовали его как книголюба, библиофила, профессора и просто человека⁴⁰.

Скорбная весть быстро дошла до Саратова. На заседании ученого совета университета 9-10 (22-23) мая 1918 г. исполняющий обязанности ректора В. А. Арнольдов сообщил о смерти Ильи Александровича Шляпкина. Присутствующие почтили его память вставанием⁴¹. В нескольких изданиях были напечатаны некрологи, написанные друзьями и учениками Ильи Александровича.

³⁶ Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. СПб., 2003. С. 44.

³⁷ Там же. С. 243.

³⁸ Там же. С. 248.

³⁹ Филимонов А. В. Н. Ф. Окулич-Казарин: последние годы в Пскове // Псковский краевед Н. Ф. Окулич-Казарин. Псков, 2001. С. 79.

⁴⁰ Пушкинист. 1918. С. IX.

⁴¹ Бурьян Л. К. Указ. соч. С. 132.

Профессор С. Ф. Платонов опубликовал статью «И. А. Шляпкин» в «Русском историческом журнале», приват-доцент В. В. Буш поместил некролог «И. А. Шляпкин» в журнал «Известия отдела русского языка и словесности Академии наук». На горестное событие, уход из жизни И. А. Шляпкина, сразу откликнулся Н. Ф. Окулич-Казарин. Долгие годы их объединяла не только дружба, но и интерес к русской старине. Н. Ф. Окулич-Казарин написал некролог и направил его в псковский журнал «Единая школа», однако его статья появилась только в 1919 г. Закончил печальное сообщение о своем друге Окулич-Казарин такими словами: «Да будет же для нас священна память этого хорошего, доброго и великодушного человека»⁴².

Друзья Ильи Александровича и его многочисленные ученики оставили свое доброе слово о человеке-труженике, учителе, коллекционере. Профессор И. А. Шляпкин многие годы читал курс древней русской литературы в Санкт-Петербургском университете, с 1888 г. его лекции слушали, будучи студентами, А. Блок, В. Гиппиус, С. Бонди, Б. Энгельгард, С. Городецкий, М. Лозинский, Дм. Святополк-Мирский, М. Азадовский, В. Пропп, В. Рождественский, Ю. Тынянов и многие другие. Он навсегда остался в памяти своих учеников и научной общественности как видный ученый истории русской филологической науки. Свои исследования по древней русской литературе (70 тыс. книг) он передал в дар Саратовскому Императорскому Николаевскому университету для открытия историко-филологического факультета. Этим поступком И. А. Шляпкин создал себе «нерукотворный памятник». Возможно, профессор хотел долгой жизни своему любимому детищу – личной библиотеке. Он хорошо знал по жизненному опыту, что произошло с великолепными библиотеками А. Н. Попова, О. Ф. Миллера, Н. И. Надеждина, М. Н. Островского, А. Н. Пыпина, когда владельцы книг умирали, – библиотеки распродавались, растаскивались частями, их целостность пропадала. Печальный опыт учил: свою коллекцию книг целиком, без изъянов следует передать в добрые руки для пользы людям. Возможно, решительным толчком к написанию дарственного завещания новому Саратовскому университету, передать храму науки свою библиотеку была судьба коллекции Ф. М. Плюшкина, одного из известнейших собирателей-патриотов Пскова, купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина Пскова. Коллекцию Ф. М. Плюшкина профессор Шляпкин считал третьей по значимости в России (видимо, после коллекций П. И. Щукина и А. С. Уварова). По описанию Б. М. Модзалевского, в 1903 г. музей Ф. М. Плюшкина состоял из 20 отделов. Среди них выделялись и такие: церковнославянских рукописей (их имелось 280), старопечатных книг, древних грамот, богослужебных книг, автографов писателей и государственных деятелей, собрание книг по истории Пскова и проч. Об исключительной ценности коллекции Ф. М. Плюшкина говорит тот факт, что 70 книг в 1911 г. не было даже в библиотеке Академии наук. Однако после смерти хозяина в 1913 г. коллекция Федора Михайловича была рас-

⁴² Филимонов А. В. Указ. соч. С. 79.

пылена по многим музеям и учреждениям, практически стала недоступна как зрителям, так и исследователям⁴³.

Библиотека И. А. Шляпкина составила основу фонда научной библиотеки Саратовского университета. Новый университет получал в дар книги из библиотек и других частных лиц. После революции 1917 г. в научную библиотеку Саратовского университета поступило свыше 177 тыс. книг⁴⁴. Богатые частные библиотеки в то время национализировались, в научный фонд были доставлены книги из семейного собрания Васильчиковых (с. Березовка Петровского уезда), Юрьевичей (с. Старая Лопуховка Аткарского уезда), Нессельроде (с. Царевщина Вольского уезда)⁴⁵. Из собраний книг профессоров И. А. Шляпкина и В. И. Разумовского, М. Н. Галкина-Враского, М. М. Шершевского, из семейных собраний Васильчиковых, Юрьевичей, Нессельроде и библиотек других образованных людей России постепенно сложился единый информационный и учебный комплекс – научная библиотека нового Саратовского университета. У ежегодного притока студентов-универсантов велика потребность познать мир, постичь его научные и духовные ценности. Профессор-филолог Санкт-Петербургского университета Илья Александрович Шляпкин, благородная душа, надолго оставил добрую память о себе в Саратове, в истории русской литературы, в культуре России.

⁴³ Банников А. К. Судьба одной коллекции // Памятники Отечества. 1989. №2 (20). С. 56.

⁴⁴ Зюзин А. В. Указ. соч. С. 256.

⁴⁵ Попкова Н. А. Книги из библиотек саратовских усадеб в фонде научной библиотеки университета // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. С. 257.

С. А. Браташова

К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТА УВЕКСКОГО ГОРОДИЩА

В Саратове, на его юго-восточной окраине, расположен один из уникальных археологических памятников Поволжья – Увекское городище. Уже сам этот факт привлекает внимание к проблеме возраста поселения. К этому вопросу обращались многие исследователи Увека. Так, например, профессор Ф. В. Баллод, проводивший его раскопки в 1919–1920 гг., отмечал, что монеты до татарского времени были найдены на Увеке (II в. до н. э. – IX в. н. э.), Терновском (II в. до н. э. – X в. н. э.), Водянском (II в. до н. э. – XI в. н. э.) городищах. Это, по его мнению, свидетельствовало о том, что эти поселения были построены на месте более древних селений. После опустошительных набегов Тимура Увек и перечисленные выше городища, сообщает Баллод, продолжали существовать, что доказывают найденные здесь русские монеты XV–XVI вв., монеты из Западной Европы XVII в., а также «мордовки», крымские и бухарские монеты¹.

Неудавшаяся попытка сопоставления Увекского городища с античным Геллоном, предпринятая в конце XIX в. Л. Л. Голицыным и С. С. Краснодубровским, оттолкнула многих ученых от исследуемой проблемы. После обнаружения истинного места этого античного поселения была опровергнута гипотеза о расположении Гелена на Увеке, выдвинутая без всяких на то оснований Е. И. Забелиным в 1876 г.², а, следовательно, и отклонен вопрос о возрасте городища. По наиболее массовым археологическим материалам возраст Увека чаще всего отсчитывается с начала эпохи Золотой Орды.

Но, несмотря на успехи в открытиях замечательных золотоордынских сооружений, вопрос об античном возрасте городища остался. Сложность его решения связана с нахождением Увекского городища в активной оползневой зоне. Наиболее ранним упоминаниям об «античном» возрасте Увека способствовали сборы артефактов соответствующего времени на размываемых Волгой

¹ Баллод Ф. В. Приволжские «Помпеи». М.-Пг., 1923. С. 98.

² Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. М., 1876. Ч. 1. С. 234–235.

оползневых отложениях. Прокладка в конце XIX в. в береговой зоне городища путей Рязано-Уральской железной дороги с соответствующими насыпями, сооружение противооползневого контрфорса с многотонной отсыпкой каменным «негабаритником» береговой зоны поселения в предвоенное время, заполнение в 1959–1961 гг. Волгоградского водохранилища с затоплением части территории и создание защитных противоабразионных откосов из бетонных плит – все эти инженерные мероприятия сделали подобные сборы практически невозможными.

Но сохранились пусть и косвенные, но весомые аргументы в споре об античном (или близком к античному) возрасте поселения. Привлечь к ним внимание стало целью публикации. Если возраст золотоордынского поселения отсчитывается от лаконичных упоминаний о нем в «Книге Марко Поло»³ и «Путешествии» Гильома де Рубрука⁴, то возникает естественный вопрос, почему игнорируются аналогичные источники более ранних эпох?

Упоминания о Волге, пусть неотчетливые, встречаются у Геродота и Страбона⁵. В середине II в. н. э. на картах Птолемея появляются первые координаты Волжского бассейна. Использование математического аппарата великим астрономом и географом древнего мира дает основание считать его карты точкой отсчета, базисом процесса изучения научными методами великой реки Восточной Европы. Но на сохранившихся копиях карт Птолемея волжские поселения отсутствуют. Ближайшие города располагались только по Танаису – Дону (Экзополис и Набарис). Впервые в географической литературе волжские поселения встречаются в творческом переводе Птолемеевой географии на арабский язык великого астронома, математика, географа Мухаммада ибн Мусы Хорезми (ок. 783 – ок. 850 гг.).

Основоположник алгебры, популяризатор десятичной позиционной системы записи чисел, способствовавший внедрению индо-арабских цифр, ал-Хорезми был энциклопедически образованным ученым. Известно, что значительный период своей жизни он провел в Багдаде, возглавляя при халифе ал-Мамуне (813–833 гг.) библиотеку «Дома мудрости». В 827 г. ал-Хорезми принимал участие в измерении длины градуса земного меридиана на равнине Синджара. Возможно, карты ал-Хорезми носили название карт ал-Мамуна.

Для исторической географии Поволжья наиболее важен один из сохранившихся фактов его биографии – в конце своей жизни, при халифе ал-Васике (842–847 гг.) ал-Хорезми лично возглавлял экспедицию к хазарам, т.е. на Волгу. Последнее упоминание о нем относится к 847 г. Благодаря составленным им таблицам географических данных стала возможна реконструкция карты По-

³ «Собрались да и вышли из Болгара. Пошли они к городу, что был на границе земли западного царя и назывался Укака. Выйдя отсюда, переправились через реку Тигри и семнадцать дней шли пустынею» (См.: Книга Марко Поло. М., 1956. С. 45.)

⁴ Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны // Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 118.

⁵ См.: Ельницкий Л. А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 83, 93, 94, 164.

волжья ал-Хорезми. В таблице приведены данные, касающиеся бассейна р. Волги, параллельно для сравнения даны координаты карт Птолемея⁶.

Великий математик использовал в своих таблицах логичный и простой принцип передачи географической информации, заимствованный у Птолемея, задавая координатами опорные пункты начала и окончания горного массива, изменения направления берега моря или течения реки, нахождения города (систематизация проведена для каждого климата, отдельно идут данные для гор, морей, стран, рек и источников, городов; см. таблицу).

Таблица.

Сравнение ранних географических данных о Поволжье

Клавдий Птолемей			Мухаммад ибн Муса ал Хорезми			Современное название
Название	Долгота	Широта	Название	Долгота	Широта	
Орографическая сеть						
Часть Гиперборейских гор			гора	69°00' 75°30'	42°50' 60°45'	
Часть Гиперборейских гор			гора, соединенная с этой горой	75°30' 107°20'	60°45' 63°20'	Уральские горы
			Гора восточн. истока	89°35' 94°50'	61°00' 61°00'	Уральские горы
Гиппийские горы	74°00' 81°00'	54°00' 52°00'	гора Ифика	73°00' 75°50'	57°00' 53°00'	Ставропольская возвышенность
Александровы столпы	80°00'	51°30'	Два наблюдательных пункта, созданные Зу-л-Карнайном	77°45' 77°15'	56°00' 54°15'	1. Увек (башня); 2. Бельджамен. Оба принадлежат Приволжской возвышенности
Керавийские горы	82°31' 84°00'	49°30' 52°00'	гора Кирманийя	77°15' 79°00'	50°10' 52°00'	Поднятие Иргени
Горы Риммика	90°00' 99°00'	54°00' 57°10'	гора Румика	83°00' 98°25'	57°00' 55°00'	Поднятие Общий Сырт + Ю. Урал
Речная сеть						
Ра			Ра			Волга
Истоки западной	70°00'	61°00'	1. Исток Ра	72°20'	60°30'	Волга
Истоки восточной	90°00'	61°00'	2. Исток реки, впадающей в 1	92°30'	61°00'	Кама
слияние	79°00'	58°30'	Слияние 1 и 2	81°30'	58°30'	Камское устье
Поворот	74°00'	56°00'	Поворот	75°40'	57°30'	Жигули
Поворот	85°00'	54°00'	Башня Зу-л-Карнайна	77°45'	56°00'	Увек
Устье	87°30'	48°50'	Устье	81°10'	49°20'	Устье Волги
Реки из Керавнийских гор			Реки из горы Кирманийя			С возв. Иргени
р. Алонт			1. Исток	78°00'	51°00'	
1. Устье	86°30'	47°40'	1. Устье в море	79°30'	48°30'	
р. Удон			2. Исток	78°40'	51°30'	
2. Устье	87°00'	48°20'	2. Устье в море	80°40'	49°00'	
р. Римм			Река из горы Румика			р. Узень
Исток			Исток	83°00'	57°00'	
Устье в море	91°00'	48°15'	Устье в море	84°00'	50°20'	Устье в оз. Сары-Кумыш

⁶ Данные выбраны из переведенного Т. М. Калининой текста ал-Хорезми (См.: Калинина Т. М. Сведения ранних арабских ученых Арабского Халифата. М., 1988).

Вышеприведенная таблица показывает, что ал-Хорезми в своей «Книге картины Земли», т.е. географии, не только перевел известную работу Птолемея на арабский язык, но и переработал, дополнил творение выдающегося географа античного мира современными эпохе арабской экспансии на север сведениями, чему способствовала, вероятно, его экспедиция к хазарам в середине IX в.

Сравнение данных этой таблицы позволяет сделать вывод о заметном изменении, уточнении ал-Хорезми данных Птолемея. Появляется отдельный горный массив, с которого начинается восточный приток Ра (р. Кама), изменяется в ряде случаев топонимика. Некоторые опорные точки великим математиком переосмыслены. Например, если под Александровыми столпами Птолемей понимал точечный объект, задаваемый двумя координатами (возможно, действительно какое-то монументальное сооружение, изображенное на его карте *Secunda Asiae tabulua continet Sarmatia ipsius*), то у ал-Хорезми это «два наблюдательных пункта, построенных Зу-л-Карнайном», впервые упомянутых в описании гор шестого климата⁷.

Причем, как видно из таблицы, эти пункты находятся весьма далеко друг от друга (почти на два градуса по меридиану), и к ним привязаны изменения направления течения Волги: «Река Ра, начало ее – от горы около Д 72°20' Ш 60°30'. Идет к месту Д 81°30' Ш 58°30', к месту Д 75°40' Ш 57°30'. Идет и ударяется об одну из двух башен, которые построил Зу-л-Карнайн. Течет и впадает в море около Д 81°10' Ш 49°20'»⁸. Следовательно, это могли быть, исходя из наименования, сохранившиеся с античного времени поселения.

Для обоснования приведенной в последнем столбце таблицы современной идентификации объектов переведем указанные ал-Хорезми координаты опорных точек Волги, расположенных ниже точки слияния Камы и Волги в современную метрическую систему для интересующих нас мест поселений, связанных с именем великого Александра Македонского, именуемого на Востоке Зу-л-Карнайн по его двурогому шлему.

В первом приближении ниже Камского устья река Волга имеет меридиональное направление. Длина градуса меридиана, по сообщениям аль Бируни, составляла 75 миль (25 фарсахов). В Арабском халифате применялась вавилонская (персидская) миля протяженностью 1,97554 км. Тогда длина градуса меридиана $(1,97554 \times 75) = 148,1655$ (км.); а меридиональный перепад между Камским и Волжским устьями – 1358,18 км. (ныне считается около 1050 км). Регрессия Каспия (см. рис. 1) во время работ ал-Хорезми в IX в. была довольно значительна (до минус 32 м.), но насколько вероятно, чтобы море отступало за Мангышлакский порог?

И все-таки попробуем воспользоваться данными Ал-Хорезми и спуститься вдоль «волжского» меридиана по опорным точкам реки Ра, представленным в таблице, начиная с верхней (северной) точки – устья Камы, поскольку месторасположение устья Волги в то время было неизвестно (см. рис. 2):

⁷ Калинина Т. М. Указ. соч., 1988. С. 40.

⁸ Там же. С. 53–54.

1. Δ_1 (от Камского устья до поворота) = $1^\circ \times 148,1655 = 148,1655$ (км), завершение вблизи современного г. Тольятти;

2. Δ_2 (от поворота до 1-ой башни Зу-л-Карнайна) = $1^\circ 30' \times 148,1655 = 222,248$ (км) - у Увекского городища;

3. Δ_3 (между башнями) = $1^\circ 45' \times 148,1655 = 259,290$ (км) - у Водянского городища;

4. Δ_4 (от 2-ой башни Зу-л-Карнайна до устья Волги) = $4^\circ 55' \times 148,1655 = 794,706$ (км) - в море.

Точность совпадения наименований ал-Хорезми объектов и окончаний первых трех интервалов впечатляет. Первый из них (Δ_1) действительно завершается у «поворота» – начала петли Самарской Луки.

Второй (Δ_2) интервал располагается на Увекском городище, в районе которого была отмечена очень высокая концентрация античных артефактов. Например, во время дноуглубительных работ в 1919 г. на Увекке были найдены: серебряная парфянская драхма I в. до н. э., монеты Александра Великого, Афинская II в., И. Цимисхия, три серебряных западно-европейских монеты: Фризия, Гейнриха IV и Саксонского герцогства IX в.⁹. Эти многочисленные находки и породили легенду о Гелоне и послужили основанием для некоторых исследователей выстроить историю Увека с античных времен до Золотой Орды включительно¹⁰. В пользу такой трактовки возраста этого поселения свидетельствуют и существующие варианты перевода названия «Увек». Так, с тюркских наречий оно переводится как «Башня»¹¹, практически также называется один из гидронимов – Увиек¹², Увеша¹³, ближайший приток Волги. Названия же рек, как известно, сохраняются значительно более длительное время по сравнению с другими топонимами.

Третий интервал (Δ_3) оканчивается у Водянского городища, где отмечена повышенная концентрация римских монет (бронзовая монета Траяна Деция, медные монеты Константина I (306–337 гг.), Констанция (337–361 гг.), две медные монеты Криспа, сына Константина I)¹⁴. В разное время здесь были также

⁹ *Зайковский Б. В.* Области. Топография наиболее достоверных монетных кладов и отдельных монетных находок древнего времени до XIII в. включительно // Труды Нижне-Волжского областного научного общества краеведения. Саратов, 1926. Вып. 35. Ч. 1. Саратов, 1926. С. 43.

¹⁰ См.: *Голицын Л. Л., Краснодубровский С. С.* Увек. Доклады и исследования по археологии и истории Увека. Саратов, 1890; *Баллод Ф. В.* Старый и Новый Сарай, две столицы Золотой Орды и современные им селения Нижнего Поволжья // *Новый Восток*. 1923. № 3.

¹¹ Движение от переправы Увека на восток позволяло выйти на р. Урал (Яик) и Каргалы кратчайшим путем без преодоления водных преград, а каргалинские рудники были важнейшим источником металла с эпохи бронзы. Далее древний путь вдоль Яика выводил на Южный Урал, в район г. Иремель. Как показывает геология, этот регион перспективен по добыче цветных, благородных металлов и поныне.

¹² *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства 1768–1769 гг. // Полное собрание ученых путешествий по России. СПб., 1821. Т. III. Ч. 1–2. С. 377.

¹³ Книга Большому Чертежу. М.-Л., 1950. С. 143.

¹⁴ *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР // САИ, Г4-4. М., 1961. С. 40.

найлены часть мраморной белой колонны, эллинистическая бронзовая фигурка крылатого зверя, золотая античная серьга, свинцовые греческие торговые пломбы IV–VI вв., которые хранились в Саратовском областном краеведческом музее¹⁵.

Если вспомнить вышеупомянутые монетные интервалы Ф. В. Баллода, приведенные в начале статьи, то «два наблюдательных пункта, построенных Зу-л-Карнайном» логически увязываются с возникшими, вероятно, в античное время поселениями Увек и Бельджамен. Столь точное попадание опорных точек Нижней Волги не могло быть случайным совпадением. Оно доказывает верность выбранной единицы измерений для этого участка карты. Но тем большее недоумение вызывает нахождение устья Волги вблизи широты Дербента при сохранении того же масштаба далее. Но, возможно, именно в изменении масштаба карты низовьев Ра и кроется разгадка кода карты.

Академик Б. А. Рыбаков на примере карт XV–XVI вв. убедительно доказал, что ранние карты часто были разномасштабными¹⁶. Поясним эту мысль на некоторых биографических фактах из «Книги картины Земли» ал-Хорезми, который в зрелые годы жил в Багдаде. В 827 г. (возможно им самим) по повелению халифа ал-Мамуна были проведены работы по измерению длины дуги градуса меридиана. Естественно предположить, что пятилетняя поездка ал-Хорезми в Хазарию в 842 г. могла быть использована им для уточнения некоторых географических координат. Прорисовка карты по табличным данным (см. рис. 3) показывает, что заметное смещение устья Волги к югу по сравнению с находящимися к западу и северу от него объектами – не единственное ее противоречие. Сдублированы Ворота ворот – ал Баб ва-л Абваб (один из вариантов значительно смещен к югу), один из городов Барза'а показан к западу от устья Волги, другой – вблизи г. Нашава: «начало реки, выходящей из горы, около Д 71°45' Ш 41°30'. Идет к месту Д 71°50' Ш 43°00'. Проходит между Барза'а и Нашава и впадает в море около Д 74°50' Ш 41°45'»¹⁷. Черноморское побережье и населенные пункты Приазовья в целом соответствуют у ал-Хорезми описанию Птолемея¹⁸, в результате чего настолько смещены к северу, что разница широт Камского устья (58°30') и устья Дона (57°10') составляет у Ал-Хорезми всего 1°20'. К тому же сам текст записей, как многократно отмечает ее переводчик Т. М. Калинина, во многих местах не содержит диакритических точек, знаков, выполнен несколько небрежно, с пропусками. Не могла ли дошедшая до нас рукопись ал-Хорезми быть лишь черновыми набросками, составляемыми для новой карты?

По таблицам ал-Хорезми можно выделить несколько координатных цифровых массивов, связанных с различными областями: Причерноморской, Прикаспийской, Северной и другими. По карте (см. рис. 3) заметно, что ал-Хорезми при прорисовке седьмого климата столкнулся с той же проблемой, что и в свое

¹⁵ Зайковский Б. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁶ См.: Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI в. М., 1974.

¹⁷ Калинина Т. М. Указ. соч. С. 49.

¹⁸ Там же. С. 18.

время Птолемей – задачей совмещения данных, полученных из независимых источников, с разными точками отсчета и масштабами. По результатам измерений 827 г. ал-Хорезми длина дуги градуса меридиана составила 111,95 км. В то время как переводимый им Птолемей пользовался более ранними результатами измерений у Ракки и Гадмора с длиной дуги в 131,7 км¹⁹.

Ситуацию с расхождениями систем отсчета отметил выдающийся ученый средневековья аль Бируни (973–1048 гг.), уделявший истории геодезии и астрономии много внимания: «значение понятия стадий неизвестно в тех величинах, которыми мы пользуемся»²⁰. Далее он замечает: «В соответствии со словами Гермеса один градус будет равным 25 фарсахам, что составляет 75 миль, каждая из которых равна четырем тысячам локтей»²¹. Таким образом, анализ данных показывает, что арабские ученые, не зная фактической длины фарсаха «Гермеса», сочли, что речь идет о системе мер, унаследованной арабами от персов. В этой системе мер длина локтя соответствовала 49,3884 см., «обычный» фарсах равнялся 5926,61 м. (0,493884 X 12 тыс.), а миля – 1975,54 м. Отсюда возникает используемая персами и унаследованная от них арабами величина 1°= 148,1655 км.²²

Археологические источники, позволившие сопоставить опорные пункты ал-Хорезми с древними городищами, дают возможность уточнить при этом и использованные системы отсчета.

На Верхней Волге и еще более в бассейне Камы доминируют куфические монеты и сосуды, в основном относящиеся к VI–VII в. н. э.²³, что предполагает использование ранних персидских мер длины.

Ниже устья реки Большой Иргиз наблюдается относительное равновесие между куфическими, римскими и византийскими монетами. Здесь можно отметить зоны концентраций у рек Большой Иргиз, Большой Караман, Увек (Увиек, Увеша), Еруслан, на Водянском городище и на Денежном острове у Мечетного городища²⁴. Эта территория также крайне бедна названиями у ал-Хорезми. Возможно, он и здесь использовал более ранние источники, потому что кроме двух наблюдательных пунктов Зу-л Карнайна, ни одна точка не имеет личного наименования. Поэтому выбранная ранняя персидская система отсчета и была верной для первых трех интервалов.

В Волго-Ахтубинской пойме находился Хазарский каганат, где провел свои пять лет жизни ал-Хорезми. Вероятно, эти годы были посвящены изучению только более обжитой, граничащей с Ираном южной части региона, что нашло отражение в подробном описании Кавказа и Закавказья, Припонтийской и Прикаспийской территорий. Поэтому только для Хазарии ал-Хорезми смог использовать новую, только-только разработанную систему отсчета, не затрагивая

¹⁹ Клименко А. В. Древнейшие определения размеров Земли // Развитие методов астрономических исследований. М.-Л., 1979. Вып. 8. С. 80.

²⁰ Аль-Бируни. Избранные произведения. Т. 5. Ч. 1. Ташкент, 1973. С. 84.

²¹ Аль-Бируни. Избранные произведения. Т. 3. Ташкент, 1966. С. 210.

²² Клименко А. В. Указ. соч. С. 75.

²³ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967. С. 75.

²⁴ Зайковский Б. В. Указ. соч. С. 43–45.

территорий бургасов и Волжской Булгарии. Но ценность таблиц Идриси именно в том, что, не имея о Волге выше Хазарии личных впечатлений, он объединил, сохранил и донес до нашего времени сведения более ранних, утраченных к нашему времени, источников.

Вследствие чего, несмотря на скудость топонимики Поволжья, таблицы ал-Хорезми стали значительным шагом в его изучении, а для нашего времени свидетельством о сохранявшихся в средневековые сведениях об «античном» возрасте двух уникальных волжских поселений: Бельджамена (Водянского городища у г. Дубовки Волгоградской области) и Увека (Увекского городища на южной окраине г. Саратова). Таким образом, «карта» ал-Хорезми может стать весомым аргументом в затянувшемся более чем на столетие споре об античном Увек.

Последние годы глубина археологических раскопок относительно невелика (наиболее глубокий шурф раскопок 2005 г. не смог опуститься глубже четырех метров, так как мешали подпочвенные воды, зависящие в береговой зоне от уровня Волги). В то время как до революции при закладке котлована элеватора на Увек глубины обследования свободно достигали восьми метров, где, собственно и шел античный горизонт, вероятно, у одной «из двух башен, построенных Зу-л-Карнайном» далеко выдавшегося в Волгу Увекского мыса (см. рис. 4), о которой «ударялась» Ра – Волга. Казалось бы, для современного исследователя эмпирическое доказательство истинного возраста Увекского городища практически бесперспективно, несмотря на то, что его определение попутно уточнило бы возраст и всей урбосистемы Саратова, на южной окраине которого оно находится.

Но проведенные в 2002 г. Р. А. Сингатулиным подводные археологические разведки на близлежащей акватории Волгоградского водохранилища показали возможность обходного маневра в исследовании Увека. В поле зрения подводных камер на глубине около 13 м. помимо классических фрагментов красноглиняной золотоордынской керамики попал также амфороподобный, практически целый сосуд²⁵ с диаметром горла примерно 30 см., высотой 54 ÷ 58 см. (частично ушедший в глинистые отложения под углом около 20°). Продолжение подобной практики, и, в частности, извлечение подобных находок на поверхность, возможно, смогло бы пролить свет на античный этап освоения Увека. Тем более, что свидетельство столь авторитетного и поныне ученого, каким являлся ал-Хорезми, об «наблюдательных пунктах Зу-л-Карнайна» (тому в средневековье приписывалось большинство античных объектов Востока, как позднее Разину – большинство поволжских городков, утесов, пещер), вероятно, следует принять во внимание при определении возраста крайне сложного в изучении памятника, каким является Увекское городище.

²⁵ Сингатулин Р. А. Археологические разведки на территории поселка Увек и близлежащей акватории Волгоградского водохранилища в 2002 г. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6. С. 71–77.

Приложения

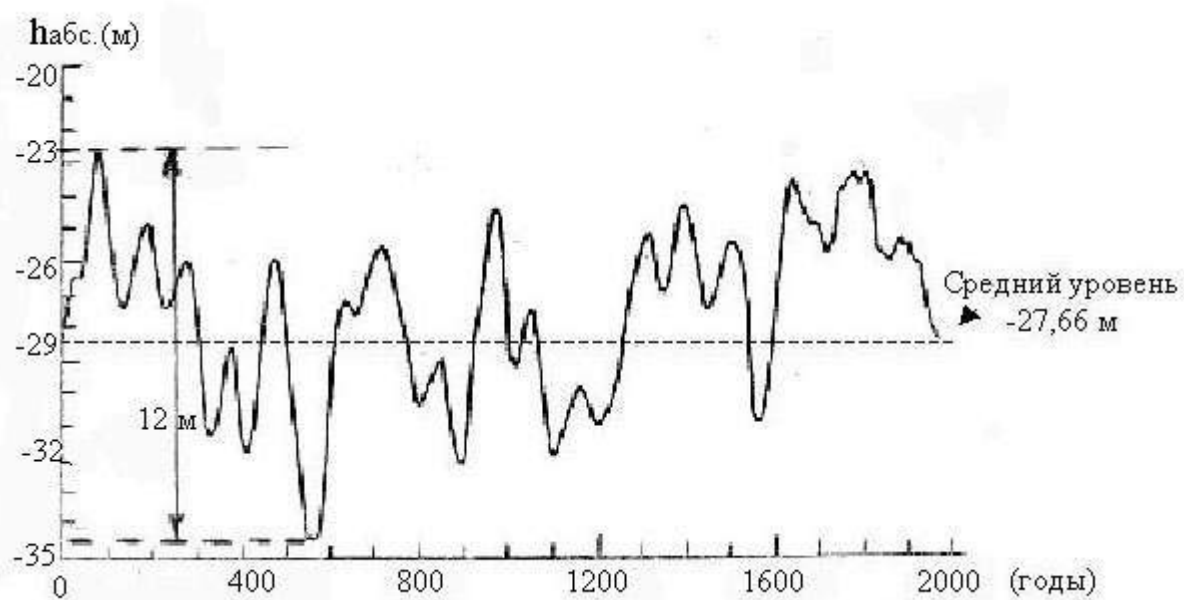

Рис. 1. Колебания уровня Каспия за последние две тысячи лет.

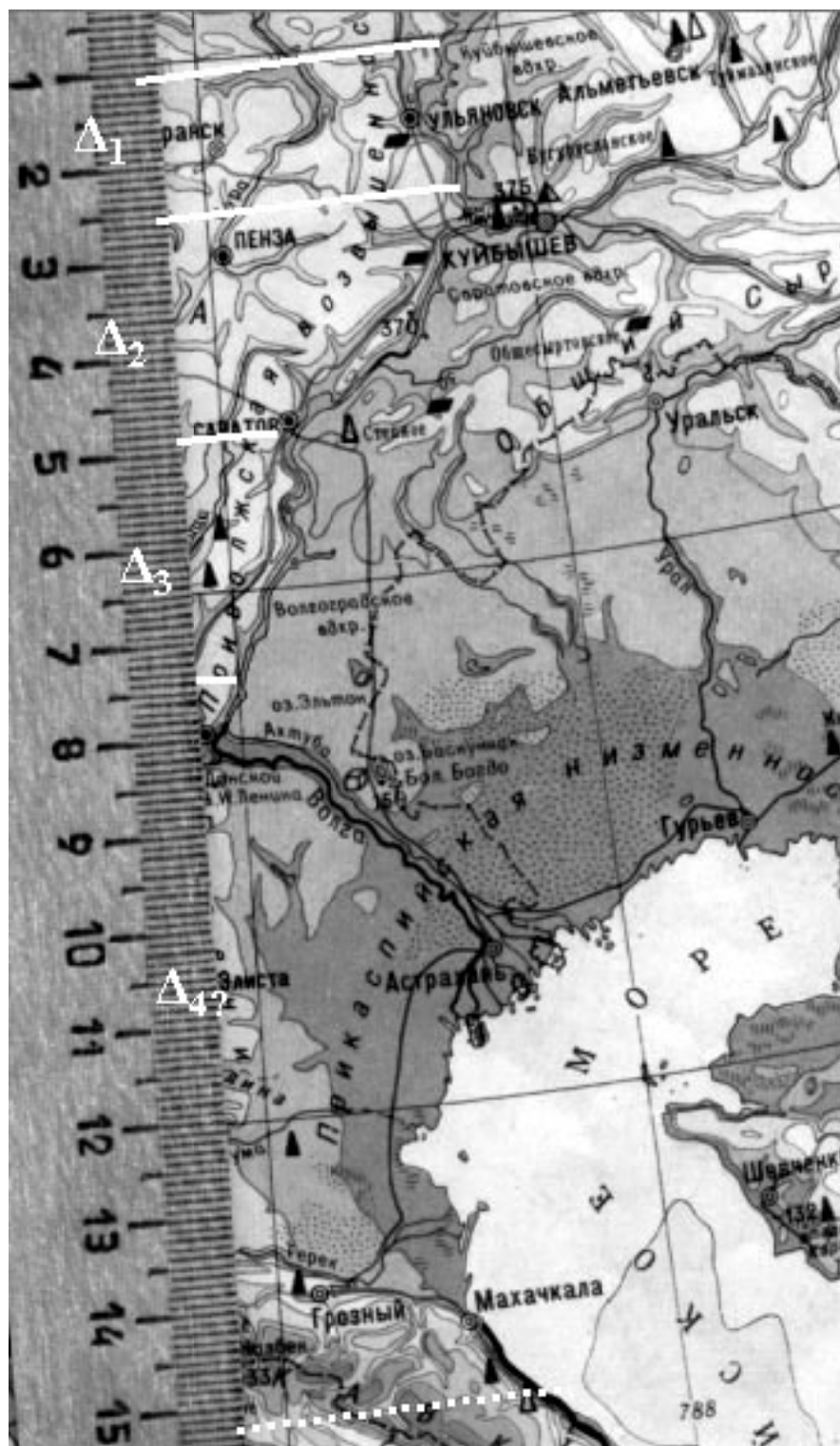

Рис. 2. Фрагмент современной карты Волги с нанесенными интервалами между опорными точками ал-Хорезми. Масштаб 1:10 млн. (в 1 см 100 км.).

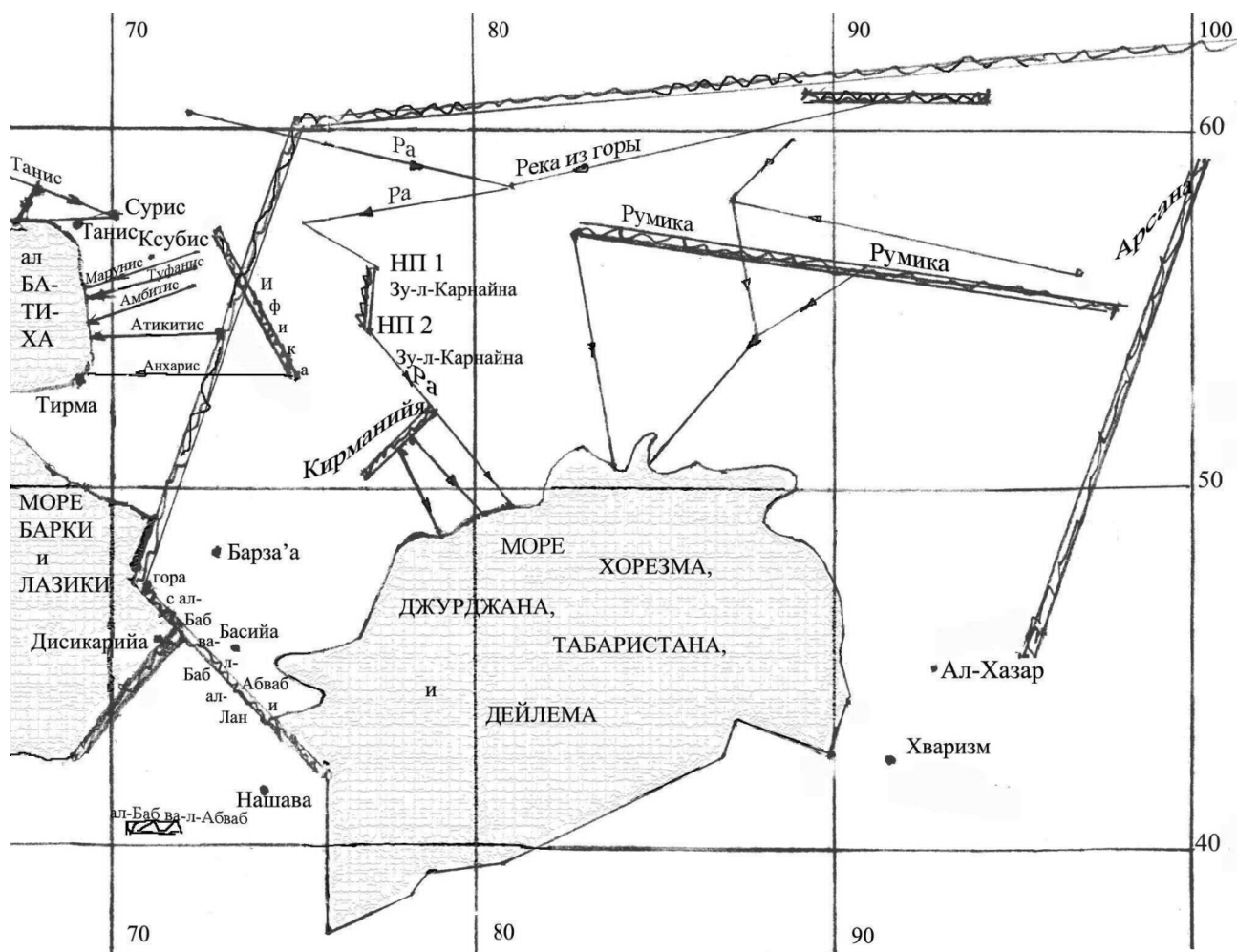

Рис. 3. Реконструкция по координатам ал Хорезми карты Поволжья автором, где волнистой полосой изображены горы; прямыми линиями – реки; стрелкой – направление течения; точками –города; НП 1, 2 – башни Зу-л-Карнайна (наблюдательные пункты, приписываемые Александру Македонскому).

Рис. 4. Космоснимок современного состояния древнего Увекского мыса.

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПЕТРОВСКА

Огромная территория, называемая Диким полем, всегда вызывала тревогу Московского государства. Отсюда, со степного юга и юго-востока, на приграничные русские области совершали набеги кочевники. Они разоряли селения, угоняли скот, уводили в плен местных жителей.

С целью «бережения от воинских людей» правительство стало создавать на границе с Диким полем систему дозорно-сторожевой службы. В нее входили «сторожи»¹ и «станции»². В 1571 г. на правом берегу Волги была создана Караманская станица, состоявшая из четырех отрядов — каждый под предводительством «головой на поле». Было предписано «первой голове стоять на Волге под Караманским лесом из Казани, а от той головы ездить на гору»³ по Волге до Тетюшского городу⁴, а проезду денница четыре, а на подоле к Волге до верх Балыклея⁵, а проезду денница три или меньше»⁶. Так что весь маршрут занимал семь дней и, как указывает С. Л. Марголин, обеспечивал наблюдение на широкой полосе вдоль правого берега Волги ... в таком районе, где не было службы сторож⁷. В составе Караманской станицы было 135 служилых людей, из них русских «детей боярских» — 50, казаков — 50, татар, чувашей, мордвы — 35. Кроме казанцев здесь были служилые люди из Свияжска, Алатыря, Темникова, Кадома, Шацка и Ряжска⁸. Просуществовав пять лет, Караманская станица была упразднена.

На северо-запад от Караманской станицы существовала Ломовская сторожа по реке Ломовой.

Станичная дозорно-сторожевая служба играла важную роль в общей системе обороны степных границ. Однако силами станичников невозможно было дать отпор крупным отрядам кочевников. Более серьезным способом защиты было строительство засечных черт. В XVII в. была сооружена Белгородская черта, протянувшаяся до Тамбова, откуда далее к Волге шла Симбирская черта. Белгородско-Симбирская черта была солидным фортификационным сооружением⁹. Она охраняла от нападений центр Русского государства, а также терри-

¹ Сторожа — несколько воинов, расположенных в удобном и скрытном месте для наблюдения за степью.

² Станица — небольшой отряд конных стрельцов с «вожжей» (проводником), отслеживающий передвижение противника в Диком поле на значительном расстоянии от границы.

³ То есть по правому берегу.

⁴ Тетюши — город, районный центр в Татарстане.

⁵ Река, впадающая в Волгу южнее современного Камышина.

⁶ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук. СПб., 1890. Т. 1. № 4.

⁷ Марголин С. Л. Оборона Русского государства от татарских набегов в конце XVI века // Труды Государственного исторического музея. 1948. Вып. 20. С. 12.

⁸ Акты Московского государства. Т. 1. С. 4-7.

⁹ См.: Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 88; Гуркин В. А. На берегах русского Нила. М., 2005. С. 30.

торию Среднего Поволжья, которая интенсивно осваивалась в то время. Для защиты более южных земель Среднего Поволжья в 1671 г. начали строить Пензенско-Сызранскую линию. На запад от Пензы построили 30 верст укреплений до Ломова, а на восток в сторону Волги ограничились строительством двух малых крепостей – Нелуевской (1681 г.) и Сызрани (1683 г.)¹⁰. В задуманном виде Пензенско-Сызранское укрепление построено не было, что затрудняло оборону волжского правобережья.

Между тем началось хозяйственное освоение земель по среднему и верхнему течению рек Хопра и Медведицы. Возрастало экономическое и стратегическое значение нижеволжских городов. Азовские походы обратили внимание молодого царя Петра I на южные и юго-восточные границы Российского государства. Для защиты вновь заселяемых земель, население которых терпело «от воровских и воинских людей страх и разорение», и для более удобной коммуникации с Нижней Волгой и Доном царским указом было определено выстроить на реках Медведице и Хопре по одному городу: на первой построен был Петровск, на второй – Павловск¹¹. Текст указа об основании Петровска до нас не дошел. По косвенным данным можно предположить, что такой указ мог состояться еще осенью 1697 г.¹² Сам царь тогда пребывал в Великом посольстве, указ мог исходить из приказа Казанского дворца и из Алатыря от думного дворянина и воеводы Степана Богдановича Ловчикова, который контролировал строительство города в первые годы его существования.

Город-крепость Петровск был заложен на левом берегу реки Медведицы в 1698 г. По преданию это событие состоялось в день памяти апостолов Петра и Павла – 29 июня. Местная легенда утверждает, что на закладке города Петр I присутствовал лично. Это исключено, ибо царь в это время находился с Великим посольством в Вене. Несомненно, что город был назван в честь небесного покровителя молодого царя. К исполнению указа вероятно приступили уже весной 1698 г., не дожидаясь дня тезоименитства царя.

О цели строительства красноречиво свидетельствует грамота патриарха Адриана: «в нынешнем 206-м году (1698 г. – *Авт.*) по имянному Великого государя указу велено меж Саранска (правильно – Саратова – *Авт.*) и Пензы на реке Медведице зделать город, чтоб впредь в украинские города и тех городов в уезды и в села и в деревни, которые поселились вновь за чертою Симбирскою и Пензою, и Ломовскою, и Керенскою, и Шацкою, и иных городов воинские люди не приходили и раззорения никаковаго не чинили. И в том городе построить церковь во имя святых страстотерпцов Бориса и Глеба»¹³. Города, построенные

¹⁰ См.: *Лебедев В. И.* Легенда или быль? По следам засечных сторожей. Саратов, 1986. С. 107–113; *Мясников Г. В.* Город-крепость Пенза. Саратов, 1989. С. 192.

¹¹ Ныне город Борисоглебск Воронежской области.

¹² *Герасимов А. А.* История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923. С. 305. Приведенная в статье Т. И. Коноваловой и Н. М. Малова датировка указа об основании Петровска 15 ноября 1697 г. известными нам источниками не подтверждается. См.: *Коновалова Т. И., Малов Н. М.* «Евангелие от Петра» // Памятники Отечества. 1998. № 40 (3–4). С. 32.

¹³ *Гусакова З. Е., Майорова А. С.* Саратовский край XVIII века в документах. Саратов, 1997. С. 14.

в Диком поле или на его границе, современники традиционно называли «украинскими» или «украинскими».

Процитированная грамота патриарха Адриана от 6 ноября 1698 г., копия с которой, датируемая второй половиной XVIII в., хранится в Государственном архиве Саратовской области¹⁴ и дважды публиковалась¹⁵, является самым надежным документом, свидетельствующим об основании Петровска в 1698 г. Между тем, в литературе было широко распространено мнение, что история строительства Петровска берет начало в 1697 г. Эта версия, имевшая целью приблизить дату основания города к Азовскому походу, вероятно, восходит к «Географическому лексикону» Ф. А. Полунина¹⁶ и к «Описанию Саратовского наместничества» И. И. Поливанова (первая половина 1780-х гг.). В последнем факт закладки города выглядит довольно курьезно: Петровск «построен по указу императора Петра Великого во время Азовского похода в Персию (sic!)»¹⁷. Географические лексиконы конца XVIII–начала XIX в. растиражировали этот курьез и дату – 1697 г.¹⁸ Правда, в «Словаре» А. Щекатова сделано уточнение: «построен в 1697 году ... во время Азовского похода в Турецию»¹⁹. В одном из первых исторических описаний Петровской крепости сказано: «Крепость эта построена в 1697 году по указу ... Петра Великого ... на реке Медведице и состояла из четырехугольного деревянного замка с башнями»²⁰. Позже Г. И. Перетяткович более осторожно писал о строительстве Петровска в 1697–1698 гг.²¹.

Начальный период истории Петровска неоднократно привлекал внимание исследователей-краеведов в XIX–начале XX в.: А. Ф. Леопольдова, Н. И. Костомарова, Н. С. Соколова, А. А. Голомбиевского, Н. Е. Кушева, С. А. Щеглова. В написанной к 200-летию города брошюре Н. Е. Кушева²² (врача по профессии, отца известного советского историка Е. Н. Кушевой) уже были собраны основные факты истории города в XVIII в. За последнее столетие, к сожалению, выявлено мало новых документов по ранней истории города

¹⁴ ГАСО, ф. 407, оп. 2, д. 1063, л. 2–3.

¹⁵ См.: Труды СУАК. 1888. Т. 1. Вып. 4. С. 506–507; Гусакова З. Е., Майорова А. С. Саратовский край XVIII века в документах. С. 14–15.

¹⁶ Полунин Ф. А. Географический лексикон Российского государства... М., 1773. С. 251.

¹⁷ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1790. Ч. VI. С. 41.

¹⁸ См.: Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон... М., 1788. Ч. 4. С. 86.

¹⁹ Щекатов А. Словарь географический Российского государства. М., 1805. Ч. 4. С. 1109.

²⁰ Ласковский Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 2: Опыт исследования инженерного искусства в царствование имп. Петра Великого. СПб., 1861. С. 517.

²¹ Перетяткович Г. И. Поволжье в XVII–начале XVIII века (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882. С. 247.

²² Кушев Н. Е. Двухсотлетие города Петровска Саратовской губернии. Петровск, 1898.

на Медведице, а краеведческие работы, затрагивающие эту тему, имели научно-популярный характер²³.

Одна из местных реликвий, о которой часто упоминали историки в связи с основанием города, – печатное Евангелие конца XVII в., хранящееся в Петровском краеведческом музее. Евангелие имело на верхней крышке медный оклад (к сожалению, позже исчезнувший). По углам медной пластины были закреплены серебряные накладки с изображением евангелистов. На средней накладке имелось чеканное распятие Иисуса Христа. Появление этой богослужебной книги в Петровске всегда связывали с Петром I и со старинным обычаем при основании города присылать в его главную церковь Евангелие, а иногда и другую церковную утварь, от правительства²⁴. Об этом свидетельствует надпись, сделанная на 13 первых листах книги. К сожалению, в настоящее время книга сильно обветшала и надпись на первых трех листах утрачена²⁵. В Государственном архиве Саратовской области сохранилась копия с нее, снятая в 1830-е гг.²⁶. Правда, и тогда первые листы были ветхими, была уже утрачена одна строка. Надпись сделана аккуратным почерком, похожим на скоропись рубежа XVII-XVIII вв.: «207-го (1699 г. – *Авт.*) августа в ...²⁷ д<ень> ...²⁸ царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца дана сия книга святое Евангелие ис казны великого государя приказу Казанского дворца в новопостроенной город Петровской в соборную церковь святых верховных апостолов Петра и Павла». Присылка Евангелия в Петровск в 1699 г. вполне вероятна, ибо к этому времени могли закончить постройку первой городской церкви. Но какую-либо личную причастность царя к посылке Евангелия сохранившаяся надпись не подтверждает. Надпись и другие известные факты ранней истории города свидетельствуют о том, что здесь был освящен Петропавловский собор²⁹.

В литературе имеются сообщения, что город был заложен рядом с Николаевским мужским монастырем, основанным неким иноком Макарием «по чудному видению» во второй половине XVII в.³⁰. Первым настоятелем монастыря называли игумена Палладия. Монастырь был устроен на возвышенном месте на

²³ См., например: *Коновалова Т. И., Малов Н. М.* «Евангелие от Петра»; Петровск – срединный город России. Саратов, 1998.

²⁴ *Костомаров Н. И.* Петровск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. С. 27. В настоящее время оклад Евангелия отсутствует.

²⁵ Благодарим Т. И. Коновалову и З. И. Бичанину за фотосъемку сохранившейся надписи.

²⁶ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 (а), л. 17.

²⁷ Угол первого листа и с ним половина цифры были оторваны. Сохранившаяся часть кириллического обозначения цифры, позволяет предположить, что речь шла о пятом или девятом числе.

²⁸ Нижний край второго листа отсутствовал уже в первой половине XIX в., но здесь, вероятно, было написано «по указу».

²⁹ Борисоглебская церковь, о которой шла речь в грамоте патриарха Адриана, была построена в Павловске, который позже был переименован в Борисоглебск.

³⁰ См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества. СПб., 1901. Т. 6. С. 470; ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 (а), л. 66.

берегу Медведицы. За каменной и плетневой оградой монастыря находилась деревянная Никольская церковь, жилые и хозяйственные постройки и огород. По мере возникновения рядом с крепостью слобод, Николаевский монастырь оказался окруженным домами городских жителей, пред ним появилась площадь, именованная Монастырской³¹. Однако надежные источники свидетельствуют о существовании монастыря не ранее петровского времени. На сохранившейся до XIX в. монастырской книге имелась собственноручная запись игумена: «Сия книга, глаголемая Апостол, Петровского города Николаевской пустыни игумена Палладия Медведева келейная. Куплена на свои денги в лето 1708»³². Николаевскому монастырю в Петровске оказывала внимание царица Марфа Матвеевна, вдова царя Федора Алексеевича³³. Она пожаловала монастырю две богослужebные книги – Триодь цветную и Триодь постную. С одной из них в первой половине XIX в. была скопирована вкладная запись: «Книга, глаголемая Триодь Цветная, отдана по указу благоверных государыни царицы и великия княгини Марфы Матфиевны в вечное поминовение по государю царю и великому князю Федору Алексеевичу, всея Великия и Малыя и Бeлыя России самодержца. Отдана сия книга в Петровскую пустынь 1708 году февраля в 8-й день»³⁴. Как видим, надписи на книгах относятся уже к началу XVIII в.

Еще одна версия основания города повествует о том, что на месте Петровска существовало большое село, преобразованное в город³⁵, однако никакими документами этот факт не подтверждается.

Строительством крепости руководили воеводы Андрей Андреевич Вестов и Федор Иванович Корт. Маленькие города-крепости наподобие Петровска строились в XVII в. за одно лето. Однако в 1698 г. возведение крепости не было завершено. Поэтому 16 апреля 1699 г. последовал царский указ из приказа Казанского дворца «город Петровской, чего не доделано, доделать как мочно». По-видимому, жилые постройки («селитьба и слободы») уже существовали, а строительство укреплений не было доведено до конца. Возможно, со стороны степи укрепления уже построили, и осталось возвести их со стороны реки. Поэтому указ предписывал «с пензенской стороны выкопать ров, а землю из того рва, выметав, класть к реке Медведице вместо вала. Перед валом «саженях в двух или в трех» было велено построить надолбы. По углам рва возводились деревянные башни, «да посреди башню проезжую и на те башни поставить по пушке». В Петровск предполагалось направить новых «переведенцев», которым поручалась доставка леса³⁶. Летом того же года в Петровске («как шел с Камышенки» в Пензу) побывал глава приказа Казанского дворца Б. А. Голицын, который указал напротив крепости, на пензенской стороне моста через реку Мед-

³¹ Бреусов А. Монастыри Саратовской епархии // Волга. 1998. № 11–12. С. 17–18.

³² ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 (а), л. 67.

³³ Возможно, это побуждало местных историков датировать игуменство Палладия 1676–1708 гг., то есть относить его начало к царствованию Федора Алексеевича.

³⁴ ГАСО, ф. 12, оп. 1, д. 506 (а), л. 67–68.

³⁵ Города России: Энциклопедия. М., 1994. С. 349.

³⁶ История Саратовского края. 1590–1917. Хрестоматия. Саратов, 1983. С. 15–16.

ведицу, построить слободы и поселить там солдат³⁷. Тогда же, в 1699 г., согласно грамоте патриарха Адриана, в крепости была построена соборная церковь. При этом предписывалось: «А верх бы на той церкви был не шатровой, и алтарь велеть зделать круглой». С самого начала в качестве главного храма упоминается Петропавловский собор. Среди других церквей, существовавших в городе в петровское время, известны Богоявленская, Дмитриевская и Никольская.

В списке городов приказа Казанского дворца 1701 г. Петровск числился деревянным городом с традиционной системой укреплений³⁸.

Предание называет первых жителей Петровска пахотными солдатами, переведенными сюда из Пензы, Саранска, Инсара, Мокшана, Чардыма и Курмыша. Гарнизон, называемый условно полком, состоял из четырех рот³⁹. В указе 1699 г. говорилось: «а землю им, переведенцам, велеть пахать от реки Медведицы выше Петровского города по урочищам до реки Чардым и до вершин речки Нянг⁴⁰, а с вершины речки Нянг на вершину речки Сердобы, а рекою Сердобою вниз по обе стороны до усть речки Бая-Сердобы⁴¹, а речкою Бая-Сердобою вверх до вершины и от той вершины по урочищам до реки Медведицы, а по другую сторону реки Медведицы по урочищам же, а велеть тое землю и сенные покосы разделить им переведенцам самим»⁴². Таким образом, петровские служилые люди получили обширные земельные угодья, которые, в отличие от саратовских и дмитриевских пожалований, с самого начала использовались под пашню, а также под сенные покосы.

Осенью 1707 г. в Петровске побывал известный голландский путешественник К. де Бруин и оставил его очень краткое описание: «Город этот отчасти обнесен деревянной стеной и все дома в нем, также по обычаю страны, деревянные. В нем много и деревянных церквей, такие же ворота, находящиеся несколько вдали от города, улицы которого довольно широки и вымощены щебнем крепко убитым, и потому чрезвычайно твердым ... Мимо города течет небольшая речка, которую мы и проехали ... по длинному деревянному мосту»⁴³.

До нас дошло описание крепости Петровска 1728 г., из которого следует, что за три десятилетия существования крепость, стоящая «на ровном степном месте при реке Медведице», обросла слободами, а основные укрепления «кремля» были выстроены из дубовых бревен. «Оной город деревянный, дубовый, срублен в две стены вышиною 8 аршин 2 четверти (6,04 м.). Во оных стенах 8 башен, в том числе две проезжие». Проездные башни выходили одна на сара-

³⁷ Соколов Н. С. Документы к истории города Петровска // Труды СУАК. 1888. Т. 1. Вып. 4 (11). С. 510.

³⁸ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 283.

³⁹ Леопольдов А. Ф. Статистическое обозрение Саратовской губернии. СПб, 1839. С. 89.

⁴⁰ Чардым и Нянга — притоки реки Узы, протекающие в современной Пензенской области.

⁴¹ Река Сердоба — приток Хопра, Бая-Сердоба — один из ее левых притоков, возможно, Бакур.

⁴² История Саратовского края. 1590–1917. Хрестоматия. С. 16.

⁴³ (Бруин К. де) Путешествие Корнилия Де Бруина через Московию // Чтения ОИДР. 1874. Кн. 4. С. 236.

товскую дорогу, другая — на мост через реку Медведицу, откуда начиналась дорога на Пензу. «Кремль» был небольшой, прямоугольный, его периметр составлял 500 сажень (1080 м.). С двух сторон город фланкировали небольшие озера, с третьей он прикрывался рекой Медведицей. Солдатские слободы «для опасения от приходу неприятельских людей» были окружены валом длиной 500 сажень⁴⁴.

Описание Петровского «кремля», составленное воеводой М. Струйским в 1751 г., свидетельствует о том, что к середине столетия укрепления Петровска пришли в полную ветхость⁴⁵. Но это описание добавляет некоторые штрихи к облику крепости: двойные стены и башни были крыты тесом; в проезжих башнях «у ворот да у прикалитка засовы железные, три замка с ключами», «у передних и у задних ворот караульни». В крепости имелось ветхое, сохранившееся явно с петровского времени, девять пушек и одна затинная пищаль, а также различное оружие «к починке негодное»⁴⁶.

Еще членами Саратовской ученой архивной комиссии отмечалось наличие в районе Петровска оборонительных сооружений, напоминавших традиционные сторожевые линии. Так, в литературе упоминается укрепленная линия, начинавшаяся от волжских сел Малыковки и Терсы и продолжавшаяся на запад к Петровску через слободы пахотных солдат Стригай, Алексеевку, Старые Бурасы⁴⁷. Однако оборонительное значение Петровска и близлежащих слобод быстро сошло на нет.

Событийная сторона начальной истории Петровска освещена источниками очень скудно. В первые годы XVIII в. солдаты петровского гарнизона попеременно работали на астраханском селитренном заводе⁴⁸. В 1705 г. петровский «полк» (600 человек) под началом стольника и подполковника Федора Корта был направлен в Царицын для обороны крепости от взбунтовавшихся астраханцев. Петровские солдаты, испытавшие на себе тяжесть порядков, установленных астраханским воеводой Т. Ржевским, оказались слабым звеном среди защитников города: они составили заговор, целью которого был захват власти в городе и присоединение к астраханским «ворам». К заговору оказались причастными 200 петровских солдат. Однако «бунт и злое начинание» был пресечен в корне, и восемь солдат были казнены в Царицыне⁴⁹. По-видимому, на этом расследование не закончилось: половину полка было велено прислать в Москву. Дополнительный розыск проводил в Царицыне фельдмаршал Б. П. Шереметев. Он оправдал большинство петровских солдат: «по розыску

⁴⁴ Малеванов Н. Неизвестные описания Саратова и Петровска // Коммунист (Саратов). 1960. 27 ноября.

⁴⁵ История Саратовского края. 1590–1917. Хрестоматия. С. 22–23.

⁴⁶ Там же. С. 23. Среди старого оружия названа «алебарда одна», которая, вероятно, позже числилась среди реликвий петровского времени.

⁴⁷ Сергеев А. В. Вольску – городу цементников – 275 лет // Гуцихина Л. С. От Малыковки до Вольска (конец XVII–начало XIX в.). Саратов, 2008. С. 33.

⁴⁸ Голикова Н. Б. Астраханское восстание. 1705–1706. М., 1975. С. 239.

⁴⁹ См.: Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. М., 2004. С. 61, 65–66.

моему явились они правы, кроме тех, которые казнены». Фельдмаршал дал высокую оценку подполковнику Ф. Кроту: «Он человек доброй и никакова за ним дурна я не слыхал»⁵⁰. Петровский воевода со своими солдатами участвовал в карательном походе Шереметева на Астрахань. В частности, петровские солдаты «радение показали» при взятии Красного Яра.

В 1709 г. уже другой воевода Петровска Александр Жмакин проявил «радение» в борьбе с остатками булавинских повстанцев. «Воровские казаки» из верховых городков на реках Медведице и Терсе приходили под Петровск и стали здесь станом, учинив разбой и грабеж. А. Жмакин со служилыми людьми и пушками вышел против казаков, вступил с ними в бой и разорил казачьи городки, за что получил награду от правительства в 50 рублей⁵¹.

Последний раз кочевники появились под стенами Петровска в августе 1717 г., во время не раз упоминавшегося «кубанского погрома». Окрестности города были разорены, однако осаждать крепость кубанцы не решились. Для предотвращения подобных нападений по именному указу от 15 ноября 1717 г. в Поволжье (в районе Саранска и Пензы) были размещены четыре регулярных полка под командованием генерала Г. С. Кропотова, который владел землями в округе Петровска⁵². В самом Петровске в 1717–1718 гг. стоял Ростовский драгунский полк. Регулярные войска совершали патрулирование территории Волжского правобережья вплоть до Саратова и Царицына. Следующим шагом по защите междуречья Волги и Дона было возведение Царицынской оборонительной линии.

В результате этих мер уже к концу царствования Петра I Петровск фактически утратил свое оборонное значение, хотя деревянная крепость простояла в городе до конца XVIII в. Петровск превратился в типичный городок «серединой» России с аграрной экономикой, из тех, про которые гоголевский городничий сказал: «отсюда, хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь»⁵³.

«Переписные книги» 1723–1725 гг. позволяют выявить социальный состав и численность населения Петровска. Кроме небольшого количества духовенства, чиновников и помещиков (они лишь случайно упоминаются в материалах переписи) в городе проживали «пашенные» или «пахотные солдаты» (1444 чел.), пушкари, сторожа и воротники «пашенные» (34 чел.), отставные солдаты (85 чел.), «новоявившиеся» беглые солдаты (85 чел.), солдатские дети (57 чел.), чернососшные крестьяне (197 чел.), «церковные причетники» (13 чел.), однодворцы (5 чел.), дворовые (19 чел.). Всего по первой переписи в Петровске

⁵⁰ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. С. 120.

⁵¹ *Герасимов А. А.* Материалы для истории Саратовского Поволжья // Труды СУАК. 1912. Вып. 29. С. 82–83.

⁵² См.: *Лавринова Т. И.* Татарский набег 1717 г. на юго-восток России // Вопросы краеведения. Волгоград, 1991. Вып. 1. С. 38; *Плешаков И. Н.* Рать Саратовская. Очерки военной истории Саратовского края. Саратов, 2009. С. 7.

⁵³ *Гоголь Н. В.* Ревизор. М., 1971. С. 30.

числилось 713 дворов и 1939 душ м.п., положенных в оклад⁵⁴. В XVIII в. торговое значение города было ничтожно. В «Описании Саратовского наместничества» начала 1780-х гг. указывалось: «Жители города пахотные солдаты; промысел их хлебопашество и скотоводство. Купцов 21 человек, но никто порядочного торгу, кроме обыкновенной мелочной торговли, не имеет»⁵⁵.

В административном отношении Петровск изначально подчинялся приказу Казанского дворца, а затем, как и все другие города Саратовского Поволжья, был причислен к Казанской и (с 1717 г.) к Астраханской губернии. Позже, с конца 1720-х гг., Петровск оказался в составе Симбирской провинции Казанской губернии. Город числился в Казанской губернии вплоть до создания Саратовского наместничества. Уже при Петре I Петровск (единственный из городов Саратовского Поволжья!) стал центром уезда, общее количество населения которого доходило до семи тысяч человек⁵⁶.

Город на Медведице находился на границе Тамбовской и Астраханской епархий. Патриарх Адриан своим указом от 23 мая 1698 г. причислил его к Тамбовской епархии. Однако уже 20 октября того же года последовал царский указ, по которому новые города Дмитриевск и Петровск должны быть «под паствою» астраханского митрополита. Возникший по этому поводу спор закончился тем, что Петровск попал под управление местоблюстителя патриаршего престола митрополита рязанского Стефана Яворского. В состав Астраханской епархии город вернулся только в 1750 г. В 1722 г. в Петровске числилось семь церквей⁵⁷. По-видимому, здесь ощущался некоторый избыток людей духовного чина. Местные священники приезжали в Саратов для исполнения церковных треб в домах горожан, что вызвало гневную реакцию астраханского митрополита Сампсона.

Связь Петровска с именем с великого реформатора России неизбежно порождала легенды. Местные предания, воспроизводимые в краеведческих изданиях, настойчиво утверждали факт личного присутствия царя при основании города или хотя бы его посещения Петром⁵⁸. К 200-летию города была изготовлена мраморная мемориальная доска, которая ныне хранится в Петровском краеведческом музее: «Император Петр I основал город Петровск в 1698 г. и посетил его в 1707 г.». Последняя дата явно мифическая. В 1707 г. Петр I в Петровске быть не мог: почти весь год царь провел в Польше, готовясь отпра-

⁵⁴ Голомбиевский А. А. Петровский уезд по «Переписным книгам» переписи 1723–5 гг. и генеральной ревизии 1744–7 гг. // Труды СУАК. 1889. Т. 2. Вып. 2. С. 253.

⁵⁵ Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. С. 42.

⁵⁶ Гераклитов А. А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. С. 311.

⁵⁷ См.: Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования. (С 1602 по 1902 год). Астрахань, 1903. С. 44–47, 129.

⁵⁸ «Сторожевая крепость Петровск ... была заложена в 1698 г. по указанию Петра I. Сам царь в день его именин принял участие в закладке крепости, и она получила его имя». (См.: Хижняк Л. Г., Новоженева З. Л. Зеленый остров, Серый ключ, Красная речка. Саратов, 1991. С. 66).

жать нашествие шведов на Россию, и лишь в конце года побывал в Петербурге и в Москве⁵⁹.

В Петропавловском соборе города на Медведице хранились реликвии, якобы оставленные в Петровске самим царем. Одно из первых описаний реликвий дано в очерке известного Н. И. Костомарова: «Это семь знамен, алебарда и бердыш. Знамена на деревянных древках, полотняные, три из них почти совершенно сотлели, так что на древках висят теперь небольшие обрывки. Другие несколько целее, хотя тоже повреждены временем, и по сохранившимся остаткам невозможно судить о том состоянии, в каком они находились, когда были целы, с малейшими подробностями. Кажется, они все были белого цвета со вшивками других цветов — трудно теперь различить, каких именно. Они окаймлены широкими узорами из треугольников, обращенных в противные стороны. На одном знамени вшивка красного цвета с осмиугольным крестом и двумя звездочками. На прочих не видно крестов, а только находятся по одной или по две звездочки». По словам Костомарова, реликвии долгое время хранились в сыром чулане и только примерно с 1820-х гг. их стали беречь. «Бердыш в человеческий рост, с широким лезвием, кверху суженным и загнутым назад; алебарда очень высока (сажень полтора или около того) с полумесяцем, обращенным выемкою наружу. Когда и как и по какому случаю положены здесь эти вещи, письменных актов нет. Предание говорит, что их оставил здесь Петр Великий, когда возвращался из Персидского похода»⁶⁰. По другим сведениям, вещи эти были присланы самим царем при основании города⁶¹. В 1872 г. их отправили на Московскую политехническую выставку. Затем реликвии передали в Артиллерийский музей в Петербурге. В Петровск эти предметы не вернулись, несмотря на хлопоты местных властей⁶².

Хотя многие сведения о связях первого императора с городом-крепостью на реке Медведице являются легендарными, Петровск по праву относится к числу «петровских» городов наряду со своими близкими (Камышин) и далекими (Петербург, Петрозаводск) ровесниками.

Сегодня в Петровске об основателе города напоминает скульптурный памятник. Он был создан местным художником А. В. Дроздовым как вольная копия с оригинала М. М. Антокольского. Памятник открыт 12 июня 1995 г., в ка-

⁵⁹ Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 224–225.

⁶⁰ Костомаров Н. И. Петровск // Памятная книжка Саратовской губернии на 1860 год. Саратов, 1860. С. 26–27. Еще более раннее описание петровских реликвий (1856 г.) оставил протоиерей Г. И. Чернышевский (отец Н. Г. Чернышевского): «Города Петровска в соборном Петропавловском храме хранятся семь полотняных воинских изветшавших уже знамен, одна алебарда и один бердыш. Когда, кем, и по чьему повелению внесены они в церковь, документов нет. Современные сказания относят сие событие ко временам Государя Императора Петра Великого». (См.: *Протоиерей Гавриил Чернышевский. Церковно-историческое и статистическое описание Саратовской епархии // Саратовские епархиальные ведомости. 1882. № 38. С. 265*).

⁶¹ Мезин С. А. Сочинение П. Л. Юдина «Петровские реликвии в Поволжье» // Стрежень. Научный ежегодник. Волгоград, 2006. Вып. 5. С. 338.

⁶² Щеглов С. А. Судьба реликвий императора Петра I, хранившихся до 1872 года в соборной церкви города Петровска // Труды СУАК. 1910. Вып. 26. С. 246–251.

нун трехсотлетнего юбилея города. (Прежде на его постаменте находился бюст Карла Маркса, подаренный затем городу Марксу Саратовской обл.) Высокий массивный постамент визуально несколько уменьшает фигуру Петра. Царь изображен в Преображенском мундире с лентой и знаками ордена Андрея Первозванного, с тростью в правой руке. Его фигуре по сравнению с подлинником Антокольского недостает экспрессии, в частности, потому, что скульптору не удалось изобразить развивающиеся концы шарфа, перепоясывающего мундир царя.

Ч. Г. Скотт

**БАЛТИЙСКОЕ, ЧЕРНОЕ МОРЯ И КРЫМ: ПУТЕШЕСТВИЕ,
ВКЛЮЧАЮЩЕЕ В СЕБЯ ПОЕЗДКУ ВНИЗ ПО ВОЛГЕ ДО АСТРАХАНИ
И ТУР ЧЕРЕЗ ТАТАРКИЙ КРЫМ¹.**

Благодаря Великому Волжскому пути в Саратовском крае в разное время побывали многие интересные люди, оставившие о нем свои воспоминания, среди них купец М. Поло и дипломат А. Олеарий, путешественник Ибн-Батута и ученый П. С. Паллас и другие. Всего же перечень путешественных записок о Саратовском Поволжье, приведенный в указателе «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях», насчитывает не один десяток работ. Однако он включает в себя только русскоязычные или переведенные на русский язык сочинения, поэтому весьма перспективным является обследование фондов зарубежных библиотек на предмет выявления и введения в научный оборот новых источников по истории Саратовского края.

Книга, отрывок из которой приводится ниже, была обнаружена в отделе редких книг Абердинского университета во время командировки в Шотландию в далеком 1995 г. К сожалению, о ее авторе, Чарльзе Генри Скотте, публикатору практически ничего не известно. В Саратовском Поволжье он побывал в конце лета 1850 г. вместе со своим компаньоном Гордоном Питлургом, сплаваясь на судне вниз по Волге, и изложил свои впечатления в книге, которая впервые увидела свет в 1854 г. в Лондоне и выдержала еще два издания (второе – в том же 1854 г., третье – в 1855 г.)². Повышенный интерес к ней со стороны читающей публики, очевидно, объясняется вступлением Великобритании в Крымскую войну против России.

Публикуемый фрагмент описывает Саратовское Поволжье от Хвалынска до Сарепты в границах прежней Саратовской губернии.

Глава IX <...>

<...> Маленький городок Хвалынск (Khvalynsk)³, расположенный у подножия стоящих полукругом холмов, пока мы приближались к нему, выглядел

¹ *Scott Ch. H. The Baltic, the Black Sea, and the Crimea: Comprising travels in Russia, a voyage down the Volga to Astrachan, and a tour through Crim Tartary. London, 1854.*

² *The British Library General Catalogue of Printed to 1975. London; München; New York; Paris, 1985. P. 159.*

³ Хвалынск – уездный город Саратовской губернии (с 1780 г.), ныне районный центр Саратовской области.

привлекательно, но на поверку оказалось, что он чрезвычайно грязный. Женщины, тем не менее, демонстрировали разные необычные костюмы, у всех были правильные черты лица, правда, мало отличавшиеся от жительниц центральных областей Империи. Недавно и здесь огонь уничтожил половину всех домов. Самыми заметными зданиями были нескольких складов зерна, которое здесь широко выращивается и экспортируется из этого района.

Ветер становился слишком сильным, чтобы продолжать путь на веслах или бечевой⁴, и мы пришвартовались на пару часов. Затем люди начали грести, сменяясь в тех деревнях, которые зимой, когда основная дорога проходит по замерзшей Волге, становятся почтовыми станциями.

25-ого [августа] на правом берегу, ставшем с тех пор, как мы покинули Жигули (Jigoulie)⁵, прежней высоты, опять появились меловые холмы; левый берег был низкий с песчаной кромкой у воды, а за ней покрытый густым кустарником; река сузилась, а течение усилилось.

Вид на деревню Керса (Kersa)⁶, церковь и колокольню желтого и зеленого цветов, на земли вокруг очень хорош; холмы вырастали за холмами, густо поросшие на вершинах деревьями и кустарником, с листвой разных оттенков от темно-коричневого до ярчайшего светло-зеленого.

Мы высадились в Вольске (Volsk)⁷ и пошли по его улицам. Что за знакомый звук, режущий ухо и вызывающий такие разные ассоциации? Неужели нас обманывают наши чувства? Нет! Вот он: смеющиеся черные глаза, смуглая кожа и классические черты его народа; вот он стоит и вертит ручку своей маленькой шарманки, и та самая белая мышка с розовыми глазами, которой мы так любовались в детстве, ползает по нему. Вот он стоит там, скитающийся итальянский мальчик в такой же одежде, с таким же счастливым и красивым выражением лица, так же дома на берегах Волги, как и на улицах Лондона. Для нас останется загадкой, как этот маленький бродяга добрался до столь удаленного места, но это лучше, чем, если бы мы оставили его там с тяжелым сердцем, узнав, что он не что иное, как жертва какого-нибудь тирана, взявшего его из родного дома, чтобы наживаться на его ежедневном заработке.

В Вольске есть несколько прекрасных церквей⁸ и казарм⁹, ратуша или скорее здание городского управления¹⁰, претендующее на целомудренный архитектур-

⁴ Т.е. с помощью бурлаков.

⁵ Жигули (Жегули) – горы на правом берегу Самарской Луки Волги.

⁶ Очевидно, имеется ввиду с. Терса Вольского уезда.

⁷ Вольск (Волгск) – уездный город Саратовской губернии (с 1780 г.), ныне районный центр Саратовской области.

⁸ См.: *Воробьев М. В.* Вольские храмы и их строители. Саратов, 2008. С. 167–216.

⁹ Возможно, речь идет о зданиях, занятых батальонами саратовских кантонистов, которые были переведены в Вольск в 1831 г. и оставались там до своего расформирования в конце 1850-х гг.

¹⁰ По видимому, речь идет о доме купца Мясникова, построенном в стиле русского классицизма, который в 1840 г. был куплен городом для размещения магистрата и других административных учреждений (дума, управа, сиротский суд и др.). Сейчас это исторический отдел Вольского краеведческого музея.

ный стиль Коринфа¹¹. На расстоянии оно кажется преисполненным достоинства, но при ближайшем рассмотрении видно, что его внушительный внешний вид всего лишь обман. Колонны здания, сделанные из кирпича с обвалившейся штукатуркой, создают бедный вид, так не подходящий классическому стилю. Еще в Вольске мы обнаружили вечные следы пожара, хотя в основном дома были из кирпича и штукатурки.

Уже некоторое время мы были в стране арбузов, которые ела наша судовая команда, часто употребляя их в пищу даже без хлеба. Мы тоже нашли их очень освежающими. Самый хороший можно было купить выше по реке за 5 копеек или два пенса¹², а ниже – за цену в два раза меньшую; а количество их было ошеломляюще. Пирамиды из них высились на берегу, лодки оседали под их тяжестью, тысячи торговцев на базарах расхваливали их, так как на определенный сезон они действительно становились основной пищей людей. Учитывая, как мало они содержат питательных веществ, мы с трудом понимали, как наши матросы постоянно выдерживают такие большие нагрузки. Свойство русского крестьянина переносить сильную усталость, скудно питаясь, наверное, поощряет армейских офицеров обкрадывать рационы солдат, сокращая их до минимума, а потом, почти также как человека, который пытался научить лошадь есть одну солому, их досаждают то, что солдат умирает как раз тогда, когда от него была бы наибольшая польза.

Мы добрались до Саратова (Saratov) утром 26-ого [августа]. Причал был запружен торговыми судами и кораблями различных видов. Взяв дрожки, мы поехали в город, который оказался чище и выглядел более респектабельно, чем обычно. Здесь было много удобных с виду домов, зимних резиденций дворян и купцов. Базар был хороший, и некоторые из магазинов выглядели вполне цивилизованно.

Первоначально город располагался на левом берегу реки¹³, но там он постоянно подвергался нападениям кочевников, и поэтому в конце шестнадцатого века был перенесен на свое теперешнее место¹⁴. Большая часть соседних земель принадлежит ему, доходы с них вместе с поступлениями из других источников ежегодно дают большую прибыль. Великолепное расположение и богатство окружающих земель делают Саратов важным торговым центром, что еще раз вполне подтверждается оживленностью его маленького порта.

Успенский (Assumption) собор любопытен тем, что по архитектуре сильно отличается от всего, что мы видели прежде. У него восьмиугольные башенки, а вокруг он окружен балконом, поддерживаемым столбами. Собор разделен на

¹¹ Город в Греции, давший название архитектурному стилю. Однако автор мемуаров ошибся, т. к. дом Мясникова имеет тосканский (римский) ордер. В Вольске в коринфском стиле оформлены только портики Гостиного двора и дома на углу улиц Октябрьской и Московской, остальные дома имеют дорический и ионический ордера.

¹² Пенни или пенс – английская монета.

¹³ Традиционно считается, что изначальный Саратов был основан на правом берегу.

¹⁴ Ошибка мемуариста, Саратов был возвращен на правый берег в 1676 г.

две части, в верхней проводятся службы летом, а в нижней – зимой; внутри он необычайно уютен¹⁵.

Мы посетили Завдженской (Zavjenskoj) монастырь¹⁶, в котором сто пятьдесят монахинь¹⁷. Здание было простое и чистое, часовня очень милая¹⁸. Здесь около двадцати церквей¹⁹, учебное заведение для детей священников²⁰, залы собрания²¹ и все другие обычные общественные заведения.

В общем же Саратов оставил благоприятное впечатление, воссоздавая Москву в миниатюре. Здесь можно было купить почти все и в основном недорого. Это важный провинциальный город, но тщетно мы искали карту России; на самом деле все российские города, к сожалению, отстают во всем, что касается обучения и образования. Мы пополнили наши запасы английского портера²² по десять рублей тридцать копеек за дюжину или приблизительно два шиллинга²³; десять пенсов за бутылку, непомерно большая цена, которая, однако, не имеет значения, учитывая благотворность влияния портера на поддержание жизненных сил. Нет сомнения в том, что хорошие условия жизни позволяют организму, не привыкшему к такому климату, сопротивляться миазмам Волги, время от времени вызывающим лихорадку. В нашем случае было необходимо принять все меры предосторожности, так как из-за неудобного расположения нашей каюты мы были также незащищены, как если бы спали на открытом воздухе. Мы жили вполне роскошно, покупая фунт²⁴ говядины и баранины чуть больше чем по пенни, кур по три и четыре пенса за каждую и жирнейшее молоко по пенни за кварту²⁵.

Проведя несколько часов в Саратове, мы вернулись на наш корабль и были поражены, увидев его во власти нескольких мелких чиновников департамента, похожего на «Ostroï»²⁶ во Франции. Поднявшись на борт, мы потребовали объяснений; они желали узнать, есть ли у нас иностранное вино или бренди²⁷. Мы

¹⁵ Речь идет о Свято-Троицком (Старом) соборе (1695–1701), который поныне возвышается на Музейной площади. Он имеет две церкви: верхнюю – Троицкую и нижнюю – Успенскую.

¹⁶ Очевидно, это Крестовоздвиженский женский монастырь, упоминаемый в источниках с 1661 г.

¹⁷ Явное преувеличение, т. к. в 1839 г. в этом монастыре было 11 монахинь и 23 послушницы, а в 1856 – 14 монахинь и 17 послушниц.

¹⁸ В то время при монастыре была церковь, построенная в 1738–1740 гг. тщанием капитана В. Я. Суворцева.

¹⁹ Согласно «Справочной книге Саратовской епархии» (Саратов, 1912) в городе к этому времени было построено 16 церквей.

²⁰ Вероятно, речь идет о духовной семинарии открытой в Саратове в 1830 г.

²¹ Вероятно, речь идет о Благородном дворянском собрании, которое находилось на улице Московской (здание не сохранилось).

²² Темное английское пиво с характерным винным привкусом.

²³ Английская серебряная монета.

²⁴ Русский фунт равнялся 409,51 грамм.

²⁵ Мера жидких тел в Англии равная 4,543 литра.

²⁶ Городская ввозная пошлина (на продукты питания и некоторые товары) (фр.).

²⁷ Алкогольный напиток в Англии, Франции, Италии типа виноградного вина или фруктовой и ягодной браги.

ответили, что у нас есть немного и того, и другого, и предложили показать наши небольшие запасы, но этого им было недостаточно. Они задавали нам сотни вопросов до тех пор, пока мы, потеряв терпение, не потребовали покинуть корабль. Ответом на это стали латунные бляхи с имперским орлом и непонятными надписями на них²⁸. Увидев эти бляхи, мы достали свой паспорт министерства иностранных дел и указали, напустив на себя важный вид, королевский герб в самом верху – по прежнему опыту мы знали, что это поможет, потому что ничто так сильно не влияет на невежественного чиновника, как предъявление непонятного им документа. Тем не менее, все это оказалось бесполезным; решив попытаться в последний раз, мы указали им на герб лорда Пальмерстона²⁹, что также не произвело никакого эффекта; тогда, руководствуясь его девизом «Flecti, non frangi»³⁰, мы предприняли более решительные меры, пригрозив, увезти их с собой вниз по реке, если они немедленно не покинут корабль. Мы толкали их, стараясь никого не ударить, под конец мы попытались загнать самого агрессивного в каюту и оставить его нашим пленником. Это привело к тому, что с полдюжины солдат, находившихся неподалеку, были вызваны на корабль, а затем, к нашему удивлению, все чиновники сошли на берег под охраной военных.

Корабль оттолкнули, и мы заскользил вниз по течению, оставив толпу, которая собралась вокруг, удивляться нашей смелости. Просто те люди превысили свои полномочия, смысл которых сводился к тому, чтобы не дать ввезти в город некоторые товары. Пока нас не было, они узнали, что мы приезжие и стали вымогать деньги, чему мы так решительно сопротивлялись, а иначе мы придали бы еще больше храбрости этим чиновникам.

Саратов прекрасно расположен, окружен холмами, и с реки, как сверху по течению, так и снизу, выглядит очень живописно.

Глава X <...>

Политика императрицы Екатерины Великой заключалась в колонизации обширного запаса пустых поволжских земель; и она всячески способствовала иммиграции туда немцев, удостоивая их определенными привилегиями³¹. Здесь много деревень, образованных потомками этих людей, и Ровное (Rovno)³², где мы высадились утром 27-ого [августа], одна из них.

Было около восьми утра, час, когда, как мы привыкли наблюдать, в деревнях кипела жизнь, но здесь царила мертвая тишина. Мы увидели несколько женщин, стоящих возле своих домов, но при нашем приближении они зашли

²⁸ Речь идет о должностном знаке таможенного досмотрщика.

²⁹ Пальмерстон Г. Д. Т. (1784–1865), британский государственный деятель.

³⁰ «Гнуться, но не ломаться» (лат.).

³¹ Начало колонизации Поволжья немцами было положено 4 декабря 1762 г., когда был обнародован на пяти языках манифест императрицы Екатерины II «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах». Несколько позднее, 22 июля 1763 г., был обнародован еще один манифест Екатерины II, явившийся по сути дела более подробной редакцией предыдущего.

³² Ровное – бывшая немецкая колония Зеельман, ныне районный центр Саратовской области.

внутри, закрыв за собой двери. Возможно, неожиданное появление такой компании, как наша, вызвало некоторый страх, наверное, никто, кроме жителей соседних мест, годами не навещал их. Деревня расположена на левом берегу, и ее вид несколько разочаровал нас. Так как нам не представилась возможность пообщаться с кем-то из жителей, мы покинули ее, ничего о них не узнав.

За время нашего путешествия мы побывали в самых разнообразных крестьянских домах, и в каждом из них количество грязи было одинаковым. Русские, решительно, грязные, чрезвычайно грязные люди. Примером может служить почтовая станция, где стакан был такой омерзительно грязный, что было непонятно из чего он сделан. Мы указали на это почтмейстеру³³, который тут же поднял с пола бумажку, которая, наверное, пролежала там целый месяц, и, используя вместо полотенца, протер ею стакан и с самодовольной улыбкой поставил его на стол для нас, сделав это так, будто бы он впервые в жизни действительно сделал что-то чистым.

28-ого [августа] мы высадились, чтобы как обычно сделать свои покупки, в маленьком городке Камышине (Kamashin)³⁴ и вернулись на корабль нагруженные восемью фунтами говядины, парой дюжин яиц, огромным арбузом и большим количеством картофеля, все на большую сумму в тридцать копеек или один шиллинг.

Вечером того же дня пошел небольшой дождь, первый с тех пор как мы покинули Нижний [Новгород], и, если мы не ошибаемся, с самого Петербурга; но он закончился меньше чем за пять минут, и мы продолжили нашу обычную прогулку по берегу реки. Хотя до сих пор не было сильного ветра, он, тем не менее, часто дул в противоположную сторону, затрудняя работу людям, которую, впрочем, они всегда охотно и даже с удовольствием выполняли. Однако, этим вечером, ветер сделал им подарок, подув в нужном направлении, и мы весело заскользили вниз по реке.

Летом и осенью Волга обычно кишит бесчисленными комарами, укусы которых почти также вредны, как и укусы moskitov³⁵ и чрезвычайно неприятны. Однако нам удалось избежать этой напасти; этим мы, вероятно, были обязаны сухой и ясной погоде, которая нам, к счастью, благоприятствовала.

В восемь часов утра 29-ого [августа] мы прибыли в маленький процветающий городок Дубовка (Doubofka)³⁶, место, стремительно растущее в своих размерах и значимости, будучи портом, через который проходили все пути с востока в страну донских казаков и по Дону, к которому есть железная дорога шестидесяти верст³⁷ длины³⁸, до Азовского моря, откуда пути расходятся в разные

³³ Чиновник, управлявший почтовой конторой.

³⁴ Камышин – уездный город Саратовской губернии (с 1780 г.), ныне районный центр Волгоградской области.

³⁵ Мелкое, больно кусающее насекомое водится преимущественно в жарких странах.

³⁶ Дубовка – посад Саратовской губернии, Царицынского уезда, пристань на Волге, ныне центр Дубовского района Волгоградской области.

³⁷ Русская мера длины, равная 1,066 км.

³⁸ Речь идет о самой протяженной в России конно-железной дороге, построенной в 1846 г. от Дубовки до Дона, длиной 62,5 версты. Дорога просуществовала 7 лет.

части света. Товары других стран для снабжения пограничных с Волгой районов также проходили через нее.

Пристань была переполнена товарами разного рода, а по реке плыло огромное количество плотов из древесины, служивших строительным материалом жителям обширных степей к северу и югу от Дона, которые были полностью лишены ее. Здесь также были сотни тележных колес, сделанных из одного куска дерева, согнутого в круг; с добавлением нескольких спиц они используются в таком простом виде. И вообще, при изготовлении сельской телеги не применяется ни частицы железа, ни даже гвоздя; оси, сделанные из дерева, смазываются невообразимым количеством жира, смешанного с дегтем, для предотвращения самовозгорания из-за трения.

Строения, расходившиеся в разные стороны, в основном кирпичные, но мы заметили один большой склад, построенный из камня. Главная церковь очень красива, она увенчана не менее чем девятью куполами³⁹. Здесь есть обычное количество общественных зданий, но ни одно из них не примечательно; и в целом город более отличается своим деловым видом, чем элегантностью.

Рынок был прекрасно снабжен фруктами. Мы купили несколько превосходных бургундских груш и прекрасную дыню за копейку – менее чем за полпенни. Здесь же мы заметили тип маленьких лодок, не похожий на те, что мы видели прежде, это был просто ствол дерева, выдолбленный внутри, как каноэ⁴⁰, которыми пользуются многие дикие племена. Некоторое их количество было на берегу для продажи.

В Царицын (Tzaritzyn)⁴¹ мы прибыли вечером; вся окрестность причала была заполнена пьяными людьми. Нет, это было нам не в новинку, но в этот раз казалось, как будто все жители были пьяны⁴². Одна старая женщина немилосердно била пьяного человека палкой – первая драка, которую мы увидели в России. «Мужик» в хорошем настроении, когда он под влиянием бренди; когда же он полностью пьян, его можно увидеть, бредущим, обнявшись за шею со своим таким же пьяным другом, последние проблески сознания заставляют их, таким образом, поддерживать друг друга для обоюдной безопасности.

Царицын, как и Дубовка, является активным деловым центром, так как находится в центре торговли между Нижней Волгой и Западом.

Мы достигли в полночь пристани, которая была примерно в трех четвертях мили⁴³ от Сарепты (Sarepta)⁴⁴. Наше время было дорого, но мы решили не пропускать такое интересное место, даже не взглянув на него, хотя оно не было

³⁹ Имеется ввиду Успенский пятипрестольный собор, который был построен в 1796 г.

⁴⁰ Лодка у многих индейских племен Северной Америки.

⁴¹ Царицын – уездный город (с 1782 г.) Саратовской губернии, ныне г. Волгоград.

⁴² Возможно, это было связано с окончанием двухнедельного поста и праздником Успения пресвятой Богородицы.

⁴³ Путевая мера в ряде стран в древности, а также во многих современных странах до введения метрической системы мер. В Великобритании миля была равна 1609 км.

⁴⁴ Сарепта (Сарпа) – колония Саратовской губернии, основанная 14 сентября 1765 г. на берегу р. Сарпы в Царицынском уезде, гернгутерами (моравскими братьями) из Саксонии, ныне в черте г. Волгограда.

отмечено в маршруте, которому мы должны будем следовать после отъезда из Астрахани (Astrachan).

Взяв Андре (André) и проводника, мы вышли и после четверти часа ходьбы прибыли в город, к немалому удивлению сторожа, для которого мы, наверное, выглядели в это время суток как подозрительная группа личностей. Мы поприветствовали этого крепкого старого стража, шагающего здесь с огромным медным охотничьим рогом, висящим через одно плечо, предназначенным для подачи сигнала в случае пожара или любой другой опасности. Его костюм и манеры полностью отличались от русских и тут же выдали в нем немца; и он был горд объявить себя членом этой самой процветающей немецкой колонии в стране.

Внешний вид города привнес освежающий дух чистоты. Ряды деревьев были высажены перед белыми, чистенькими домами; и скромная маленькая церковь⁴⁵ призывала обитателей быть последователями религии, утверждающей, что служение Богу возможно без увлечения яркими красками и бессмысленными формальностями.

Если мы впоследствии еще побываем в Сарепте, то скажем о ней больше; но мы не можем оставить нашего старого доброго сторожа, не упомянув тот факт, что когда мы предложили ему немного денег в благодарность за его вежливость, он отказался принять их, сказав, что не сделал ничего, заслуживающего награды. Здесь, в стране, где просят непомерную плату даже за самую пустячную услугу, здесь мы нашли человека, который отверг предложенную награду, потому что счел свою помощь недостойной оплаты. Старик не знал этого, но он доставил нам такую радость, которая вспоминается даже сейчас, годы спустя после этого происшествия.

Так как 30-ого [августа] ветер все еще дул в противоположную сторону, то наибольшего продвижения мы достигли, благодаря буксировке; во время этого процесса было чрезвычайно забавно наблюдать за командой. Им было все равно где находиться, на суше или в воде; они, как люди-амфибии, были как дома и там и здесь. Часто, будучи вынуждены на глубине обходить рыболовные снасти, или неожиданно проходя над ямами, они то исчезали один за другим, то плыли, с привязанной к ним бечевой. Эти небольшие происшествия постоянно вызывали крики, улыбки и насмешки у людей, остававшихся на корабле, хотя они знали, что через полчаса сами окажутся в воде.

Сегодня над нами пролетала огромная стая диких птиц. Это была одна из тех многочисленных миграций, о которых мы много слышали, но редко могли наблюдать. Все вокруг казалось черным от их количества, они летели на юг. Берега реки стали низкими и лесистыми до кромки воды; пейзаж был не так хорош, как прежде, но так как погода была все также приятна, поездка не потеряла своей прелести.

Спускаясь все ниже по реке, мы случайно заметили одинокого пеликана, все указывало на слабую заселенность местности; на правом берегу было всего несколько деревень, а на левом тянулись бескрайние степи, заселенные только

⁴⁵ Церковь в Сарепте построена в 1771 г.

кочевыми племенами калмыков и киргизов⁴⁶. Гуляя по берегу, мы заметили великое множество молодых диких птиц, некоторые из них только что вылупились из яиц. 31-го [августа], несмотря на усердную работу экипажа, мы были задержаны на долгое время из-за сильного ветра.

Если бы мы могли появиться на нашем корабле с командой у Вестминстерского моста⁴⁷, то произвели бы величайшую сенсацию среди кокни⁴⁸, такую же, как гиппопотам, когда он только появился в Зоологическом саду Риджентского парка⁴⁹. Поразительно, как быстро мы привыкаем к тому, что сначала кажется странным и необычным. Дикого вида спутники теперь казались совершенно гармонизировавшимися со всем окружающим, а вид людей с бритыми лицами и коротко подстриженными волосами сейчас произвел бы на меня гораздо более неприятное впечатление.

Рано утром 1-го сентября мы высадились в селении Ветлянка (Vetlianka)⁵⁰, населенной донскими казаками и расположенном на правом берегу реки, который здесь был гораздо выше. <...>

Публикация подготовлена К. В. Тотфалушиной (перевод с английского) и В. П. Тотфалушиным (комментарии)

⁴⁶ Или киргиз-кайсаки, распространенное в дореволюционной литературе название казахов.

⁴⁷ Вестминстерский мост – мост через р. Темзу в Лондоне.

⁴⁸ Пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженца Лондона из средних и низших слоев населения.

⁴⁹ Риджентс-парк назван в честь принца-регента, будущего короля Георга IV.

⁵⁰ Правильно станица Ветлянинская, ныне село Ветлянка Енотаевского района Астраханской области.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АМГ	Акты Московского государства, изданные Академией Наук
ВФ ГАСО	Вольский филиал Государственного архива Саратовской области
ГАНИСО	Государственный архив новейшей истории Саратовской области
ГАПО	Государственный архив Пермской области
ГАСО	Государственный архив Саратовской области
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ДР	Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Ее Императорского Величества канцелярии
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ЖСГД	Журналы заседаний Саратовской городской думы
ИСГД	Известия Саратовской городской думы
КР	Книги разрядные по официальным оных спискам
НА ВКМ	Научный архив Вольского краеведческого музея
АРЯС АН	Отделение русского языка и словесности академии наук
ОИДР	Общество истории и древностей российских
ПСГД	Протоколы заседаний Саратовской городской думы
ПСЗ	Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
РГИА	Российский государственный исторический архив
РИО	Русское историческое общество
САИ	Свод археологических источников
СГГД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел
СОМК	Саратовский областной музей краеведения
СУ РСФСР	Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР.
СУАК	Саратовская ученая архивная комиссия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бочкарева Л. И. – Санкт-Петербург.

Браташова Светлана Александровна – соискатель кафедры геоэкологии Саратовского госуниверситета

Гижов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Саратовского аграрного госуниверситета

Гуменюк Алексей Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Гуменюк Ольга Игоревна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры госпитальной, поликлинической педиатрии и неонатологии Саратовского государственного медицинского университета

Гусакова Зоя Емельянова – историк-краевед, заслуженный работник культуры РФ.

Зайцев Максим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Козурман Сергей Олегович – аспирант кафедры историографии, региональной истории и археологии института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Кузнецов Валентин Владимирович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин филиала ПАГС в г. Балаково

Максимов Евгений Константинович – историк-краевед, заслуженный работник культуры РФ

Майорова Алла Степановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Малова Наталия Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской цивилизации института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Мезин Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Миронова Елена Геннадьевна – соискатель кафедры истории русской православной церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Назаров Владилен Викторович – кандидат исторических наук, доцент Балашовского филиала Саратовского госуниверситета

Рабинович Яков Николаевич – ассистент кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского госуниверситета

Самохвалова Наталия Валерьевна – начальник отдела использования и публикации документов Государственного архива Саратовской области

Тотфалушин Виктор Петрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России института истории и международных отношений Саратовского государственного университета

Тотфалушина Ксения Викторовна – выпускница института истории и международных отношений Саратовского государственного университета

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>Кузнецов В. В.</i> Участие волжского уездного купечества в общественной жизни Саратовской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в.	3
<i>Зайцев М. В.</i> Организация деятельности и состав Саратовской городской управы.....	15
<i>Самохвалова Н. В.</i> Из истории эсеровского террора в Саратовской губернии в годы Первой русской революции.....	28

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

<i>Миронова Е. Г.</i> Саратовский учебно-заработный дом при братстве Святого Креста.....	33
<i>Назаров В. В.</i> Из истории земской санитарии в Саратовской губернии в начале XX в.....	39
<i>Гуменюк А. А., Гуменюк О. И.</i> Развитие здравоохранения в Саратовской губернии в 1917–1928 гг.....	57
<i>Малова Н. А.</i> Переселение на территорию бывшей республики немцев Поволжья в 1941–1942 гг.	74
<i>Козурман С. О.</i> Размещение эвакуированного населения и жилищный вопрос в Саратовском Поволжье в годы Великой Отечественной войны.....	89

КУЛЬТУРА КРАЯ

<i>Майорова А. С.</i> Научная деятельность епископа Иакова (Вечеркова) (1832–1847 гг.).....	101
<i>Тотфалушин В. П.</i> Зимние виды спорта в дореволюционном Саратове.....	114
<i>Гижов В. А.</i> Эвакуированные вузы в Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны.....	124

ПЕРСОНАЛИИ

<i>Рабинович Я. Н.</i> Саратовский воевода Григорий Никитич Орлов: страницы биографии.....	131
<i>Ардабацкий Е. Н.</i> Об участии саратовцев в Уложенной комиссии (купец Иван Портнов).....	143
<i>Максимов Е. К.</i> Саратовские благотворители второй половины XIX – начала XX в.....	153
<i>Гусакова З. Е.</i> Один из борцов за мировую коммуны.....	164
<i>Бочкарева Л. И.</i> Профессор И. А. Шляпкин и его библиотека – дар Саратовскому университету.....	175

ИЗ РАННЕЙ ИСТОРИИ КРАЯ

<i>Браташева С. А.</i> К проблеме возраста Увекского городища.....	189
<i>Максимов Е. К., Мезин С. А.</i> К начальной истории Петровска.....	200

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

<i>Скотт Ч. Г.</i> Балтийское, Черное моря и Крым: путешествие, включающее в себя поездку вниз по Волге до Астрахани и тур через кавказский Крым (перевод К. В. Тотфалушиной, комментарии В. П. Тотфалушина).....	211
Принятые сокращения.....	220
Сведения об авторах.....	221

Научное издание

САРАТОВСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ СБОРНИК

Научные труды и публикации

Выпуск 5

Под редакцией проф. В. Н. Данилова

Ответственный за выпуск
Оригинал-макет подготовил
Дизайн обложки